

Санкт-Петербургские ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Выпуск 35-36

*Протоиерей Алексей Колоколов (1836-1902),
храмоздатель и благотворитель*

Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости

*Главный редактор
Высокопреосвященнейший ВЛАДИМИР
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский*

Редактор И.В. Попов

Выпуск 35-36

СОДЕРЖАНИЕ

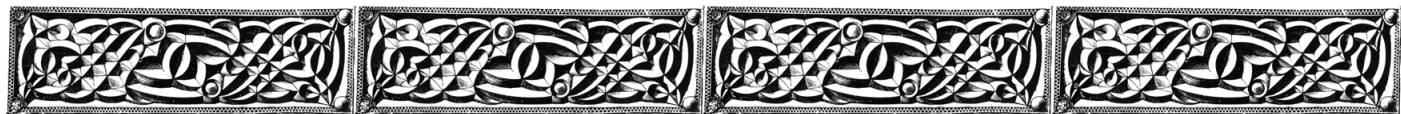
Старая Ладога	3
ПРАВОСЛАВИЕ И РОССИЯ	
Ладожское викариатство. Епископы Ладожские и Кексгольмские и Ладожские. XVIII в.	4
СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ	
<i>Свт. Игнатий (Брянчанинов). О необходимости мужества при искушениях.</i>	10
Из наставлений современному христианину	11
СВЯТЫЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ	
Ингегерд – Ирина – Анна. Святая благоверная княгиня (преподобная) Анна Новгородская (†1050 или 1051)	12
<i>Гр. А.К. Толстой. Стихи. Змей Тугарин</i>	21
Ругевит	22
БЫЛОЕ	
<i>Прот. Стефан Красовицкий. Святой Олаф Норвежский</i>	24
Духовное торжество в Новолadoжском уезде в 1911 году (<i>Празднование 300-летия освобождения края от шведов</i>)	61
ПОДВИЖНИКИ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ	
Схиигумения Евпраксия Староладожская (1733–1823)	63
ОБИТЕЛИ СВЯТОЙ РУСИ	
Синодик настоятелей Староладожского Успенского женского монастыря (XVII–XX вв.)	84
Любша – Предшественница Ладоги	86
<i>проф. А.Н. Кирпичников. Ладога в первые века своей истории</i>	87
<i>В.С. Орлов. Староладожские монастыри и храмы</i>	95
НАШИ СВЯТЫНИ	
<i>И.А. Агапов. Почитаемые пещеры в С.-Петербургской епархии</i>	123
РУССКАЯ ГОЛГОФА XX века	
<i>Т.И. Орнатская. Крест в Погостье. Протоиерей Иоанн Орнатский.</i>	137
Матушка Анна Семеновна Орнатская (урожд. Малкина-Сергиева)	139
Протоиерей Алексей Колоколов. Стихи И.А. Сергеевой	141
ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛОВИЕ	
<i>Т.А. Богданова. Профессор Н.Н. Глубоковский как христианский деятель</i>	142
<i>Н.Н. Глубоковский. Несколько мыслей кончающего курс семинарии</i>	163
Архиепископ Натан Сэдерблом (<i>по личным впечатлениям, наблюдениям и воспоминаниям</i>)	168
Биографическое	178
“Возлюбим друг друга...”	180
<i>А.К. Климентьев. Человек без лицемерия (к 70-летию кончины проф. Н.Н. Глубоковского)</i>	182
СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ	
<i>В.Н. Лялин. Рассказы. Начало Премудрости – страх Божий.</i>	187
Хроники монастырской жизни (<i>рассказ в письмах</i>)	192
Христова невеста	196

СТАРАЯ ЛАДОГА

Когда пять лет тому назад, в 2003 году, С.-Петербург отмечал свое 300-летие, городу-крепости Старая Ладога, – древней столице Руси, исполнилось 1250 лет. Юбилей старейшего города России привлек к нему внимание не только специалистов и ученых – историков, археологов, реставраторов, но вызвал интерес и широких слоев современного общества, интересующихся родной историей. Вышли и продолжают выходить в свет многочисленные исследования и публикации, посвященные древностям Ладоги. За несколько последних десятилетий Старая Ладога вновь, как и в XIX и в начале XX веков, благодаря проводимым здесь российскими и международными экспедициями археологическим работам и различным научным конференциям и чтениям, вновь стала важным международным культурным и научным центром. На протяжении более чем тысячелетней истории России Ладога была политическим, административным, военным и духовным центром Руси, а позже – центром Северо-Запада нашего государства. Именно здесь в XI – XII веках сложился тот тип древнерусских каменных храмов, который был вскоре воспринят в Новгороде и оттуда разошелся в качестве образца для строений по всей Руси. Здесь действовало в средние века более десятка православных монастырей, два из которых, – Никольский мужской и Успенский женский на протяжении девяти-десяти веков неизменно оставались центрами не прекращавшейся даже в годы смут и войн духовной жизни, монашеского подвига, местом средоточия общехристианских и национальных святынь. Здесь веками благоговейно сохранялись намоленные поколениями иконы и фрески, к мощам святых сюда неизменно притекали многочисленные богомольцы. Обители были местом хранения древних рукописей и центрами книжности. Сегодня оба Староладожских монастыря восстанавливаются, в них возрождается духовная жизнь.

Вниманию читателей этого выпуска журнала «Санкт-Петербургские епархиальные ведомости» предлагается собранный и подготовленный редакцией обширный материал, посвященный истории и духовной жизни колыбели русской государственности – древней Ладоги и ее окрестностей. Каждая из эпох, – древнерусская, новгородская, а также охватывающая три последних столетия петербургская, оставили свой след в судьбах Ладоги и других селений Поволховья и южного Приладожья, – земель, лежащих в обширной восточной части С.-Петербургской епархии. На страницах издания читатели найдут исследования о храмах и монастырях Старой Ладоги, познакомятся с житиями владелицы древней Ладоги – святой княгини Ингегерд - Ирины - Анны (†1051) и ее сродника, бывавшего здесь и проводившего на Руси два последних года своей жизни – св. Олафа Норвежского (†1030). Не забыты годы Смутного времени и освобождение Ладоги от шведов в 1611 году, а также празднование 300-летия этого события в начале XX века. Предметом исследования на страницах журнала стало жизнеописание Ладожских святителей существовавшей в XVIII веке в Ладозе кафедры викарных епископов Ладожских, а позже – Кексгольмских и Ладожских, (резиденцией их был Никольский Староладожский монастырь). Читатели смогут познакомиться с житием известной подвижницы веры и благочестия – игумении Евпраксии Староладожской (1733–1823), несшей духовный подвиг в эпоху оскудения благочестия, чья жизнь и труды были запечатлены чудесными событиями, происходившими как при жизни подвижницы, так и после ее блаженной кончины. О трагическом времени гонений на веру повествует рассказ о ученике и сроднике св. прав. Иоанна Кронштадтского – протоиерее Иоанне Орнатском (1869–†7/20.04.1937), завершившем мученически свою земную жизнь в концлагере на станции Погостье Северной (Кировской) железной дороги любимом. Жизни и трудам выдающегося русского богослова, профессора Санкт-Петербургской Духовной академии, члена-корреспондента Российской Императорской (1909) и Болгарской (1928) Академий Наук Н.Н. Глубоковского (1863–1937), а также проходившей в Софии (Болгария) научной конференции, приуроченной к 70-летию со дня его кончины, посвящены значительные публикации Т.А. Богдановой и А.К. Клементьева. Также в нашем издании нашлось место для обширного и, смеем надеяться, интересного для широкого круга читателей материала о почитаемых пещерах С.-Петербургской епархии, в котором впервые опубликованы планы пещер, обследуемых петербургскими спелестологами. По сложившейся традиции, завершают выпуск рассказы известного петербургского писателя и постоянного автора журнала В.Н. Лялина о вере и современной духовной жизни.

ПРАВОСЛАВИЕ И РОССИЯ

ЛАДОЖСКОЕ ВИКАРИАТСТВО

*Новая Ладога. Кафедральный собор Рождества Пресвятой Богородицы и св. ап. Иоанна Богослова.
Фото С.М. Прокудина-Горского. 1910-е годы*

Епископы Ладожские и Кексгольмские и Ладожские. XVIII век

Ладожское викариатство на 35 лет старше С.-Петербургской епархии. Возникшее почти одновременно с Северной столицей, оно связано с именем митрополита Великого Новгорода и Великих Лук Иова († 1716), к епархии которого относился и основанный в мае 1703 года Санкт-Питер-Бурх, и весь «отъятый край у шведа».

Митрополиту Иову, современнику Петровской эпохи, довелось успешно разрешить многие созвучные сегодняшнему дню вопросы: пастырского душепопечения в период крутой ломки всего уклада жизни страны, благотворительности, духовного образования.

С началом строительства С.-Петербурга плотность населения в Приневском крае возросла в тысячи раз. Сюда переводили людей со всей страны, здесь стоял огромный воинский контингент, строился мощный флот. Повсюду требовалось множество священников, и не рядовых требоисправителей, а таких, которые были бы способны отстаивать истины Православия перед лицом старообрядческой и инославной пропаганды. Как писал сам митрополит, «долг неотложен есть попечение имети нам о душах христианских»¹.

Духовенство из Москвы ехало сюда неохотно: гораздо разумнее было готовить кадры на месте. Чутко отзывавшийся на веления времени, митрополит Иов в 1706 году после многих хлопот учредил школу в Новгороде.

Поскольку архипастырь нередко и подолгу болел, в 1707 году он ходатайствовал перед царем о назначении настоятеля новгородского Антониева монастыря архимандрита Иоиля своим викарным епископом. Исторический прецедент уже имелся: при царе Борисе Годунове в Новгородской митрополии было открыто Корельское викариатство. Тогда, на рубеже XVI–XVII века, епископы Корельские жили в своем кафедральном городе (Корела, ныне Приозерск). С захватом Корелы и уезда шведами в 1611 году викариатство прекратило свое существование. Шведы переименовали город в Кексгольм, и к 1707 году он еще не был освобожден русскими войсками (это случится в 1710 году). Сам о. Иоиль долго отказывался от архиерейства, а при согласии поставил перед митрополитом условие: «Точию бы присутствие имети при твоём преосвященстве, в коем ни есть монастыре, не допуская мне никаких дел в управление, кроме хиротонии»². Санкция Петра I была

получена, и в новых условиях викарий Новгородского митрополита с титулом «епископа Ладожского» стал жить в Новгороде. При этом епископская кафедра формально находилась в Николаевском монастыре в Старой Ладоге.

В бумагах митрополита Иова среди черновиков сохранилась «Скаска, или объявление архимандриту Иоиллю во епископа»:

«Священноархимандрит Иоиль.

Великий Государь, Царь [титул] жалует и преосвященные митрополиты, архиепископы и епископы и весь освященный собор благословляет же по священным канонам святых апостол и богоносных отец, по избранию же и прошению великого господина Преосвященного Иова митрополита Великаго Нова Града и Великих Лук, сослужения ради ему в Божией службе и еже произбиаемых ставленников во исполнение дела епархии его хиротонисати судиша тя к нему поставити во епископа. И сего ради повелено ти есть в царствующий великий град Москву безотложно быти к хиротонисанию наспех без мотчания Генваря к 1-му числу нынешнего 1708 лета»³.

Хиротония первого епископа Ладожского состоялась 18 января 1708 года. **Епископ Иоиль** нес архиерейские труды 4 года и 5 месяцев: 17 июня 1712 года он скончался, и был погребен митрополитом Иовом 19 июня в притворе Рождество-Богородицкого собора Антониева монастыря. Биография епископа Иоила показывает, что он никогда не искал возвышения. Он родился в городе Вязьме «от родителей духовного звания» (его нередко и называют Иоиль Вязьмятин – по месту рождения), женился, но затем оставил супругу и ушел в Нилову пустынь. Там он был пострижен игуменом Пахомием. Однако его влекло еще большее уединение, и «в диких лесах» на полпути между нынешними Осташковом и Валдаем, на реке Рабежке, он основал Троицкую Рабежскую пустынь. Деревянная церковь в ней была построена по грамоте митрополита Иова от 20 июня 1700 года⁴. Но митрополит, который избрал иеромонаха Иоила своим духовником, не позволил ему долго пустынножительствовать. Он произвел его в архимандриты Новоторжского Борисоглебского монастыря, затем перевел в монастырь Антония Римлянина и, наконец, представил к епископскому служению.

После смерти епископа Иоила Ладожское викариатство оставалось вакантным более полутора лет. За это время митрополит не раз просил царя отпустить его на покой в Троице-Сергиев монастырь или же в Колмов, «к трудам моим непотребным» (в этом монастыре близ Новгорода святитель устроил первый в России приют для подкидышей), «или бы ми возблаговолили в помощь посвятити епископа»⁵. Однако Петр долго не снисходил до ответа заслужен-

нейшему архипастырю – его любимцем стал «бывший Хутынский архимандрит» Феодосий (Яновский). Этот архимандрит, всем своим благополучием обязанный митрополиту Иову, решил не довольствоваться положением настоятеля древней и чтимой новгородской обители, а переселился в «юный град», ближе к самодержцу и светлейшему князю А.Д. Меншикову. На берегах Невы архимандрит Феодосий вызвался устроить новый монастырь, в честь св. Александра Невского, имя которого носил Меншиков. Едва на месте будущего монастыря установили закладной крест, как Феодосий развернул бурную деятельность. Не отписав митрополиту Иову «и малою чертою», он прибрал к рукам знаменитый Иверский монастырь со всеми его вотчинами⁶, а затем и Николаевский в Ладоге. Новгородскому святителю оставалось только с удивлением писать князю А.Д. Меншикову в декабре 1713 года:

«Слышно мне, что будто Ладожской Николаевской монастырь господин архимандрит Санктпетербургский берет к Александрову монастырю Невскаго в приписку, а в том монастыре игумен обретается, и при нем братии число немалое, и к тому же именуется епископия»⁷.

Только в самом конце 1713 года митрополиту удалось убедить царя:

«Истинно, Государь, мне единому трудно в непрестанной службе быти, понеже многия священники и диаконы в новозавоеванные города и в новоустроенные ваша государская и других чинов села, и в разныя полки посылаются, также и во епархию немалое число посвящается»⁸.

Из трех представленных к архиерейству кандидатов был утвержден настоятель Юрьева монастыря архимандрит Аарон (Еропкин). Митрополит Иов просил было совершить хиротонию в Новгороде⁹, однако съехаться

Старая Ладога. Никольский собор Никольского Староладожского монастыря. Первоначальное место пребывания кафедры викарных епископов Ладожских

туда нескольким архиереям не разрешили. Архимандрит Аарон, при посвящении во епископа в Москве 24 января 1714 года, «наречен бысть Корельский и Ладожский»¹⁰. Как и епископ Ладожский Иоиль, Аарон был постриженником Ниловой пустыни.

Будущий **епископ Аарон** (в миру Афанасий, в схиме Алипий) родился в семье московского стольника Василия Еропкина. Перед ним была открыта и придворная, и военная карьера (в 1687 году он участвовал в первом походе в Крым), однако он рано предпочел тревоблениям житейского моря «тихое пристанище» – обитель на острове озера Селигера. В 1691 году он уже был пострижен в ней и вскоре занял должность казначея, а затем и наместника, сменив оба раза о. Иоиля. Из Ниловой пустыни о. Аарон в 1700 году перешел в братию Крестного монастыря на Белом море, а в январе 1704 года митрополит Иов назначил его настоятелем Иверского монастыря и посвятил в сан архимандрита. С конца 1708 года он настоятельствовал в Юрьевом монастыре.

Быть помощником митрополиту Иову в архиерейском сане владыке Аарону довелось всего два года – 3 февраля 1716 года митрополит скончался. В течение 5 лет кафедра в Великом Новгороде оставалась незаемленной, и нелегкое блюстительство «превысочайшей митрополии Новгородской» легло на плечи епископа Аарона. По оценке историка, он «вел дело управления с достоинством, с твердостью и благоразумием истинного пастыря»¹¹. Тот же «господин архимандрит Санктпетербургский» Феодосий нередко и достаточно

бесцеремонно напоминал архиерею об ограниченности его прав. В частности, епископ Аарон мог давать грамоты только клирикам, поставляемым в собственно ему подведомые города Корелу (Кексгольм) и Ладогу и их уезды, а остальным – всего лишь указы об их определении и посвящении. То же происходило и при построении новых церквей. Владыка вписал свое имя в историю двух знаменитых обителей – Валаамской и Коневской. При возобновлении монашеской жизни и на Валааме, и на Коневце первые деревянные храмы были освящены «благословением Преосвященного Аарона Епископа Корельского и Ладожского» в 1719 году (Преображенскую церковь Валаамского монастыря освятили в марте¹², а Никольскую церковь на Коневце – 4 ноября 1719 года¹³. Антиминсы для них прислал епископ Аарон). В 1716 году владыкой Аароном был послан антиминс к освящению церкви Рождества Богородицы в селе Рождествено (ныне Гатчинского района), построенной царевичем Алексеем Петровичем¹⁴.

Епископ Аарон неоднократно бывал в С.-Петербурге. 28 июля 1716 года он отпевал там игумена Ниловой пустыни Иринарха, скончавшегося в столице¹⁵. В 1718 году его заставили участвовать в суде над царевичем Алексеем. Духовенство, на поддержку которого более всего рассчитывал наследник престола, умыло руки, передав разрешение вопроса о его виновности гражданскому суду, и вверило «участь сына отеческому попечению Государя». За три недели до смерти царевича, то ли погибшего от пыток, то ли задушенного в тюремной камере по приказу царя, 2 июня 1718 года в С.-Петербурге был поставлен во епископа архимандрит Феофан (Прокопович). Он стал проводником по сути антицерковной политики Петра, нацеленной на всеобъемлющее вмешательство государственной власти в церковные дела.

В Новгороде владыка Аарон жил в Юрьевом монастыре. Его заботами продолжали развиваться школы и благотворительные заведения, основанные митрополитом Иовом. 2 февраля 1719 года им был посвящен в сан архимандрита иеромонах Варлаам (Ванатович), назначенный настоятелем Большого Тихвинского монастыря¹⁶. В 1719 году епископ посетил свой кафедральный город, Новую Ладогу, прожив там с 25 августа по 1 сентября. Его богослужения, вероятно, стали первыми архиерейскими службами в городе, основанном всего 15 годами ранее. По пути 23 августа он совершил литургию в Гостинопольском монастыре. Из Новой Ладоги епископ направился в Троице-Зеленецкий монастырь, где служил на Рождество Богородицы, а затем в Тихвинский. В Новгород он вернулся только 2 октября¹⁷.

Много внимания епископ уделял строительству Новгородского подворья в С.-Петербурге. Каменные палаты «о двух аппаратах» были заложены на 19-й

*Святые пророки Давид и Соломон.
Фреска XIII века, в барабане купола крепостной
церкви св. Георгия Победоносца в Старой Ладоге.*

линии Васильевского острова в 1719 году. Их соорудил архиерейский (Софийский) дом совместно с семью главными монастырями Новгорода и его окрестностей, которые управлялись архимандритами. Поэтому подворье получило необычное название – «Семибратское». Епископ предназначил быть в подворье церкви и предлагал для прочности сделать в нижнем этаже каменные своды¹⁸.

В январе 1721 года была, наконец, замещена Новгородская кафедра – Петр I распорядился посвятить на нее архимандрита Феодосия (Яновского). По примеру архиепископа Псковского Феофана (Прокоповича), тот стал управлять епархией из Петербурга. Епископа Аарона оставили в прежнем положении викария, и в 1723 году он стал проситься на покой в Нилову пустынь. 16 июля 1723 года Св. Синод дал ему увольнение. У мощей преподобного Нила владыка благополучно пережил смерть Петра, арест архиепископа Феодосия и лишение его сана, смерть Екатерины I и воцарение Петра II – юного сына несчастного царевича Алексея Петровича.

Кафедра епископа Корельского и Ладожского при этом не осталась вакантной. Ее занял **епископ Иоаким**, бывший Астраханский и Терский. В 1715 году в сане иеромонаха он был вызван из Москвы в Александр-Невский монастырь¹⁹ и стал первым епископом, хиротония которого совершилась в С.-Петербурге (9 января 1716 года). В Астрахани он святительствовал 7 лет и в 1722 году принимал там Петра Великого. Царский визит имел неожиданные последствия: в январе 1723 года «за некоторые Его Величеству известные причины» епископа было повелено «из Астрахани вывести и определить в какую пристойно епархию викарием»²⁰. Архиепископ Новгородский Феодосий, знавший Иоакима еще иеромонахом, воспользовался случаем и представил его на место ушедшего на покой епископа Аарона.

Преосвященный Иоаким уже имел некоторое отношение к Новгороду: по пути на паству в 1716 году он останавливался там и даже принимал участие в похоронах митрополита Иова²¹. Вскоре после назначения епископом Корельским и Ладожским, 9-10 сентября 1723 года, владыка Иоаким встречал в Новгороде мощи св. Александра Невского, переносимые из Владимира в Санкт-Петербург²². Через год после смерти Петра I епископ был «прощен» и получил в управление древнюю Суздальскую епархию. Скончался он 25 декабря 1741 года архиепископом Ростовским и Ярославским.

Преемником сведенного с Новгородской кафедры Феодосия (Яновского) сделался архиепископ Феофан (Прокопович). При этом он не покинул своего Карповского подворья в С.-Петербурге. До весны 1726 года в Новгороде жил его викарий, епископ Иоаким, затем

Фреска XII века над жертвенником крепостной Георгиевской церкви. Фото начала XX века

Корельская и Ладожская кафедра вновь освободилась. Неудобства, которые доставляло епархии отсутствие архиерея, по-видимому, не особенно волновали архиепископа Феофана, но со смертью Императрицы Екатерины I его положение осложнилось. Для пришедшей к власти старой боярской аристократии Феофан был достаточно одиозной фигурой. Чтобы представить себя в лучшем свете, тот решил воспользоваться авторитетом епископа Аарона. 9 января 1728 года Верховный тайный совет утвердил представление архиепископа Феофана о вызове владыки из Ниловой пустыни и о назначении его вновь епископом Корельским и Ладожским. Ради пользы епархии владыка принял это назначение. Второй раз в той же должности епископ Аарон оставался два с половиной года. Восшествие на престол императрицы Анны Иоанновны открыло Феофану (Прокоповичу) широкие возможности, в том числе для расправы над неугодными ему представителями епископата. В сложившихся условиях епископ Аарон подал прошение об увольнении на покой: «Ставленническую должность и епаршеское управление по присылаемым указам за всеконечную мою болезнью отправлять весьма ныне не могу»²³. 1 июля 1730 года прошение владыки было удовлетворено, и 2 августа он отъехал из Юрьева монастыря в Нилову пустынь, где и провел последние 10 лет жизни.

Спасаясь в пустыни, епископ Аарон все же сохранял связи с внешним миром. Так, в 1738 году он обратился с письмом к графу П.И. Мусину-Пушкину, прося о покровительстве своему, как он писал, «внуку» (в действительности – младшему родственнику по другой линии рода), архитектору Петру Михайловичу Еропкину²⁴. В это время П.М. Еропкин трудился над проектом детальной планировки Адмиралтейской части столицы – очевидно владыка Аарон был в курсе его градостроительных замыслов.

В Ниловой пустыни епископ Аарон и скончался 1 мая 1740 года. Незадолго до смерти он принял схиму с именем Алипий. Летом того же года П.М. Еропкин пал жертвой биреновщины. Привлеченный к суду по делу А.П. Волынского, он был казнен в С.-Петербурге 27 июня 1740 года.

Немного не дожил владыка Аарон и до замещения Новгородской кафедры, которая вдовствовала со дня смерти архиепископа Феофана (8 сентября 1736) почти четыре года. Представляя кандидатуры на нее Императрице Анне в феврале 1737 года, Св. Синод с предельной откровенностью писал: «Собою Синод учинить ничего не может, а полагается на превысочайшее Е.И.В. благоволение»²⁵. В Новгороде с 1734 по 1740 год для священнодействия держали выехавшего в Россию из Грузии архиепископа Иосифа. Этот сосуд благодати не только не получил титула, но так и не выучил русский язык. Можно ли удивляться, что в подобных условиях раскол старообрядчества пускал все более глубокие корни в епархии?

Утверждение нового «Штата о содержании Новгородского епархиального дома» состоялось 24 мая 1740 года, а 29 мая кафедру в Новгороде занял епископ Амвросий (Юшкевич), 3 августа того же года возведенный в сан архиепископа. Первым делом архипастырь основал Духовную семинарию, разместив ее в Антониевом монастыре. [Школу, созданную митрополитом Иовом, архиепископ Феофан (Прокопович) фактически уничтожил]. Архиепископ Амвросий позаботился и о замещении кафедры викарного епископа. 10 января 1742 года во епископа Корельского и Ладужского был хиротонисан архимандрит **Маркелл** (Родышевский), скончавшийся в том же году 29 ноября. Он стал современником учреждения Санкт-Петербургской епархии (1 сентября 1742).

В 1720-х годах архимандрит Маркелл служил настоятелем Псково-Печерского монастыря. Он получил известность как яростный обличитель архиепископа Феофана в неправославии: свои сочинения он и распространял в народе, и посылал на Высочайшее имя. За это ему пришлось провести многие годы в ссылке в разных монастырях. В конце концов, о. Маркелл отказался от своих обвинений, но освобожден был только после смерти Феофана, в 1740 году. Он поступил в распоряжение архиепископа Амвросия, доверившего ему пост ректора новооткрытой Новгородской Духовной

*Святитель Тихон,
епископ Задонский,
бывший епископом Кексгольмским
и Ладужским*

семинарии, а затем и представившего на должность викария.

Преемника епископу Маркеллу по кафедре не назначали шестнадцать лет, до 1758 года. При возобновлении викариатства епископы получили титул «Кексгольмских и Ладужских», а местопребыванием их стал Хутынский монастырь под Новгородом. Все 4 епископа с этим титулом были викариями архиепископа (с 1762 – митрополита) Новгородского Димитрия (Сеченова).

17 апреля 1758 года во епископа-викария Новгородской епархии был «пожалован» архимандрит **Иосаф** (Хотунцевский, или Хотунцевич), в 1742-1748 годах возглавлявший Духовную миссию на Камчатке. Он был посвящен 24 мая 1758 года, но 29 апреля следующего года его не стало²⁶. С 6 ноября 1759 по 7 марта 1761 года епископом Кексгольмским и Ладужским состоял преосвященный **Парфений** (в миру Павел Сопковский; 6 декабря 1717²⁷ – 7 марта 1795). До архиерейства он 15 лет преподавал в Новгородской Духовной семинарии, проходя в ней в 1756 году

должность ректора. Из викариев Новгородской епархии его перевели на Смоленскую кафедру, которую он занимал более 30 лет, до самой кончины. В Смоленске епископ Парфений оставил по себе память великого храмоздателя. Его трудами был выведен из аварийного состояния Успенский кафедральный собор и воздвигнут Богоявленский теплый собор. «Смоленский соборный комплекс по своей торжественности и по тому доминирующему положению, которое он занимает в городском ландшафте, остается единственным в России»²⁸.

13 мая 1761 года в С.-Петербурге, в кафедральном Петропавловском соборе, во епископа Кексгольмского и Ладужского был рукоположен ректор Тверской Духовной семинарии архимандрит **Тихон** (Соколов). Через сто лет, 25 мая 1861 года, совершится его канонизация как святого Тихона Задонского. Будущий святитель Тихон 16-летним юношей поступил в Новгородскую Духовную семинарию в год ее открытия. Окончив полный курс, он принял постриг в Антониевом монастыре и вскоре стал инспектором (префектом) родной семинарии. С 3 февраля 1763 года епископ Тихон управлял Воронежской и Елецкой епархией, но в конце 1767 года он вышел на покой, целиком посвятив себя духовно-литературной деятельности и благотворительности. Задонский Богородицкий монастырь, где он провел

последние годы, ныне возрожден, и к раке святителя вновь потекли богомольцы.

В С.-Петербурге имя святителя Тихона вплетено в летопись Благовещенской церкви на Васильевском острове. Этот двухэтажный храм строился и отделывался с 1750 по 1772 год, а служба в нем началась 15 сентября 1762 года. В тот день епископ Кексгольмский и Ладожский Тихон освятил в храме первый престол. Столетие этого события было ознаменовано учреждением приходского Общества вспоможения бедным – старейшего в столице²⁹. Прижизненный портрет свт. Тихона Задонского хранил Валаамский монастырь, получив его в виде вклада в 1861 году. Братия обители с особенным усердием почитала святителя Тихона, «который был некогда архипастырем Валаама по званию епископа Ладожского и Кексгольмского»³⁰. В самом монастыре по благословению владыки была сооружена

теплая церковь Рождества Христова при трапезной, освященная в 1763 году³¹.

Преемником св. Тихона и последним епископом Кексгольмским и Ладожским стал **Иннокентий** (Нечаев). Он был хиротонисан из наместников Троице-Сергиевой Лавры 23 февраля 1763 года, но 28 мая того же года назначен епископом Тверским, а через 5 месяцев перемещен на Псковскую кафедру. На ней он и оставался до выхода на покой в 1798 году. Архиепископ Иннокентий скончался 12 января 1799 года в С.-Петербурге и погребен в Благовещенской церкви Александро-Невской Лавры³².

11 декабря 1781 года город Новая Ладога с уездом была включена в состав С.-Петербургской губернии, и на протяжении XIX и XX веков Ладожское викариатство неоднократно учреждалось уже в пределах Санкт-Петербургской – Петроградской – Ленинградской епархии.

А.К. Галкин

Примечания:

¹ Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки [ОР ГПБ]. Соф.1427. Л. 11.

² Чистович И.А. Новгородский митрополит Иов. Жизнь его и переписка с разными лицами // Странник. 1861. Февраль. С. 82.

³ ОР ГПБ. Соф.1425. Л.100.

⁴ Амвросий (Орнатский), архимандрит. История Российской иерархии. Ч. IV. М., 1812. С. 656-660.

⁵ Чистович И.А. Цит. Соч. С.106.

⁶ Там же. С.101.

⁷ ОР ГПБ. Соф.1426. Л. 374.

⁸ ОР ГПБ. Соф.1426. Л. 373.

⁹ Чистович И.А. Цит. Соч. С. 102.

¹⁰ Новгородские летописи. СПб, 1879. С. 386.

¹¹ Успенский В., свящ. Краткий очерк жизни преосвященного Аарона Еропкина, епископа Корельского и Ладожского. Тверь, 1890. С. 26.

¹² Валаамский монастырь и его подвижники. Изд.3-е. СПб, 1903. С. 69-70.

¹³ Историческое изображение о начале Коневския обители, о запустении, возобновлении и настоящем оной положении. СПб, 1817. С. 16.

¹⁴ Рункевич С.Г. Александро-Невская лавра. 1713-1913. СПб, 1913. С. 69.

¹⁵ Успенский В., свящ. Цит. соч. С. 80.

¹⁶ Рункевич С.Г. Цит. соч. С. 184.

¹⁷ Успенский В., свящ. Цит. соч. С. 84.

¹⁸ Там же. С. 60.

¹⁹ Рункевич С.Г. Цит. соч. С. 45.

²⁰ А.Н[икольский]. Иоаким // Русский биографический словарь. Ибак – Ключарев. СПб, 1897. С. 178.

²¹ Новгородские летописи. СПб, 1879. С. 462.

²² Рункевич С.Г. Цит. соч. С. 263.

²³ Успенский В., свящ. Цит. соч. С. 118.

²⁴ Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель. Т.1. М., 1991. С. 329-330.

²⁵ Здравомыслов К.Я. Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени. Краткие биографические очерки. Новгород, 1897. С. 76.

²⁶ Амвросий (Орнатский), архимандрит. История Российской иерархии. Ч. VI. М., 1815. С. 812.

²⁷ Мурзакевич Н.А., свящ. История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 года. Смоленск, 1804. С. 212.

²⁸ Кирилл, архиепископ Смоленский и Вяземский. 200-летие Богоявленского собора в Смоленске // Журнал Московской Патриархии. 1988, № 5. С. 22.

²⁹ Антонов В.В., Кобак А.В. Святые Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в трех томах. Т. 1. СПб, 1994. С.145-146.

³⁰ Валаамский монастырь и его подвижники. Изд.3-е. СПб, 1903. С. 266.

³¹ Там же. С.77.

³² Здравомыслов К.Я. Цит. соч. С. 96-97.

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

О НЕОБХОДИМОСТИ МУЖЕСТВА ПРИ ИСКУШЕНИЯХ

Одним из величайших достоинств полководца в войнах мира сего признается то, когда он не падает духом при всех превратностях счастья, но пребывает непоколебим, как-бы каменносердечный, заимствуя из твердости своей самые разумные и полезные распоряжения, приводя эту твердость в недоумение врагов своих, ослабляя их дерзость, воодушевляя мужеством собственное воинство. Такой характер полководца бывает причиною необыкновенных успехов, — и внезапно, целый ряд потерь и несчастий увенчивается решительными победами и торжеством. Таким должен быть ум христианина — этот вождь в невидимой борьбе против греха.

Ничто, никакое искушение, нанесенное человеками и духами, возникшее из падшего естества, не должны смутить его. Источником непоколебимости и силы да будет вера в Бога, Которому мы предались в служение, Который — Всемогущ. Малодушные и смущение рождаются от неверия; но только что подвижник прибегнет к вере, — малодушные и смущение исчезают, как тьма ночи от возшедшего солнца.

Если враг принесет тебе различные греховные помыслы и ощущения, или если они восстанут из падшего естества твоего: не испугайся; не удивись этому, как чему-либо необычайному. Скажи сам себе: «я — в беззакониях зачат, и во грехах рожден: невозможно естеству моему, столько зараженному греховным ядом, не обнаруживать из себя своей заразы. Точно: невозможно падшему естеству не давать из себя плода своего, особливо, когда оно начнет возделываться евангельскими заповедями. Когда начнут перепаживать землю плугом, тогда выпаживаются внаружу самые корни плевел, и, при постоянной перепашке, постепенно истребляются, постепенно нива достигает чистоты: так при возделывании сердца заповедями извлекаются из него внаружу самые основные помышления и ощущения, из которых произрастает всякого рода грех, и, таким образом, при постоянном и постепенном обнаружении, истребляются мало-помалу.

Положим: возникнет в тебе внезапно блудная страсть — не смутись этим. Точно также: если возникнут гнев, корыстолюбие, печаль — не смутись этим. Этому

должно быть! Но лишь явится какая страсть, — нисколько не медля, посекай ее евангельскими заповедями. Если не будешь поблажать страстям, — узришь умерщвление их. Если же будешь поблажать им, беседовать с ними, питать их в себе и услаждаться ими: то они умертвят тебя. Греховные помыслы и ощущения возникают из падшего нашего естества; но когда греховные помыслы и ощущения начнут постоянно и усиленно приходить, то это служит признаком, что они приносятся врагом нашим, падшим ангелом, или же он понуждает падшее естество наше плодить их особенно. Такие помыслы и ощущения должно исповедывать духовнику, так часто и дотоле, доколе они стужают, хотя бы духовник был муж простосердечный, без славы святого. Вера твоя в святое таинство исповеди спасет тебя; благодать Божия, присущая таинству исповеди, исцелит тебя. Постоянным и усиленным нападением на нас падший дух старается посеять и возрастить в нас семена греха, приучить к какому-нибудь виду греха частым напоминанием о нем, возбудить к нему особенное влечение, и обратить этот

вид греха в навык, как-бы в естественное свойство. Греховный навык называется *страстию*, лишает человека свободы, соделывает его пленником, рабом греха и падшего ангела. Против усиленного и учащенного нападения греховных помыслов и ощущений, называемого на монашеском языке *бранью*, нет лучшего оружия для новоначального христианина, как исповедь.

Исповедь — едва-ли не единственное оружие для новоначального во время брани. По крайней мере она — оружие самое сильное и самое действительное. Как можно чаще прибегай к нему во время напасти, нанесенной диаволом: прибегай к нему, доколе диавол и нанесенная им напасть не отступят от тебя. Диавол любит злодействовать тайно; любит быть непримеченным, непонятым¹. Он *ловит*

в тайне, яко лев во ограде своей: ловит, еже восхитити нищаго (Пс. 9, 30) неопытного и немощного. Он не терпит быть обнаруженным и объявленным: будучи обличен и объявлен, кидает добычу свою, уходит. Помыслы, хотя и греховные, но мимоходящие, не усиливающиеся усвоиться душе, не нуждаются в немедленной исповеди. Отвергай их, не внимай им, заглушай их воспоминанием противоположных им евангельских заповедей; упомяни о них в общих словах, отнюдь не принимая безмысленной заботы исчислить их, на исповеди пред причащением святых Христовых Тайн; скажи, что ты сверх значительных грехов, которые должно изложить в точности, согрешил разными помышлениями, словами и делами, в ведении и неведении.

ИЗ «НАСТАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОМУ ХРИСТИАНИНУ»

(Послесловие к «Отечнику», составленному свт. Игнатием Брянчаниновым)

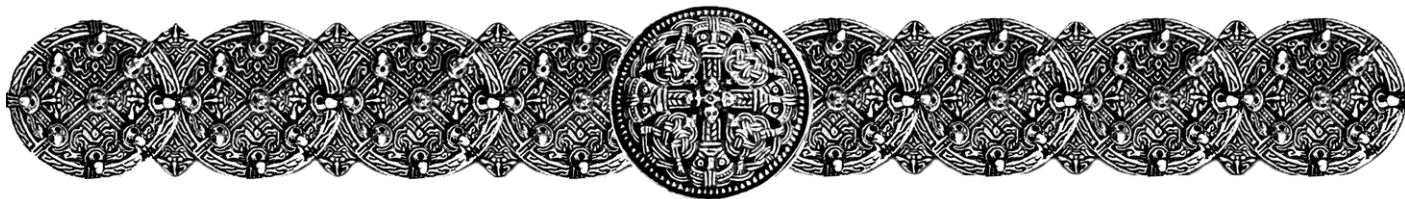
От зрелища, представляемого древностию, обратимся к зрелищу, представляемому современностию. Что должны сказать мы о себе? как жить, как действовать нам? Ответ на эти вопросы находим у древних иноков: они предвозвестили о нашем положении; они и предначертали образ действия в этом положении. «В последнее время, сказал один из них, те, которые по истине будут работать Богу, благоразумно скроют себя от людей и не будут совершать посреди их знамений и чудес, как в настоящее время. Они пойдут путем делания, *растворенного смирением*, и в Царствии Небесном окажутся большими Отцов, прославившихся знаменами»². Какое основательнейшее наставление, какое утешение для нас в этих пророческих словах знаменосного и духоносного Отца! По причине умножения соблазнов, по причине всеобщности и господства их, по причине забвения евангельских заповедей и пренебрежения ими всем человечеством — необходимо для желающего спастись удаление от общества человеческого в уединение наружное и внутреннее. По причине иссякновения благодатных руководителей, по причине умножения лжеучителей, обманутых бесовскою прелестью и влекущих весь мир в этот обман, необходимо *жительство, растворенное смирением*, необходимо точнейшее жительство по евангельским заповедям, необходимо соединение молитвы с плачем о себе и о всем человечестве, необходима осторожность от всякого увлечения разгорячением, думающим совершать дело Божие одними силами че-

ловеческими, без действующего и совершающего Свое дело — Бога. *Спасая да спасет свою душу*, сказано остатку христиан, сказано Духом Божиим. Себя спасай! блажен, если найдешь одного верного сотрудника в деле спасения: это — великий и редкий в наше время дар Божий. Остерегись, желая спасти ближнего, чтоб он не увлек тебя в погибельную пропасть. Последнее случается ежечасно. *Отступление попущено Богом: не покусись остановить его немощною рукою своею. Устранись, охранись от него сам: и этого с тебя достаточно. Ознакомься с духом времени, изучи его, чтоб по возможности избежать влияния его.* «Ныне почти нет истинного благочестия, говорит уже Святитель Тихон за сто лет пред сим: ныне — одно лицемерство»³. Убойся лицемерства во-первых в себе самом, потом в других: убойся именно потому, что оно — в характере времени и способно заразить всякого при малейшем уклонении в легкомысленное поведение. Не подвизайся напоказ человекам, но в тайне для твоего спасения, пред очами Бога, — и очистится твое поведение от лицемерства. Не осуждай ближних, предоставляя суд над ними Богу, — и очистится сердце твое от лицемерства. Преследуй лицемерство в себе, изгоняя его из себя; уклонись от зараженных им масс, действующих и намеренно и бессознательно в направлении его, прикрывающих служение миру служением Богу, искательство временных благ искательством благ вечных, прикрывающих личиною святости порочную жизнь и душу, всецело преданную страстям.

¹ Преподобный Макарий Великий, слово 7, гл. 31

² 4-й Ответ преподобного Нифонта.

³ Святитель Тихон, Том 14, письмо 13.

СВЯТЫЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

ИНГЕГЕРД – ИРИНА – АННА

Святая благоверная княгиня (преподобная)

Анна Новгородская (†1050 или 1051)

Память 10/23 февраля, 4 (17) октября

Святая Анна Новгородская (до крещения Ингегерд) родилась предположительно в 1001 году в Сигтуне (Уппланд, Швеция) и была старшей дочерью шведского короля Олафа Шётконунга, прозванного «Всехристианнейшим королем» или Олафом Святым. Мать ее, королева Астрид¹, происходила из знатного славянского рода и была известна своим умом и добрым сердцем. В 1008 г. король, его семья и дружина приняли Святое Крещение у источника Хюсабю в Вестергётланде (Западная Швеция). Так, вместе со всей королевской семьей крещена здесь была и семилетняя

Ранней зимой скальд Сигват отправился из Норвегии в Ётланд к ярлу Рёгнвальду, чтобы разведать о планах Олава Шведского, и там он узнал из письма Ингегерд к Рёгнвальду, что к Олаву Шведскому приезжали послы конунга Ярцлейва² с востока из Хольмгарда (Новгорода) просить руки Ингегерд, дочери Олава, конунга свеев, для Ярцлейва, а также, что конунг Олав принял это очень хорошо.

*Снорри Стурлусон. «Круг земной.
Сага об Олаве Святом»*

Ингегерд. Вопреки обычаю того времени, воспитывать детей у родственников, Ингегерд выросла в родной семье и получила прекрасное (и исключительное для женщины того времени) образование: она изучала Священное Писание, литературу, историю.

Повзрослев, она уже самостоятельно управляла собственным поместьем, которое, возможно, досталось ей от ее властной бабки – Сигрид. Например, в «Саге об Олафе Святом» говорится о ее усадьбе в Уларакре, где она принимала своих гостей. Ко всему этому, Ингегерд имела свою собственную вооруженную дружину.

Ингегерд была истинной дочерью Скандинавии эпохи викингов и потому с ранних лет пользовалась

большой свободой, участвовала в общественной жизни королевства, путешествовала, принимала гостей, хорошо владела оружием. Летописцы особо отмечают ее ум, смелость и большое влияние на окружающих.

В соответствии с решением тинга в Уппсале 15 февраля 1017 года, в качестве гарантии мира между Швецией и Норвегией, Ингегерд была посватана и должна была выйти замуж за короля Норвегии Олафа II Харальдссона (будущего Святого Олафа, Норвежского †1030). Свадьба должна была состояться осенью 1018 г. на границе двух государств на берегу реки Эльв. В соответствии с достигнутыми соглашениями Олаф II прибыл осенью на границу для свидания с невестой

прибыла в Новгород (согласно саге об Олафе Святом сватовство князя Ярослава было начато летом или осенью 1018 г.). Согласно брачному договору, ей были даны в управление со стороны вел. князя Ярослава город Альдейгьюборг (Старая Ладога) и прилежащие к нему земли. Пределы этой области позже были известны под названием Ингерманландия (по финскому произношению – «Ингеринмаа»), что в переводе значит «земля Ингегерд». Теперь эта земля – окрестность С.-Петербурга.

¹ Королева Астрид была дочерью вендского ободритского князя, поэтому княгиня Ингегерд, вероятно, с детства знала славянский язык.

² Великий Князь Ярослав Мудрый (978–1054) из рода Рюриковичей; во Святом Крещении Георгий (Юрий). 987–1010 – князь Ростовский, 1010–1036 – князь Новгородский, 1016–1018, 1019–1054 – Великий князь Киевский. Когда он попросил руки Ингегерд в 1015 году, шведский король Олаф охотно согласился на этот брак. Летом 1016 года Ингегерд

Источник Хюсабю в Вестергётланде, где король Олаф вместе с семьей был крещен еп. Сигурдом (в 1008 году)
Таким образом, здесь приняла крещение и его дочь Ингегерд (будущая княгиня Ирина-Анна)

Интерьер церкви в Хюссабю.
Храм в Хюссабю. Современный вид.
Шведская рукопись первых христианских времен (1000–1100 годы)

Отец св. Ингегерды – Анны, король Швеции Олаф III (Олаф Эрикссон, Олаф Шётконунг, Olof Eriksson, Olof Skotkonung); ок. 960–1022 был королем Швеции в период ок. 995–1022 и принадлежал к династии Инглингов. Его отцом был конунг Эрик VI Победоносный (ок. 945–995, правил 970–995, похоронен в Старой Уппсале), матерью – королева Гунхильда (Святослава Пяст), по другой версии, вторая супруга Эрика – Сигрид. Женат Олаф был на Эдле Венедской, а после ее смерти – на Астрид, бывшей по происхождению также славянкой, – дочерью венедского (ободритского) князя. Из детей св. Олафа известны сыновья: Эмунд Старый (†1060), Анунд Якоб (†1050) и дочери: Астрид (королева Норвегии, супруга (с 1019) св. Олафа Норвежского), Ингегерд.

Олаф был провозглашен наследником шведского трона еще до своего рождения, после того, как Эрик Победитель изгнал из Швеции Стюрбьерна Сильного. Во время одного из набегов на землю венедов Олаф захватил в плен Эдлу, дочь местного вождя, которую сделал своей женой. Позже он женился на христианке Астрид.

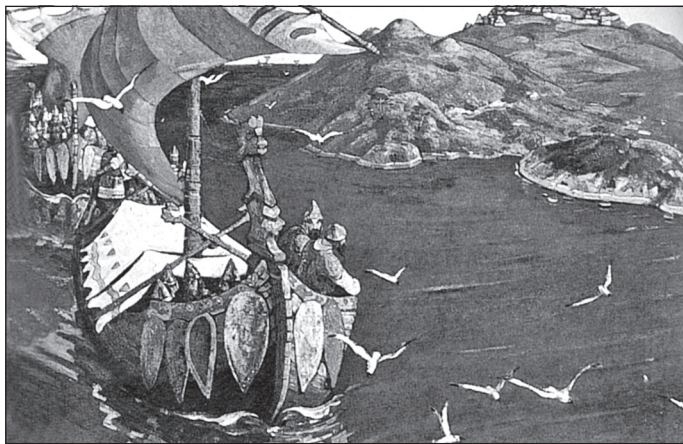
Хюссабю. Гробница св. Олафа, короля шведского, здесь же, по преданию, похоронена и его супруга королева Астрид

Олаф был миролюбив, и военным походам предпочитал рыцарские турниры. Неудивительно, что он потерял право собирать дань с прибалтийских народов и отпустил в Данию Свена Вилобородого. В 1000 г. Олаф объединился со Свеном Вилобородым и норвежскими ярлами Эриком и Свеном против норвежского конунга Олафа Трюггвассона. В сражении при Сволдере норвежцы были разбиты, и Олаф Шведский получил во владение часть Трёнделага и Бохус. Когда Олаф II восстановил норвежское королевство, между ним и Олафом Шётконунгом разразилась новая война. В 1018 г. в Уппсалу прибыли норвежские послы Бьёрн Сталларе (Бьёрн Околыничий) и Хальте Скеггссон (Хьяльти; подробнее о нем см. с. 55), а также ярл Вестергётланда Рёгнвальд Ульфссон. Они попытались склонить шведского короля к миру и договориться о браке его дочери Ингегерды с Олафом II. Возмущенный отец пригрозил Рёгнвальду высылкой из Швеции, однако на сторону миротворцев встал отчим Рёгнвальда «лагман» («законоговоритель») Торгниор, один из самых мудрых и уважаемых людей в Швеции. Торгниор напомнил Олафу о его предшественниках, успешно воевавших в Прибалтике и не трогавших Норвегию. Выслушав Торгниора, Олаф решил согласиться с мнением бондов и отказался от войны с норвежцами.

Около 1008 г. Олаф был крещен епископом Зигфридом (Сигурдом) Святым и стал первым шведским королем, кто остался христианином до самой смерти. Тем не менее, Швеция по большей части еще оставалась языческой страной, а влияние христианства ограничивалось Вестергётландом. Считается, что Олоф первым из шведских королей начал чеканить свою монету в Сигтуне.

Монета, отчеканенная при короле Олафе Шётконунге

Заморские гости. С картины Н.К. Рериха, написанной художником в 1901 году в Старой Ладоге

и ее отцом, но их там не оказалось. Отправленные в Швецию гонцы привезли неутешительное известие: еще летом к Олафу Шётконунгу прибыли послы от новгородского «конунга Ярицлейва», и шведский король выдал свою старшую дочь за князя Ярослава Мудрого, княжившего тогда в Новгороде. Олаф же Норвежский женился на сводной сестре Ингегерд, которую звали Астрид.

В 1017 г. Ингегерд по воле отца вышла замуж за того, «кто был достоин его дружбы» – великого князя Новгородского и Киевского Ярослава Мудрого (1019–1054). В качестве приданого она получила город Альдейгьюборг (Старая Ладога).

На Русь – в Ладогу, а затем в Новгород Ингегерд прибыла летом 1019 г., при этом родственник ее по

Следующей весной приехали в Свитьод послы конунга Ярицлейва с востока из Хольмгарда, и ехали они, чтобы проверить то обещание, которое конунг Олав дал предыдущим летом: отдать Ингегерд, свою дочь, за конунга Ярицлейва. Конунг Олав повел этот разговор с Ингегерд и говорит, что таково его желание, чтобы она вышла замуж за конунга Ярицлейва. Она отвечает: «Если я выйду замуж за конунга Ярицлейва, то хочу я, – говорит она, – в свадебный дар себе Альдейгьюборг и то ярлство, которое к нему относится». И гардские послы согласились на это от имени своего конунга. Тогда сказала Ингегерд: «Если я поеду на восток в Гардарики, тогда я хочу выбрать в Свиавельди того человека, который, как мне думается, всего больше подходит для того, чтобы поехать со мной. Я также хочу поставить условием, чтобы он там на востоке имел не ниже титул, чем здесь, и ничуть не меньше прав и почета, чем он имеет здесь». На это согласился конунг, а также и послы. Конунг поклялся в этом своей верой, и послы тоже. Тогда конунг спросил Ингегерд, кто тот человек в его государстве, которого она хочет выбрать, чтобы следовать за ней. Она отвечает: «Этот человек – ярл Рёгнвальд Ульфссон, мой родич». Конунг отвечает: «Иначе я собирался отплатить ярлу Рёгнвальду за измену своему конунгу, за то, что он уехал в Норег с моей дочерью и отдал ее там в наложницы тому толстому человеку, который, как он знал, был нашим самым большим недругом; и за это этим летом он должен быть повешен». Ингегерд просила своего отца не нарушать клятвы, которую он дал ей, и к тому привели ее просьбы, что конунг говорит, что Рёгнвальд может свободно покинуть Свиавельди, но больше не попадаться конунгу на глаза и не возвращаться в Свитьод, пока Олав будет там конунгом. Ингегерд послала тогда людей к ярлу и велела рассказать ему эти новости, и назначила ему место, где они должны будут встретиться. А ярл тотчас собрался в путь и поехал в Эйстра-Гаутланд, и добыл там себе корабли, и отправился со своим войском на встречу с Ингегерд, дочерью конунга. Поехали они все вместе летом на восток в Гардарики. Тогда вышла Ингегерд замуж за конунга Ярицлейва. Их сыновьями были Вальдамар, Виссивальд, Хольти Смелый. Княгиня Ингегерд дала ярлу Рёгнвальду Альдейгьюборг и то ярлство, которое к нему принадлежало. Рёгнвальд был там ярлом долго, и был он известным человеком. Сыновьями ярла Рёгнвальда и Ингибьёрга были ярл Ульф** и ярл Эйлив.*

Снорри Стурлусон. «Круг земной. Сага об Олаве Святом»

* Рёгнвальд Ульфссон (швед. – Ragnvald Ulfsson den gamle или швед. – Ragnvald jarl) – ярл Веста-гёталанда (1010–1019), посадник в Ладоге с 1019 года. Сын ярла Ульфа Тостессона (швед. – Ulf Tostesson) и Сфандры (Ингеборги), воспитанный Торгниором Торгниорсоном, лагманом Тиундаланда (др.-исланд. – Þorgnýr Lögmaðr или швед. – Torgny Lagman). Родственник по линии матери шведской принцессы Ингегерд – их матери были сёстрами.

Когда дочь шведского короля Олафа Шётконунга, Ингегерд выходила замуж за новгородского князя Ярослава Мудрого в 1019 году, судя по «Сагам об Олафе Святом» Снорри Стурлусона и «Пряди об Эймунде», в приданое принцессы Ингегерд получила город Альдейгьюборг (Старая Ладога) с прилегающими землями, которые получили с тех пор название Ингерманландии (земли Ингегерды), а Рёгнвальд Ульфссон был назначен посадником (ярлом) Ладоги. «Рёгнвальд Ульфссон был ярлом над Альдейгьюборгом... он был великий вождь и обязан данью Ярицлейву конунгу и дожил до старости».

В саге о Олафе Святом говорится, что когда Олаф Святой скрывался в Новгородской земле у Ингегерд с 1028 года по 1030 год, то проездом гостил в Ладоге у Рёгнвальда Ульфссона потому, что между ними была «самая большая дружба».

В Ладогу Рёгнвальд Ульфссон прибыл вместе с семьёй. Женой его была Ингибьёрг (Ингеборга), старшая сестра короля Норвегии Олафа II (Олафа Святого, Норвежского). У них были дети: Ульф (Улеб) Рёгнвальдссон – упомянут в летописи под 1032 годом, как воевода новгородцев в походе на «Железные Ворота» и Эйлив Рёгнвальдссон – по скандинавским источникам, стал ярлом (посадником) в Ладоге после смерти отца. После смерти Ингеборг он от второго брака с Астрид Рёгнвальд имел сына Стенкиля (1028–1066), короля Швеции (1060–1066), основателя новой шведской династии. После смерти Рёгнвальда Астрид вернулась в Швецию с сыном Стенкилем и вышла замуж за шведского короля Эмунда Старого.

** Ульф (Улеб) – родовое княжеское имя в Скандинавии и на Руси, по всей вероятности, от него происходит древнерусское имя Глеб. У В.Н. Татищева есть сообщение об Улебе, «брате Святослава», (вероятно, его двоюродном брате, племяннике св. княгини Ольги), участнике договора княжеской семьи Киева с греками в 944 году. Известно, что в 971 году он был убит за приверженность христианству. Хронологически он соответствует Ульву, отцу Рёгнвальда, ярла Ладоги. Впоследствии упоминаются Улеб, воевода новгородцев (1032), сын Рёгнвальда, и Улеб, посадник в Новгороде (1100), которого, учитывая специфичность имени и связь с северо-русским регионом, допустимо считать потомком этой семьи (хронологически он может приходиться Улебу Рёгнвальдссону внуком).

линии матери, ярл Вестергётланда Рёгнвальд Ульвссон был назначен по ее просьбе посадником (ярлом) Ладоги. В Новгороде она приняла Православие с именем Ирина (очевидно, по созвучию с именем Ингегерд). После победы князя Ярослава Мудрого над Святополком Окаянным в 1019 году великокняжеская чета переезжает в Киев, ставший первопрестольным городом Руси. Став великой княгиней, она все силы души и сердца, все богатые дары свои отдала новой родине, будучи верной помощницей и советчицей мужа в его делах. Великому князю часто приходилось бывать в далеких походах и поездках, на время которых Ирина оставалась в Киеве, управляя делами. Однажды, когда возмутилась наемная норвежская стража и просила великую княгиню быть посредницей между ними и Ярославом, она согласилась, но предупредила, что будет защищать интересы мужа. Когда против великого князя выступил с ратью его брат Мстислав Тмутараканский, Ирина предложила решить спор военным поединком с ней, но Мстислав ответил, что с женщинами он бороться не привык, и уступил брату.

Большое влияние оказала Ирина на добрые отношения с северными странами Европы. После завоевания Англии датчанами в 1016 году сыновья английского короля Эдмунда Железнобокого³ и племянники короля Эдуарда Исповедника⁴ английские принцы Эдуард⁵ и Эдвин бежали сначала в Ладогу, потом в Новгород, затем в Киев, к Ярославу и Ингегерде, а затем в Венгрию. В Новгороде долго гостил её бывший жених, изгнанный норвежский король Олаф II Норвежский с малолетним сыном. Она убила оставить на Руси его сына Магнуса⁶. Принц Магнус вернулся

Герб Уппланды – родины Ингегерд, и герб Старой Ладоги, ее вотчины на Руси

Старая Ладога. Развалины крепости Рюрика на берегу Волхова. Раскатная башня. Фото 1911 года

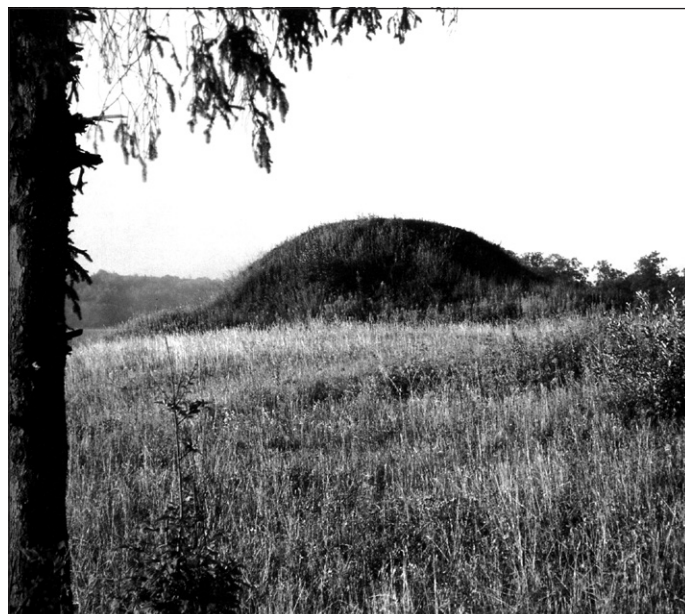

Бронзовая подвеска с рунами. Вторая половина X века. Найдена в Старой Ладоге в 1970-х годах. Раскопки В.И. Равдоникаса и В.П. Петренко

³ Эдмунд II или Эдмунд Железнобокий (англ. – Edmund Ironside, между 988 и 993–1016) – король Англии из Уэссекской династии, правивший с 23 апреля по 30 ноября 1016 г. Второй сын короля Этельреда Неразумного и его первой жены Эльфледы.

⁴ Эдуард Исповедник (англ. – Edward the Confessor; ок. 1003–4 января 1066) – предпоследний англосаксонский король Англии (с 1042 г.) и последний представитель Уэссекской династии на английском престоле. Его правление ознаменовалось ослаблением королевской власти в стране и всевластием магнатов, а также дезинтеграцией англосаксонского общества и ослаблением обороноспособности государства. Эти факторы, сопряженные с ориентацией короля на Нормандию, облегчили Вильгельму Завоевателю подчинение Англии вскоре после смерти Эдуарда в 1066 г. Эдуард Исповедник большое значение уделял пропаганде христианских добродетелей и аскетизму, за что был позднее канонизирован и в настоящее время почитается как святой Римско-Католической Церкви, а также как местночтимый святой в Сурожской епархии Русской Православной Церкви.

⁵ Эдуард Изгнанник (Эдуард Этелинг; англ. – Edward the Exile; 1016–февраль 1057) – сын англосаксонского короля Эдмунда Железнобокого и наследник престола Англии в середине XI века. Эдуард родился в период массированного датского вторжения в англосаксонское королевство. В 1013–1018 гг. датские викинги полностью завоевали Англию и завладели английским престолом. Когда Эдуарду было лишь несколько месяцев от роду, по приказу англо-датского короля Кнута Великого его вместе с братом Эдвином отослали в Данию, вероятно с намерением уничтожить возможно-

Старая Ладога. Холм в урочище Сопки, почитаемый как легендарная могила Вещего Олега

Киев. Софийский собор

на родину только тогда, когда княгиня убедилась, что норвежцы отдадут ему престол отца, Олафа II, (который погиб сразу после возвращения из Руси в 1030 году) и что его права будут в Норвегии уважать. Считается, что она научила своих детей скандинавским языкам, и они знали саги, которые распевали при дворе князя варяжские воины.

Русское государство в то время играло значительную роль в жизни Европы, его авторитет и влияние были как никогда высоки, и в этом немалая заслуга великой княгини.

Время княжения Ярослава Мудрого и Ирины – период высшего подъема Киевской Руси. Ярослав замыслил устроить стольный Киев как «град Божий» земное отражение Небесного Иерусалима (Откр. 2. 10). Центром Киева стал храм Софии Премудрости Божией. Вход в град Премудрости Божией осуществлялся через Золотые

го будущего соперника в борьбе за английский престол. Так людьми Кнута был убит дядя Эдуарда, Эдвиг, сын короля Этельреда II. Но Эдуарду и Эдвину удалось спастись – сторонники англосаксонской династии тайно увезли юных принцев в Ладогу, где посадником (ярлом) был Рёгнвальд Ульвссон, родственник шведской принцессы Ингегерды — жены Ярослава Мудрого, а оттуда в далёкий Киев, откуда они попали в Венгрию.

Почти сорок лет Эдуард провёл при дворе венгерских королей. Он воспитывался вдали от родины и без какого-либо контакта с Англией. Однако в Венгрии хорошо знали о королевском происхождении Эдуарда и его брата. Его женой стала Агата, девушка королевских (или, по другой версии, императорских) кровей.

В период правления в Англии Кнута Великого и его сыновей возвращение Эдуарда на родину было невозможным. Однако в 1042 г. скончался Хардекнут, последний представитель датской династии. Королём Англии стал Эдуард Исповедник, младший сын Этельреда II, дядя Эдуарда Изгнанника. После государственного переворота 1052 г., завершившегося изгнанием нормандских советников короля из страны, Эдуард Исповедник начал наводить контакты со своим племянником. В 1054 г. в Германию был отправлен епископ Вустерский для переговоров с императором о пропуске принца. Переговоры завершились удачно, однако Эдуард Изгнанник не спешил возвращаться на родину. Его отъезд откладывался почти два года. Наконец в 1056 г. Эдуард со своей семьёй отправился в Англию. Однако едва Изгнанник высадился на английском берегу, как неожиданно скончался. Вероятно, его предполагаемое провозглашение наследником было очень нежелательным для определённых сил в самой Англии (дом Годвина или нормандцы).

⁶ Магнус I Благородный, или Добрый (норв. – Magnus den Gode; 1024 – 25 октября 1047) – король Норвегии и Дании, сын Олафа Святого. В

Ворота, над которыми был воздвигнут храм Благовещения. Недавние язычники глубоко почитали Пресвятую Деву как Храм Премудрости Божией. Поэтому храмовым праздником в Киевском соборе святой Софии стал день Рождества Пресвятой Богородицы. Во всех остальных Софийских храмах Руси храмовым праздником был день Успения Пресвятой Богородицы.

В 1046 г. греческая царевна Анна, выходя замуж за сына Ярослава и Ирины Всеволода, принесла в Киев чудотворную икону Божией Матери Одигитрии (Путеводительницы) как благословение Пресвятой Богородицы Русскому государству. Духовное значение этого образа для христианской Руси выражают слова акафиста Пресвятой Богородице: «Радуйся, Царствия нерушимая стено!» Эта икона получила впоследствии имя «Смоленской».

Ярослав Мудрый стремился сделать Русь органичной частью вселенского христианства. Храмы строились по всей Русской земле. Греческие певцы научили русских православному церковному пению. При Ярославе был составлен первый на Руси свод законов «Русская Правда», появилась «Кормчая» перевод византийского Номоканона. Ярослав собрал книги и рукописи, которые переводились с греческого на славянский. Для распространения грамотности он повелел духовенству обучать детей, а в Новгороде устроил училище.

В кратчайший срок киевские книжники освоили громадные литературные богатства Византии. Столь же стремительно происходило усвоение образцов византийского искусства архитектуры, живописи.

В 1051 г. пришел в Киев с Афона преподобный Антоний Печерский основатель Киево Печерского монастыря. Через него Божия Матерь благословила Киев

1028 году его отец был вынужден бежать вместе с малолетним Магнусом, оставив в Швеции его мать Астрид, в Новгород к Ярославу Мудрому. В Новгороде сводная сестра матери Магнуса и жена Ярослава – Ингегерд настояла, чтобы Магнус остался у Ярослава после возвращения Олафа Святого в Норвегию в 1030 году, где он в этом же году и погиб. Магнус вынужден был остаться за пределами Норвегии. После смерти Кнута Великого норвежская знать, недовольная правлением сына Кнута – Свена, провозгласила Магнуса королём. После смерти Хардекнута он, согласно договорённости, унаследовал и датскую корону. Это право оспаривалось Свеном Эстридсеном, племянником Кнута Великого, сыном его сестры Эстрид и ярла Ульфа. После нескольких столкновений Магнус вынужден был дать Свену титул ярла Дании. В Норвегии на его корону также был претендент – сводный брат отца Харальд Хардрод (Харальд Суровый), вернувшийся в 1045 г. из Византии, где служил в варяжской гвардии. В результате борьбы он в 1046 г. стал соправителем Магнуса.

В 1047 г. при помощи шведского короля Анунда Якоба Магнус всё-таки изгнал Свена из Дании, которому пришлось укрыться в Сконе. Однако в том же году Магнус умер после падения с лошади. Утверждается, что он сам перед смертью провозгласил своими наследниками в Дании – Свена, а в Норвегии – Харальда. Тело Магнуса было перевезено в Норвегию и захоронено в соборе Тронхейма.

О происхождении прозвища существует две версии. Согласно Снорри Стурлусону сначала Магнус был жестоким и грозным королем, который мстил за изгнание своего отца, в особенности норвежской аристократии, но затем скальд Сигват так сильно подействовал на Магнуса своей речью, что он из тирана превратился в мягкого и доброго государя. По другой версии, свое прозвище он получил после блистательной победы над вендами, вторгнувшимися в 1043 г. в Ютландию.

как Свой Третий Вселенский Жребий⁷.

Не менее важным для судьбы Руси стало вхождение в Кирилло-Мефодиевское наследство. «Летит бо ныне словенско племя», так пророчески указал святой Кирилл рост значения славянских народов. Из Болгарии, имевшей богатейшую христианскую литературу, Русь получила огромное количество книг, а главное богослужебные книги на близком и понятном языке.

Великому князю часто приходилось бывать в далеких походах и поездках, во время которых Ирина оставалась в Киеве, управляя делами. В дальнейшей истории Руси участие великих княгинь в государственных делах стало традицией.

Уже при жизни Ирина прославилась своей добродетелью и благочестием. Святитель Иларион, митрополит Киевский (†1053 г., память 21 октября) в своем знаменитом «Слове о законе и благодати» пишет, обращаясь к уже покойному святому Владимиру (†1015 г., память 15 июля) крестителю Руси: «Взгляни на сноху твою Ерину (Ирину), взгляни на внуков и правнуков твоих, как они живут, как Бог их хранит, как они соблюдают веру, которую ты им завещал, как они восхваляют Имя Христово!»

Ирина стала матерью семерых сыновей и трех дочерей. Особенно известны ее сыновья: святой благоверный князь Владимир Новгородский (†1042 г., память 4 октября), великий князь Изяслав Киевский, Святослав Черниговский⁸, Всеволод Переяславский (отец Владимира Мономаха⁹).

Дочери Ирины, как и их отец, мать и братья воспитывались в атмосфере «книжности». Летописец сообщает, что Ярослав «насеял книжными словесы» сердца близких ему людей. Дочери Ирины и Ярослава стали королевами: Анна – французской¹⁰, Мария – венгерской¹¹, Елизавета – норвежской¹². Известно, что

*Родовой знак Рюриковичей
(печать Ярослава)
на серебряных монетах,
отпечатанных в годы
его княжения*

*Киев.
Софийский
собор.
Гробница
Великого
князя
Ярослава
Мудрого
(†1054)*

великая княгиня основала в Киеве монастырь во имя своей покровительницы святой великомученицы Ирины и, по обычаю того времени, должна была не только

*Поставление Вел. князем Ярославом Мудрым
первого русского митрополита Илариона в соборе
Святой Софии в Киеве. Радзивилловская летопись XV века*

⁷ Об этом поведала Сама Божия Матерь, явившаяся русской подвижнице XIX века монахине Александре (Мельгуновой): «Раба Моего Антония вывела Я из Афонского Жребия, Святой Горы Моей, чтобы он здесь, в Киеве, основал новый Жребий Мой». Согласно преданию Церкви, Первый Вселенский Жребий Божией Матери – Святая Гора Афон, Второй – Иверия (Грузия), Третий – Киев (Киевская Русь эпохи расцвета), Четвертый – Дивеево.

⁸ Князь Изяслав (Димитрий), (1024–1073, пам. 3 октября; погиб в сражении на Нежатинской ниве близ Чернигова) и Святослав (1027–1076; покровительствовал прпп. Антонию и Феодосию Киево-Печерским, основатель Елецкого и Ильинского монастырей в Чернигове, погребен в церкви Пресв. Богородицы в Киево-Печерской Лавре), поочередно княжили в Киеве, где позже почитались как местночтимые святые.

⁹ Вел. князь Всеволод Ярославич (1030–1093). Родоначальник Великих князей и Царей Московских. Был женат на Марии, дочери византийского императора Константина IX Мономаха. Родившийся от этого брака князь Владимир Всеволодович в память об Августейшем деде получил прозвание Мономаха.

¹⁰ Анна Ярославна (ок. 1024 – не ранее 1075), королева Франции, была супругой короля Генриха I и матерью короля Филиппа I, которому Капетин-

ги-Валуа-Бурбоны были обязаны столь популярным среди них греческому имени Филипп. Анна привезла в Реймс славянское Евангелие, на котором впоследствии присягали при коронации все короли Франции.

¹¹ По другим данным – Анастасия Ярославна († до 1095), жена короля Эндре († 1061), скрывавшегося при дворе Ярослава от междоусобиц в бытность наследником. Основала несколько православных монастырей в Венгрии, часть насельников которых прибыли из Руси.

¹² Мужем Елизаветы Ярославны, (Эллисиф) – королевы Норвежской (1025–после 1066) был король Харальд Суровый (1015–25.09.1066; правил с 1046, погиб в сражении у Стамфордского моста, близ Йорка). Как пишет в своей книге «Предания веков» Н.М. Карамзин, «В юности своей выехав из отчества, он служил князю Ярославу; влюбился в прекрасную дочь его, Елисавету, и, желая быть достойным её руки, искал великого имени в свете. Харальд отправился в Константинополь и вступил в службу императора восточного; в Африке, в Сицилии побеждал неверных; ездил в Иерусалим для поклонения святым местам и, чрез несколько лет, с богатством и славою, возвратясь в Россию, женился на Елисавете, которая одна занимала его сердце и воображение среди всех блестящих подвигов героизма...»

*Спас Вседержитель.
Мозаика Софийского собора в Киеве. 1040-е годы*

заботиться о нем, но и управлять им. В 1045 году она направилась в Новгород к сыну Владимиру на закладку собора во имя Святой Софии Премудрости Божией. В Новгороде великая княгиня Ирина приняла монашеский постриг с именем Анна. Это был первый постриг в великокняжеском доме; с него началась традиция пострижения русских князей и княгинь после исполнения ими долга правителей народа. Здесь же, в Новгороде, святая княгиня Анна скончалась 10 (23) февраля 1051 года и была погребена в Софийском соборе. Вскоре рядом с ней упокоилось и тело ее сына, Новгородского князя Владимира¹¹.

Почитание святой Анны и сына ее святого Владимира¹² было установлено после знамения, бывшего Новгородскому архиепископу святителю Евфимию (†1458 г., память 11 (24) марта) в 1439 году. В связи с этим знамением была установлена соборная память Новгородских святителей, погребенных в соборе Святой Софии.

Святая равноапостольная Ольга и преподобная Анна Новгородская, стоящие в основании русской женской святости, раскрывают два пути служения: духовного и земного материнства. Оба эти пути находятся под благоприятным покровом Пресвятой Богородицы.

Первая жена Ева (жизнь) названа в Библии «матерью всех живущих» (Быт. 3. 20), но она названа так уже после грехопадения. Святые Отцы говорят, что

столь славное имнвание заключало и пророчество о второй Еве – Пресвятой Деве, Которая рождает Саму Жизнь, Творца и Спасителя мира и делается «Матерью всех живущих». В тайне Ее Материнства заключена полнота Божественной любви, в Ее лице женщина была возвеличена пред всем миром видимым и невидимым.

Христианство высоко ценит женщину как мать. Материнство преображает человеческую любовь, приобщает человека к тайне рождения жизни, созданной для вечности, для радости и красоты. Женщина-мать является хранительницей семьи и семейного очага. От ее мягкости, заботливости, терпения, способности жертвенно служить зависит внутренний мир и устойчивость семьи. На женщине лежит высочайшая задача – воспитание новых граждан Царства Небесного. Такой матерью была великая княгиня Ирина-Анна.

Знаменательно духовное преемство святых Ольги и Анны: святая равноапостольная Ольга строит храм Святой Софии в Киеве – главный храм Киевской Руси; святая Анна Новгородская участвует в закладке и строительстве храма Святой Софии в Новгороде. Преподобная Анна стала хранительницей храма Святой Софии в Новгороде, Русские летописи возглашали: «Где Святая София ту Новград». Храм Святой Софии стал символом Новгорода, а икона Святой Софии была традиционным даром Новгородских владык, здесь находились открытыми для поклонения ее святые мощи. Так святая Ольга и преподобная Анна утверждают духовную вертикаль Древней Руси, соединяя два ее главных духовных центра: Киев и Новгород.

Преподобная Анна Новгородская положила начало соединению двух путей святости святых благоверных княгинь (цариц) и преподобных, т.е. деятельного служения миру и молитвенного созерцания, монашеского подвига.

Древнерусский семейный быт был основан на строгом благочестии, исполнении ежедневного молитвенного правила, чтении Священного Писания, Псалтири, Житий святых, хождении в храм. Семья – это прежде всего домашняя церковь. Духовным идеалом верующих русских людей был образ монаха-подвижника. И многие русские люди желали монашества, как увенчания жизненного пути.

Благоверные княгини Руси, овдовев, не выходили замуж во второй раз, хотя Церковь не запрещала второй брак. Монашеский постриг – обручение Небесному Жениху – стал путем, который наиболее соответствовал идеалу жизни вдовы. Поэтому постриг вдов в княжеской боярской среде стал почти правилом. Церковь украшала монашеским чином заверченный подвиг супружеской жизни, Русскому народу княгини-инокини являли пример достойного завершения единобрачия.

Особенность пути преподобной Анны раскрывается в ее происхождении. Дочь инога народа трудится над созданием Святой Руси, стоит вместе со святой Ольгой

¹¹ Святой благоверный князь Владимир Ярославич. Родился в 1020 г., княжил в Великом Новгороде с 1034 г. † 4 октября 1052 г.

¹² День памяти – 4 (17) октября, в современном церковном календаре. Указан лишь как дата памяти св. блгв. князя Владимира Ярославича, имя его матери – прип. Анны Новгородской указано в календаре только под 10/23 февраля.

в основании лестницы русской женской святости. Преподобная Анна усваивает чужих как своих, не делая различия, созидая единство рода человеческого. «Святой царицей Ириной» называли ее в Северных странах среди святых жен этих народов она воссияла первой и стала небесной покровительницей и молитвенницей за них. Так имя Ирина (мир), полученное Ингегердой в Православии, оказывается глубоким выражением ее духовного делания.

В образе преподобной Анны Новгородской мы видим истоки многих основных направлений духовного труда русских женщин. Подаваемая ею благодатная помощь особенно действенна сейчас. В преподобной ярко проявилось творческое начало человеческой личности, и потому она имеет возможность помочь и в выборе пути. Вся ее жизнь была служением Божией Матери, одарившей святую благодатными дарами и счастливым материнством. Поэтому так много значит предстательство преподобной Анны перед Пречистой.

Другое имя, данное ей при постриге, Анна (благодать) указывает на единственную силу, которая помогает человеку достичь святости, — благодать Божию.

В 1991 г. Новгородский музей-заповедник возвратил Церкви Софийский собор и мощи преподобной Анны Новгородской вместе с другой величайшей святыней Православия — чудотворной иконой Божией Матери «Знамение».

Во времена грозных опасностей для своего града новгородцы обращались к Божией Матери, вызывая о помощи, защите, прекращении междоусобий и после общих молитв

*Семья Вел. кн. Ярослава Мудрого. Роспись храма Святой Софии в Киеве. 1040-е годы
Первой изображена княгиня Ирина-Анна (Ингегерда)*

Матерь Господа ограждала Свой возлюбленный град от беды. После долгих десятилетий мы имеем возможность молиться пред Пречистым образом «Необоримой Стены», «сопротивных ополчения низлагающей» (*Тропарь иконы Божией Матери «Знамя» Новгородской*).

А вместе с ним возвратилась к чадам своим и Небесная покровительница Великого Новгорода, Северо-Запада и Юга России. Мощи преподобной Анны Новгородской открыто пребывают в Новгородском храме Святой Софии, даруя благодатную помощь и радость духовную в наши смутные времена.

Составлено по: А. Трофимов. Святые жены Руси.

*Гробница св. блгв. княгини Анны Новгородской
в Софийском соборе*

Тропарь, глас 1

От запада возсиявши, яко звезда небосветлая, прияти Православную веру сподобилася еси, в ней же плод благославный Русской земле принесши, святая благоверная княгине Анно, Христа всем сердцем возлюбила еси, Того оправдания и законы хранящи; тем же днесь всесвятую твою память празднующе, грехов оставление молитвами твоими приемлем.

Кондак, глас 4

Днесь в светлой памяти твоей Великий Новгород веселится, созывая всех верных светло праздновати память твою, и мы ныне, духовно ликующе, радостно славим тя и молим: святая благоверная княгине Анно, предстоя Святей Троице, моли избавити Великий Новгород и всю землю Русскую от всяких бед и обстояний и всем нам спастися.

Величание

Величаем тя, святая благоверная преподобная княгине Анно, и чтим святую память твою, ты бо молиши за ны Христа Бога нашего.

Молитва

О преславная, преподобная великая княгине Анно, ты оставила еси отечество свое и вселилася в землю Русскую, и великие труды подъяла еси во утверждение державы. О преподобная мати богомудрая Анно, благодати тезоименитая, ты сияеши в земле нашей чудес благодатию, ты еси молитвенница о всех людех российских. Услыши нас, молящихся тебе, аще бо и грешнии есмы, но с верою притекаем к честным твоим мощем – сокровищу Великого Новгорода – и погибающая наши души оживи, просвети наша очи сердечныя, исторгни из глубины греховной и на путь покаяния настави. Вложи огонь любви Божественный в сердца наши, разум умудри, чувства просвети. Принеси молитвы ко Господу Иисусу Христу и Пречистой Его Матери, да твоим предстательством сохраняют невредимым град твой, его же возлюбила еси, и вся грады страны нашей, да воцарятся в них мир и правда, изобилие и благоденствие, и да избавимся от всяких бед, находящихся на землю Русскую. Разсеянных чад Русской Православной Церкви собери любовью и молитвою твоею, и да упразднятся в ней вся ереси и расколы. Сохрани любовь между людьми, принеси мир благодатный и радость в дома, испроси земле нашей благорастворение воздушных и изобилие плодов.

Не посрами упования нашего, еже по Бозе и Пресвятей Богородице на тя крепко возлагаемого, но яви нам заступление твое, да хвалим, славим и величаем Отца, и Сына, и Святаго Духа, во веки веков. Аминь.

О мощах св. блгв.
кн. Владимира Ярославича
(†1052)
и его матери,
прп. Анны Новгородской (†1051),
в описи Новгородского
Софийского собора XVII века сказано:
**«Мощи князя Владимира и матери его
почтены от Бога нетлением, лежат они
в каменных гробах всеми видимые,
и бывают от них исцеления всем
с верою приходящим...»**

Великий Новгород.
Софийский собор.
Построен в камне
Великой княгиней Ириной-Анной,
здесь же она обрела место своего
последнего упокоения. Мощи
св. блгв. кн. Анны почивают
в арке главного свода между
центральным и правым (южным
– во имя Рождества Богородицы)
приделом собора, в специально
сооруженном приделе
свв. Богоотец Иоакима и Анны

1

Над светлым Днепром, средь могучих бояр,
Близ стольного Киева-града,
Пирует Владимир, с ним молод и стар,
И слышен далеко звон кованых чар –
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

2

И молвит Владимир: «Что ж нету певцов?
Без них мне и пир не отрада!»
И вот незнакомый из дальних рядов
Певец выступает на княжеский зов –
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

3

Глаза словно щели, растянутый рот,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами вперед,
И ахнул от ужаса русский народ:
«Ой рожжа, ой страшная рожжа!»

4

И начал он петь на неведомый лад:
«Владычество смелым награда!
Ты, княже, могуч и казною богат,
И помнит лады твои дальний Царьград –
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

5

Но род твой не вечно судьбою храним,
Настанет тяжелое время,
Обнимут твой Киев и пламя и дым,
И внуки твои будут внукам моим
Держать золоченое стремя!»

6

И вспыхнул Владимир при слове таком,
В очах загорелась досада –
Но вдруг засмеялся – и хохот кругом
В рядах прокатился, как по небу гром, –
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

7

Смеется Владимир, и с ним сыновья,
Смеется, потупясь, княгиня,
Смеются бояре, смеются князья,
Удальи Попович, и старый Илья,
И смелый Никитич Добрыня.

8

Певец продолжает: «Смешина моя весть
И вашему уху обидна?
Кто мог бы из вас оскорбление снести?
Бесценное русским сокровище честь,
Их клятва: «Да будет мне стыдно!»

9

На вече народном вершится их суд,
Обиды смывает с них поле –
Но дни, погодите, иные придут,
И честь, государи, заменит вам кнут,
А вече – каганская воля!»

10

«Стой! – молвит Илья, – твой хоть голос и чист,
Да песня твоя не пригожа!
Был вор Соловей, как и ты, голосист,
Да я пятерней приглушил его свист –
С тобой не случилось бы то же!»

11

Певец продолжает: «И время придет,
Уступит наш хан христианам,
И снова подымется русский народ,
И землю единый из вас соберет,
Но сам же над ней станет ханом!

12

И в тереме будет сидеть он своим,
Подобен кумиру средь храма,
И будет он спины вам бить батожьем,
А вы ему стукать да стукать челом –
Ой срама, ой горького срама!»

13

«Стой! – молвит Попович, – хоть дюжкий твой рост,
Но слушай, поганая рожа:
Зашла раз корова к отцу на погост,
Махнул я ее через крышу за хвост –
Тебе не было бы того же!»

14

Но тот продолжает, ослабивши пасть:
«Обычай вы наш переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вот, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!

15

И с честной поссоритесь вы стариной,
И, предкам великим на сором,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: «Станем к варягам спиной,
Лицом повернемся к обдорам!»

16

«Стой! – молвит, поднявшись, Добрыня, – не смей
Пророчить такого нам горя!
Тебя я узнал из негодных речей:
Ты старый Тугарин, позаный тот змей,
Приплывший от Черного моря!

17

На крыльях бумажных, ночью порой,
Ты часто вокруг Киева-града
Летал я шипел, но тебя не впервой
Попотчую я каленою стрелой –
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

18

И начал Добрыня натягивать лук,
И вот, на потеху народу,
Струны богатырской послышавши звук,
Во змея певец перекинулся вдруг
И с шипом бросается в воду.

19

«Тьфу, гадина! – молвил Владимир и нос
Зажал от несносного смрада, –
Чего уж он в скаредной песне не нес,
Но, благо, удрал от Добрынюшки, пес, –
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

20

А змей, по Днепру расстилаясь, плывет,
И, смехом преследуя гада,
По нем улюлюкает русский народ:
«Чай, песни теперь уже нам не споет –
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

21

Смеется Владимир: «Вишь, выдумал нам
Каким угрожать он позором!
Чтоб мы от Тугарина приняли срам!
Чтоб спины подставили мы батогам!
Чтоб мы повернулись к обдорам!

22

Нет, шутишь! Живет наша русская Русь!
Татарской нам Руси не надо!
Солгал он, солгал, перелетный он гусь,
За честь нашей родины я не боюсь –
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

23

А если б над нею беда и стряслась,
Потомки беду перепогут!
Бывает, – примолвил свет-солнышко-князь, –
Неволя заставит пройти через грязь –
Купаться в ней свиньи лишь могут!

24

Подайте ж мне чару большую мою,
Ту чару, добытую в сече,
Добытую с ханом хозарским в бою, –
За русский обычай до дна ее пью,
За древнее русское вече!

25

За вольный, за честный славянский народ!
За колокол пью Новаграда!
И если он даже и в прах упадет,
Пусть звон его в сердце потомков живет –
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

26

Я пью за варягов, за дедов лихих,
Кем русская сила подъята,
Кем славен наш Киев, кем грек приутих,
За синее море, которое их,
Шумя, принесло от заката!»

27

И выпил Владимир – и разом кругом,
Как плеск лебединого стада,
Как летом из тучи ударивший гром,
Народ отвечает: «За князя мы пьем!
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

28

Да правит по-русски он русский народ,
А хана нам даром не надо!
И если настанет година невзгод,
Мы верим, что Русь их победно пройдет,
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

29

Пирует Владимир со светлым лицом,
В груди богатырской отрада,
Он верит: победно мы горе пройдем,
Н весело слышать ему над Днепром:
«Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

30

Пирует с Владимиром сила бояр,
Пируют посадники града,
Пирует весь Киев, и молод и стар,
И слышен далеко звон кованых чар –
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

Мыс Аркона на острове Рюген (Рюяна), где стоял славянский языческий храм Святовита. Фото конца XIX века

Граф Алексей Константинович Толстой

РУГЕВИТ*

1

Над древними подъямся дубами,
Он остров наш от недругов стерег;
В войну и мир равно честимый нами,
Он зорко вокруг глядел семью главами,
Наш Ругевит, непобедимый бог.

2

Курился дым ему от благовоний,
Его алтарь был зеленью обвит,
И много раз на кучах вражьих броней
У ног своих заклянных видел доней**
Наш грозный бог, наш славный Ругевит.

3

В годину бурь, крушенья избегая,
Шли корабли под сень его меча;
Он для своих защита был святая,
И ласточек доверчивая стая
В его брадах гнездилась, щебеча.

4

И мнили мы: «Жрецы твердят недаром,
Что если враг попрет его порог,
Он оживет, и вспыхнет взор пожаром,
И семь мечей подымет в гневе яром
Наш Ругевит, наш оскорбленный бог».

5

Так мнили мы,— но роковая сила
Уж обрекла нас участи иной;
Мы помним день: заря едва всходила,
Нежданнные к нам близились ветрила,
Могучий враг на Ругу шел войной.

6

То русского шел правнук Мономаха,
Владимир шел в главе своих дружин,
На ругичан он первый шел без страха,
Король Владимир, правнук Мономаха***,
Варягов князь и доней властелин.

7

Мы помним бой, где мы не устояли,
Где Яромир**** Владимиром разбит;
Мы помним день, где наши боги пали,
И затрещал под звоном вражьей стали,
И рухнулся на землю Ругевит.

8

Четырнадцать волов, привычных к плугу,
Дубовый вес стащить едва могли;
Рога склонив, дымяся от натугу,
Под свист бичей они его по лугу
При громких криках доней волокли.

9

И, на него взошед с крестом в деснице,
Держась за свой вонзенный в бога меч,
Епископ Свен, как вождь на колеснице,
Так от ворот разрушенной божницы
До волн морских себя заставил влечь.

10

И к берегу, рыдая, все бежали,
Мужи и старцы, женичины с детьми;
Был вой кругом. В неслыханной печали:
«Встань, Ругевит! — мы вслед ему кричали,—
Воспрянь, наш бог, и доней разгроми!»

11

Но он не встал. Где об утес громадный
Дробясь, кипит и пенится прибой,
Он с крутизны низвергнут беспощадно;
Всплеснув, валы его схватили жадно
И унесли, крутя перед собой.

12

Так поплыл прочь от нашего он края
И отомстить врагам своим не мог,
Дивились мы, друг друга вопрошая:
«Где ж мощь его? Где власть его святая?
Наш Ругевит ужели был не бог?»

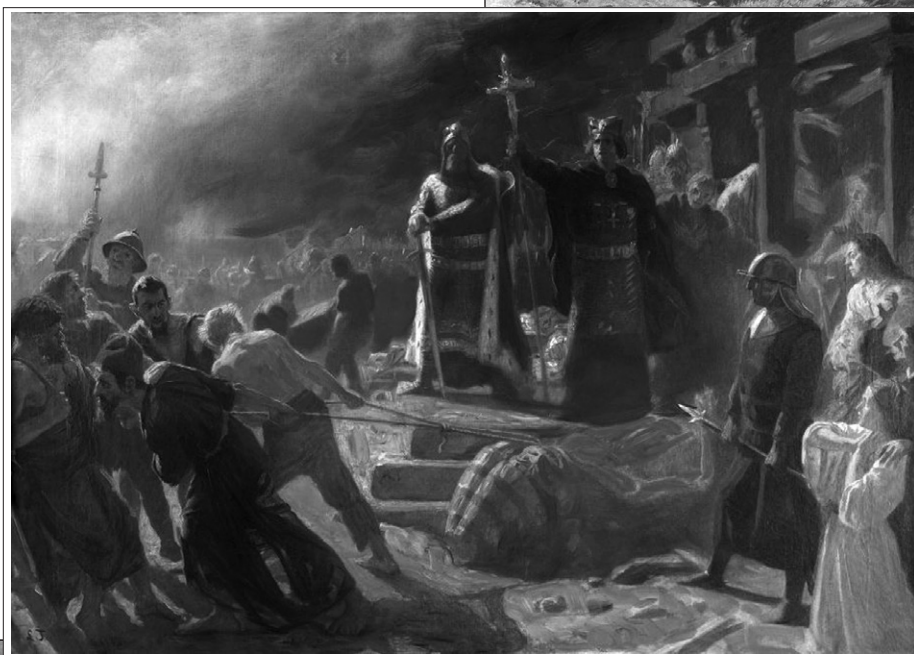
13

И, пробудясь от первого испугу,
Мы не нашли былой к нему любви
И разошлись в раздумьи по лугу,
Сказав: «Плыви, в беде не спасишь Ругу,
Дубовый бог, плыви себе, плыви!»

Лето 1870

*Взятие Арконы королем Вальдемаром Великим
и епископом Абсаломом в 1169 году.
Художник Лауритс Регнер Туксен (1853-1927).
Масло. 1889-1894.
Музей Национальной Истории
замок Фредериксбург, Дания*

*Фрагмент
картины.
Епископ Абсалон
и низвергнутый
идол, справа –
жители Арконы*

*Эскиз центральной
части картины.
Король Вальдемар
и епископ Абсалон
над поверженным
идолом Святовита*

*Фрагмент картины. Низвержение Святовита
воинами и покоренными жителями Арконы*

* Ругевит – бог войны у руян (ругичан), одного из племен балтийских славян, жившего на острове Рюген. В стихотворении описан разгром храма Ругевита в столице руян Коренице датским королем Вальдемаром I в 1168 г. Источником стихотворения является, по-видимому, «История Дании» Ф. Дальмана. Некоторые подробности Толстой заимствовал из описания разгрома храма Святовита в Арконе, который непосредственно предшествовал разгрому храма Ругевита. Святовита и Ругевита выволокли из города, а затем сожгли. Граф А.К. Толстой несколько изменил конец Ругевита, приблизив его к летописным известиям о свержении идола Перуна в Киеве после крещения Владимира; десятая строфа напоминает слова Карамзина и приведенный им отрывок из киевского синопсиса: «Изумленный народ не смел защитить своих мнимых богов, но проливал слезы, бывшие для них последнею данию суеверия... Когда он [Перун] плыл, суеверные язычники кричали: выдыбай! т.е. выплывай».

** Дони – датчане.

*** Король Владимир, правнук Мономаха... – Вальдемар I (1131–1182), сын Кнуда Лаварда, с материнской стороны был внуком Владимира Мономаха.

**** Яромир (или Яромар) – руянский князь, сначала сражавшийся за независимость своего племени, а затем подчинившийся датчанам и принявший христианство.

БЫЛОЕ

СВЯТОЙ ОЛАФ НОРВЕЖСКИЙ

Жизнеописание святого мученика Олафа, «вечного короля и покровителя Норвегии»

Память 29 июля /11 августа (1030), 3/16 августа (прославление – 1031)

На заседании Священного Синода под Председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, которое состоялось 21 августа 2007 года в Москве, был рассмотрен вопрос о почитании Русской Православной Церковью древних святых неразделенной Церкви, «просиявших в земле Британской и Ирландской», и установлено празднование Собора Британских и Ирландских святых. С докладом на эту тему выступил Преосвященный митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, председатель Синодальной Комиссии по канонизации святых. Митрополит Ювеналий сообщил о поступившем на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода прошении Епархиального собрания Сурожской епархии от 3 марта 2007 года о благословении учредить день Соборной памяти святых, в земле Британской и Ирландской просиявших. В связи с этим Священный Синод постановил:

1. Благословить празднование Собора святых, в земле Британской и Ирландской просиявших, в третью Неделю по Пятидесятнице.
2. О включении в Месяцеслов Русской Православной Церкви имен древних святых неразделенной Церкви, просиявших в земле Британской и Ирландской,

иметь суждение после получения полных агиографических и исторических материалов, касающихся их христианского подвига, времени и обстоятельств прославления и почитания.

История и церковная жизнь Санкт-Петербургской епархии тесно связаны с именами ряда древних святых неразделенной Церкви, чьи имена можно найти в Святцах и церковных календарях Британских и Ирландских святых. Жизнь их была связана с землями Северной Европы, изначально просвещенными светом Христовой веры ирландскими и британскими монахами-миссионерами, а также с землями Северо-Запада Руси – Ладогой и Новгородом.

Среди них мы видим и имя св. Олафа* Норвежского, родственные связи которого с Древней Русью хорошо известны и почитание которого в Северных землях – от Норвегии до Новгорода, существовало с XI века. Будучи вынужденным временно покинуть свое Отечество, святой Олаф некоторое время жил на Руси – в Ладогe и Новгороде – в 1028–1030 гг., у княгини Ингегерд (св. Анны Новгородской) и ее мужа, Великого князя Ярослава Мудрого. С пребыванием св. Олафа на Руси (в Гардарике) связан целый ряд чудес – как прижизненных, так и посмертных. Вернувшись из Руси в Норвегию, св. Олаф мученически завершил свое земное поприще, связанное с ревностным обращением его родного края в христианскую веру, в битве при Стиклстадире (1030). Через год, 3 августа 1031 года, его честные останки были открыты Церковью и положены в основанном им Нидаросском соборе как святые мощи. С этого дня святой Олаф почитается небесным покровителем Норвегии и Северных стран. Почитание св. Олафа существует в православных общинах и приходах Великобритании, Дании, Швеции, Норвегии, России.

Ниже читателю предлагается жизнеописание св. Олафа, составленное священником Стефаном Красовицким по благословению архиепископа Тверского и Кашинского Виктора.

*В тексте жития имя «Олаф» приводится в транскрипции, близкой к современному норвежскому написанию (произносится это имя – Улаф). В прямых цитатах из древних источников – саг и др. имя приводится в более традиционной транскрипции – Олав, используемой исследователями-скандинавистами (напр. Т.Ю. Джаксон) и переводчиками в своих публикациях.

Святой Олаф родился в 995 году. Он был сыном норвежского военачальника Харальда Гренландца* и его супруги Асты**. Вот как описываются в Саге об Олафе Святом¹ его внешность и характер: «Олаф сын Харальда был невысок, коренаст и силен. Волосы у него были русые, лицо широкое и румяное, кожа белая, глаза очень красивые, взгляд острый, и страшно было смотреть ему в глаза, когда он гневался. Олаф владел очень многими искусствами: хорошо стрелял из лука, отлично владел копьем, хорошо плавал. Он сам был искусен во всяких ремеслах и учил других. Его прозывали Олафом Толстым. Говорил он смело и красиво. Он рано стал умным и сильным, как настоящий мужчина. Все родичи и знакомые любили его. Он был упорен в играх и везде хотел быть первым, как ему и подобало по его знатности и происхождению».

Как все викинги, он провел молодость, пиратствуя на морях Северо-Западной Европы. Вместе со знаменитым викингом Торкелем Высоким (см. с. 43) он сражался против христианских армий в Англии под Лондоном, под Рингмером и Кентерберри. В то время Олаф был язычником, как многие норвежцы, хотя свет христианства уже был возжен до него в Норвегии его предшественником и родственником св. королем Олафом Трюггвассоном (см. с. 43). Всемогущий Бог, Который знает наперед Своих избранных, наделил и душу этого пока ещё язычника некоторыми особенными качествами, как бы залогом его будущего обращения в христианскую веру и его святости. В частности, он не боялся колдовства. В один из своих походов он вторгся в страну финнов. Финны славились умением ворожить, и к ним за подобными услугами

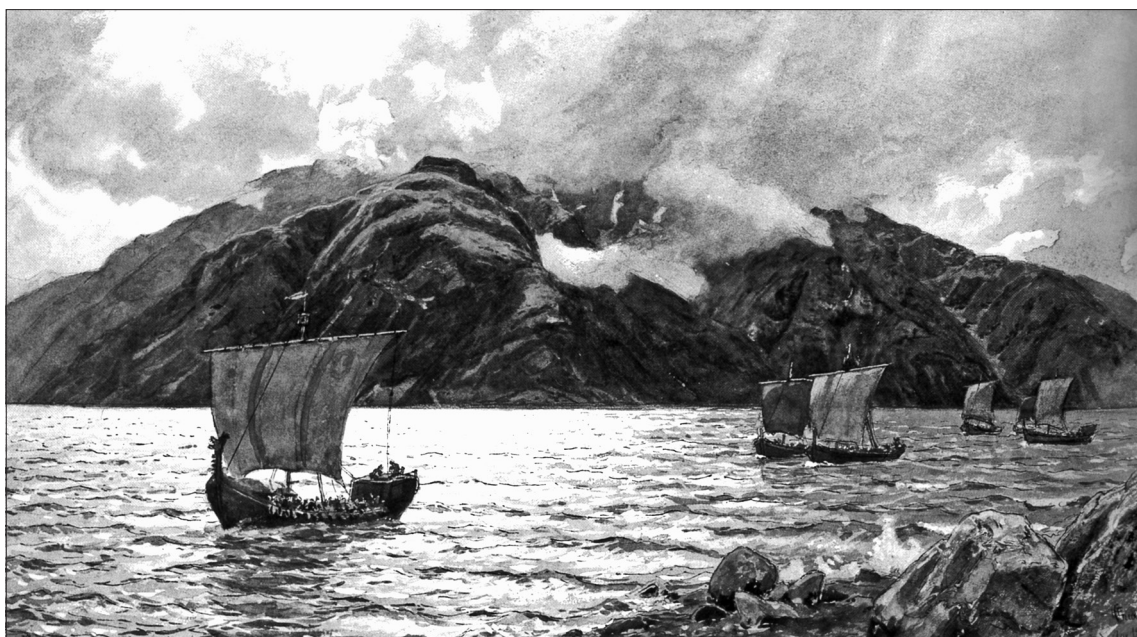
*Святой Олаф был сыном конунга Харальда Гренландца (†995) и Асты Гудбрандсдоттер. После кончины Харальда Аста вышла замуж за его троюродного брата Сигурда Свиныю*** (Sigurd Syr; †1018), конунга из Восточной Норвегии, жившего в поместье Сигурдсгорд (ныне – Steingård) в Хрингарики или Рингарики (Административным центром этой провинции является город Хёнефосс, что лежит в 50 км к северу от Осло). Олаф вырос в семье отчима и был воспитан Храни Путешественником, жившим у Асты.*

* Харальд Гренландец (ок. 957–995), сын Гудрёда Бьёрнсона и внук Бьёрна Фарманна, короля Вестфольда, потомок Харальда Прекрасноволосого, – основателя норвежской королевской династии, Инглингов. Воспитывался в провинции Гренланд (на юге Норвегии) у лендермана Хрои Белого. После гибели отца, правившего в Вестфольде (968), бежал из Тёнсберга в Упплэнд и затем в Швецию, где служил в войске викингов у Скагула Тосте (Скёглава Тости), сватался к его дочери Сигрид. Примкнул к войскам датского короля Харальда Синезубого и Хокона Сигурдсона, начавших в 970 году военные действия в Вике (Норвегия). После их победы – король Вингульмерка, Вестфольда и Агдера. Женился на Асте, дочери Гудбранда Кюла из Упплэнда. Через некоторое время он вновь стал ухаживать за дочерью Скагула Тости Сигрид Гордой. Мстя за измену и находя его притязания слишком навязчивыми, Сигрид сожгла дом (баню), где находился Харальд и ещё один ярл – Висивальд из Аустрвега (Всеволод?), также сватавшийся к ней.

** Аста Гудбрандсдоттер (ок. 975/980–1020/1030) жена короля Харальда Гренландца, мать короля Олафа II Святого. После гибели мужа вышла замуж за короля Сигурда Свиныю, в их семье воспитывался Олаф и его сводный брат (их сын) – будущий норвежский король Харальд III Суровый (1015–1066), основавший в 1050 г. город Осло.

*** Сигурд Свиныя (Сигурд Хальфданссон, ок. 970–1018), король северо-восточной Норвегии, праправнук Харальда I Прекрасноволосого. Конунг области Рингерике. Возможно, он и его супруга Аста приняли христианство при короле Олафе Трюгвассоне в 988 году.

*Корабли викингов,
плывущие по
Согнефьорду.
С картины
худ. Ханса Гуде.
1889 год*

Юность Олава Харальдссона

*Сигурд Свинья, Аста, Олав и Ране.
из иллюстраций худ. Кристиана Крога,
к «Саге об Олаве Святом». 1899 год*

История Олава Харальдссона излагается здесь по «Кругу земному» Снорри Стурлусона (где она представлена наиболее полно), с учетом данных исландских анналов. Основным источником сведений по ранней истории Норвегии послужил для анналов именно «Круг земной», так что датировки должны, как правило, совпадать, хотя ниже и будут указаны отдельные расхождения.

Олав Харальдссон – праправнук по мужской линии основателя династии норвежских конунгов Харальда Прекрасноволосого (умершего в 931 г.); троюродный племянник своего предшественника Олава Трюггвассона; четвероюродный брат своего преемника Харальда Сурового Правителя.

Олав родился в 995 г., в тот год, когда его отец, Харальд Гренландец, конунг в Вестфольде, был сожжен (вместе с неким конунгом Висивальдом из Аустрвега) шведской королевой Сигрид Гордой^{1*}. Мать Олава, Аста Гудбрандсдоттир, вскоре после гибели Харальда Гренландца вышла замуж

за его троюродного брата, Сигурда Свинью, конунга в Хрингарики, который и воспитал Олава Харальдссона. По рассказу Снорри Стурлусона, Олав Трюггвассон «приехал в Хрингарики, чтобы насаждать там христианство». Тогда был крещен и Олав Харальдссон. Олав Трюггвассон был его крестным отцом. Младшему Олаву «было тогда три года», а старший «был тогда третий год конунгом Норвегии»², т.е. Олав Харальдссон был крещен, по хронологии «Круга земного», в 998 г.

Этот рассказ Снорри восходит к «Саге об Олаве Трюггвассоне» монаха Одда, поставившего перед собой, как показал Ларс Лённрот, цель «убедить своих слушателей в том, что не только младший, но и старший Олав занимает важное место в официальной истории скандинавского христианства»³.

На пятом году своего правления конунг Олав стал крестным отцом своего тезки, выведя его из святого источника, так же как Иоанн Креститель поступил с нашим Господом. И так же как Иоанн был предтечей Христа, конунг Олав Трюггвассон был предтечей конунга Олава Святого. Они прославили свое родство, как всем следует поступать, своим святым могуществом и славными деяниями, и исполнилось то, что Иоанн сказал Господу: «Тебе должно расти, а мне умаляться»⁴.

Лённрот справедливо полагает, что рассказ Одда о крещении Олавом Трюггвассоном Олава Харальдссона «не соответствует действительности» и что «эта легенда вымышлена с начала и до конца с целью построить необходимый теологический мост между двумя Олавами»⁵.

«Олаву было двенадцать лет, когда он впервые отправился в поход»⁶, т.е. это произошло в 1007 г., что отмечается и в исландских анналах⁷. Летом того же года Олав приплыл в Данию; когда наступила осень, он воевал в Швеции; а весной (1008) отправился на восток на Эйсюслу (остров Эзель, эст. – Сааремаа)⁸.

После серии сражений в землях финнов и на Ютландии, трех лет в Англии у конунга Адалрада (вплоть до его смерти) и нескольких битв в Испании Олав проводит «в викингском походе в Валанде (во Франции. – Т. Д.) два лета и одну зиму. К тому времени прошло тринадцать лет после гибели конунга Олава сына Трюгви»⁹, т.е. это был 1013 год. Олав и приплывшие к своим родичам во Францию сыновья Адалрада зимуют в Нормандии, а весной (1014) «подошли к Англии»¹⁰. Олав «поплыл на север вдоль берега Англии до самого Нортимбраланда», там он заменил свои боевые корабли на два торговых «и осенью вышел в море»¹¹. Итак, осенью 1014 г. Олав в Норвегии. Анналы датируют возвращение Олава в Норвегию 1014 и 1015 гг.¹²

Вернувшись, Олав изгоняет из страны ярла Хакона Эйрикссона. Той же осенью он сообщает отчиму Сигурду Свинье о желании отвоевать у иноземных правителей свою отчину. Мелкие конунги из рода Харальда Прекрасноволосого соглашаются признать его конунгом Норвегии и оказать ему помощь. Бонды на тинге провозглашают его конунгом. Наделенный властью по законам Уппланда Олав едет по стране. Он ездит по пирам всю зиму, а весной отправляется в Вик, где у ярла Свейна собиралось огромное войско уже с самого июля. Олав вошел в Вик «в конце Великого поста». Противники увидели друг друга «в субботу перед Вербным воскресеньем» 1015 г.¹³ Битва у Несьяра анналами приурочивается к 1015 и 1016 гг. (в соответствии с приведенной выше датировкой возвращения Олава в Норвегию¹⁴).

Проиграв битву, ярл Свейн бежит в Швецию, а летом того же года – по Аустрвегу, «Восточному пути». Осенью (1015) он умирает. В анналах дата его смерти совпадает с годом битвы у Несьяра. Олав к осени 1015 г. «приплыл в Трандхейм, против него никто не выступил, и он был провозглашен конунгом на тингах»¹⁵. Таким образом, по хронологии Снорри Стурлусона, Олав с 1015 г. – единовластный правитель Норвегии.

Татьяна Николаевна Джаксон.

Четыре Норвежских конунга на Руси. Св. Олав Харальдссон

* Примечания к тексту см. с. 74

Сражение на Лондонском мосту.
Иллюстрация к Снорри Стурлусону.
© Erik Werenskiold / Bono, 1997 год

Торкель Высокий, Торкель Харальдсон (конец X – начало XI вв.) – шведский ярл, «Туркиль» англо-саксонских хроник. Один из вождей знаменитых славяно-скандинавских викингов – «йомсвикингов», – профессиональных воинов и рыцарей-пиратов из Йомсбурга (слав. – Волин, Юлин, Юмна) – укрепленного пункта скандинавов и славян в устье Одера. В 1009 г. вместе с братьями ярлом Сигвальди и Хемингом, а также неким Эйлафом прибыл с флотом йомсвикингов в Англию. После заключения мира в 1012 году Торкель с 45 кораблями перешел на службу к англосаксам и даже помогал королю Этельреду оборонять Лондон от войск Свейна Виллобородого. После уничтожения англичанами в 1015 г. двух скандинавских гарнизонов, мстя за гибель брата Сигвальди, ушел с девятью кораблями от Этельреда к Кнуту Великому и «был у него в большом почете».

приезжали и из других стран. И вот, как повествует Сага², «...конунг потерял много людей, и многие были ранены. Конунг вернулся к кораблям вечером. Ночью финны вызвали колдовством непогоду, и на море поднялась буря. Конунг приказал поднять якорь и поставить паруса, и ночью поплыл против ветра вдоль берега, и, как потом это часто бывало, удача конунга была сильнее колдовства».

В христианскую веру св. Олаф был обращен в Нормандии в 1013 г., крещен в Руане и в том же году поступил на службу к пребывавшему в изгнании английскому королю Этельреду. Он помог английскому королю вернуться в Англию и там сражался на его стороне против язычников-датчан.

Он особенно отличился военным умением и находчивостью при захвате Лондонского моста: «Они подошли к Лундуну (Лондон – *Свящ. С.К.*) и вошли в Темпе (Темза – *Свящ. С.К.*), а датчане засели в крепости. На другом берегу реки стоял большой торговый город, который назывался Судвирки. Там у датчан было большое укрепление: они вырыли глубокий ров, а с внутренней стороны укрепили стены бревнами, камнями и дерном, и внутри этого укрепления стояло большое войско. Адальрад конунг (Король Этельред – *Свящ. С.К.*) при-

казал взять крепость штурмом, но датчане отразили натиск, и Адальрад конунг ничего не мог поделать. Между крепостью и Судвирки был такой широкий мост, что на нем могли разъехаться две повозки. На этом мосту были построены укрепления – башни и частокол, человеку по пояс, – направленные по течению. Мост этот держался на сваях, которые были врыты в дно. Во время нападения Адальрада датчане стояли по всему мосту и защищали его. Адальрад конунг был очень озабочен тем, как ему захватить мост. Он созвал предводителей всех своих отрядов и спросил их совета, как захватить мост. Олаф конунг сказал тогда, что он попытается подойти к мосту со своим отрядом, если другие предводители захотят сделать то же самое. На этом совете было решено, что они подойдут на кораблях под мост. Каждый тогда подготовил свои корабли и войско. Олаф конунг велел приготовить большие щиты из прутьев, а также из разнообразных плетеных строений. Эти щиты он велел укрепить над кораблями так, чтобы щиты выступали за края бортов. Щиты эти держались на высоких шестах, которые были поставлены на таком расстоянии друг от друга, чтобы укрытие защитило от камней, которые могли бросать с моста, но вместе с тем позволяло вести оборонительный

Олаф Трюггвассон (норв. – Olav Trygvasson, 963–ок. 1000) – король Норвегии (с 995 года), потомок короля Харальда Прекрасноволосого. Олаф родился в 963 году, вскоре после убийства его отца, Трюггви Олафсона, Харальдом Серой Шкурой. (Есть также свидетельство, что он родился в 964 или 969 году). Мать Олафа, Астрид (норв. – Astrid), бежала с сыном от убийц мужа в Новгород к Владимиру I Святославичу, у которого служил ее брат Сигурд, но по дороге они были захвачены пиратами, жившими в Эстонии. Сигурд, собирая налоги в Эстонии по повелению кн. Владимира, встретил случайно Олафа и выкупил его из рабства.

Олаф рос под покровительством князя Владимира, позже был взят в дружину, где пользовался популярностью среди воинов.

Позже Олаф оставил службу у кн. Владимира, отправившись бороздить просторы Балтики. В 982 году он попал в шторм у земли Вендов, где остался на зиму и женился на дочери местного короля Бурислава Гейре.

Олаф присоединился к армии Оттона III в войне против короля Дании Харальда I Синезубого (941–986) и короля Норвегии Хокона II Могучего (до 961–995). Армия Оттона и Олафа одержала победу, в результате которой Оттон заставил Харальда и Хокона принять христианство, после чего Оттон вернулся к себе.

Олаф прожил со своей женой всего три года, как вдруг она заболела и умерла. Не находя себе места от горя, Олаф ушел скитаться. У отшельника св. Лайда (Элида) на островах Силли он принял крещение. В 988 году Олаф плавал в Ирландию, где женился на овдовевшей королеве Гиде (Gyda).

В 995 году до короля Норвегии Хокона дошли слухи о короле Ирландии норвежского происхождения. Он послал своих людей разузнать об этом человеке. Посланники Хокона прибыли к Олафу и рассказали ему, что Хокон теряет свою популярность среди своего населения. Олаф решил воспользоваться удачным случаем для захвата власти в Норвегии. Прибыв в Норвегию, он присоединился к восстанию против Хокона, в ходе которого Хокон был убит.

В 995 году он завладел Норвегией и ревностно насаждал в ней христианство. Бежавшие от его власти норвежские вельможи нашли союзников в датском и шведском королях. Когда Олаф с флотом выступил против них, он потерпел поражение близ Свольдера и пал в битве 9 сентября 1000 г.

бой. Когда войско было готово, они поплыли вверх по течению. А когда они добрались до моста, сверху на них посыпались копья, стрелы и такие большие камни, что ни щиты, ни шлемы не выдерживали, и даже корабли получили сильные повреждения.

Многие корабли тогда отошли назад, а Олаф конунг со своей дружиной норвежцев продолжал продвигаться вверх по течению под мост. Его люди привязали толстые канаты к сваям, на которых стоял мост, пустили все свои корабли вниз по течению и гребли при этом изо всех сил. Сваи вырвало из-под моста и потащило по дну. И так как на мосту стояло большое войско и было много оружия и камней, то, когда сваи вырвало, мост проломился, и многие попадали в реку, а остальные разбежались, кто в город, а кто в Судбирки. После этого они напали на Судбирки и захватили его, и, когда горожане увидели, что враги захватили Темпе и могут теперь беспрепятственно плыть дальше в глубь страны, они испугались, сдали город и подчинились Адальраду конунгу³.

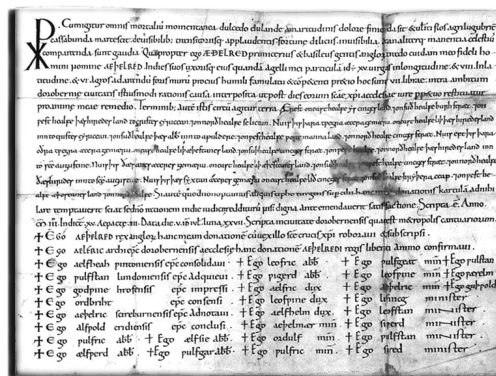
После воцарения короля Этельреда Олаф некоторое время нес оборону Англии и обходил ее побережье на боевых кораблях. По прошествии нескольких лет король Этельред умер, и датский король Кнут* (по прозвищу Могучий) женился на его вдове Эмме и после ряда столкновений с сыновьями короля Этельреда воцарился в Англии. Король Кнут был христианином. Согласно одной, не полностью достоверной версии, св. Олаф находился некоторое время при дворе короля Кнута Могучего. И, как повествует одна благочестивая легенда, уже в то время отличался христианскими добродетелями и аскетизмом: «Вначале король Кнут и св. Олаф были большими друзьями, но вскоре Кнут стал завидовать Олафу. Епископ Сигурд (св. Зигфрид, просветитель Швеции, англичанин по происхождению, бывший ранее монахом в монастыре Гластонбери. – *Свяц. С.К.*) никогда не начинал службы, не дождавшись Олафа, но не оказывал такого же внимания Кнуту. Кроме того, он

Изображение короля
Этельреда II –
с поднятым мечом,
из иллюстрированной
рукописи «Хроника Абингдона»

Этельред II (ок. 968, Уэссекс – 23.04.1016, Лондон), известный как Этельред Неразумный, король Англии (с 18 марта 978-1013 и в 1014-1016). Сын Эдгара, короля Английского (959-975) и королевы Эльфрит (Эльфледы). Годы его правления были ознаменованы обороной Англии от нападений викингов. Был похоронен в Старом соборе св. Павла в Лондоне.

Хартия
с обращением
короля
Этельреда
к своим
сторонникам.
1003 год

называл Олафа королем, а этого Кнут вынести не мог и с таким раздражением пенял на это епископу, что тот в конце концов подчинился, ибо сердце Кнута было преисполнено гордости и амбиций ввиду его могущества и обширности владений. Так дело и шло, пока не настал Великий пост. И вот король Кнут опять стал говорить епископу Зигфриду:

– Не ты ли этой зимой называл Олафа королем? По какому праву ты это делал? Ведь у него нет ни страны, ни короны.

– Это правда, Ваше Величество, – отвечал епископ, что здесь у него нет владений, нет на нем и золотой или серебряной короны. Но он избран и коронован Самим

Кнут (или Канут) Великий,
Кнут I англо-саксонских хроник.
Викинг, король Англии, Дании, Норвегии
и части Швеции (Сигтуны), Померании
и Шлезвига.
Правил с 1014 года до 12.11.1036 года

* Кнут Великий (англ. - Canute the Great, дат. - Knut или Knud den Store, норв. - Knut den Mechtige) (ок. 994-1035), король Англии, Дании и Норвегии. Кнут - сын короля Дании Свена, который в 1013 завоевал восточную и центральную Англию (ум. 1014). На датский трон взошел его младший сын Харальд II, а воины Свена провозгласили правителем Англии Кнута. Англичане почти сразу же его изгнали, но в 1015 он вернулся и к 1017 покорил всю Англию. Кнут крестился до 1013 и стал ревностным христианином, в 1026-1027 он совершил паломничество в Рим. После смерти Харальда в 1019 Кнут наследовал датский престол, а в 1028 отвоевал Норвегию у местного короля. Кнут был повелителем чрезвычайно обширной державы, но наибольшее расположение проявлял к Англии, сделав ее своим постоянным местом обитания и предоставляя посты первостепенной важности и значения таким англичанам, как граф Годвин. Кнут был умелым правителем. От природы коварный и подверженный вспышкам необузданного гнева, при необходимости он мог продемонстрировать выдержку и понимание нужд своих подданных. Умер он в монастыре Шефтсбери 12 ноября 1035. Похоронен в соборе Олд Минстер в Винчестере. Уже вскоре после его смерти держава распалась: в Англии воцарился незаконный сын Кнута Гарольд (правил до 1040), а в Дании - законный сын Хардекнут, который в 1040 стал править также и Англией. Однако, когда в 1042 Хардекнут умер, в Англии на трон возвратилась местная династия (Эдуард Исповедник), а в Дании - Свен II, сын ярла Ульфа.

Отчеканенные в правление короля
Кнута Великого монеты – пенни –
с надписью: “CNUT REX ANGLORUM” –
«Кнут, король английский»

*Св. Зигфрид (Сигурд), епископ,
прежде священник из Йорка,
проповедует Евангелие
в Швеции (Векшё) около 1045.
Ф.Э. Блэкстадиус, 1866 г.*

Зигфрид (Siegfried, Sigurd; конец X в., Англия?–1045, Векшё, Швеция) – святой, английский епископ-миссионер (по-видимому скандинавского происхождения), проповедовавший христианство в Норвегии и Швеции около 1015–1045 г. Бенедиктинский монах из Гластонбери. Согласно «Легенде о св. Зигфриде», он был архиепископом Йоркским, прибыл через Данию в Веренд, где построил церковь, был затем приглашен к Олафу Шётконунгу и крестил его. Согласно Адаму Бременскому, Зигфрид (Sigafriðus) прибыл с Олафом Харальдссоном в Норвегию (он поставил в 1022–1023 священников в Лоаре и Ваге), оттуда – в Швецию, проповедовал у ётов и свеев, посетил в 1030 г. Бремен. Первый епископ города Скара в Вестергётланде (1031–1043). Зигфрида идентифицируют с дружинным епископом Олафа Трюггвассона Сигурдом, упоминаемом в исландских сагах. Память 15 февраля.

Господом, Царем царей, Всемогущим Богом. Он избран и коронован управлять страной, в которой он рожден. Итак, жребий этот ожидает его; он будет управлять своим королевством на благо и процветание своего народа, и принесет Господу Богу нашему достойный плод своего правления. Народ Норвегии, и не только Норвегии, но и все окружающие племена и вся Северная Земля будут вечно чтить и прославлять сей столп христианства, сей оплот христианской государственности, который вырвет с корнем все сорняки на поле и в винограднике Господнем, и посеет на их месте добрые семена Слова Божия. Семена эти взойдут и принесут плоды, так что всякий вкушающий их сам удостоится Царства Небесного в Доме Бога нашего Господа Иисуса Христа во веки веков.

Король Кнут заметил:

– Ты, Преосвященнейший Владыко, не пожалел, кажется, пышных слов, чтобы показать, насколько этот Олаф превосходит нас в Божественной Благодати и добродетелях. Да что говорить – если верить твоим словам, то по сравнению с ним мы и вовсе кажемся не имеющими никаких добродетелей.

– Я хотел сказать только то, что сказал, – ответил епископ.

– Хочется и мне чем-нибудь похвастаться перед Олафом, – сказал Кнут с притворным смирением, – хотя я и уступаю ему во многом. К примеру, вот начался пост. На мне, ты видишь, не шелковая, а льняная рубашка, не пурпурная и вельветовая, а розовая поддевка. И пью я только эль, а не мед. А Олаф носит шелковую рубашку и поддевку из вельвета; готовят ему изысканные блюда, и на столе у него постоянный сосуд с вином.

Епископ ответил:

– Да, это правда, мой господин, действительно, Олаф носит шелковую рубашку, но под ней власяница и пояс широкий от бедер и почти до самых плеч с железными прутьями в нем. И если ты заметил, сидение Олафа установлено на деревянном возвышении, под которым пустота. Там сидит карлик. Это он ест все деликатесы. А Олаф ест только хлеб с солью. Перед ним также сосуд с водой. А чашу вина пьет тот же карлик.

Из-за этих слов Кнут так разгневался на епископа, что Олаф уже не мог оставаться при дворе Кнута. Вскоре покинул его и епископ Зигфрид»⁴.

Из «Саги об Олафе Святом» Снорри Стурлусона (наиболее объективном источнике) нам известно, что св. Олаф намеревался предпринять какие-то походы в дальние страны, в том числе в Святую Землю. «И когда Олаф конунг стоял в Карлсаре (Кадикс – *Свящ. С.К.*) и ждал попутного ветра, чтобы плыть в Нёрвасунд (Гибралтарский пролив – *Свящ. С.К.*), а оттуда в Йор-салахейм (Иерусалим – *Свящ. С.К.*), ему приснился замечательный сон, будто подошел к нему статный и видный, но внушающий ужас муж и заговорил с ним. Он просил Олафа отказаться от своего намерения плыть в дальние страны:

– Возвратись в свою отчину, потому что навеки будешь конунгом Норвегии.

Олаф конунг понял этот сон так, что он будет править страной и своими соотечественниками долгие времена»⁵. По всей вероятности, явившийся во сне муж был св. король Олаф Трюггвассон.

Итак, в 1015 году король Олаф вместе с епископом Зигфридом отправились в Норвегию. (Земли, куда они направились, представляли собой область Грёнланд в Вестфольде, в южной Норвегии, которыми прежде владел

Олаф
Харальдссон.
С картины
Петера
Николая
Арбо
(1831–1892)

отец св. Олафа, Харальд Гренландец – Ред.) «Тот остров, – говорится в Саге, – где они сошли на берег, называется Сэла (Saela) и расположен недалеко от мыса Стад (Sted). Конунг сказал тогда, что в счастливый день они прибыли в Норвегию, потому что они пристали именно к Сэле, в этом он увидел хорошее предзнаменование («сэла» по-исландски – счастье – *Свящ. С.К.*). Когда они сходили на берег, конунг ступил ногой на глину, поскользнулся и упал на колено. Конунг сказал:

– Я упал (плохое предзнаменование – *Свящ. С.К.*).

Епископ тогда промолвил:

– Ты не упал, конунг, ты прочно встал на землю этой страны.

Конунг усмехнулся и сказал:

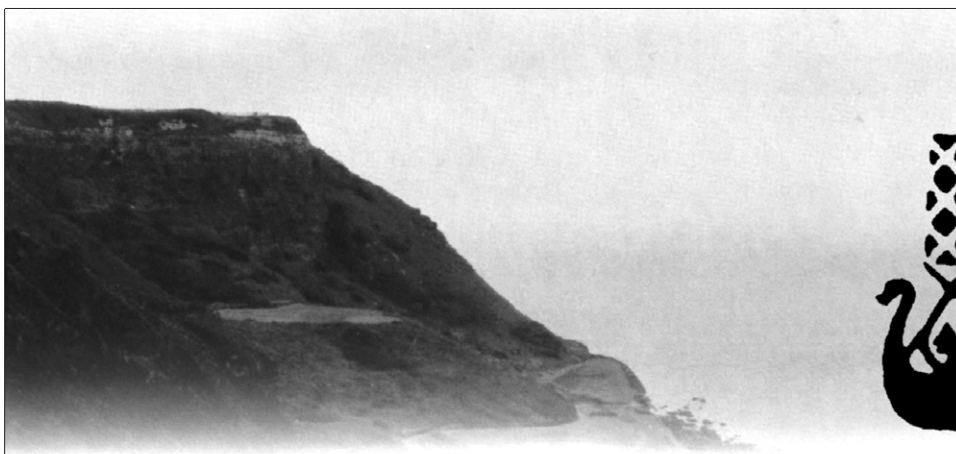
– Пусть будет так, если это угодно Господу»⁶.

Целью св. Олафа было создание христианского государства, в котором христианство вытеснило бы окончательно язычество. Хотя, как уже сказано, многое было уже сделано в этом отношении предшественником св. Олафа

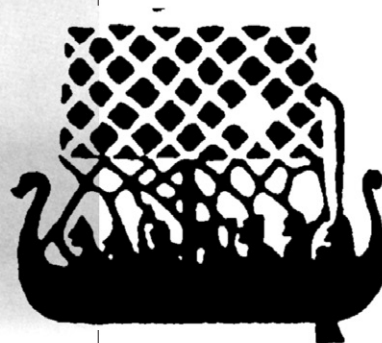
королем Олафом Трюггвассоном (также причисленным к лику святых), однако во многих районах Норвегии христианство признавалось лишь формально, а все языческие обычаи и верования сохранялись. В некоторых же районах христианство вообще отвергалось и ему оказывалось ожесточенное сопротивление. Для достижения поставленной цели необходимо было сосредоточение власти в руках православного монарха. На этом пути св. Олафу пришлось встретить сопротивление как со стороны ряда местных князей, так и со стороны той части народа, которая отвергала христианство вообще, либо принимала его лишь формально. Особенно ожесточенную борьбу св. Олаф выдержал с ярлом (князем) Свейном. Как в своих военных и политических действиях, так и в своем миссионерстве св. Олаф уповал не столько на свои силы и умение, сколько на помощь Божию, подаваемую по молитвам Ему и святым. Вот как описывает Сага решающий бой с ярлом Свейном: «Утром в воскресенье, как только рассвело, Олаф конунг встал, оделся, сошел на берег и велел трубить сбор, чтобы все его войско собралось на берегу. Потом он обратился ко всему войску и сказал, что, как он узнал, Свейн ярл недалеко.

– Теперь мы должны подготовиться, – сказал он, – потому что скоро грянет бой. Берите оружие и вставайте каждый на свое место так, чтобы все были наготове, когда я велю трубить в рог и прикажу выступать. Выступим все вместе. Никто не должен отправляться раньше, чем все будут готовы, никто не должен оставаться здесь, после того как я отплыву, потому что мы не можем знать, встретим ли мы ярла там, где он сейчас, или он сам будет искать встречи с нами. Но если мы сойдемся и начнется битва, пусть наши корабли сомкнутся, и вы должны связать их канатами. Укроемся щитами и побережем наше оружие, так чтобы ни одна стрела не упала в море и не была потрачена напрасно. А когда корабли сойдутся и разгорится битва, смелей идите на приступ вражеских кораблей, и пусть каждый покажет, на что он способен.

У Олафа конунга на корабле было сто человек, и на всех были кольчуги и вальские шлемы. У большинства его

Корабль викингов. Изображение на руническом камне X век

Остров Сэла. Иллюстрация из книги «Олаф, викинг и святой». Худ. Мортен Мюклебюст 1996 год

людей были белые щиты со святыми крестами из золота, а на некоторых щитах кресты были написаны красной или синей краской. Он велел также написать белой краской кресты на всех шлемах (так поступил и св. император Константин Великий в решающей битве с язычниками. — *Свящ. С.К.*). У него было белое знамя со змеем. Он велел отслужить молебен, потом пошел на свой корабль и приказал людям подкрепиться перед боем. После этого он велел трубить в рог и выходить в море»⁷.

Св. Олаф одержал победу над Ярлом Свейном* в этой решающей битве (битва при Несъяре**), и путь к объединению Норвегии под самодержавной властью православного монарха был открыт. «Когда Олаф конунг, — повествует Сага, — приплыл в Тронхейм, против него никто не выступил, и он был провозглашен конунгом. Осенью он обосновался в Нидаросе и приготовился зимовать там. Он велел построить церковь Клеменса (св. Климент папа Римский, священномученик (†101; пам. 25 ноября/8 декабря) — *Свящ. С.К.*) на том самом месте, где она и сейчас стоит»⁸. «Олаф конунг велел построить себе усадьбу в Нидаросе. Ему выстроили большие палаты с дверьми с обоих концов. Престол конунга был посередине, а рядом с ним сидел Гримкель***, его придворный епископ, за ним — другие его священники, а с другой стороны сидели его советники»⁹.

Придя к власти, святой правитель немедленно принял меры по установлению мира и безопасности для своего

народа. Он исправил старые законы и строго потребовал, чтобы они ни в коем случае не нарушались ни путем подкупа, ни угроз. С помощью английских миссионеров он обратил всю Норвегию в христианство. Помимо храма св. Климента Папы Римского в Нидаросе он воздвиг по всей Норвегии множество церквей. В Мостере он составил кодекс законов касательно отношений Церкви и государства. Гвин Джонс пишет: «Кодекс церковных законов, составленный в Мостере, стал основополагающим для всей церковной и гражданской жизни. Он был зачитан на нескольких тингах (собрание граждан, похожее на Новгородское вече — *Свящ. С.К.*) и в соответствии с ним были внесены поправки в древнейший Гулатингский**** свод законов»¹⁰.

Сага повествует: «Обычно конунг вставал рано утром, одевался и мыл руки, а потом шел в церковь. Затем он решал тяжбы или говорил людям о том, что считал необходимым. Он собирал вокруг себя и могущественных, и немощественных, и особенно всех тех, кто были самыми мудрыми. Он часто просил говорить ему законы, которые установил в Тронхейме Хокон, воспитанник Адельштайна (норвежский король Хокон Добрый (920–961), воспитанник английского короля Этельстана (895–939). Хокон был первым христианским королем Норвегии, но слабым, чтобы бороться с язычеством — *Свящ. С.К.*). Сам он устанавливал законы, советуясь с самыми мудрыми людьми. Одни законы он упразднял, а другие добавлял, если считал

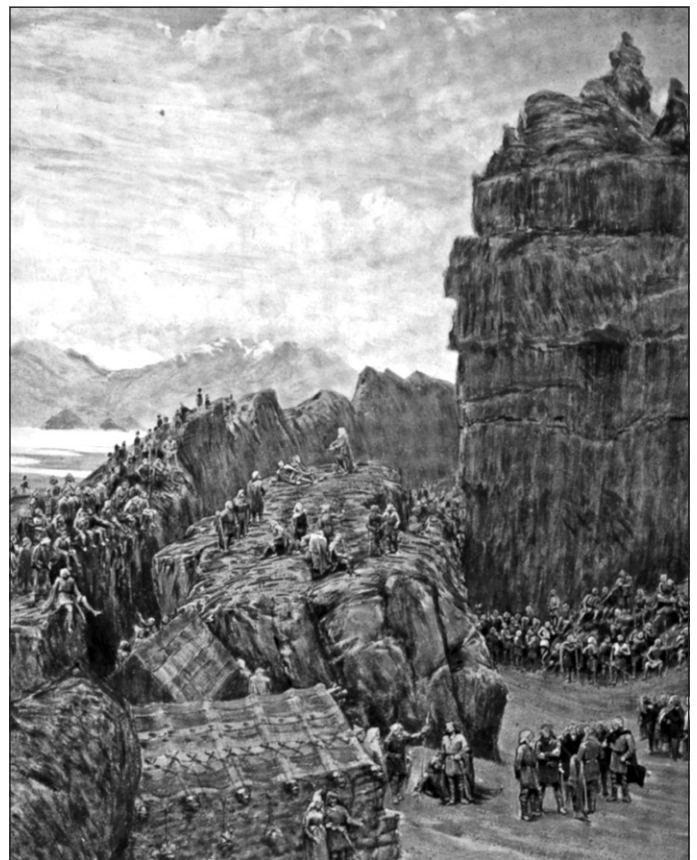
* Ярл Свейн Хаконарссон (ок.964—конец 1015 г.). Вместе с братом, ярлом Эйриком Хаконарссоном (ок.964–1011), взявшим и разрушившим Ладогу в 997 г., правил Норвегией с 999 г. Участник морской битвы при Свольдере, в которой ими была одержана победа над Олафом Трюггвассоном (1000). Первый год по прибытии св. Олафа II в Норвегию совместно с ним правил страной (1014–1015). Разбит Олафом II в битве у Несъяра (1015), бежал в Данию, а оттуда — в Швецию, к королю Олафу. До планируемого похода в Норвегию, куда он собирается вернуться, чтобы продолжить борьбу, летом совершил военный поход в Карелию и осенью — в Гардарики (на Русь), где заболел и умер.

** Битва при Несъяре (между Олафом Святым и шведским вассалом Свейном Хаконарссоном) произошла в 1015 г. у берегов Норвегии, в юго-западной части Ослофьорда. Король Олаф одержал в ней победу и путь к объединению им Норвегии был открыт. Описанию сражения посвящен цикл скальдических стихов «Висы о битве у Несъяра».

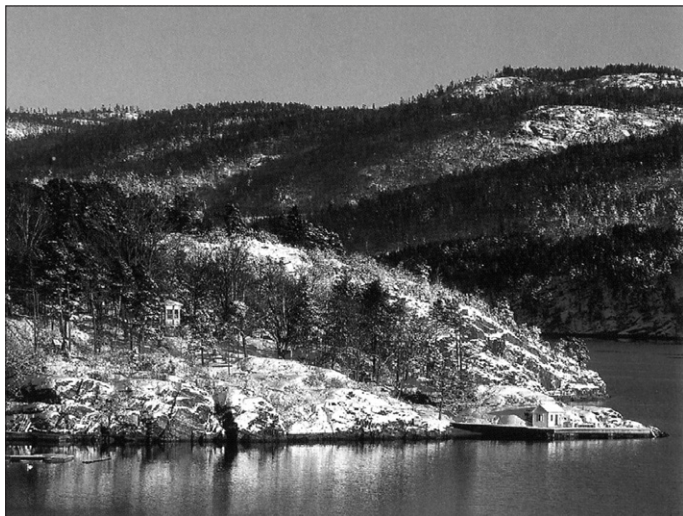
*** Гримкель (Grimkel, конец X—сер. XI вв.) — английский епископ, отправившийся в 1014 г. по указанию английского короля Этельреда вместе с еще двумя епископами-миссионерами Сигурдом (Зигфридом) и Иоанном из Нортумберланда в Норвегию, с войском короля Олафа. Состоял при дворе Олафа Святого. Просветитель Норвегии, крестивший жителей северных и внутренних районов страны. В 1024 на Гулатинге совместно со св. Олафом установил закон о христианстве. После отъезда св. Олафа на Русь (1029), служил в Упплэнде. В 1031 прибыл в Нидарос (Тронхейм) на освидетельствование мощей св. Олафа. 3 августа 1030 г. провозгласил короля Олафа святым. Будучи епископом Нидароса, вел запись чудес св. Олафа. Построил в 1032 г. часовню над местом захоронения св. Олафа (с 1075 — собор Нидарос). Позже был епископом епархии Селси на юго-востоке Англии. Составитель первых литургических текстов, посвященных Св. Олафу, основоположник его почитания в Англии.

**** Гулатинг — всеобщий тинг (собрание) в Западной Норвегии. Разработанные законодательные акты по древнему норвежскому обычаю могли стать законом только после всенародного утверждения на областных тингах — лёттингах. Таких тингов было в Норвегии четыре: Фростатинг на севере страны в области Трёнлэг с центром в г. Нидарос, (в котором позже находилась гробница святого короля Олафа); Гулатинг на юго-западе Норвегии в области Гулатинглэг; Боргартинг на юго-востоке, включавший области вокруг Осло-фьорда; Эйдисватинг на востоке в Упплэнде. Временем появления этих тингов, вероятно, следует считать IX–X вв., а на протяжении XI–XII вв. к ним присоединялись окрестные территории — фюльки и херады.

Возможно, первые записи областных законов были сделаны во времена короля Олафа Святого (1016–1030). Во всяком случае, к 1024 г. относят первую королевскую редакцию Законов Гулатинга, так называемый «текст Олафа».

Бонды, собравшиеся на тинг.
С картины «Альтинг». Худ. В.Г. Коллингвуд, 1873 год

Пейзаж района Вестфольд в южной Норвегии, где произошла битва при Несъяре

это необходимым. Закон о христианстве он установил, посоветовавшись с епископом Гримкелем и другими священниками. Он прилагал все силы, чтобы искоренить язычество и те древние обычаи, которые, по его мнению, противоречили христианской вере. И вышло так, что бонды (свободные земледельцы – *Свящ. С.К.*) приняли законы, которые установил конунг.

Олаф был человеком добродетельным, сдержанным и немногословным. Он был охоч до всякого добра и щедро его раздавал. С конунгом был тогда Сигват скальд* и другие исландцы. Олаф конунг подробно расспрашивал их о том, как христианство соблюдается в Исландии. Он считал, что соблюдается плохо, раз законы там разрешают есть конину, выносить детей (в Саге о Гуннлауге Змеином Языке говорится: «Когда Исландия была еще совсем языческой, существовал такой обычай, что люди, которые были бедны и имели большую семью, уносили своих новорожденных

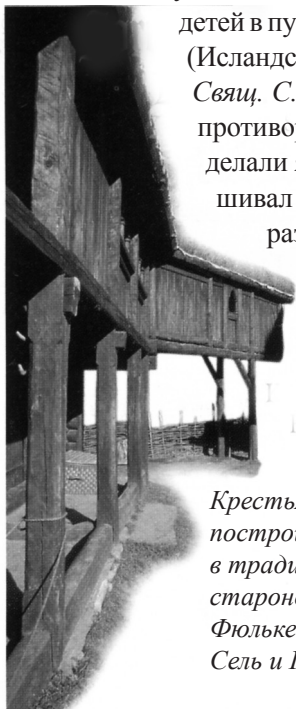
детей в пустынное место и оставляли там» (Исландские саги. – М., 1956. – С. 26) – *Свящ. С.К.*) и делать многое другое, что противоречит христианской вере и что делали язычники. Олаф много расспрашивал знающих людей об обычаях в разных странах и особенно часто спрашивал он о соблюдении христианской веры на Оркнейских, Шетландских и

Фарерских островах (в романе Вальтера Скотта «Пират» описываются языческие обряды и поверия, которые существовали на Шетландских и Оркнейских островах еще в конце XVI – начале XIX века. – *Свящ. С.К.*). Из рассказов он узнал, что там не все хорошо. Он часто вел такие беседы или говорил о законах и порядках в стране»¹¹.

«Тогда же из Нидароса отправлялся корабль в Исландию. Олаф послал с ним свои знаки и велел передать Хьяльти сыну Skeggi**, чтобы тот явился к нему. Он просил передать законоговорителю Скафти*** и всем другим исландцам, причастным к законодательству, чтобы они отменили те законы, которые, как он считал, противоречат христианской вере. Всем исландцам он послал заверения в дружбе.

Конунг направился на юг вдоль побережья, останавливаясь в каждом фюльке и созывая бондов на тинг. На каждом тинге он велел читать христианские законы и заповеди. Он запрещал дурные обычаи и языческие обряды, потому что ярлы жили по старым законам и никому не рассказывали о христианских законах. В то время повсюду на побережье люди были крещены, но большинству из них христианские законы оставались неизвестны. В горных долинах и горах все по-прежнему оставались язычниками, так как, когда люди предоставлены самим себе, они крепко помнят веру, которой их научили в детстве. Тех, кого Олаф не мог уговорить принять христианство, он принуждал к этому силой и не смотрел на то, кто перед ним, могущественный человек или нет»¹².

На последних словах Саги следует остановиться. Считается весьма многими, что во всех абсолютно случаях применение силы при христианизации народов является негативным явлением. Упрек в этом отношении делается даже св. князю Владимиру. Упускается из виду, что в Скандинавии (а следовательно, отчасти в Киевской Руси) сила являлась доказательством благоволения Божия к тому, кто ее применяет. Поклонение силе было заложено в основе психологии и верований и даже в образе жизни древних скандинавов. Поэтому применение силы со стороны св. Олафа для многих в народе служило доказательством, что на его стороне правда. Аналогичный психологический эффект наблюдался и при крещении Руси св. князем Владимиром. Почему Русь почти без сопротивления приняла новую религию? Только ли потому, что и прежде к этому прилагали усилия св. равноап. вел. кн. Ольга и другие

Крестьянские постройки в традиционном старонорвежском Фюльке (губерния Сель и Гудбрансдален)

* Сигват Скальд, Сигват Тордарссон (ок.995–ок. 1045) – один из самых выдающихся исландских скальдов. Скальд и ближайший друг Олава Святого, крестный отец и скальд короля Магнуса Доброго.

** Хьяльти, – хёвдинг, житель Исландии (хёвдинг – «вождь» (норвежск.)) – глава рода в средневековой Скандинавии, предводитель дружины). Принял крещение в Норвегии от священника Тангбранда в числе первых исландцев. Вместе с Гицуром Белым, священником по имени Тормод и еще несколькими людьми, посвященными в духовный сан, Хьяльти был отправлен Олавом Трюггвассоном в июне 1000 года в Исландию, чтобы возвестить там христианство. На Альтинге (всеобщий тинг в Исландии и на острове Готланд), в котором Хьяльти принимал участие, христианство в Исландии было принято в качестве официальной религии.

*** Скафти, сын Торродда Мудрого и внук Эйвинда. В начале XI в. был законоговорителем (председательствовавшим на Альтинге) в Исландии.

христиане, жившие уже на территории Руси? Нет, пожалуй, главным фактором было то, что в Киевской Руси великий князь считался главным жрецом, что сказал главный жрец по религиозным вопросам, то и истина. Так, повторяем, Бог обращает на службу Истине даже заблуждения язычников.

«Олаф конунг велел ввести христианство в Вике (южная прибрежная часть Норвегии, лежащая по берегам Осло-фьорда – *Ред.*) таким же образом, как он сделал это на севере страны, и дело шло успешно, поскольку жители Вика были знакомы с христианскими обычаями намного лучше, чем люди на севере, так как и зимой и летом там бывало много датских и саксонских купцов. К тому же и сами жители Вика часто ездили торговать в Англию, страну Саксов, страну Флемингов, и в Данию, а некоторые бывали в походах викингов и оставались зимовать в христианских странах»¹³.

Затем св. Олаф опять направил на север свою миссионерскую деятельность. «Сначала он отправился в Вингульмёрк. Он делал так: останавливался в соседстве с лесными поселениями и созывал оттуда всех жителей и особенно тех, кто жил в самой глуши. Он расспрашивал о том, как там соблюдалось христианство, если узнавал, что плохо, учил народ правой вере. Он назначал священников и сажал их густо по Упплэнду, как считал необходимым. Скоро он увидел, что чем глубже в страну он продвигался, тем меньше там знакомы с христианством. Он действовал все также и обращал всех в правую веру»¹⁴.

«Св. Олаф направился еще дальше на север в Тронхейм и Халогаланд и подробно расспрашивал о том, как соблюдается христианство в стране. Он узнал, что чем дальше на север в Халогаланде, тем меньше там знакомы с христианством, а в Наумудале и во Внутреннем Трондхейме тоже не все обстоит хорошо»¹⁵.

«Собравшись, он отправился на север страны вдоль побережья. Когда он приплыл в Наумдэлафюльки, он стал созывать бондов на тинг. На каждом тинге его провозглашали конунгом. Здесь так же, как и в других местах, он приказывал зачитывать законы, в которых повелевал соблюдать христианство. Он грозился лишить имущества тех, кто не захочет подчиняться христианским законам. Он уезжал из каждой области только после того, как народ сам соглашался соблюдать святую веру. <...> Олаф конунг провел большую часть лета в Халогаланде. Он ездил по всем тингам и обращал народ в христианство <...>. Осенью Олафу конунгу рассказали, что во Внутреннем Тронхейме бонды устраивали в начале зимы пиры, а в питье там не было недостатка. Конунгу рассказали, что там пили в честь асов (*общее название скандинавских языческих богов* – Свящ. С.К.) по старому обычаю, резали

Воины. Рисунок на руническом камне. X век

скот и лошадей, окропляли алтари кровью и совершали жертвоприношения, утверждая, что это должно обеспечить хороший урожай. Все там считали, что боги, очевидно, разгневались на жителей Халогаланда за то, что те приняли христианство. Когда конунг узнал обо всем этом, он послал своих людей во Внутренний Тронхейм и велел, чтобы к нему явились бонды, которых он назвал по именам.

Одного человека звали Эльвир из Эгги****. Он был человек могущественный и знатного рода. Он стоял во главе тех бондов, которые отправились

к конунгу. Когда они явились к конунгу, тот рассказал бондам, в чем их обвиняют. Эльвир отвечал от имени бондов и сказал, что этой осенью они не устраивали никаких пиров, были только пирушки и угощения вскладчину или встречи друзей. Он сказал:

– А то, что вам наговорили о наших речах на пирах в Тронхейме, то я скажу, что умные люди поостереглись бы таких речей, а за речи дураков и пьяниц я не в ответе.

Эльвир был человеком красноречивым и он защитил бондов от обвинений. Конунг сказал, что жители Внутреннего Тронхейма сами должны доказать, что они верны праведной вере. Потом бондам разрешили отправиться домой, и они собрались и уехали.

Зимой конунгу рассказали, что многие жители Внутреннего Тронхейма собрались в Мэрине и совершают там жертвоприношения по случаю середины зимы, чтобы был мир и зима была хорошей. Когда конунг убедился в том, что это правда, он послал своих людей во Внутренний Тронхейм и вызвал бондов в город. Бонды собрались и стали решать, как им быть с этим приглашением. Тем, кто ездил в прошлую зиму, особенно не хотелось ехать. Но, уступив уговорам всех бондов, Эльвир все же поехал. Как только он приехал в город, то сразу же отправился к конунгу. Они стали беседовать, и конунг обвинил бондов в том, что они совершали жертвоприношения по случаю середины зимы.

* Эльвир из Эгги - предводитель бондов из Мэрина. Упорный сторонник язычества. В 1021 г. был казнен королем Олафом, когда готовил жертвенный пир.

Крестьянские дома и постройки. Долина Хейдала

Эльвир ответил, что бонды в этом невиновны, и добавил: – У нас был Йоль (Jol – языческий зимний праздник, название которого перешло на христианский праздник Рождества Христова – *Свящ. С.К.*), и повсюду устраивались пиры. Бонды не поскупились на угощение к Йолю, так что у них много всего осталось, и они пировали долго и после Йоля. А Мэрин – средоточие страны, там есть большие дома, а вокруг живет много народу. Вот бонды и посчитали, что веселее будет пировать там всем вместе.

Конунг ничего не ответил, но был рассержен, так как не поверил тому, что сказал Эльвир. Конунг велел бондам отправляться обратно и сказал:

– Но я узнаю правду, как бы вы ее ни скрывали. И что бы вы ни делали до сих пор, впредь так не поступайте.

Бонды уехали домой и рассказали о своей поездке и о том, что конунг был изрядно разгневан.

Олаф конунг устроил на Пасху большой пир и пригласил на него многих жителей и бондов. После Пасхи конунг велел спустить на воду свои корабли, принести на них снасти и весла, разбить на кораблях шатры и оставить их на плаву у причала. После Пасхи конунг послал своих людей в Верадаль.

Одного человека звали Торальди*. Он был управителем конунга и управлял его поместьем в Хауге. Конунг

* Торальди – вероятно, один из бондов, жителей Тренделага, чья семья приняла христианство и подвергалась притеснениям язычников.

*Деревянная ставкирка в Хопперстаде, Норвегия.
Фюльке Вик и Согн. Построена в 1130 году*

велел передать ему, чтобы тот как можно быстрее приехал к конунгу. Торальди быстро собрался и вместе с гонцами конунга отправился в город. Конунг пригласил его побеседовать с глазу на глаз и спрашивал, правду ли ему говорили, когда рассказывали, что жители Внутреннего Тронхейма снова стали совершать жертвоприношения. Конунг сказал:

– Я хочу, чтобы ты мне рассказал все, как есть. Ты знаешь правду и обязан мне ее сказать, потому что ты мой человек.

Торальди отвечал:

– Государь, я сначала хочу сказать вам, что я привез сюда в город двух своих сыновей, жену и все добро, которое смог увезти с собой. Вы хотите, чтобы я вам все рассказал, – на то ваша воля, но, если я расскажу все, как есть, вы должны взять меня под защиту.

Конунг сказал:

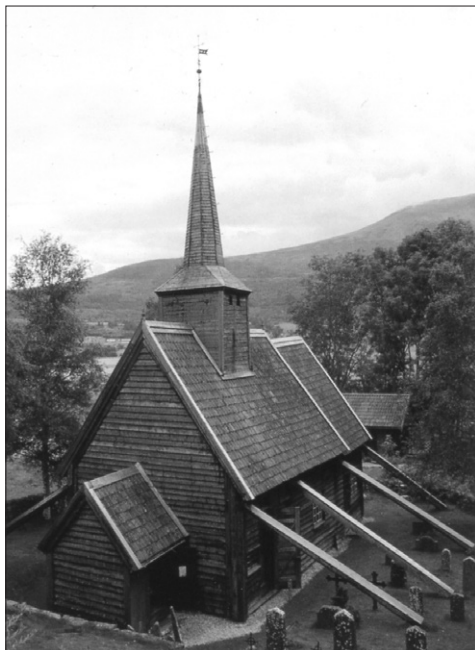
– Говори правду, раз я тебя спрашиваю, и я возьму тебя под защиту, так что тебе не смогут причинить вред.

– Сказать вам по правде, во Внутреннем Тронхейме почти все еще остаются язычниками по вере, хотя некоторые там крещены. У них есть обычай приносить жертвы осенью и встречать так зиму. Потом приносят жертвы в середине зимы и в третий раз – летом, когда они встречают лето. Так делают жители Эйны (Einan), Спарабу (Sparbu), Верадаля (Verdal) и Скауна (Skaun). Двенадцать человек устраивают жертвенные пиры, и этой весной пир должен давать Эльвир. Он сейчас в Мэрине (Maere) и занят тем, чтобы доставить туда все необходимое для пира.

Когда конунг узнал правду, он велел трубить сбор и приказал своим людям идти на корабли. Конунг назначил кормчих и предводителей отрядов и указал, кому на каком корабле плыть. Они быстро собрались. У конунга было пять кораблей и три сотни человек. Он поплыл в глубь фьорда. Ветер был попутный, корабли шли очень быстро, и никто не ожидал, что конунг сможет так скоро добраться до Мэрина.

Конунг подошел к Мэрину ночью и тут же окружил все дома. Эльвир был схвачен, и конунг приказал убить его и многих других. Конунг захватил все то, что было приготовлено для пира, и велел отнести на свои корабли. Кроме того, он захватил все добро, которое там было – ковры, одежду, дорогие украшения, и разделил эту добычу между своими людьми. Конунг велел также схватить тех бондов, которых считал виновными больше всех. Их заковали в кандалы, но некоторым удалось бежать. У многих тогда отобрали все их добро.

* Вира – выкуп. Норвегии и Исландии в эпоху народовластия основную прослойку населения составляли бонды – свободные люди, домохозяева, главы семей, хлебопашцы, скотоводы. Если бонды нарушали мир, то они выплачивали королю виру или подносили ему добровольные дары. Если король позволял себе несправедливость к кому-либо из бондов, виру платил король. Выкуп (вира), например, за убийство бонда составляла 120 эйриров, кярла (слуги) – 60, трэла (раба) – 12.

Церковь
в Рёдвене
в Ромсдале.
Построена
в 1100-х годах

Потом конунг созвал бондов на тинг. Поскольку конунг захватил многих могущественных людей, и все они оказались в его власти, их родичи и друзья решили подчиниться конунгу, так что на этот раз никто не восстал против него. Он всех обратил в правую веру, назначил священников и велел построить и освятить церкви. Конунг объявил, что за Эльвира не будет уплачено никакой виры*. Некоторых он изгнал из страны, а у некоторых захватил все добро. Потом конунг отправился обратно в Нидарос»¹⁶.

«К тому времени Олаф конунг был уже семь лет конунгом Норвегии. Тем же летом Олаф побывал в Южном и Северном Мере, а осенью в Раумсдале. Там он оставил корабли, отправился в Упллэнд и приехал в Лесьяра (Lesja). Он велел схватить всех лучших людей в Лесьяре и Довраре (Dovre), и они должны были либо принять христианство, либо лишиться жизни, либо бежать, если это им удавалось. У тех, кто принимал христианство, конунг брал для верности в заложники их сыновей»¹⁷.

«Одного человека звали Гудбранд** из Долин. Он правил как конунг в долинах, хотя был херсиром***. Когда Гудбранд узнал, что Олаф конунг приехал в Лоар (Lora) и принуждает людей обратиться в христианство, он вырезал ратную стрелу (сигнал к войне или восстанию – Свящ. С.К.) и послал ее по долинам. Всех жителей долин он созвал в усадьбу под названием Хундторп (Hundorp, близ Рингебю, фюльке Гудбрандсдален – Ред.). Когда все туда съехались, то там собралось очень много народу. Гудбранд собрал тинг и сказал, что в Лоар приехал человек по имени Олаф.

– Он хочет навязать нам другую веру, не такую, как у нас была раньше, и уничтожить наших богов. Он говорит, что его Бог гораздо могущественнее. Удивительно, что земля не разверзается у него под ногами, когда он осмеливается говорить такое, и наши боги позволяют ему заходить так далеко, и думаю, что если мы вынесем из храма стоящего там Тора, который нас всегда защищал, и он посмотрит на Олафа и его людей, то Бог Олафа растает, и все его люди превратятся в ничто.

Тут все закричали, что Олафу ни за что не уйти живым, если он придет к ним. Они говорили:

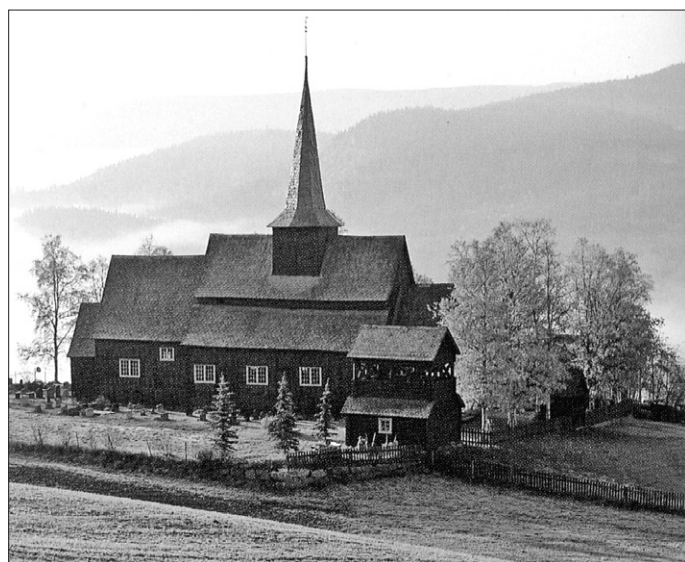
– Он не посмеет двинуться дальше на юг по долинам.

Потом они снарядили семь сотен человек, которые должны были отправиться на разведку на север в Брейд. Предводителем этого войска был сын Гудбранда, которому было восемнадцать лет. С ним поехали многие знатные люди. Они приехали в усадьбу под названием Капище и пробыли там три часа. К ним присоединились те, кто не хотел принимать христианство и бежал из Лесьяра, Лоара и Ваги (Lesja, Lora, Vågå).

Олаф конунг и Сигурд епископ (епископ Зигфрид, просветитель Швеции – Свящ. С.К.) оставили священников в Лоаре и Ваге. Потом они перебрались через горы Вагарёст и спустились в Силь. Они пробыли там ночь и узнали, что против них собралось большое войско. О приезде конунга узнали бонды в Брейде и тоже приготовились биться с конунгом. Когда конунг проснулся, он надел свои доспехи и отправился на юг по Сильвеллиу. Он нигде не останавливался, пока не добрался до Брейда. Там он увидел большое войско, готовое к битве. Конунг тогда построил свое войско, а сам на коне выехал вперед. Он обратился к бондам и потребовал, чтобы они приняли христианство. Те отвечали:

– Сегодня тебе уже не придется смеяться над нами.

Тут они издали боевой клич и стали бить оружием по

Церковь в Хегге, Норвегия. Вальдресская долина.
Построена в 1200-х годах

** Гудбанд из Долин – ярл Гудбранд, сын Гудмунда. Отец ярла Гейрмунда. Их потомки были херсирами в Долинах.

*** Херсир – вождь. Херсиры – представители родовой знати, предводители, вожди племен. Слово «херсир» (hersir – вождь) происходит от древнескандинавского heir – войско, народ. И ярл (князь), и конунг (король), и херсир (предводитель войска, народа) для своих людей будут являться хёвдингами.

щитам. Люди конунга бросились вперед и пустили в ход копья. Бонды сразу же обратились в бегство, только немногие устояли. Сына Гудбранда взяли в плен. Конунг его пощадил и оставил при себе. Конунг пробыл там еще четыре ночи. Он сказал сыну Гудбранда:

– Поезжай домой к отцу и скажи ему, что я скоро буду у него.

Тот поехал домой и сообщил своему отцу неприятную весть о том, как они встретились с конунгом, и чем кончилась битва. Он сказал:

– Наше войско сразу же обратилось в бегство, а меня взяли в плен. Конунг пощадил меня и просил поехать к тебе и сказать, что он скоро будет здесь. От всего войска, которое сражалось с конунгом у нас осталось только две сотни человек. Я не советую тебе, отец, биться с этим человеком. Гудбранд отвечает:

– Видно, у тебя душа ушла в пятки. В несчастливый час уехал ты из дому, и ты еще долго будешь помнить об этой поездке. Ты уже даже веришь в ту несурязицу, которую проповедует тот человек, покрывший позором тебя и твоё войско.

На следующую ночь Гудбранду приснилось, что к нему явился внушающий страх человек в сиянии и сказал:

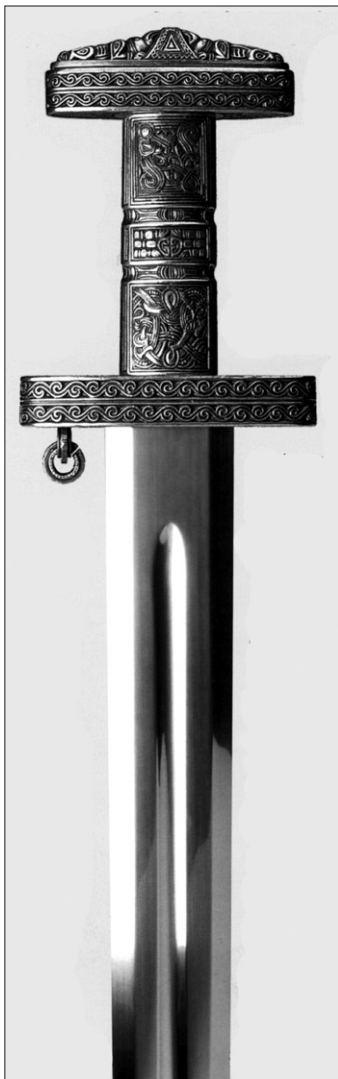
– Твой сын не смог одолеть Олафа конунга, а тебе будет еще хуже, если ты захочешь биться с конунгом. Ты сам погибнешь и погубишь всех своих людей, и вы станете добычей волков и воронов.

Этот страшный сон очень напугал Гудбранда. Он рассказал о нем Торду, который тоже был предводителем жителей долин. Тот сказал:

– Я видел точно такой же сон.

Наутро они велели трубить в рог и созывать тинг. Там они сказали, что разумнее всего, как они считают, будет повести переговоры на тинге с тем человеком, который

Мьёлнир – молот Тора, языческий скандинавский амулет. X век

Меч эпохи викингов

пришел с севера с новой верой, чтобы узнать о ней правду. Потом Гудбранд сказал своему сыну:

– Ты должен взять двенадцать человек и поехать к конунгу, который даровал тебе жизнь.

Тот так и сделал. Они явились к конунгу и передали ему, что бонды хотят встретиться с конунгом на тинге и заключить с ним мир на время тинга. После этого гонцы отправились назад и сказали Гудбранду и Торду, что заключили мир. А конунг отправился в усадьбу, которая называется Лидсстадир, и оставался там пять ночей. Потом он отправился к бондам на тинг. В тот день шел сильный дождь. Когда начался тинг, конунг поднялся и сказал, что в Лесьяре, Лоаре и Ваге приняли христианство и разрушили капища и добавил:

– И они верят теперь в Истинного Бога, Который создал небо и землю и знает все на свете.

Конунг сел, и Гудбранд ему ответил:

– Мы не знаем, о Ком ты говоришь. Ты называешь Богом Того, Кого ты сам и никто другой не видел. А у нас бог такой, которого каждый день можно видеть. Сегодня его здесь нет просто потому, что идет дождь. Когда вы его увидите, то поймете, какой он страшный и могущественный. Я думаю, что, если он появится на тинге, у вас душа уйдет в пятки. Но раз уж вы говорите, что ваш Бог все может, пусть Он

сделает так, чтобы к завтрашнему дню дождь перестал, но тучи остались. Тогда мы и встретимся снова.

Конунг отправился в свои покои, и с ним поехал заложником сын Гудбранда, а конунг оставил в заложники своего человека. Вечером конунг спрашивает сына Гудбранда, как сделан их бог. Тот отвечает, что он сделан по образу Тора:

– В руке у него молот. Он громадный, а внутри полый. Он стоит на подставке, и когда его выносят, то снова ставят на эту подставку. Он богато украшен золотом и серебром.

Серебряный кулон-амулет, в котором причудливо переплелись языческие и христианские мотивы. Зримый пример укоренённости дохристианских суеверий среди уже крещеных норвежцев и исландцев

Каждый день ему приносят четыре карава хлеба и мясо.

Они легли спать, но конунг не спал всю ночь и молился. Когда рассвело, конунг пошел в храм на Божественную литургию, а потом поел и отправился на тинг. Погода была такой, какую просил Гудбранд. Тут поднялся епископ. На нем была ряса, на голове митра, а в руке посох. Он рассказал бондам о христианской вере и о многих чудесах, которые сотворил Бог. Когда он закончил говорить, ему ответил Торд:

— Много знает человек в рогатой шапке и с палкой, изогнутой как бараний рог. Раз вы говорите, что ваш Бог может совершить такие чудеса, скажите Ему тогда, пусть Он сделает так, чтобы завтра до восхода солнца стало ясно и солнечно. Тогда мы снова встретимся и либо примем христианство, либо будем биться.

На том они и расстались. С Олафом конунгом был тогда человек по имени Кольбейн Сильный. Он был родом из Фьордов. У него на поясе всегда был меч, а в руках большая дубина, которую называют булавой. Конунг предупредил Кольбейна, чтобы утром тот был рядом с ним. Потом он сказал своим людям:

— Пойдите ночью туда, где стоят корабли бондов, и проделайте в них дыры, а потом угоните всех их коней со стоянок.

Они так и сделали. Конунг всю ночь молился и просил Бога помочь ему Своим милосердием и милостью. Когда рассвело, он после утрени отправился на тинг. Там уже было несколько бондов. Тут он увидел большую толпу бондов, которые шли на тинг и несли огромного истукана, разукрашенного золотом и серебром. Когда его увидели бонды, они все вскочили и пали ниц перед этим чудовищем. Потом его поставили посередине поля тинга. По одну сторону поля сидели бонды, а по другую конунг со своим войском. Тут поднялся Гудбранд из Долин и сказал:

— Где же твой Бог, конунг? Он, наверно, совсем опустил теперь свою бороду, и ни ты, ни тот сидящий рядом с тобой человек с рогами, которого вы называете епископом, не будете сегодня так хвастливы, как вчера, потому что сейчас сюда пришел наш бог, которому все подвластно. Он смотрит на вас своим пронзительным взором, и вы все перепугались и не смеете поднять глаз. А теперь бросьте ваше суеверие и поверьте в нашего бога, который вершит вашими судьбами.

На том он закончил свою речь. А конунг сказал Коль-

бейну так, чтобы бонды не слышали:

— Когда они во время моей речи перестанут следить за своим богом, ударь в него изо всех сил своей дубиной.

Потом конунг поднялся и сказал:

— Многое ты наговорил нам сегодня утром. Тебе странно, что ты не можешь увидеть нашего Бога, но мы надеемся, что Он скоро к нам придет. Ты пугаешь нас своим богом, а он слеп и глух и не может защитить ни себя, ни других, он даже не может сам сдвинуться с места, если его не понесут, и думаю, что скоро ему придет конец. А теперь посмотрите на восток, там идет наш Бог во всем Своем блеске.

Тут взойшло солнце, и все бонды посмотрели на него. В это время Кольбейн так ударил по их богу, что он раскололся на куски, и оттуда выскочили мыши, величиной с котят, ящерицы и змеи. Бонды перепугались и бросились бежать. Некоторые из них побежали к кораблям, но когда они спустили их на воду, в них сразу же набралась вода, и на корабли даже нельзя было взойти, а те, которые побежали к своим коням, не нашли их. Тут конунг велел созвать бондов и сказать, что он хочет говорить с ними. Бонды вернулись, и тинг продолжался. Конунг поднялся и сказал:

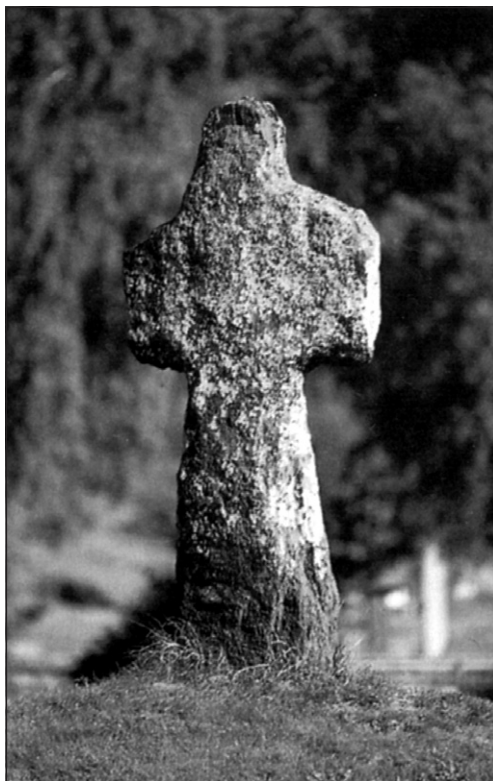
— Я не знаю, что значат ваши крики и беготня. Но вы теперь увидели, какова сила вашего бога, которого вы украшали золотом и серебром, поили и кормили. Теперь видно, кому это все шло — мышам и

змеям, ящерицам и жабам. Плохо тем, кто верит в такого бога и упорствует в своей глупости. Соберите ваше золото и драгоценности, которые здесь рассыпались по земле, и отдайте вашим женам, и никогда больше не украшайте ими чурбаны и камни. А сейчас вам остается выбирать одно из двух, либо вы принимаете христианство, либо сегодня же будете биться со мной. И пусть победит сегодня тот, с кем будет Бог, в Которого мы верим. Тут встал Гудбранд и сказал:

— Плохо пришлось нашему богу, и раз он не смог нам помочь, мы будем верить в того Бога, в Которого веришь ты.

Тут все приняли христианство. Епископ крестил Гудбранда и его сына и оставил там священников. И те, кто был раньше врагами, расстались друзьями, Гудбранд велел построить церковь в долинах»¹⁸.

«Потом Олаф конунг отправился в Хейдмёрк

*Крест Св. Олафа,
установленный им в 1023 г. в городе Восс*

Церковь в Хеддале, Телемарк. Самая большая ставкирка Норвегии. Основана в 1100-х годах

(Hedmark) и насаждал там христианство <...>. В Хейдмёрке мало где было принято христианство. Конунг не возвратился назад, пока весь Хейдмёрк не был крещен.

Он освятил там церкви и оставил священников. Потом он отправился в Тотни Хадаланд и установил там праведные обычаи, и добился того, что все там приняли христианство. Оттуда он отправился в Хрингарики, и все там подчинились христианству. Когда жители Раумарики узнали, что Олаф конунг собирается нагрянуть к ним, они собрали большое войско. Они говорили, что не забыли еще того, как Олаф разъезжал по Раумарики в прошлый раз, и что в другой раз они такого не потерпят. Когда Олаф конунг пришел в Раумарики со своим войском, он встретился с войском бондов у речки под названием Нитья. У бондов была большая рать. Когда они сошлись, бонды сразу же бросились вперед, но скоро им пришлось туго, и они отступили. Они были вынуждены оставить свои плохие обычаи и принять христианство. Конунг прошел по этому фьюльку (губернии – *Свяц. С.К.*) и был там до тех пор, пока все не приняли христианство. Оттуда он отправился в Соляйяр и крестил там всех»²⁰.

Сам святой Олаф строго соблюдал церковные установления и много молился. Сага повествует о том, как однажды он забылся и стал в воскресный день что-то вырезать из дерева (как многие норвежцы времен викингов, он был искусным мастером по резьбе). «Мальчик-слуга сказал ему: «Господин, завтра понедельник», – намекая на то, что сегодня воскресенье. Св. Олаф отбросил рукоделие, велел подать свечу и сжег на ней все стружки, держа их в руке»²¹. Св. Олаф твердо верил, что Бог благоволит его делам и посылает во всем удачу. «Удача конунга велика», – повествует Сага. Своему послу к шведскому королю он говорит: «Будь уверен, я буду всей душой с тобой, если это сможет тебе помочь, и пусть моя удача будет с тобой и со всеми вами»²². О том, что вера

Указав язычникам, поклонникам скандинавского бога Тора, на восходящее солнце, св. Олаф повторил то, что сделал святитель Патрик (Патрикий) Ирландский, о котором, конечно, св. Олаф хорошо знал от своих учителей английских миссионеров во главе с епископом Сигурдом (Зигфридом). Святитель Патрик, заметив на камнях высеченные круги, спросил языческих жрецов, что они означают. Те ответили, что это знак солнца, которому они поклоняются.

Действительно, весь северо-запад Европы поклонялся солнцу, о чем свидетельствуют храм Солнца в Англии – т.н. Стоунхендж (этот храм представляет собой ряд гигантских камней, установленных в виде концентрических окружностей. Согласно гипотезе составителя данного жизнеописания св. Олафа, по кольцевидным галереям, образуемым концентрически установленными камнями, производили ритуальный бег коней (конь во всех солярных религиях является символом, «тотемом», солнца) как бы для «оживления» почитаемого ими божества. Храм в Стоунхендже принято было считать построенным 2000 лет до Р. Х. В последнее время считается, что он гораздо древнее. Более того, в 1998 году был открыт еще один такой же храм в Англии (вернее, следы, которые от него остались, т.к. храм был деревянным и, разумеется, не сохранился). Этот храм по размерам кругов был еще более великим, чем Стоунхендж, и время его построения относят к пятому тысячелетию до Р.Х.), неолитическая культура в Приладожье (гребенчато-ямочная культура) с изображением солнца и его символов на посуде и другие знаки и символы. Культ солнца несомненно был первым языческим культом человечества, отступившего от истинной религии, оставленной человеку после падения: «Семя Жены сотрет главу змия». Переход от этой первобытной истинной религии прослеживается во многих культурах, в частности, в культуре северо-западных народов Европы, а также связанных с ними даков и сарматов. Дробление этой религии на пантеон различных божеств также прослеживается в этих культурах. Поэтому, столкнувшись с культом солнца древних друидов в Ирландии, св. Патрик произнес следующую знаменитую свою фразу: «Мы тоже верим в Солнце – Солнце Правды – Христа». И велел перечеркнуть круги на камнях крестом. С тех самых пор крест в круге или круги в кресте, или иные сочетания креста и круга стали христианскими символами северо-запада Европы, включая и северо-запад России (Новгородский и Валаамский кресты и др.). Вот почему на иконе св. Олафа, написанной инокиней Дивеевской обители Надеждой, вокруг золотого нимба святого изображен еще больший жёлтый круг. Это восходящее солнце, к образу которого прибеж св. Олаф для утверждения в душах закоренелых язычников Солнца Правды – Христа.

Священник Стефан Красовицкий

в свою удачу по милости Божией никогда не изменяла св. Олафу, свидетельствует следующий факт: св. Олаф и король Швеции спорили по поводу одного пограничного района и согласились решить спор жребием. Они решили бросить кости. «Конунг шведов выбросил две шестерки и сказал, что Олафу конунгу уже незачем бросать. Тот ответил, встряхивая кости в руках:

– На костях есть еще две шестерки, и моему Господу Богу ничего не стоит сделать так, чтобы я их выбросил.

Он метнул кости и выбросил две шестерки. Тогда метнул кости Олаф конунг шведов и снова выбросил две шестерки. Тут снова бросил кости Олаф конунг Норвегии, и на одной из костяшек было шесть, а другая раскололась, и на ней оказалось семь, и он выиграл»²³.

Св. Олафу совершенно были чужды амбиции честолюбивых властителей. Сам он дважды хотел уклониться от своей миссии в Норвегии, но всякий раз сновидениями был вразумляем в том, что его долг довершить христианизацию Норвегии.

Осуществляемое им объединение страны под своей единоличной властью было только необходимым сопутствующим обстоятельством этой его деятельности. Вот почему св. Олаф никогда не мстил за себя лично (будучи одновременно строгим в отношении врагов христианства). Так, например, отняв власть у пяти местных властителей, замышлявших убить его, он долго держал при себе одного из них, оказывая ему почет, подобающий его сану, и только после того, как тот трижды покушался убить св. Олафа, его отправили под охрану в другое место, где он жил на полном обеспечении.

Не раз бывало, что его предавали те, кому он прощал

* Ярл Эрлинг из Сэлы (X в.–декабрь 1028) – могущественный правитель Южной Норвегии, владевший поместьями близ Турнсберга, собиравший также подати в Рогаланде. Был женат на сестре ярла Рёгнвальда. «Честный и мужественный, и сильный человек», хёвдинг, привыкший поступать в соответствии с законами чести и совести, «готовый скорее умереть, чем подчинить себя». Согласился подчиниться королю Олафу при условии сохранения за ним прав и владений, пожалованных ему в качестве вейцлы (кормления), ещё при короле

проступки и оказывал милость. Так по просьбе епископа Сигурда (Зигфрида) он примирился с ярлом Эрлингом*, готовым восстать на него с оружием в отместку за своего родственника, которого св. Олаф за убийство приговорил к смерти. «Государь, – обратился епископ к Олафу, – я

прошу Вас ради нашего Бога не противиться и заключить мир с Эрлингом, как он предлагает. Пусть тому человеку даруют жизнь и не причиняют вреда». В результате св. Олаф примирился с Эрлингом и простил убийцу. Но оба впоследствии предали его. Оба предателя в конце концов были убиты. Асбьерн (убийца) был убит человеком Олафа без ведома последнего, а ярл Эрлинг был убит в морской битве с самим Олафом, опять же против воли Олафа (который хотел взять его в плен и пощадить) его слугой, оказавшим медвежью услугу, ибо Эрлинг был весьма популярен в Норвегии и убийство его послужило немаловажным фактором в ряде причин низложения короля. Когда пал Эрлинг, король воскликнул, обращаясь к своему воину:

– Что ты наделал, несчастный! Этим ударом ты выбил Норвегию из моих рук.

Роковое значение имело и убийство Асбьерна, ибо тем же копьем, которым был убит тот, была нанесена смертельная рана св. Олафу в битве при Стикластадире, о которой речь будет позже. Этот удар нанес

один человек по имени Торир, отличающийся коварством, которого родственники Асбьерна (и сам он был его родственником) обязали отомстить за последнего.

С годами св. Олаф все чаще и чаще углублялся в себя, так что порой не замечал окружающее. В этом состоянии у него бывали иногда непонятные видения и прозрения. Вот например, как повествует об этом Сага: «Однажды конунг ехал на коне и пел псалмы. Когда он

Олафе Трюггвассоне и подтверждённых последующими королями. После ряда несправедливостей по отношению к нему и его родным со стороны Олафа в 1028 г. перешёл вместе со своим родственником Ториром Собакой на сторону короля Кнута. На Рождество (в декабре) 1028 г. состоялась морская битва, в которой ярл Эрлинг был убит. Мужественно сражаясь, он остался один против целой дружины. Несмотря на запрет короля, он был зарублен одним из дружинников Олафа, злейшим врагом ярла Эрлинга.

Св. Олаф. Икона XX века. В руке он держит выстроенный им первоначальный храм в Нидаросе (Тронхейме), где он и погребен

Хрёрек покушается на жизнь Олафа в церкви в праздник Вознесения Господня. Олафа спасает плащ Ингегерд. С картины Петера Николая Арбо. 1880-е годы.

«Среди сторонников мира с Норвегией и брака Ингегерд самым видным был ярл Рёгнвальд Ульвссон, родственник принцессы и друг Олафа Норвежского. В доверительных разговорах с Рёгнвальдом и норвежскими посланцами Ингегерд изъявила полное согласие на брак и даже послала жениху «шелковый плащ с золотым шитьем и серебряный пояс» – может быть, тот самый плащ, который чудом спас норвежского короля от кинжала убийцы во время торжественной Литургии в праздник Вознесения Господня».

И. Самсонов. Супруга Ярослава Мудрого – благоверная княгиня Ирина и ее роль в отношениях Руси со Скандинавией

проезжал между двумя холмами, он остановил коня и сказал: «Пусть все передают из уст в уста мои слова, что ни один конунг Норвегии не должен никогда больше проезжать между этими холмами»²⁴. И говорят, что этот завет выполняется.

Все чаще и явственнее стал проявляться дар исцеления. Один воин короля по имени Эгиль нарушил приказ св. Олафа, и тот был весьма сердит на него. Но вот Эгиль опасно заболел, и король не хотел навестить его, хотя многие просили его об этом. «Эгиль, – повествует Сага, – очень раскаивался в том, что совершил проступок, который вызвал недовольство конунга, и просил конунга сменить гнев на милость. Наконец конунг простил его. Он положил руки Эгилю на бок, где у него болело, пропел молитвы, и боль как рукой сняло. После этого Эгиль выздоровел»²⁵.

В день Вознесения Олав конунг пошел на литургию. Епископ во главе шествия стал обходить церковь, и за ним шел конунг. Когда они вернулись в церковь, епископ подвел конунга к его месту к северу от двери в алтаре. Рядом с конунгом там сидел, как обычно, Хрёрек конунг. Он прикрыл лицо плащом. Когда Олав конунг сел, Хрёрек конунг положил свою руку ему на плечо и сказал:

– На тебе сегодня парчовое одеяние, родич.

Олав конунг отвечает:

– Сегодня ведь большой праздник, в этот день Иисус Христос вознесся с земли на небо.

Хрёрек конунг отвечает:

– Я в этом ничего не понимаю и не могу запомнить того, что вы рассказываете о Христе. Много, о чем вы говорите, кажется мне мало похоже на правду, хотя много чудес случалось на свете в давние времена.

Когда литургия подошла к концу, Олав конунг встал, поднял руки над головой, наклонился к алтарю, и плащ соскользнул у него с плеч. Тут внезапно и стремительно вскочил Хрёрек конунг и нанес Олаву конунгу удар кинжалом. Но так как конунг наклонился, удар пришелся по плащу. Плащ сильно порвался, но конунг не был ранен. Когда конунг почувствовал удар, он отскочил. Хрёрек конунг нанес еще раз удар кинжалом, но промахнулся и сказал:

– Что ж ты, Олав Толстый, бежишь от меня слепого!

Конунг приказал своим людям взять его и вывести из церкви. Они так и сделали.

После этого случая люди Олава просили его, чтобы он разрешил им убить Хрёрека.

– Ты слишком испытываешь судьбу, конунг, – говорили они, – щадя его и оставляя его при себе, какие бы подлости он ни совершал. Ведь он днем и ночью думает о том, как бы лишить тебя жизни. Если же ты отошлешь его куда-нибудь, мы не знаем никого, кто смог бы так за ним следить, чтобы он оттуда не убежал. А если он убежит, то сразу же соберет людей и причинит много вреда.

Конунг отвечает:

– Да, это так. Многих лишали жизни и за меньшие проступки, чем те, которые совершил Хрёрек. Но я не хотел бы омрачать победу, которую я одержал над упплэндскими конунгами, когда я за одно утро захватил их пятерых и завладел всеми их землями, причем так, что не понадобилось никого из них убивать, ведь все они мои родичи. Мне пока неясно, сможет ли Хрёрек довести меня до того, что я велю убить его.

Хрёрек положил руку на плечо Олава конунга потому, что хотел узнать, есть ли на нем кольчуга.

Снорри Стурлусон. Круг Земной. Сага об Олаве Святом

Два главных политических противника было у св. Олафа: Олаф, король Швеции, и Кнут Могучий, король Дании и Англии. С первым у св. Олафа были непрерывные споры касательно пограничных территорий. Второй же прямо требовал, чтобы св. Олаф стал его вассалом, т.е. перестал быть королем Норвегии, и чтобы последняя потеряла свою независимость. Ссора со шведским королем привела к потере Олафом первой своей невесты; вражда же с Кнутом привела к потере самой жизни.

Св. Олаф посватался к дочери Олафа Шведского Ингегерд, которая отвечала Олафу взаимностью и очень хотела этого брака. С точки зрения шведской знати, брак этот был весьма желателен для установления пограничного мира, и они принудили Олафа Шведского дать клятву в том, что он выдаст Ингегерд за Олафа Норвежского. Но шведский король так ненавидел св. Олафа, что пошел на клятвopеcтупление и выдал свою дочь за русского Великого князя Ярослава Мудрого, который княжил тогда в Новгороде. Ингегерд – это будущая святая благоверная княгиня Анна Новгородская. По ее шведскому имени названа ижорская земля Ингерманландией (где теперь Петербург).

Св. Олаф всю свою жизнь был в очень хороших отношениях со своей несостоявшейся невестой, а через нее и с Ярославом Мудрым, которые, как мы увидим впоследствии, сыграли важную роль в его жизни и весьма помогли ему. (Очевидно, свадебный подарок – плащ Ингегерд спас короля Олафа при покушении на него конунга Хрёрека* – *Ред.*). Потеряв Ингегерд, св. Олаф женился на ее сводной сестре Астрид.

Главной чертой характера св. Олафа и принципом его жизни было то, что он ни при каких самых трудных обстоятельствах не заменял личный долг перед Богом какой-либо земной пользой. В сущности из-за этого он и пострадал, и потому он мученик христианского долга, «рыцарь не от мира сего». И как всякий христианский мученик, он есть подражатель Богочеловеку Христу, Который «смирил

Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Фил. 2, 8). Смирением св. Олаф принципиально отличался от противостоящих ему земных политиков, которые под личиной христианства скрывали сердце, исполненное корыстных земных желаний и амбиций. Таков был «христианский король», противник св. Олафа, Кнут Могучий. О личных нравственных качествах этого «христианнейшего» короля свидетельствует следующий случай:

«Когда Кнут конунг и Ульв ярл** (зять Кнута) играли в шахматы, конунг сделал неверный ход, и ярл взял его коня. Конунг взял свой ход обратно и сказал, что сделает другой ход. Ярл рассердился, сбросил шахматную доску и пошел прочь. Конунг сказал:

– Ты бежишь, трусливый Ульв?

Ярл остановился в дверях, обернулся и сказал:

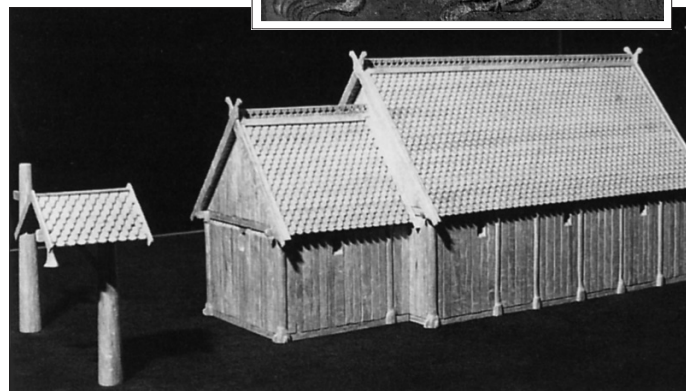
– Это ты бежал бы у Хельги реки, если бы мог! Ты не называл меня трусливым Ульвом, когда я со своими кораблями пришел к тебе на помощь. Шведы избивали вас там, как собак!

Св. Лука
(Луциус, †254),
попирающий
дракона.
Фреска из часовни
св. Биргитты в
соборе Роскилле

* Хрёрек Хрингассон, конунг в Хрингарики в Упллэнде, родственник короля Олафа. Один из пяти норвежских конунгов Упллэнда, собравшихся на совет под влиянием настроений бондов, недовольных притеснениями со стороны короля Олафа. Четверо (в том числе братья Хрёрека Эймунд и Даг) были изгнаны Олафом из страны, а Хрёрек, как самый мудрый, был оставлен им при себе, но предварительно ослеплен. Неоднократно принимал попытки побега и мести. После покушения на короля Олафа в церкви в день Вознесения в 1019 г. был выслан королем Олафом в Гренландию. Остался жить в Исландии, где по дороге была сделана остановка. Жил у Гудмунда Богатого в Эйяфьорде, умер там же, в Исландии, в мест. Кальвскинн.

** Ярл Ульв (Ulv, сканд. – Волк) был женат на сестре короля Кнута – Эстрид и управлял Данией в отсутствие короля. Однажды, в период правления Кнута Англией и пребывания его там, шведы с норвежцами сделали набег на Данию. Ульв подговорил ютландцев, которые были недовольны продолжительным отсутствием Кнута в Дании, избрать на Датский престол сына Кнута – Хардекнута. Кнут объявил ярлу Ульву великий свой гнев и немедленно явился в Данию с сильным английским флотом. Произошел бой у Хельги реки (Helgea) в Сконе (1025). Шведы потерпели поражение. Ульв сыграл спорную роль в этой битве. За неверность интриги против Кнута ярл Ульв был по его приказанию убит. Пытаясь спасти свою жизнь, он укрылся в церкви св. Луциуса в Роскилле, но в нарушение статуса неприкосновенности храма, был убит прямо в церкви. Чтобы загладить свою вину, Кнут пожаловал этой церкви обширные земли. Тем не менее, сын ярла Ульва Свейн стал королем Дании после смерти сыновей Кнута.

Изображение церкви св. Луки (Луциуса) в Роскилле, старой столице Дании. В алтаре этого храма по приказу короля Кнута был убит ярл Ульв. Модель изображает храм, сооруженный около 980 года, таким он был и в XI веке. Ныне на месте его возвышается кафедральный собор Роскилле

Ярл вышел и пошел спать. Немного погодя конунг тоже отправился спать. На следующее утро, когда конунг одевался, он сказал своему слуге:

– Пойди к Ульву ярлу и убей его.

Слуга ушел, и, когда он через некоторое время вернулся, конунг спросил его:

– Ты убил ярла?

Тот отвечал:

– Нет, я его не убил, потому что он ушел в церковь Луциуса.

Одного человека звали Ивар Белый. Он был родом из Норвегии. Он был дружинником Кнута конунга и спал с ним в одном покое. Конунг сказал Ивару:

– Пойди и убей ярла.

Ивар пошел в церковь, вошел в алтарь и пронзил ярла мечем. Ярл сразу умер. Ивар вернулся к конунгу с окровавленным мечом в руке. Конунг спросил:

– Убил ты ярла?

Ивар ответил:

– Да, убил.

– И хорошо сделал, – сказал конунг.

После убийства ярла монахи велели закрыть церковь. Об этом сказали конунгу. Тот послал своего человека к монахам, велел им открыть церковь и продолжать службу. Они сделали так, как просил конунг. Когда конунг пришел в церковь, он подарил ей большие земли, так что теперь церковь владеет там целой областью. Место это стало процветать. С тех пор земли эти принадлежат церкви»²⁶.

Таким мелким мстительным человеком и осквернителем святынь был тот, кого история величает миротворцем, и таков был «мир», который он творил. Этот человек вознамерился подчинить Норвегию своему

королевству, которое в то время включало Данию и Англию. Он воспользовался тем, что многие (и среди знати, и простонародья) в Норвегии тяготились необходимостью строго выполнять христианские законы и бояться сурового наказания в случае их невыполнения. В этом отношении судьба св. Олафа сходна с судьбой Монаха Савонаролы во Флоренции, убитого Римским папой, воспользовавшимся недовольством многих введением строгих правил относительно исполнения христианских законов. Только в этом случае вместо папы выступает «христианнейший» и «миролюбивый» король Кнут Могуций. Этот король в качестве главного оружия против св. Олафа использовал подкуп влиятельных людей, не жалея золота и драгоценностей, и обещая Норвегии свободу и процветание в случае свержения законного короля и установления власти Кнута.

И он достиг успеха. Св. королю Олафу пришлось бежать на Русь под защиту благоверного Великого князя Ярослава Мудрого, женой которого была бывшая невеста св. Олафа Ингегерд (будущая св. благоверная княгиня Анна Новгородская). Бежал он туда вместе с малолетним сыном Магнусом, оставив в Швеции жену Астрид. Как повествует Сага, именно Ингегерд настояла впоследствии, чтобы Магнус оставался все время при дворе Ярослава, и именно Ярослав и св. Анна сыграли главную роль в воцарении Магнуса после свержения датских правителей, пришедших к власти благодаря гибели короля Олафа²⁷.

При бегстве св. Олафа произошли следующие события. Большая часть дружины предала и покинула св. Олафа, у него оставалось лишь пять кораблей. «Он велел вытащить их на берег, а паруса и оснастку спрятать. Затем он раскинул шатер на полуострове Султ (Sylt; долина Valldal), где есть красивые луга. Там на мысу он воздвиг крест <...>. Далее нужно было переходить через каменный завал, о котором было сообщено королю, что через него ни пройти, ни на лошадях не проехать. Олаф конунг ответил:

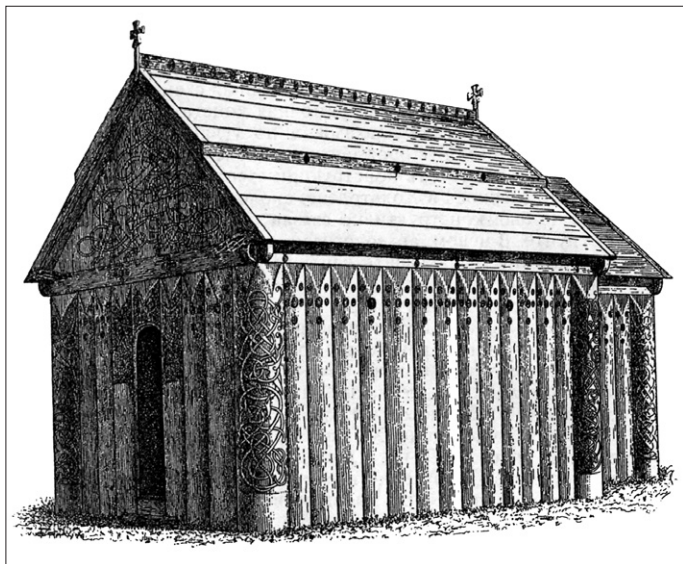
– А все же попробуем через него перебраться. На все Божия воля.

Люди конунга погрузили на лошадей вещи и одежды, а сами пошли пешком. Пешком шел и конунг. Он дошел до места, что зовется Кроссбрека, и решил там отдохнуть. Конунг остановился на склоне горы и посмотрел на фьорд. Он сказал:

– Тяжелый путь заставляют меня проделать мои лендерманны*, те что были раньше моими друзьями, а теперь изменили мне.

В том месте на склоне горы, где отдыхал конунг, и сейчас еще стоят два креста»²⁸. (Не правда ли, это похоже на бегство царя Давида от Авессалома?! – II Царств. XV, 14 – XVIII, 17).

*Лендерман - служилый человек короля (конунга), земельный магнат (норвежск.).

Так выглядели первые христианские храмы (ставкирки) в Скандинавии, выстроенные в X-XI вв.

Церковь в Хемзе (Готланд, Швеция), реконструированная по Э. Энхоферу.

Кнут был с большим войском в Эйрарсунде, шведы отправились по домам, а конунг Олав послал своих людей отвести корабли на восток в Кальмарнир в Швеции, сам же отправился в Норвегию по суше через Ётланд. Зимой 1027/28 г. конунг провел в Сарпсборге. Когда Олав приехал в Тунсберг, он «потребовал, чтобы ему поставили людей и корабли», но делалось это не слишком охотно. «Становилось ясно, что народ в стране больше не был верен своему конунгу». Кнут Великий, собрав войско (1028 г.), приплыл в Норвегию; он созывал тинги, и его провозглашали конунгом. Он давал земли в лён и деньги. «Кнут конунг подчинил себе всю Норвегию» («Круг Земной»). Анналы сообщают об этом под 1028 и 1029 годами.

Когда Олав узнал, что Кнут уплыл в Данию, он вернулся в Тунсберг. Начинаясь зима. Перед йолем он вышел в море и сразился с Эрлингом Скьяльгссоном, в результате чего Эрлинг был убит. Сыновья Эрлинга стали собирать войско; ярл Хакон с большим войском поджидал Олава в Тронхейме. Олав пристал к берегу в Вальдале, сошел на берег и двинулся по суше через каменный завал в Лесьяр («Круг Земной»). «К тому времени Олав пробыл конунгом Норвегии пятнадцать лет, считая тот год, когда он правил страной вместе со Свейном ярлом, и тот год, о котором только что рассказывалось и который кончился после йоля, когда конунг оставил свои корабли и сошел на берег, как уже было сказано. Об этих годах его правления первым написал священник Ари Мудрый, сын Торгильса» («Круг Земной»). Итак, к концу 1028 г. Олав Харальдссон пробыл конунгом Норвегии пятнадцать лет (1014–1028), а единоличным правителем — четырнадцать лет (1015–1028), так как ярл Свейн покинул страну весной 1015 г.

Конунг Олав по суше пришел в Швецию, там провел весну, а «когда наступило лето, конунг стал собираться в дорогу». Он поплыл в Гардарики (на Русь) и был там, соответственно, летом или осенью 1029 г.

**Т.Н. Джаксон. Четыре Норвежских конунга на Руси.
Св. Олав Харальдссон**

Сага продолжает: «Конунг сел на коня и поехал по долине. Он не останавливался, пока не доехал до завала. Наутро конунг велел пойти к завалу и посмотреть, нельзя ли через него проехать. Люди пошли туда, а конунг остался в шатре. К вечеру дружинники и бонды вернулись. Они сказали, что как они ни пытались, им не удалось перебраться, и что через этот завал никогда нельзя будет проложить дорогу. Наступила вторая ночь. Конунг провел всю ночь в молитвах. А увидев, что уже рассвело, он снова велел пойти к завалу и еще раз попробовать через него перебраться. Люди отправились неохотно, говоря, что все равно и на этот раз ничего не выйдет. Когда они ушли, к конунгу пришел его кухарь и сказал, что у них не осталось никаких съестных припасов, кроме двух коровьих туш, а нужно накормить четыре сотни людей конунга и сотню бондов. Тогда конунг сказал, что пусть он ставит на огонь все котлы и в каждый положит по куску мяса. Так и было сделано. Конунг подошел к котлам, осенил их крестом и велел варить мясо. А сам он отправился к Сквевсурду (Skjaersura), где надо было проложить дорогу. Когда конунг приехал туда, люди сидели, отдыхая от тяжелой работы. Бруси сказал:

— Я говорил вам, конунг, что с этим завалом нам не справиться, а вы мне не верили.

Конунг снял плащ и сказал, что нужно всем попробовать еще раз. Так и было сделано. И тут двадцать человек

стали передвигать, куда хотели, такие камни, какие раньше и сто человек не могли сдвинуть с места. К полудню дорога была проложена, так что по ней можно было не только пройти людям, но и проехать лошадям с поклажей, как по ровному полю. Потом конунг снова спустился к тому месту, где были оставлены их припасы. Недалеко от пещеры был родник. В нем конунг умылся. И если теперь в той долине у кого-нибудь заболевает скотина, то стоит ей дать попить воды из этого родника, болезнь как рукой снимает. Затем конунг со своими людьми пошел есть. Поев, конунг спросил, нет ли в долине за завалом какой-нибудь пастушьей стоянки, где можно было бы переночевать. Бруси ответил:

— Есть там стоянка, что зовется Грёнинггар (Gronning; долина Norddal), но там никто не может оставаться на ночь, так как там водятся злые духи. Конунг велел собираться в путь и сказал, что он будет ночевать на этой самой стоянке. Тут к нему подошел кухарь и сказал, что еды оказалось очень много, и он не знает, откуда она взялась.

Конунг возблагодарил Бога за этот дар и велел дать еды с собой тем бондам, которые отправлялись в долину. Сам он остался на ночь в Грёнинггаре. В полночь, когда уже все спали, во дворе раздался страшный крик.

— Меня так жгут молитвы Олафа конунга, — кричал злой дух, — что я не могу больше оставаться здесь! Я ухожу отсюда и никогда сюда не вернусь!

Наутро, когда все проснулись, конунг поднялся на гору и сказал Бруси:

Дубовые резные колонны в скандинавском стиле, принадлежавшие, вероятно, одной из древнейших найденных археологами деревянных церквей Великого Новгорода — церкви Преображения Господня на Софийской стороне, в Неревском конце города (сооружена около 989 г.). Найдены в 1953 г. экспедицией А.В. Арциховского

О поездке Олава конунга рассказывается, что сначала он поехал из Норвегии на восток через Эйдаског в Вермаланд, а затем в Ватсбу. Оттуда он двинулся через лес, по которому идет дорога, и добрался до Нерики*. Там жил могущественный и богатый человек по имени Сигтрюгг. Его сына звали Иваром, он потом стал достойным мужем. Весну Олав конунг провел у Сигтрюгга. Когда наступило лето, конунг стал собираться в дорогу. Он раздобыл корабль и двинулся в путь. Он нигде не останавливался, пока не приплыл на восток в Гардарики к Ярицлейву конунгу и его жене Ингигерд. Астрид, жена конунга, и Ульвхильд, дочь конунга, остались в Швеции, а Магнуса, своего сына, конунг взял с собой на восток.

Ярицлейв конунг хорошо принял Олава конунга и предложил ему остаться у него и взять столько земли, сколько Олаву конунгу было надо для содержания его людей. Олав конунг принял приглашение и остался там.

Говорят, что Олав конунг был набожен и благочестив всю свою жизнь. Но когда он увидел, что теряет власть, а враги его становятся все могущественнее, он все свои помыслы устремил к Богу. Теперь его не отвлекали труды и заботы, занимавшие его раньше. Когда он правил страной, он тратил много сил на то, что считал самым необходимым: сначала освободить страну от гнета иноземных правителей, а затем обратить народ в правую веру и установить законы и порядок. Во имя справедливости он наказывал тех, кто ему противодействовал.

Снорри Стурлусон. Круг земной. Сага об Олафе Святом

* Нерики (Нерке) – лён, область в центральной Швеции, где св.король Олаф пребывал в 1028-1029 гг., во время бегства своего из Норвегии на Русь. Известно, что он проповедовал христианство среди местных жителей и крестил многих во время своего пребывания там. Сюжеты из жизни св. Олафа в Нерики изображены на воротах ставкирки в Хардему (Нерке). Фото см. с. 74.

– Теперь здесь нужно построить усадьбу, И тот бонд, который поселится здесь, никогда ни в чем не будет испытывать недостатка. Здесь никогда не померзнут хлеба, даже если померзнут ниже и выше этой усадьбы.

Конунг объявил своим друзьям, что он собирается покинуть Норвегию и поехать сначала на восток в Швецию (в то время Олаф король Швеции уже умер и царствовал его сын Эмунд, дружелюбно относившийся к св. Олафу – *Свящ. С.К.*), а потом решать, что делать дальше и куда отправиться оттуда. Но он просил своих друзей рассчитывать на то, что он намерен снова себе вернуть страну и власть, если Бог дарует ему достаточно долгую жизнь. Он сказал, что, как он предчувствует, все люди в Норвегии еще будут служить ему. (Это предчувствие сбылось, но в духовном плане. Св. Олаф после своей

гибели стал называться «вечным конунгом Норвегии», ее покровителем. – *Свящ. С.К.*)

– Я думаю, что Хокон ярл* (наместник Кнута в Норвегии – *Свящ. С.К.*) недолго будет править Норвегией, и это никому не покажется странным, так как и раньше Хокону ярлу не было удачи со мной. А что касается Кнута Могучего, то немногие, наверное, поверят в то, что я скажу. Я предвижу, что ему осталось жить всего несколько лет и что вся держава его распадется, и его род никогда больше не возвысится, если все будет так, как я предвижу (пророчество это сбылось. – *Свящ. С.К.*)»²⁹.

«После этого конунг отправился в путь... Он нигде не останавливался, пока не приплыл на восток в Гардарики (так норвежцы называли Русь – *Свящ. С.К.*) к Ярицлейву конунгу (к Вел. кн. Ярославу Мудрому в Новгород

*Избрание Олафа Трюггвассона королем.
С картины Петера Николая Арбо. XIX век.*

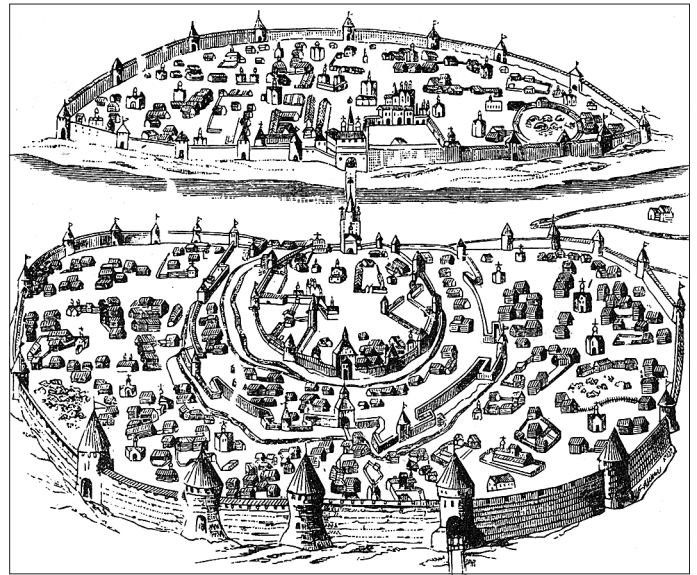
* Хокон ярл, Хокон Эйрикссон (†1030), ярл области Ладе (Трёнделаг). Сын Эйрика Хоконссона и Гиты, дочери короля Свейна Вилобородого и сестры Кнута Великого. Регент Норвегии, в 1012–1015 гг., вместе с Эйнарсом Тамбарскельвигом и дядей, Свейном Хоконарссоном, управлял некоторыми землями в качестве шведских вассалов. После прибытия Олафа II в Норвегию, бежал в Англию, где при Кнute был ярлом Ворчестера. Вновь губернатор Норвегии в 1028–1029 гг., наместник Кнута. Утонул в море в 1029 или 1030 г.

– *Свящ. С.К.*) конунгу и его жене Ингегерд. Астрид, жена Конунга, и Ульвхильд, дочь конунга, остались в Швеции, а Магнуса, своего сына, конунг взял с собой на восток. Ярицлейв конунг хорошо принял Олафа конунга и предложил ему остаться у него и взять столько земли, сколько Олафу конунгу необходимо для содержания его людей. Олаф конунг принял приглашение и остался там.

Говорят, что Олаф конунг был набожен и благочестив всю свою жизнь. Но когда он увидел, что теряет власть, а враги его становятся все могущественнее, он все свои помыслы устремил к Богу. Теперь его не отвлекали трудности и заботы, занимавшие его раньше. Когда он правил страной, он тратил много сил на то, что считал самым необходимым: сначала освободить страну от гнета иноземных правителей, а затем обратить народ в правую веру и установить законы и порядок. Во имя справедливости он наказывал тех, кто ему противодействовал. Он одинаково наказывал и могущественных и немощных, но люди считали такие наказания слишком жестокими, и многие, теряя родичей, становились врагами конунга, даже если те были виноваты и приговор конунга был справедлив. Народ в стране потому выступил против Олафа конунга, что не хотел подчиняться его справедливым приговорам, а он готов был скорее потерять звание конунга, чем поступиться справедливостью. Незаслуженны упреки в том, что он был скуп к своим людям. Он был очень щедр к своим друзьям. Народ потому пошел против него, что его считали слишком жестоким и беспощадным в наказаниях, а Кнут конунг раздавал деньги направо и налево. Знатных людей он обольщал также тем, что каждому обещал высокое звание и власть»³⁰.

«Приехав в Гардарики, Олаф конунг предавался глубокому раздумью и размышлениям о том, как ему быть дальше. Ярицлейв конунг и его жена Ингегерд предлагали Олафу конунгу остаться у них и стать правителем страны, которая зовется Вульгария (Волжская Булгария – *Свящ. С.К.*). Она составляла часть Гардарики, и народ в ней был некрещеный. Олаф конунг стал обдумывать это предложение. Но когда он рассказал о нем своим людям, те стали отговаривать его и убеждали его вернуться в Норвегию в свои владения. У конунга была также мысль сложить с себя звание конунга и поехать в Йорсалир (Иерусалим – *Свящ. С.К.*) или другие святые места и принять обет послушания (т.е. стать монахом. – *Свящ. С.К.*). Но чаще всего он думал о том, нельзя ли как-нибудь вернуть свои владения в Норвегии. Раздумывая об этом, он вспоминал, что в первые десять лет его правления все у него шло легко и удачно, а потом, что бы он ни делал, все давалось с трудом, и все благие начинания кончались неудачно. И он сомневался, стоит ли испытывать судьбу и отправляться с таким небольшим войском навстречу своим врагам, когда весь народ примкнул к ним и выступает против него. Он часто думал обо всем этом и обращал свои мысли к Богу, прося, чтобы Бог указал, как

Великий Новгород

ему лучше всего поступить. Все эти мысли не давали ему покоя, и он не знал, что ему делать, ибо видел, что ему не миновать беды, как бы он ни поступил.

Однажды ночью Олаф лежал в своей постели и долго не мог уснуть, думая о том, на что же ему решиться. На душе у него было очень беспокойно. Наконец он заснул. Он увидел сон, но такой ясный, что ему казалось, будто он не спит, а видит все наяву. Он увидел у своей постели высокого благообразного мужа в богатых одеждах. Конунг подумал, что это Олаф сын Трюгтви (св. блгв. король Олаф Трюгвасон – *Свящ. С.К.*). Этот муж сказал ему:

– Ты мучаешься и не знаешь, как поступить? Меня удивляет, что ты никак не можешь принять решение, а также, что ты собирався сложить с себя звание конунга, которое дано тебе от Бога или хотел остаться здесь и получить владения от иноземных конунгов, которых ты совсем не знаешь. Лучше возвращайся в свои владения, которые достались по наследству. Ты долго правил там с Божией помощью и не позволял своим подданным запугивать себя. Слава конунга в том, чтобы побеждать своих недругов, и славная для него смерть – пасть вместе со своими людьми в битве. Или ты сомневаешься, что будешь сражаться за правое дело? Ты не должен обманывать себя. Поэтому ты можешь смело возвращаться в свою страну, и Бог даст тебе знамение, что она – твое владение.

Конунг проснулся, и ему показалось, что он видел тень уходящего человека. После этого сна его оставили все сомнения, и он твердо решил ехать обратно в Норвегию... Когда конунг объявил о своем решении своим людям, те были ему очень благодарны.

Когда Олаф конунг решил вернуться домой, он сообщил об этом Ярицлейву конунгу и его жене Ингегерд. Они стали его отговаривать и говорили, что у них в стране он может получить владения, подходящие ему. Они просили его не ехать навстречу врагам с таким небольшим

войском. Тогда Олаф конунг рассказал им о своем сне и сказал, что, как он думает, то было знамение Божие. Увидев, что конунг твердо решил ехать, они предложили ему воспользоваться их помощью и взять в дорогу все, что ему нужно. Конунг поблагодарил их дружескими словами за их участие и сказал, что он охотно возьмет у них все что ему будет необходимо в пути. Сразу же после йоля конунг стал собираться в путь. У него было тогда около двух сотен людей»³¹.

Итак, в начале 1030 года св. Олаф конунг отправился в Норвегию по замерзшим российским рекам. Когда на море сошел лёд, он отплыл на Готланд с 240 дружинниками. Шведский король Эмунд дал ему еще 480 человек. В Норвегии к нему присоединились сторонники, и его армия составила 3600 воинов против 14400 воинов короля Кнута – самой большой армии, когда-либо собранной в Норвегии. Тогда, подобно Гедону, король Олаф решил сократить свою армию еще более, исключив из нее всех некрещеных, так что у него осталось всего лишь 1300 человек³². Вот как повествует Сага о том, как еще в Швеции Олаф стал поступать подобным образом: «Одного человека звали Торир Кукушка, а другого Фасти Пахтанье. Оба были отъявленными разбойниками. С ними было еще тридцать человек, все им под стать. Эти два брата были больше и сильнее других, решительности и смелости им было не занимать. Узнав, что мимо проезжает войско, братья посоветовались и решили, что неплохо было бы отправиться к конунгу, последовать за ним в его страну, участвовать в сражении на его стороне и отличиться. Явившись к нему, братья всей шайкой в полном вооружении подошли к конунгу и приветствовали его. Конунг спросил их, кто они такие. Они назвали себя и сказали, что они здешние. Затем сказали о своем деле и предложили конунгу последовать за ним. Конунг ответил, что, как он видит, от таких людей и в самом деле может быть большая польза:

– Так что я хотел бы взять вас с собой, но крещеные ли вы?

Торир Кукушка сказал, что он и не крещеный, и не язычник:

– У нас у всех нет другой веры, кроме той, что мы верим в самих себя, в свою силу и удачу. Нам этого хватает.

Конунг промолвил тогда:

– Очень жаль, что такие видные люди, как вы, не верите в Христа, своего Создателя.

Торир отвечал:

– Есть ли у тебя в войске, конунг, какой-нибудь христианин, который был бы виднее нас, братьев?

Конунг потребовал, чтобы они крестились и приняли правую веру.

– Вот тогда и следуйте за мной, – сказал он, – и я сделаю вас очень уважаемыми людьми. А если не хотите креститься, то поезжайте обратно и продолжайте заниматься своим делом.

Фасти Пахтанье отвечал, что он не хочет креститься. И они пошли прочь. Тут Торир Кукушка сказал:

– Для нас позор, что конунг прогнал нас из своего войска. Еще никогда не бывало, чтобы кто-нибудь отказался взять меня в товарищи. Я так не поеду назад.

И они вместе с другими людьми из лесов присоединились к войску»³³.

Почему так поступал св. Олаф? Он поступал так потому, что не хотел, чтобы из-за него гибли некрещеные люди, для которых после смерти не было открыто Царство Небесное. С другой стороны, те, кто приходили к нему и соглашались креститься, получали от него наставление в вере. Вот почему он не пренебрегал брать к себе и разбойников, что приводило к их исправлению (подобно тому как это случилось с благоразумным разбойником, распятым вместе со Христом). Но духовенство короля Кнута не преминуло воспользоваться слухами о том, что св. Олаф принимает и разбойников в свое вой-

*Возвращение Олафа Святого в Норвегию.
С картины Петра Николая Арбо.
Конец XIX в.
«Вперёд, вперёд, люди Христа,
люди Креста, люди конунга».*

ско, и они начали лицемерную и ханжескую пропаганду против него среди жителей Норвегии.

Сага повествует далее: «Олаф конунг перебрался через Кьёль (горный массив Kjølhøgen, до 1249 метров высотой, на границе Швеции и Норвегии - *Ред.*) с востока и стал спускаться с гор. К западу от него лежала вся страна (т.е. Норвегия – *Свящ. С.К.*), и он увидел её с гор. Много народу шло впереди конунга, и много шло сзади. Конунг ехал, выбирая место посвободнее. Он был молчалив и не разговаривал с людьми. Так он проехал большую часть дня, не оглядываясь. Тут к нему подъехал епископ и спросил, о чем он думает, раз он так молчалив. А обычно в походах он бывал оживлён, беседовал со своими людьми и веселил всех вокруг себя. Погруженный в свои мысли, конунг ответил:

– Мне только что было чудесное видение. Я видел Норвегию, когда смотрел на запад с гор. Я вспомнил, как я был много дней счастлив в этой стране, мне показалось, что я вижу весь Тронхейм, а затем всю Норвегию. Чем больше я смотрел, тем больше открывалось моему взору, и, наконец, я увидел весь мир, сушу и море. Я узнавал места, которые видел раньше, когда бывал там. Так же ясно я увидел места, не виданные мною ранее, о которых я только слышал, и те, о которых я ничего не слышал, заселенные и незаселенные земли, так далеко, как простирается мир.

Епископ сказал, что это видение священное и достопримечательное.

Конунг двинул свое войско к Ставу. Подойдя к болотам у Става, он остановился. Здесь ему точно стало известно, что бонды идут с войском против него и что скоро ему придется сразиться с ними. Конунг сделал смотр своему войску, и люди были подсчитаны. Девять сотен человек оказались язычниками. Узнав об этом, конунг велел им креститься. Он сказал, что не хочет, чтобы в его войске сражались язычники.

– Нам нельзя, – сказал он, – рассчитывать на то, что у нас больше войска, мы должны возложить все наши надежды на Бога, ибо его сила и милосердие должны принести нам победу, и я не хочу, чтобы язычники сражались вместе с моими людьми.

Когда язычники услышали об этом, они посоветовались, и четыре сотни человек решили креститься, а пять

сотен отвергли крещение и повернули обратно в свои земли. Тут вышли братья Торир Кукушка и Фасти Пахта-нье и еще раз предложили конунгу свою помощь. Конунг спросил, приняли ли они крещение. Торир Кукушка ответил, что не приняли. Тогда конунг снова предложил им либо креститься и обратиться в правую веру, либо, если они этого не сделают, уходить прочь. Братья ушли и стали советоваться, как им поступить. Фасти сказал:

– Что до меня, то мне не по душе возвращаться назад. Я все равно буду сражаться в этой битве, если не на стороне конунга, то против него, и мне все равно, на чьей стороне быть.

Торир отвечал:

– Если я буду сражаться в этой битве, то я буду на стороне конунга, потому что он больше нуждается в помощи. А если мне для этого нужно поверить в какого-то Бога, то чем Белый Христос хуже любого другого бога? Так что я предлагаю креститься, если конунгу это так важно, и пойдем в бой вместе с ним.

Все с этим согласились, пошли к конунгу и сказали, что хотят креститься, священники крестили их, а епископ благословил. Конунг взял их в свою дружину и сказал, что они будут сражаться под его знаменем. Когда конунг сделал смотр своему войску и когда люди были подсчитаны, оказалось, что у него было более тринадцати сотен человек, конунг сказал:

– У всех нас будет одинаковый знак. На щитах и шлемах белой краской мы поставим Святой Крест. Когда мы пойдем в бой, пусть у всех нас будет один клич: «Вперед, вперед, люди Христа, люди Креста, люди конунга!»³⁴ (Вот так св. Олаф уподобился св. равноапостольному императору Константину Великому. – *Свящ. С.К.*)

Св. Олаф сделал попытку увеличить свое войско, на вербовав в него людей из местных крестьян (бондов), но оказалось, что почти все, кто могли носить оружие, присоединились к вражеской армии, которая, как уже было сказано, к моменту будущей битвы насчитывала 14000 человек (против примерно 1300). Сага повествует: «Люди конунга собрали лишь немногих. Конунг спросил у своих людей совета, как, по их мнению, следует теперь поступить. Финн (дружинник св. Олафа – *Свящ. С.К.*) так ответил:

– Нам надо пройти с огнем и мечом по всей округе,

разграбить всех и сжечь все дотла, чтобы не осталось камня на камне. Так надо отплатить бондам за измену своему конунгу. Я думаю, что многие бонды покинут войско, увидев свои дома в огне и дыму и не зная судьбы своих детей, жен и стариков, отцов и матерей и других родичей. Я думаю, что стоит хоть кому-нибудь из них покинуть войско, как их ряды скоро поредеют, потому что у бондов всегда так: новое всегда кажется им самым лучшим.

Когда Финн закончил свою речь, люди стали выражать свое одобрение. Многим хотелось пограбить, и все считали, что бонды заслуживают наказания и что, возможно, они тогда сразу же разбегутся, как об этом говорил Финн. Тормод Скальд Черных Бровей* сказал тогда такую вису:

*Подождем все дома
Здесь окрест! Пусть гложет
Кровли огонь. Готово
К бою княжье войско.
Да пожрут пожары
Стены трёндских хижин,
В корчах пней да сгинет
Все! – Вот слово скальда.*

Когда конунг услышал, чего хотят его люди, он попросил, чтобы все замолчали, и сказал:

– Бонды заслуживают того, чтобы с ними поступили так, как вы предлагаете. Они помнят, что по моему велению их сжигали в их собственных домах и карали

Король Олаф оставляет бонду деньги на храмы священникам на молитву за души врагов, что погибнут в битве от рук его людей.

Клеймо жития с иконы св. Олафа

другими карами. Их жгли по моему велению, когда они отступались от правой веры и впадали в язычество, не слушая моих слов. Вы должны были тогда наказывать за измену Богу. Измена своему конунгу не заслуживает столь сурового наказания, хотя они и нарушили клятву верности мне, а так не подобает поступать тем, кто хочет быть достойными людьми. Я могу простить измену мне теперь, но я не мог простить им измену Богу. Я хочу поэтому, чтобы мои люди вели себя мирно и не грабили бондов. Я первый поеду к бондам, и хорошо, если нам удастся заключить с ними мир, но если они вступят с нами в бой, то нам останется либо пасть в битве – если мы погибнем, не совершив грабежей, то это будет нам на благо – либо мы одержим победу. Тогда вы станете наследниками тех, кто сражался против нас, так как они погибнут или обратятся в бегство, а их имущество и в том, и в другом случае достанется нам. Пусть наши люди режут скот и берут другие припасы, необходимые нам, чтобы прокормиться, но сверх этого ничего делать не следует»³⁵.

Здесь мы опять видим проявление характерной черты св. Олафа – пренебрежение любыми практическими выгодами, если они хоть в слабой мере противоречат исполнению личного христианского долга.

«Говорят, – продолжает Сага, – что, когда Олаф конунг построил свое войско, он поставил вокруг себя людей, которые должны были защищать его щитами. Для этого он отобрал самых сильных и ловких. Потом он позвал к себе своих скальдов и велел им быть рядом с ним.

Вы должны, – сказал он, – стоять здесь и видеть все, что происходит, собственными глазами, тогда вам не придется полагаться на рассказы других, ведь потом вы должны будете рассказать об этой битве и сложить о ней песни»³⁶. «Среди скальдов не было в то время самого ближайшего к королю Сигвата скальда. Так случилось, что он был на богомолье в Риме. И вот другие скальды начали острить по этому поводу:

– Не будем стоять вплотную друг к другу, товарищ, оставим место и для Сигвата скальда, если он приедет сюда. Он наверняка захочет стоять перед конунгом, да и конунг будет недоволен, если перед ним окажется кто-то другой.

Услышав эти слова, конунг сказал:

– Не надо винить Сигвата за то, что его здесь нет. Он часто бывал со мною в сражениях, а сейчас он, наверно, молится за нас, это нам нужнее всего.

* Тормод Берсасон (Tormodr kolbrunarskald Bersason), по прозвищу Скальд Черных Бровей, – один из двух героев «Саги о побратимах», одной из «родовых саг». В Норвегии Тормод стал скальдом Олава Святого и был смертельно ранен в битве при Стикластадире (1030 г.). В «Круге Земном» рассказывается, что женщина, которая лечила раненых после этой битвы, велела Тормоду, стоявшему у огня, принести дров. Когда тот принес их, она посмотрела ему в лицо и спросила, почему он так бледен. Тогда Тормод сказал «Отдельную вису». Лекарка велела показать ей рану и обнаружила, что у него в боку торчит железное острие стрелы. Лекарка попыталась вытащить его, но не могла. Тогда Тормод сам вытащил его и тут же умер.

Тормод говорит:

– Возможно, конунг, что молитвы тебе сейчас всего нужнее, но вокруг твоего стяга сильно поредело бы, если бы все твои дружинники отправились молиться в Румаборг» (Рим – *Свящ. С.К.*)³⁷.

«Когда стемнело, войско короля Олафа остановилось на ночлег... Они спали, укрывшись щитами. Когда рассвело, они двинулись дальше по долине. К конунгу стали приходить бонды. Все они говорили, что лендерманны собрали несметную рать. Тогда конунг достал много серебра, отдал его одному из бондов и сказал:

– Эти деньги ты должен сохранить и потом разделить. Часть из них пусть пойдет на храмы, часть священникам, часть беднякам, а часть на молитвы за души тех, кто погибнет, сражаясь против нас. Бонд спрашивает:

– Надо дать деньги также на молитвы за этих людей? Конунг отвечает:

– Нет, эти деньги ты отдашь на молитвы за души тех, кто погибнет от оружия наших людей, сражаясь на стороне бондов. А что касается тех, кто будет с нами и погибнет в этом бою, то мы все и так будем спасены...

В ту ночь, когда конунг остановился со своим войском, он долго бодрствовал и молился за себя и своих людей и мало спал. Только к рассвету он задремал»³⁸.

«Олаф конунг был вооружен так: на голове у него был позолоченный шлем, в одной руке белый щит со Святым Крестом из золота, в другой копье, которое теперь стоит в алтаре в церкви Христа, у пояса – меч Хнейтир, очень острый меч с рукоятью, обвитой золотом. На конунге была кольчуга... Когда Олаф конунг построил свое войско, бонды были еще далеко. Конунг сказал, чтобы люди сели на землю и отдохнули. Он сам, а за ним и все сели на землю и отдохнули. Конунг откинулся назад и положил голову на колени Финну, сыну Арни. На него набежал сон. Тут его люди увидели войско бондов. Те подняли стяги и двигались вперед навстречу войску конунга. Это была огромная толпа. Тогда Финн разбудил конунга и сказал, что на них идут бонды. Конунг проснулся:

– Зачем ты меня разбудил, Финн, и не дал досмотреть сон?

Финн отвечал:

– Вряд ли досмотреть этот сон для тебя важнее, чем приготовиться к отпору войска, которое идет на нас. Разве ты не видишь, как близко толпа бондов?

Конунг произнёс:

– Они еще не так близко, и лучше бы я еще поспал.

Финн спросил:

– Что же, конунг, тебе снилось такого, если ты так жалеешь, что тебя пришлось разбудить?

Тут конунг рассказал свой сон. Он сказал, что ему снилась высокая лестница и что он поднялся по ней так высоко, что перед ним открылись небеса.

– Когда ты меня разбудил, я поднялся до самой верхней ступеньки.

*Сон св. Олафа: видение лестницы, ведущей на небеса.
Клеймо жития с иконы св. Олафа*

Финн говорит:

– Мне твой сон не кажется таким хорошим. Боюсь, что он предвещает твою смерть, если это только не пустое сновиденье...

Когда Олаф конунг подошел к Стиклестадиру, к нему явился один человек. Этот человек был совсем не похож на других. Он был так высок, что самые высокие люди были ему по плечо. Он был очень хорош собой, и у него были пышные волосы. Он был хорошо вооружен: у него был очень красивый шлем и кольчуга, красный щит, за поясом разукрашенный меч, а в руке большое позолоченное копье с древком толщиной в кулак. Он предстал перед конунгом, приветствовал его и спросил, не хочет ли конунг принять от него помощь. Конунг спросил, как его имя, кто он и откуда. Тот ответил:

– Мои родичи живут в Ямталанде и Хельсингьяланде (районы Швеции – *Свящ. С.К.*). Зовут меня Арнльот Геллини. Еще могу вам сказать, что я помогал тем, кого вы посылали в Ямталанд за податями. Я дал им серебряное блюдо, которое просил передать вам в знак того, что хочу быть вашим другом.

Тогда конунг спросил, крещен ли он или нет. Арнльот мог сказать о своей вере только то, что он верит в свою мощь и силу.

– Этой веры мне до сих пор хватало. А теперь я хочу верить в вас, конунг.

Конунг ответил:

– Если ты хочешь верить в меня, то должен поверить и в то, чему я тебя научу. Ты должен поверить, что Иисус Христос создал небо и землю, и всех людей и что к Нему идут после смерти все добрые и праведные люди.

Арнльот сказал:

– Я слышал о Белом Христе, но ничего не знаю о Его делах и о том, где Он правит. А сейчас я поверю всему, что вы говорите, хочу полностью довериться вам.

Арнльота крестили, и конунг научил его тому, что считал необходимым. Он поставил его в первые ряды войска перед своим стягом. Там стояли также Торир Кукушка и Фасти Пахтанье со своими товарищами³⁹. Что притягивало этих «рыцарей удачи», не верящих ни во что, кроме силы своего оружия, к личности св. короля Олафа? Почему предпочли они горстку его воинов «несметной толпе бондов»? Какая поэзия души заставляла их идти навстречу смерти (ибо все они погибли), защищая святого короля Олафа? Думается, что разгадка кроется именно в слове «святой». Они по велению духа шли защищать святого, а следовательно, хотя и не полностью сознательно, шли умереть за Христа.

Сага говорит, что в день битвы «погода была хорошая и светило солнце. Но когда началось сражение, то и небо, и солнце побагровели, а потом вдруг стало темно, как ночью»⁴⁰. В Саге битва при Стикластадире датируется 29 июля. По данным современной астрономии полное затмение солнца имело место 30 июля 1030 года⁴¹. Войско бондов сражалось с кличем: «Вперед, вперед, войско бондов!», а люди св. Олафа – с кличем: «Вперед, вперед, люди Христа, люди Креста, люди конунга!»

О затмении же солнца в день сражения так говорит Сигват скальд (узнавший все вести в далеком Риме, где в то время находился на богомолье):

*Почитают чудом
Великим, что в крике
Хильд средь сини солнце
С глаз людских сокрылось*

*Ясный день – мы вести –
Померк: к смерти было
Князевой знаменье –
За морем узнали.*

(Особенность скальдического стихосложения: подчеркнутое по смыслу читается вместе – *Свящ. С.К.*)

Мы помним, как св. Олаф указал язычникам на солнце, как образ Солнца Правды – Христа. И вот солнце затмилось в день его гибели. Св. Олаф погиб так:

«Торстейн Корабельный Мастер нанес Олафу удар секирой. Удар пришелся по левой ноге выше колена. Финн сын Арни тотчас сразил Торстейна. Получив эту рану, конунг оперся о камень, выпустил меч и обратился к Богу с мольбой о помощи. Тогда Торир Собака нанес ему удар копьем, удар пришелся ниже кольчуги, и копье вонзилось в живот. Тут Кальв нанес конунгу удар мечом, удар пришелся с левой стороны шеи. От этих трех ран конунг умер. После его гибели пали почти все, кто сражался рядом с ним»⁴². «Когда конунг Олаф Святой погиб, ему было тридцать пять лет, как говорит священник Ари Мудрый. Он сражался в двадцати больших битвах. Сигват скальд говорит так:

*Был раскол средь рати,
Коль не всяк чтит Бога.
Двадцать он изведаль
Битвищ, витязь смелый.
Князь крещеных, мощный
Духом, ставил справа.
Прими ж к себе мужа
Праведного, Боже»⁴³.*

«Торгильс сын Хальмессон и его сын Грим отправились на поле боя вечером, когда уже стемнело, они взяли тело Олафа и перенесли его в заброшенную хижину,

*Битва при Стиккестадире.
Гибель св. Олафа.
С картины
Петера Николая Арбо*

стоявшую в стороне от усадьбы. У них были с собой светильник и вода. Они сняли одежды с тела конунга, омыли его и завернули в льняное покрывало. Затем они положили его на пол и прикрыли ветками, чтобы никто из тех, кто мог зайти туда, не заметил его. Потом они вышли оттуда и пошли домой в усадьбу.

И то, и другое войско сопровождало множество нищих и бедняков, просивших себе на пропитание. Вечером после битвы весь этот люд остался там и, когда наступила ночь, они стали искать приюта во всех домах как больших, так и маленьких. Среди них был один слепой. Он был беден, и с ним ходил поводырём мальчик. Они вышли из усадьбы и стали искать пристанища. Они подошли к хижине, где лежало тело конунга. Двери в ней были такие низкие, что вовнутрь нужно было чуть ли не вползать. Тогда слепой вошел в хижину, он стал ощупывать пол, ища, где бы ему лечь. На голове у него была шапка, и когда он наклонился, ощупывая пол, она сползла ему на лицо. Ощупывая пол, он почувствовал под руками что-то мокрое, поправил шапку мокрыми руками и коснулся пальцами глаз. Слепой почувствовал сильную резь в глазах и стал тереть их мокрыми руками. Затем он вылез из хижины и сказал, что там нельзя лежать, так как все внутри мокро. Но когда он вылезал из хижины, увидел свои руки, а потом и все, что было поблизости и что можно было видеть в темноте. Он сразу же пошел обратно в усадьбу, вошел в дом и сказал всем, что он прозрел и стал зрячим. А многие знали, что он был слепым, так как бывал там раньше, странствуя по всей округе. Он сказал, что прозрел, когда вылез из какой-то заброшенной хижины.

— Там внутри всё было мокро, — рассказывал он. — Я щупал пол, а потом мокрыми руками потерял глаза.

И он рассказал, где эта хижина. Люди, которые там были, очень дивились этому происшествию и спрашивали друг друга, что же это могло быть внутри хижины. А Торгильс бонд и Грим, его сын, знали, отчего все это произошло, и очень боялись, что недруги конунга пойдут обыскивать хижину. Они тайком отправились туда, взяли тело конунга, перенесли его на луг и спрятали там, а потом вернулись в усадьбу и легли спать»⁴⁴.

Убийцы св. Олафа не нашли тело на поле сражения и стали расспрашивать местных жителей, не знают ли они, где тело. Тогда Торгильс специально распустил слух о том, что король жив. И многие поверили ему и стали

Гибель св. Олафа в битве при Стиклестаде.

Клеймо жития св. Олафа с иконы

бояться мести.

«Торгильс Хальмессон со своим сыном Гримом хранили тело конунга. Они много думали, как сберечь его, чтобы недруги конунга не смогли надругаться над ним, ибо они слышали, как бонды говорили, что если найдется тело конунга, то надо его сжечь или потопить в море.

Отец и сын видели, как ночью на поле боя там, где лежало тело конунга, горит свеча, и также потом, когда они спрятали его тело, они все время видели ночью свет над тем местом, где лежало тело конунга. И вот, они сделали два гроба: в один положили тело св. Олафа, а в другой соломы и камней. Они тайком перенесли гроб с телом конунга на корабль и спрятали его под палубой, а гроб с камнями они тоже взяли на корабль и поставили его на самое видное место. После этого они поплыли по фьорду. Дул попутный ветер, а вечером, когда стало темнеть, они поплыли к Нидаросу и подошли к причалу конунга. Торгильс послал своих людей в город и велел им сказать епископу (врагу св. Олафа, ставленнику короля Кнута), что они привезли тело Олафа конунга. Когда епископу стало об этом известно, он послал к причалу своих людей, они сели в лодку, подплыли к кораблю Торгильса

Поле битвы при Стиклестаде. Современный вид. Храм в Стиклестаде выстроен на месте гибели св. Олафа

и приказали, чтобы им отдали тело конунга. Торгильс и его люди взяли гроб, стоявший на палубе, и перенесли к ним в лодку. Затем люди епископа выплыли на середину фьорда и сбросили этот гроб в море.

Была глубокая ночь. Торгильс и его люди плыли вверх по реке, пока город не скрылся из виду. Они подошли к берегу у склона, который называется Грязный Склон. Они перенесли тело конунга на берег в какую-то заброшенную хижину, стоявшую в стороне от других домов. Всю ночь они бдели у тела конунга. Торгильс отправился в город к людям, которые были верными друзьями Олафа конунга. Торгильс спросил, не хотят ли они взять на свое попечение тело конунга. Но никто не осмелился сделать это. Тогда Торгильс отправился с телом дальше вверх по реке и похоронил его на песчаном холме, затем они сравняли землю так, что могилы нельзя было заметить. Они кончили все до рассвета. Затем они пошли на корабль, поплыли по реке во фьорд и плыли, пока не добрались до Стикластадира»⁴⁵.

После победы над св. королем Олафом ставленники короля Кнута стали угнетать норвежцев, и многие пожалели, что лишились своего короля и своей независимости. Те, кто не сражался против Олафа конунга, говорили:

– Вот вы, тренды, и стали друзьями Кнютлингов и получили от них награду за то, что сражались против Олафа конунга и убили его. Вам обещали мир и лучшие законы, а получили вы кабалу и рабство, к тому же над вами издеваются и унижают вас.

Ответить на это было нечего... В ту зиму многие в Тронхейме стали говорить, что Олаф конунг был святым, и рассказывали о многочисленных свидетельствах его святости. (Как тут не вспомнить: «И весь народ, видя происходившее, возвращался, бия себя в грудь»

/Лук.23,43/. – *Свящ. С.К.*) Многие тогда стали взывать к нему в своих молитвах, прося помочь в их нуждах. Такие молитвы помогали многим, одни получали исцеление от недуга, другие удачу в путешествии или что-нибудь еще, в чем они нуждались... Эйнар Тамбарскельвир* был первым из могущественных людей, кто уверовал в святость Олафа конунга...

Летом многие стали говорить о святости Олафа конунга. Теперь о конунге говорили совсем не так, как раньше. Даже многие из тех, кто раньше ожесточенно ратовал против конунга и не желал слышать о нем правду, верили теперь, что он – святой. Люди стали поносить тех, кто всего больше ратовал против конунга. Во многом обвиняли епископа (ставленника Кнута. – *Свящ. С.К.*). Вражда против него стала так сильна, что он посчитал за лучшее плыть на запад в Англию к Кнуту конунгу. После этого тренды послали людей в Упплэнд, чтобы просить Гримкеля епископа приехать на север в Тронхейм. Когда Олаф конунг отправился на восток в Гардарики (Русь – *Прим. сост.*), он отослал Гримкеля епископа обратно в Норвегию. С тех пор тот был в Упплэнде. Когда епископу передали просьбу трендов, он сразу же собрался в путь. Он охотно согласился поехать, так как верил тому, что говорили о чудесах и святости Олафа конунга. Гримкель епископ поехал к Эйнару Тамбарскельвиру, тот принял епископа очень радушно. Они беседовали о многом, в том числе и о тех важных событиях, которые произошли в стране. Они во всем пришли к согласию. Затем епископ отправился в Каупанг, и весь народ его приветствовал там. Он стал подробно расспрашивать о том, что рассказывают о чудесах Олафа конунга, и получил точные сведения. Потом епископ послал в Стикластадир за Торгильсом и его сыном Гримом и просил их приехать к нему в город. Отец с сыном быстро собрались и отправились в город к епископу. Они рассказали ему о всех чудесах, о которых они знали, и о том, где они похоронили тело конунга. Затем епископ послал за Эйнаром, и тот приехал в город. Эйнар и епископ поговорили с конунгом и Альвивой (в то время ставленником короля Кнута в Нор-

* Эйнар Тамбарскельвир (ок. 980 - ок. 1050) – влиятельный знатный норвежец, сын Эйндрида, богатого и влиятельного землевладельца из Мелхуса, на севере Норвегии. Был близок к ярлам Ладе в Трёнделаге, одним из самых влиятельных ярлов страны. Участник битвы при Свольдере (1000) на стороне проигравшего сражение Олафа Трюгвассона. В битве при Несьаре (1015) он поддерживал ярла Свейна, позже – признал нового короля, св. Олафа, несмотря на сложные взаимоотношения с ним. В 1028 г., когда норвежцы выразили недовольство королем Олафом, поддержал политику датчан, но не присоединился к крестьянской армии бондов в сражении при Стиклестадире (1030). Принимал участие в правлении Св. Олафа. При ярле Хоконе, когда не оправдались его надежды на получение власти из рук датчан, заключил союз с бывшим предводителем армии бондов Кнудом Арнесоном и отправился на Русь пригласить в Норвегию королем малолетнего сына св. Олафа – Магнуса. При нем был фактически правителем Норвегии. Со временем Эйнар удаляет от двора короля Магнуса Кальва Арнесона и Торира Собаку, последний в качестве покаяния за убийство св. короля Олафа совершил паломничество в Иерусалим. До 1045 г. Эйнар оставался главным советником короля Магнуса, пока тот не разделил власть с даей, Харальдом Суровым, и они один год управляли Норвегией совместно. В 1046 г., после смерти Магнуса, Харальд Суровый стал единоличным правителем страны и опасаясь влияния Эйнара в народе, убил его и его сына Эйндрида на их ферме близ Нидароса, что вызвало всенародный гнев и заставило Харальда покинуть Нидарос и Трёнделаг.

Епископ Гримкель и духовенство открывают захоронение св. Олафа.

Клеймо жития с иконы св. Олафа

вегии был его сын Свейн, провозглашенный королем Норвегии. Альвива – мать короля Свейна, супруга Кнута Могучего – *Свящ. С.К.*) и просили конунга разрешить им выкопать тело Олафа конунга из земли. Конунг дал им такое разрешение и предоставил епископу свободу действий.

В городе было тогда очень много народа. Епископ и Эйнар отправились вместе с другими людьми туда, где было похоронено тело конунга, и велели копать там. Гроб тогда уже сам вышел из земли. Многие стали просить епископа, чтобы похоронили конунга в церкви Клеменса. А когда со дня кончины Олафа конунга прошло двенадцать месяцев и пять дней, гроб с его останками открыли. Он тогда опять почти вышел из земли и был совсем, как новый, будто его только что обстругали. Когда Гримкель епископ подошёл к гробу Олафа конунга, из него разносилось благоухание. Епископ открыл лицо конунга. Оно совсем не изменилось, и щеки розовели, будто конунг только что уснул. Но те, кто видел Олафа конунга, когда он пал, заметили в нем перемену. У него отросли волосы и ногти почти также, как если бы он еще продолжал жить в этом мире. Свейн конунг и все знатные люди, которые там были, подошли, чтобы посмотреть на тело Олафа конунга. Альвива сказала:

– Удивительно долго не разлагаются тела в песке. Если бы он лежал в земле, такого бы не случилось.

Епископ взял ножницы и подстриг конунгу волосы на голове и бороду. У него была длинная борода, как это было принято. Потом епископ сказал конунгу и Альвиве:

Королевский источник (источник св. Олафа).

*Из песчаного холма,
где был сначала похоронен Олаф конунг
забил чудесный родник.*

*Роспись храма в Стиклестаде.
Художник Финн Арнесон.*

Стиклестада (Вердаль). Памятник св. Олафу

– Вот теперь волосы и борода у него такие, какие были, когда он скончался. Я отстриг ровно столько, насколько они отросли.

Альвива ответила:

– Я поверю, что эти волосы – святые мощи, только если они не сгорят в огне. Мы ведь часто видели, как хорошо сохраняются волосы у людей, которые пролежали в земле и дольше, чем этот человек.

Епископ велел зажечь огонь в кадиле, осыятил его и положил туда ладан. Затем он положил в огонь волосы Олафа конунга. Когда весь ладан сгорел, епископ вынул из огня волосы. Они были невредимы. Епископ показал их конунгу и другим знатым людям. Альвива сказала, чтобы положили волосы в неосвященный огонь. Но Эйнар велел ей замолчать и стал поносить ее. Тогда епископ с согласия конунга и по решению всего народа объявил, что Олаф конунг – святой. Затем гроб с телом конунга внесли в церковь Клеменса и поставили над алтарем. Гроб обернули шелковой тканью, а

сверху покрыли дорогими коврами. Вскоре много всяких чудес произошло от мощей Олафа конунга.

Из песчаного холма, где был сначала похоронен Олаф конунг, забил чудесный родник. Водой из этого источника многие излечились от своих недугов. Этот источник огородили, и воду из него бережно охраняют с тех пор. Сначала там построили часовню, а на том месте, где лежало тело конунга, поставили алтарь. Теперь на этом месте стоит церковь Христа. На том месте, где была могила конунга, Эйстейн архиепископ велел поставить главный алтарь, когда он построил огромный собор, который и теперь стоит. На этом же

Дни св. Олафа в Стиклестаде. Фото 1920-х гг.

месте был главный алтарь и в старой церкви Христа. Говорят, что на месте той хижины, где тело конунга оставили на ночь, теперь стоит церковь Олафа. А то место, куда мощи конунга перенесли с корабля, называется Склоном Олафа, теперь это место в середине города.

Епископ радел о святых останках Олафа конунга. Он стриг ему волосы и ногти, ибо они росли так, будто конунг еще продолжал жить в этом мире»⁴⁶. Последний раз волосы св. Олафу постриг его сводный брат Харальд Хардроде (Суровый), отправляясь в Англию в 1066 году на войну против короля Харольда Годвинсона. Харальд Суровый постриг волосы, закрыл, запечатал раку с мощами св. Олафа и не велел никому и никогда их больше открывать. Харальд Суровый погиб в Англии (о чем его предупреждал св. Олаф, явившись ему в видении незадолго до отплытия в Англию)⁴⁷. Одержавший над ним победу английский король Харольд Годвинсон был вскоре убит в битве при Гастингсе (рыцарями Вильгельма Завоевателя).

Итак, король Олаф стал почитаться вечным конунгом Норвегии, ее покровителем. Таковым он остался и по сей день, несмотря ни на какие бури общественной и церковной жизни (католический раскол, реформация, социальные революции). Сбылось, таким образом, предсказание святого Олафа Трюггвассона о том, что Норвегия будет дана королю Олафу навечно. Тогда св. Олаф не понял смысла этого пророчества. Он думал, что, победив по воле Бога превосходящую армию изменников, надолго воцарится в Норвегии, и жизнь его будет долгой. Истинный смысл пророчества он понял уже на Небесах. Поняли это и его подданные. Не так ли Спаситель, Которого хотели видеть Царем земным, стал

Св. Олаф. Икона XX века

Царем мира, но не от мира сего.

Сын св. Олафа Магнус, как уже было сказано, остался в России при дворе благоверного Великого князя Ярослава Мудрого. В саге «Гнилая Кожа» («Гнилой Пергамент») утверждается, что решение оставить Магнуса у Ярослава было вызвано настоятельной просьбой жены Ярослава Ингегерд (будущей св. Анной Новгородской). После гибели св. Олафа князь Ярослав стал притеснять всех без разбора норвежцев, оказавшихся на территории Руси, в частности купцов, не давая им вести торговлю. Князь Ярослав поступал так, потому что считал, что все норвежцы изменили своему королю и виновны в его гибели. Между тем Магнус и его приближенные (а также гонцы от

дружественных людей из Норвегии) обдумывали план свержения датского ига и возвращения короны законному ее наследнику – принцу Магнусу. Поэтому неприемлемая политика Ярослава в отношении Норвегии не совсем была приемлема с точки зрения осуществления этих планов. Однажды норвежцы Карл и Бьёрн прибыли в Новгородскую землю для торговли. Их схватили и привели к Ярославу. «Конунг (Ярослав – *Свящ. С.К.*) спросил Карла, кто он.

– Я норвежец, – ответил тот, – и пришел сюда с хорошими деньгами и с моими товарищами.

Конунг сказал:

– Как это у тебя хватило дерзости прийти сюда? Ты думаешь, что у тебя счастье больше, чем у других людей, и что ты здесь наживешь деньги торговлей, где другие не могли сохранить жизнь? Как бы плохо ни приходилось от меня норвежцам, они всегда стоят худшего.

Карл ответил:

– Не все одинаковы. Я солевар, человек малый,

Тронхейм. Собор Нидаросдом, где почивают мощи св. короля Олафа.

Вид собора в XIX в. – до перестройки конца XIX – начала XX вв. (слева). Западный фасад собора. Современный вид.

хотя теперь у меня есть деньги, и всегда был годен к чему-нибудь, и никогда не был противником Олафа конунга в мыслях моих.

— Думается мне, — сказал конунг, — что ты окажешься таков же, как и все другие норвежцы.

Конунг велел взять его и заковать, и так было сделано. И после того конунг спросил совета у Магнуса, приемного сына своего, как быть с норвежцами. Магнус ответил:

— До сих пор вы, приемный отец, мало советовались со мной, но думается мне, что Норвегия не скоро станет моей, если дело пойдет к тому, что будут убивать всех, кто оттуда родом. Но вы будьте милостивы, приемный отец мой, потому что они имеют право называться моими людьми. Думается мне, что мне лучше иначе действовать, чем ненавидеть друг друга, с теми людьми, которые оттуда»⁴⁸.

В результате Карл был освобожден и стал связным между Ярославом и Магнусом, с одной стороны, и норвежцами, желающими воцарения Магнуса, с другой. Повсюду в Норвегии стали собираться отряды и группы недовольных. Не обошлось и без подкупа некоторых, на что деньги дал князь Ярослав. Когда лазутчики Ярослава попали к Эйнару Тамбарскельвиру, рассказали ему все, «показали те деньги и передали поручение Магнуса, сына конунга, Эйнар ответил так:

— Мне все противнее становится такой подкуп знатных людей, с тех пор как Кнут это делал, но, с другой стороны, мне близко дело Магнуса, сына конунга»⁴⁹.

Магнус победил и стал королем Норвегии. Власть датчан была сломлена.

Весть о чудесах от мощей св. Олафа распространилась по всему свету. Вскоре множество храмов в его честь было построено всюду, куда распространялось влияние викингов, от Дублина до Оркнейских островов

Тронхейм.

Высокий алтарь и рака, в которой почивают мощи св. короля Олафа

и Новгорода. В Англии ему было посвящено 40 древних храмов, и праздник его отмечался во всех календарях. В Константинополе был также воздвигнут храм в честь св. Олафа. Это означает, что Олаф является вселенским святым. В «Норвежской Книге Проповедей» описан такой случай: «Случилось однажды в Гардах на востоке (т.е. в России — *Свящ. С.К.*), что загорелось в торговом городе, который назывался Хольмград (Новгород), и казалось, что сгорит весь город. И побежали все люди, полны страха, к одному священнику, который звался Стефан. Он служил в церкви святого Олафа. Хотели жители города испытать в такой великой беде помощь и могущество святого Олафа конунга и так проверить рассказы других людей, и, как только священник услышал их желание и просьбу, он схватил изображение того доброго господина и обратил против огня. И огонь не пошел дальше того места, где он начался, и так была спасена большая часть города»⁵⁰.

Конец и Богу слава!

Ранней весной Эйнар Брюхотряс и Кальв сын Арни собрались в поход. У них была с собой большая дружина из лучших людей, которых только можно было найти в Трёндаляге. Весной они направились на восток через Кьёль в Ямталанд, оттуда в Хельсингьяланд и добрались до Швеции. Там они раздобыли корабли и летом отплыли на восток в Гардарики. Осенью они добрались до Альдейгьюборга. Они послали своих людей в Хольмгард к Ярицлейву конунгу и просили передать ему, что они хотят взять с собой Магнуса, сына конунга Олава Святого, и отвезти его в Норвегию, а там помочь ему получить отцовское наследство и стать конунгом в стране.

Когда об этом узнал Ярицлейв конунг, он стал советоваться со своей женой и другими знатными людьми. Они решили послать гонцов к норвежцам и пригласить их к Ярицлейву конунгу и Магнусу. Им обещали свободный проезд по стране. Когда они добрались до Хольмгарда, то было решено, что норвежцы, которые приехали, станут людьми Магнуса и будут ему служить, и это было скреплено клятвами Кальва и всех тех, кто сражался при Стикластадире против Олава конунга. А Магнус заключил с ними полный мир и поклялся, что он будет им верен, что и они во всем могут на него положиться, если он станет конунгом Норвегии. Он должен был стать приемным сыном Кальва сына Арни, а Кальв обязался делать все, что, по мнению Магнуса, способствовало бы укреплению его власти в Норвегии и сделало бы его правление свободнее.

Снорри Стурлусон. Круг земной. Сага об Олафе Святом

Чудеса св. Олава на Руси

Исцеление Олавом в Гардарики мальчика с нарывом в горле

Мотив исцеления Олавом мальчика принадлежит к числу рассказов о чудесах св. Олава, которые начали возникать вскоре после его смерти. Чудеса упоминаются в скальдических стихах, созданных в 1030–1040-х гг.; о них рассказывается в скальдической поэме Эйнара Скуласона «Солнечный луч», в житии св. Олава, принадлежащем архиепископу Эйстейну, в «Древненинорвежской книге проповедей», в «Легендарной саге об Олаве Святом»; о некоторых чудесах говорит и Снорри Стурлусон¹. Всего известно четыре «русских» чуда Олава: два прижизненных (возможно, но очень сомнительно, что речь идет об одном чуде) и два посмертных.

Исцеление Олавом мальчика в Гардарики относится к одному из немногих прижизненных чудес Олава:

Так говорится, что в Гардарики был такой случай, тогда когда там был конунг Олав, что у сына одной знатной вдовы образовалась опухоль в горле, и мучила она его так сильно, что мальчик не мог глотать пищу, и считали его смертельно больным. Мать мальчика пошла к княгине Ингегерд, поскольку она была с ней знакома, и показала ей мальчика. Княгиня говорит, что она не знает никакого лечения, чтобы помогло. «Пойди, – говорит она, – к конунгу Олаву – он здесь лучший лекарь – и попроси его провести руками по больному месту у мальчика, и сошлись на мои слова, если он не будет соглашаться».

Она сделала так, как сказала княгиня. И когда она пришла к конунгу, тогда говорит она, что сын ее смертельно болен, что у него опухоль в горле, и попросила она провести по опухоли руками. Конунг говорит ей, что он не лекарь, попросил ее пойти туда, где есть лекарь. Она говорит, что ее сюда прислала княгиня, – «и она просила меня передать ее слова, чтобы ты лечил так, как ты умеешь, и сказала она мне, что ты здесь, в этом месте, – лучший лекарь». Тогда конунг согласился и провел руками по горлу мальчика и долго ощупывал опухоль, до тех пор пока мальчик не открыл рот. Тогда конунг взял хлеб и отломил немного, и положил крестом у себя на ладони, затем положил он это в рот мальчику, и тот проглотил. И с этого момента прошла вся боль в горле. Через несколько дней он был совсем здоров. Его мать была очень счастлива, а также другие родичи и знакомые мальчика. Тогда из-за этого стали сначала думать, что у конунга Олава такие способные к лечению руки, как у тех людей, которые владеют этим искусством и о которых говорят, что у них хорошие руки, но позднее, когда всем стало известно о его чудесах, тогда это было воспринято как настоящее чудо².

Этот сюжет, как отмечает Е.А. Мельникова, носит сугубо бытовой характер, направлен исключительно на прославление святого и принадлежит к самой распространенной в светской литературе категории чудес³.

Сопоставление текстов «Легендарной саги» и «Круга земного» демонстрирует развитие сюжета. В «Легендарной саге» Ингегерд, отправляя мать больного мальчика к Олаву, говорит, что люди не зовут его лекарем, а после исцеления следует ремарка: «И называли его тотчас в городе так». В «Круге земном» Ингегерд говорит: «Пойди... к конунгу Олаву – он здесь лучший лекарь».

По общему мнению исследователей, об этом чуде Олава не сообщается ни в каких других источниках⁴. Однако Анне Хольтсмарк полагает⁵, что именно о нем идет речь в висе скальда Сигвата Тордарсона.

Виса скальда Сигвата Тордарсона о святости Олава и о его чуде в Гардах

Только Снорри Стурлусон⁶ приводит строфу скальда Сигвата для подтверждения рассказа о том, что у Олава после смерти волосы и ногти продолжали расти, как у живого:

[После перенесения тела конунга Олава в церковь Клементя в Нидаросе и объявления Олава святым произошло много чудес.] Епископ оберегал святость конунга Олава, обрезал его волосы и ногти, так как они росли, как бывало и тогда, когда он жил в этом мире. Так говорит скальд Сигват: «Я не лгу, если у Олава выросли волосы, как у живого человека; охотнее всего превозношу я людей конунга в моей песни. Но особенно того человека, который узрел видение: волосы, которые выросли из светлого черепа; в Гардах избавил он от страданий Вальдамара». [Следует несколько вис из песни скальда Торарина Славослова о чудесах Святого Олава.]⁷.

В цитируемом здесь фрагменте приводится 23-я строфа «Поминальной драпы* об Олаве Святом», созданной ок. 1040 г. скальдом Сигватом Тордарсоном (ок. 995-1045)⁸. В строфе идет речь о каком-то, вероятно, прижизненном, чуде св. Олава. Виса по-разному прочитывается исследователями. Если Финнур Йоунссон⁹ считает, что речь идет о возвращении Вальдамару зрения¹⁰, то А. Хольтсмарк¹¹ усматривает здесь избавление Вальдамара от боли, страдания¹².

Содержание строфы, неясное само по себе, не проясняется и при анализе более широкого контекста: нигде в сагах не говорится о «страданиях Вальдамара**», от которых бы его избавил конунг Олав. Хольтсмарк, однако, полагает, что сообщение скальда относится к рассказу о том, как Олав вылечил мальчика от нарыва в горле (см. выше), хотя имя мальчика в саге и не названо¹³.

Принципиально важно наблюдение Е.А. Мельниковой, что, хотя рассказ и не поддается исторической интерпретации, показателен сам факт того, что уже ок. 1040 г. возник рассказ о чуде Олава, произошедшем на Руси, и произойти это могло только в среде скандинавских поселенцев и путешественников на Руси, имевших к тому же тесные и постоянные контакты с Норвегией¹⁴.

*Драпа – основная форма хвалебной песни в скальдической поэзии. Название, вероятно, означает «песнь, разбитая на части»

** Исцеление Вальдамара в Гардах – прижизненное, а возможно и посмертное чудо св. Олафа. По описанию одного из скальдов произошло оно от того, что прядь волос св. Олафа «вернула зрение» Вальдамару. Кто такой Вальдамар (Владимир) не сообщается, наверное потому, что он всем известен. В ту эпоху имя Владимир не давалось людям обычного, не княжеского происхождения. Вероятно, исцелен был юный князь Владимир Ярославич, первенец княгини Ирины (Ингегерд), будущий создатель Софийского собора в Новгороде.

Чудо иконы св. Олава при пожаре в Хольмгарде (Новгороде)

В житии св. Олава, принадлежащем архиепископу Эйстейну, в «Древненорвежской книге проповедей», в «Легендарной саге» и в версии «Отдельной саги» по «Книге с Плоского острова» описывается чудо иконы Олава¹⁵, принадлежащее к посмертным чудесам святого:

В некоем городе Русции, который называется Хольмегардер, вдруг случился такой пожар, что, казалось, городу угрожает полное уничтожение. Его жители, лишившись от чрезмерного страха самообладания, толпами стекаются к некоему священнику по имени Стефан, который там же служил в церкви Блаженного Олава. Они надеются в такой крайней нужде воспользоваться помощью блаженного мученика и проверить наверняка то, что они узнали о нем по слухам. Священник же, нисколько не медля, идет навстречу их пожеланиям, берет в руки его образ и выставляет его против огня. И вот, и огонь не распространяется дальше, и прочая часть города освобождается от пожара¹⁶.

Два латинских и три древнескандинавских текста практически тождественны. Несколько сокращен по сравнению с остальными вариантами текст «Легендарной саги» (в ней отсутствует мотивировка обращения людей к священнику церкви Св. Олава).

Спасение горящего города при помощи иконы патрона (покровителя) находящейся в городе церкви является общим местом в рассказах о чудесах святых. Аналогично в «Отдельной саге об Олаве Святом» по «Книге с Плоского острова» содержится рассказ о пожаре в торговом городе (в том городе, где был похоронен конунг Олав – т.е. Нидаросе, ныне Тронхейм) во времена конунга Магнуса Голоногого (правил 1094/95–1103. – Ред.): огонь разошелся широко, и тогда из церкви была вынесена рака с останками конунга Олава и противопоставлена огню, и огонь не пошел дальше¹⁷. Для нас же этот мотив важен тем, что он содержит указание на существование в Новгороде церкви св. Олава.

Впрочем, о наличии в Новгороде варяжской церкви св. Олава говорит и еще один весьма важный скандинавский источник. Это – руническая надпись из Шюсты (Skysta, в Уппланде), сообщающая о некоем Спяльбуде, который «умер в Хольмгарде в церкви [святого] Олава»¹⁸. Русские летописи отмечают существование варяжской церкви (или церквей) в Новгороде, но без имени патрона¹⁹. Так, Новгородская летопись под 1152 г. сообщает о пожаре «въ сред Търгу», в котором «церкви съгоре 8, а 9-я Варязьская»²⁰, под 1181 г. – что «зажъжена бысть церкы от грома Варязьская на Търговищи»²¹, под 1217 г. – что «въ Варязьскои божници изгоръ товаръ вьсь варязьскыи бещисла» [Там же. С. 57], а под 1311 г. – что церквей «каменных 6 огоре, 7-я Варязьская»²². Анализ более поздних источников (древней скры* новгородского двора, латинской и немецкой редакций договора 1270 г. и летописей) приводит исследователей к выводу о существовании в Новгороде с конца XII в. двух торговых иноземных дворов: немецкого с церковью Св. Петра и готского с церковью св. Олава²³. Е.А. Рыбина на основании совокупного рассмотрения повести о новгородском посаднике Добрыне и целого комплекса разнообразных письменных сообщений заключает, что «Готский двор с церковью св. Олафа на нем был основан в Новгороде не позднее первого десятилетия XII в.»²⁴

Рунический камень из Шюсты

Если согласиться с принятой в науке датировкой рунической надписи из Шюсты 90-ми годами XI в., равно как и с таким прочтением этой надписи (О. фон Фрисен, Е.А. Мельникова), что Спяльбуд «умер в Хольмгарде в церкви Олава» (а не «в дружине Олава», как полагал С. Бюгге, или «при путешествии Олава в Грецию», как читал это место Р. Дюбек)²⁵, то получается, что скандинавские источники дают еще более раннюю датировку основания церкви святого Олава в Новгороде, ибо церковь в таком случае должна была быть построена «между 1030 г. (смерть Олава Харальдссона) и 90-ми годами XI в.»²⁶. Однако строгая аргументированность вывода Е.А. Рыбиной о том, что церковь святого Олава на Готском дворе строилась в годы жизни посадника Добрыни, т.е. в начале XII или на рубеже XI–XII вв.²⁷, ставит под сомнение либо датировку камня из Шюсты, либо предложенное О. фон Фрисеном прочтение высеченной на нем надписи**.

Существование скандинавского купеческого двора в Новгороде указывает на то, что к XII в. торговые связи Руси и Скандинавии носили в известной мере постоянный, регламентированный характер. Исследователи внешней торговли Древней Руси отмечают, что, «как ни скудны источники, они позволяют заключить, что уже в ту далекую пору складывались относительно устойчивые системы межгосударственных торговых союзов»²⁸. Письменные памятники фиксируют отдельные нарушения торговых соглашений. Новгородская первая летопись под 1134 г. отмечает, что «рубоша новгородъ за моремъ въ Дони (в Дании. – Т. Д.)»²⁹. А под 1188 г. – что «рубоша новгородъце Варязи на Гътехъ»³⁰; в ответ на это Новгород разорвал торговый мир: «не пустиша из Новагорода своихъ ни единого мужа за море, ни съла въдаша Варягомъ, нъ пустиша я без мира»³¹.

Чудесное исцеление немого раба в церкви Св. Олава в Хольмгарде

Мотив встречается в тех же источниках, что и чудо иконы³², за исключением версии «Отдельной саги» по «Книге с Плоского острова»:

Один варяг на востоке в Гардах купил себе одного молодого раба. И был тот немой и не мог говорить, однако был он разумный и искусный во многих вещах. И не знал ни один человек, какого он рода, потому что он не мог сказать

* Скра (средненемецкое skra – устав) – свод строгих правил, по которому жил в Новгороде Ганзейский двор Святого Петра

** Возможно, при посаднике Добрыне, на Готском дворе был выстроен не превоначальный храм св. Олофа, а строился новый на месте прежнего, уничтоженного пожаром. Первый же храм, возможно был возведён уже между 1030 и 1090-ми гг., и датировка на камне в Шюсте верна.

этого, даже если его об этом спрашивали. Все же многие люди говорили, что он, должно быть, норвежец, потому что он изготавливал оружие, как они, и украшал его, как делали одни варяги. И вот этот несчастный человек со своим слабым здоровьем повидал многих господ. И как всегда может случиться, это привело к тому, что некий купец освободил его и дал ему свободу по причине мягкосердечия. Тогда отправился он по своей воле и прибыл в тот город, который зовется Хольмгард. И дала ему приют одна хорошая женщина. И прожил он там много дней. А эта хорошая женщина всегда посещала все богослужения, обращенные к конунгу Олаву. И почитала она этого великого и милосердного конунга с великой любовью и верой. И вот однажды ночью, когда она заснула, явился ей Олав Святой и так сказал ей, что тот юноша должен последовать за ней на следующий день к заутрене. Она сделала так, как он повелел, привела его с собой на службу в церковь. И как только он пришел в церковь, стал его клонить сон, и лег он и заснул, пока священники служили службу. Вслед за тем он увидел во сне того самого человека, и подошел тот к нему в той же самой одежде и в том же обличье, в котором являлся прошлой ночью той женщине. И дал ему речь и исцеление своей милостью и милосердием всемогущего Бога при помощи святого конунга Олава³³.

Совершенно очевидно, что тексты жития Олава и «Легендарной саги» взаимосвязаны. Как и в чуде иконы, здесь содержится свидетельство существования в Новгороде церкви св. Олава. Е.А. Мельникова не без основания полагает, что выдвижение церкви в качестве посредника при совершении чуда указывает на «храмовый» характер этих рассказов и дает возможность предположить, что они возникли в кругу клира или прихожан церкви св. Олава в Новгороде³⁴.

Татьяна Николаевна Джаксон. Четыре Норвежских конунга на Руси. Св. Олаф Харальдссон

*Церковь
св. ап. Андрея Первозванного
в Боргунде, Норвегия.
Основана в 1023 г. св. Олафом*

Примечания к статье

¹ Снорри Стурлусон. Сага об Олафе Святом // Круг земной. – М., 1980. С.168.

² Там же, С.170.

³ Там же, С.171-172.

⁴ Повествование из неизвестного источника, приведенное в книге «The Saints of Anglo-Saxon England» by Vladimir Moss, 1997, p.67-70 с ошибочной ссылкой на «Сагу об Олафе Святом» Снорри Стурлусона.

⁵ Снорри Стурлусон. Сага об Олафе Святом, С.175.

⁶ Там же, С.179.

⁷ Там же, С.191.

⁸ Там же, С.194.

⁹ Там же, С.196.

¹⁰ Vladimir Moss. «The Saints of Anglo-Saxon England», p.70.

¹¹ Снорри Стурлусон. Сага об Олафе Святом. С.197.

¹² Там же, С.198-199.

¹³ Там же, С.202.

¹⁴ Там же, С.212.

¹⁵ Там же, С.251.

¹⁶ Там же, С.253-255.

¹⁷ Там же, С.256.

¹⁸ Там же, С.256-260.

¹⁹ Городцов В.А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Труды Государственного Исторического музея. Вып.1. Разряд Археологический. – М., 1926, С.7-36.

²⁰ Снорри Стурлусон. Сага об Олафе Святом, С.260.

²¹ Там же, С.342.

²² Там же, С.205.

²³ Там же, С.241.

²⁴ Там же, С.271.

²⁵ Там же, С.316.

²⁶ Там же, С.315.

²⁷ Сага «Гнилая Кожа». Цит. по Е.А.Рыдзевская. Древняя Русь и Скандинавия. М., 1978, С.43-44.

²⁸ Снорри Стурлусон. Сага об Олафе Святом, С.333.

²⁹ Там же, С.333-334.

³⁰ Там же, С.335-336.

³¹ Там же, С.342-343.

³² Vladimir Moss. «The Saints of Anglo-Saxon England». p.73.

³³ Снорри Стурлусон. Сага об Олафе Святом, С.346-347.

³⁴ Там же, С.349.

³⁵ Там же, С.350.

³⁶ Там же, С.351.

³⁷ Там же, С.351.

³⁸ Там же, С.352.

³⁹ Там же, С.355.

⁴⁰ Там же, С.361.

⁴¹ Vladimir Moss. «The Saints of Anglo-Saxon England». p.73.

⁴² Снорри Стурлусон. Сага об Олафе Святом, С.364.

⁴³ Там же, С.375.

⁴⁴ Там же, С.368-369.

⁴⁵ Там же, С.369-370.

⁴⁶ Там же, С.371-374.

⁴⁷ Снорри Стурлусон. Сага о Харальде Суровом // Круг земной, С. 453.

⁴⁸ Сага «Гнилая Кожа». Цит. по Е.А.Рыдзевская. Древняя Русь и Скандинавия, С. 45-48.

⁴⁹ Там же, С.48.

⁵⁰ Там же, С.85.

«Юность Олава Харальдссона»

¹ Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты, перевод, комментарий. М., 1993, С.162, 210 – 211.

² Снорри Стурлусон. Круг Земной / Издание подготовили А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980, С.137.

³ Лённрот, 2000, С.214.

⁴ Saga Olafs Tryggvasonar av Oddr Snorrason munkr / Finnur Jonsson. Kobenhavn, 1932, Prologus.

⁵ Лённрот, 2000, С.216.

⁶ Лённрот, 2000, С.168.

⁷ См.: Islandske annaler indtil 1578 / G. Storm. Christiania, 1888; reprint Oslo, 1977., I (s. 16), III (s. 57), IV (s. 106), V (s. 179), VIII (s. 316).

⁸ Снорри Стурлусон. Круг Земной / Издание подготовили А.Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980, С.168-170

⁹ Там же, С.175.

¹⁰ Там же, С.178.

¹¹ Там же, С.179.

¹² Islandske annaler indtil 1578 / G. Storm. Christiania, 1888; reprint Oslo, 1977., 1014 г. – IV (s. 106), VIII (s. 316), X (s. 468); 1015 г. – I (s. 16); III (s. 57), VII (s. 249).

¹³ Снорри Стурлусон. Круг Земной / Издание подготовили А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980, С.190

¹⁴ Islandske annaler indtil 1578 / G. Storm. Christiania, 1888; reprint Oslo, 1977., 1015 г. — IV (s. 106), VIII (s. 316); 1016 г. — I (s. 16); III (s. 57), VII (s. 249). Лишь в анналах «Oddveria» (X) возвращение Олава приурочено к 1014 г., а битва у Несьяра к 1016 г. (с. 468).

¹⁵ Снорри Стурлусон. Круг Земной / Издание подготовили А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980, С.194.

Чудеса Св. Олава на Руси

¹ См.: Olafs saga hins helga. Efter pergamenthaandskrift i Uppsala Universitetsbibliotek. Delagardieske samling nr. 811 / O. A. Johnsen. Kristiania, 1922., k. 79; O. s. H. SKB 2, k. 185; O. s. H. Hkr., k. 189; O. s. H. AM 235, k. 5; O. s. H. AM 61, k. 179; O. s. H. Flat. (Flat., II, 431).

² Islenszk fomit (Reykjavik).XXVII, 341-342.

³ Мельникова Е. А. Култ св. Олава в Новгороде и Константинополе // Византийский временник, М., 1996. Т. 56. С.92 - 106.

⁴ См., например: Hollander 1964. P. 530, ch. 24, note 1.

⁵ Holtsmark A. Sankt Olavs liv og mirakler // Festskrift til Francis Bull. Oslo, 1937. S. 122, anm. 2.

⁶ См.: «Отдельная сага об Олаве Святом» по рукописи SKB 2 perg. fol. - Saga Olafs konungs hins helga. Den store saga om Olav den Hellige / O. A. Johnsen og Jon Helgason. Oslo, 1941. B. 1-2., k. 245; O. s. H. Hkr., k. 245; O. s. H. AM 61, k. 229; O. s. H. Flat. (Flat, II. 491—492).

⁷ Islenszk fomit (Reykjavik), XXVII, 405-406

⁸ Finnur Jonsson. Den Norsk-Islandske Skjaldedigtning. A — Text efter handskriftene. Kobenhavn, 1967. A, I, 263.

⁹ Там же, В. I, 244.

¹⁰ То же: Snorri Sturluson. Heimskringla. History of the Kings of Norway /Tr. by Lee M. Hollander. Austin, 1964. P. 530; Pritsak O. The Origin of Rusk Vol. I. Old Scandinavian Sources other than the Sagas. Cambridge, Mass., 1981. P. 277.

¹¹ Holtsmark A. Sankt Olavs liv og mirakler// Festskrift til Francis Bull. Oslo, 1937. S. 122, anm. 2.

¹² То же: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X-XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, М., 1988-1989 гг. М., 1991, Снорри Стурлусон. Круг Земной / Издание подготовили А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С.93; ср.: Круг Земной. С.374.

¹³ Holtsmark A. Sankt Olavs liv og mirakler // Festskrift til Francis Bull. Oslo, 1937.S. 122, anm. 2.

¹⁴ Мельникова Е.А. Култ св. Олава в Новгороде и Константинополе // Византийский временник, М., 1996. Т. 56. С. 92 - 106.

¹⁵ См.: Acta Sancti Olavi regis et martyris //MHN. P. 143 - 144; Passio et Miracula Beati Olavi / F. Metkalfe. Oxford, 1881, 93 - 94; Gamal norsk homiliebok: Cod. AM 619 4o / G. Indrebo. Oslo, 1931, 128; Olafs saga hins helga. Efter pergamenthaandskrift i Uppsala Universitetsbibliotek. Delagardieske samling nr. 811 / O.A. Johnsen. Kristiania, 1922, k. 124.

¹⁶ Acta Sancti Olavi regis et martyris // MHN. P. 142, перевод с лат. А.В. Подосинова.

¹⁷ Fiateyjarbok/ S. Nordal et al. Akranes, 1944-1945. В. II, 499.

¹⁸ Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. М., 1977. № 89; Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986 С. 131

¹⁹ Аннинский С. Письмо в редакцию. По поводу заметки А. Пьянко-ва «Одно забытое иностранное известие о рабстве в Киевской Руси» //Историк-марксист. 1940. X° 8. С. 156- 157. С.157

²⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А.Н. Насонова. М.; Д., 1950, С.29.

²¹ Там же. С.37.

²² Там же. С.93.

²³ См., например: Бережков М. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб., 1879. С.61.

²⁴ Рыбина Е.А. Повесть о новгородском посаднике Добрыне // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С.79 - 85.

²⁵ См.: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. М., 1977.. № 89.

²⁶ Мельникова Е. А. Сведения о Древней Руси в двух скандинавских рунических надписях // История СССР. 1974. Ха 6. С. 177 См. также: Брим В. А. Путь из варяг в греки // Известия АН СССР, VII серия, Отделение общественных наук. СПб., 1931. С. 227 - 228; Свердлов М. Б. Известия шведских рунических надписей о скандинавах на Руси и в Византии // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 106.

²⁷ Рыбина Е. А. Повесть о новгородском посаднике Добрыне // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978, С. 19.

²⁸ Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. 1967. Ха 3. С. 108. Кроме Готланда, русские купеческие товарищества утвердились в XII-XIII вв. в Константинополе, Риге, Ревеле, Любеке, Сигту-не, где у них были гостиные дворы (см.: Даркевич В.П. К истории торговых связей Древней Руси (по археологическим данным) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР М.; Л., 1973. Вып. 138. С. 102.

²⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 23.

³⁰ Там же. С. 39.

³¹ Там же.

³² См.: Acta Sancti Olavi regis et martyris // MHN. P. 143 - 144; Passio et Miracula Beati Olavi / F. Metkalfe. Oxford, 1881,93- 94; Gamal norsk homiliebok: Cod. AM 619 4o / G. Indrebo. Oslo, 1931,

Дни святого Олафа (Олава или Улава) традиционно широко отмечаются в Норвегии. Особое место в череде праздничных мероприятий занимает «Фестиваль Святого Олафа» — *Olavfestdagene* (*The Saint Olav Festival*), который каждый год проводится в Тронхейме (*Trondheim*) в конце июля.

Тело короля вынесли с поля брани и похоронили на берегу реки Нид (Нидельва), в г. Нидарос (ныне – Тронхейм). По преданию, главный алтарь Нидаросского собора стоит точно над его могилой. Спустя один год и пять дней после смерти король Олаф был канонизирован как мученик, а Нидарос стал крупным центром христианского паломничества.

Фестиваль, посвященный памяти св. короля Олафа Норвежского – *Olavfestdagene* проходит в г. Тронхейм ежегодно с 26 июля по 5 августа. Стало уже доброй традицией, что приходы Московского Патриархата в честь св. Анны Новгородской в Тронхейме и Воскресенско-Ольгинский из Осло активно участвуют в этом международном проекте, знакомя норвежское общество с православным богослужением, иконописанием и пением.

Проходящий в Тронхейме с 1962 года международный фестиваль имеет свои корни в глубокой древности. В средние века христиане со всей страны считали своим долгом посетить Нидаросский собор, чтобы поклониться мощам небесного покровителя Норвегии. И сейчас паломники едут в Тронхейм, чтобы принять участие в богослужении, которое происходит в ночь на 29 июля, предшествовая дню святого Олафа.

В наши дни во дворе Епископского дворца проходит ярмарка, которая воспроизводит атмосферу Средневековья. Уже третий год подряд (2004 – 2007) приходы Московского Патриархата представляют на ярмарке традиции православного иконописания. Регент и иконописец Воскресенско-Ольгинского прихода из г. Осло Сергей Поляков в режиме реального времени показывает норвежцам труд иконописца, что вызывает у окружающих огромный интерес.

Русская Православная Церковь в Северных странах почитает св. Олафа: в храмах есть его иконы, а 28 июня 2003 года состоялось освящение православной часовни во имя св. Олафа в Норвегии, на хуторе Стейхауген-горд, в поселке Фолдалл. Написанная для часовни икона св. короля мученика Олафа исполнена в православной традиции.

Ворота ставкирки в Хардему (Нерке, Швеция)
с изображением сюжетов из жизни св. Олафа

ДУХОВНОЕ ТОРЖЕСТВО В НОВОЛАДОЖСКОМ УЕЗДЕ В 1911 ГОДУ

В Новгороде, Старой и Новой Ладоге, Тихвине и других местах Новгородской земли на протяжении веков была жива память о разорении края шведами в начале XVII века. Шведская оккупация длилась с 1611 по 1617 гг., и «редкое духовное торжество» в Новолadoжском уезде следовало бы скорее приурочить к 300-летию освобождения русских городов и сел, чем к их захвату неприятелем. Однако в том, что богослужения с крестным ходом и Великой панихидой по погибшим были совершены в древней Ладоге в годовщину нашествия оккупантов, можно видеть особый знак. Через шесть лет, в 1917 году, такой крестный ход вряд ли бы состоялся - шла Мировая война, унесшая миллионы жертв, в России пала монархия, и было уже не до исторических воспоминаний...

5-го и вчера, 6-го Июня, в Новолadoжском уезде состоялось редкое духовное торжество. Исполнилось триста лет с тех пор, как гор. Ладога был взят и разорен шведскими войсками.

Многие ладожане погибли на войне, погибло много храмов, в том числе основанный в XV веке Успенский женский монастырь, восстановленный только в 1617 году.

В Николаевском соборе гор. Новой Ладоги Божественную литургию в этот день совершал священник А.В. Краснопевцев с диаконом П.Ф. Георгиевским. К концу литургии в собор прибыл крестный ход из села Крениц, что на берегу Ладожского озера.

По окончании литургии из собора во главе с настоятелем его и благочинным церковей Новолadoжского округа, протоиереем о. П.А. Быстрыковым, вышел крестный ход; к нему присоединился крестный ход из соседней Климентовской городской церкви с настоятелем ее, священником С.И. Пospelовым.

Соединенные крестные ходы, сопровождаемые массою богомольцев, несмотря на ненастную погоду,

Новая Ладога. Здание городских присутственных мест и памятник Императору Александру II. Фото 1910-х гг.

переправились на пароме через р. Волхов на правый берег, где вплоть до Старой Ладоги, отстоящей от Новой в 13-ти верстах, были встречаемы причтами сел Нема-тово, Иссад, Подбережье (Покровское) и Васильевское с крестными ходами.

После краткой остановки в с. Подбережье, грандиозный крестный ход прибыл в Старую Ладогу.

Здесь, после встречи, в соборе Николаевского мужского монастыря было отслужено всенощное бдение.

6 июня Божественную литургию в том же соборе совершил настоятель монастыря, архимандрит Арсений соборне с протоиереями: благочинным П.А. Быстрыковым, настоятелем церковей женского Успенского монастыря о. А.Н. Листовым, священниками И.П. Марковским, Г.К. Добровольским и др., в сослужении нескольких диаконов во главе с обладателем прекрасного голоса (бас) диаконом новолadoжского собора П.Ф.Георгиевским.

По окончании Божественной литургии собором многочисленного духовенства была отслужена великая панихида по всем «за веру, Царя и отечество при защите края живот свой положившим».

Затем крестный ход по левому берегу Волхова возвратился через дер. Абрамовщину обратно в гор. Новую Ладогу.

*Петербургский листок. 1911, № 152 (7 июня). С.5.
Публикация и примечания А.К.Галкина*

*Старая Ладога. Крепость и храм св. Георгия (XII в.)
Фото 1910-х годов*

*Царь Михаил
Феодорович,
в начале царствования
которого, с
заключением
Столбовского
мира произошло
освобождение Ладogi
от шведов*

*Густав II Адольф, король
Швеции.*

*При нём шведские
войска заняли и разорили
ладожскую округу,
удерживая её в своих
руках шесть лет
(1611-1617)*

БЫСТРЯКОВ Петр Андреевич. Окончил С.-Петербургскую Духовную семинарию (1891). В 1895 рукоположен во священника к Николаевскому собору Новой Ладogi. 15 октября 1904 назначен настоятелем этого собора. Протоиерей. 31 мая 1915 утвержден в должности бесприходного наблюдателя церковно-приходских школ Новоладожского уезда, с увольнением от должности настоятеля собора и с причислением к тому же собору сверх штата. 30 ноября 1917 назначен на вакансию священника к Волковской кладбищенской церкви Петрограда. Около 1919 был мобилизован колоть лед, простудился и умер. Старший брат протоиерея Николая Быстрякова (1875-1949), который в 1899-1944 непрерывно служил в Воскресенской церкви с. Суйда под Гатчиной.

ГЕОРГИЕВСКИЙ Петр Федорович (1869-1942). Окончил Новгородскую учительскую семинарию (1887), был учителем народных школ. В 1895 рукоположен во диакона к Михаило-Архангельской церкви (с 25 января 1902 – собор) г. Ораниенбаума, 19 апреля 1911 перемещен к Николаевскому собору Новой Ладogi. Священник того же собора; уклонился в обновленчество. 25 (12) ноября 1924 воссоединился с епископом Кронштадтским Венедиктом (Плотниковым), но затем вновь отпал в обновленчество. Служил в обновленческих храмах в сане протоиерея: в Знаменском соборе в Новгороде (1926-1927), Троицком соборе в Колпине (1927-1929), Введенском соборе Ленинграда (1929-1931), в Скорбященской церкви и часовне на Стеклянном заводе (1931-1933), был настоятелем Успенской церкви в Мурзинке (1933-1937); на рубеже 1937-38 состоял в клире кафедрального Спасо-Сенновского (обновленческого) собора, после закрытия которого перемещен в Преображенский собор. Умер в заблокированном Ленинграде в марте 1942.

КРАСНОПЕВЦЕВ Алексей Васильевич (1880-1920). Окончил С.-Петербургскую Духовную семинарию (1900). Рукоположен во священника к Николаевскому собору Новой Ладogi в 1904, с 11 июня 1915 – настоятель того же собора. Протоиерей.

ПОСПЕЛОВ Сергей Иванович (1874 – 1938?). Сын петербургского священника, с 1893 по 1915 служившего в Смоленско-кладбищенской церкви. Окончил физико-математический факультет С.-Петербургского университета, в 1904-1907 слушал лекции по богословским предметам в СПб ДА. До 1909 состоял чиновником в министерстве земледелия. В 1909 рукоположен во священника к Климентовской ц. Новой Ладogi, в 1911 переведен к церкви С.-Петербургского Новодевичьего монастыря, в 1915 – к Смоленскому кладбищу, на место отца, вышедшего за штат. После захвата церковью Смоленского кладбища обновленцами служил на Валаам-

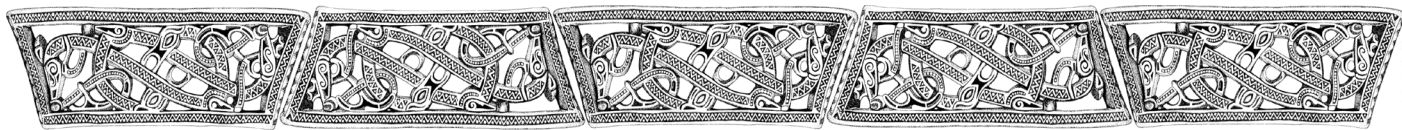
ском подворье на Васильевском острове. Арестован в декабре 1933 как «бродячий священник», приговорен к 3 годам лагерей. Умер в заключении на Сахалине.

АРСЕНИЙ (Усинин Александр Андреевич), архимандрит. Старорусский купеческий сын. Учредитель женской богадельни при Никольской церкви в с. Косино близ Старой Руссы, в 1890 преобразованной в Николаевскую Косинскую женскую общину. В 1892 принят послушником в старорусский Спасо-Преображенский монастырь; пострижен в нем и рукоположен во иеромонаха. С 1894 – настоятель Николаевского Моденского монастыря Устюженского уезда, с 1895 – настоятель старолadoжского Николаевского монастыря в сане игумена. Не позднее 1909 – архимандрит. В июне 1909 участвовал в торжествах восстановления церковного чествования св. кн. Анны Кашинской. С 10 января 1919 – на покое.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ Георгий Капитонович. Окончил 3 класса С.-Петербургской Духовной семинарии. С 1896 – учитель церковно-приходской школы в Заклинском погосте Лужского уезда, с 1897 – псаломщик церкви св. Александра Невского при Михайловской артиллерийской академии в С.-Петербурге (при настоятеле известном священнике-проповеднике Григории Петрове). В 1898 рукоположен во священника к Георгиевской единоверческой церкви в с. Болотском Лужского уезда. Около 1900 перемещен к старолadoжской Георгиевской церкви. В его настоятельство приходские церкви были капитально отремонтированы: в 1901 – деревянная Димитриевская и в 1904 – каменная Георгиевская. В 1902 было основано церковно-приходское попечительство, которое в 1903 возбудило вопрос о создании в Старой Ладoge музея христианских древностей. Был даже составлен проект каменного здания музея. С 1 сентября 1906 – законоучитель Старолadoжской женской второклассной церковно-приходской школы. С 14 апреля 1917 – за штатом.

ЛИСТОВ Александр Николаевич († 1913). Окончил Новгородскую Духовную семинарию (1869). В 1869-1874 учительствовал в С.-Петербургской губ. и С.-Петербурге. В 1874 рукоположен во священника к церкви св. Иоанна Милостивого в с. Колголеме Новоладожского уезда, с 1887 – священник Старолadoжского Успенского монастыря. В 1896 г. награжден орденом Св. Анны III степени за 25-летние труды по народному образованию. Протоиерей – к 6 мая 1900.

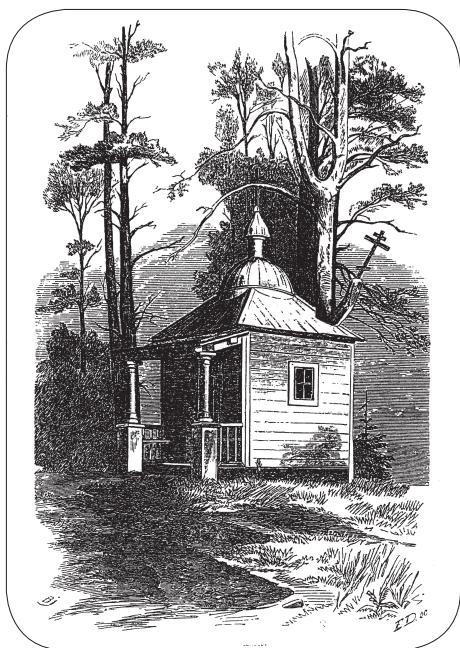
МАРКОВСКИЙ Иоанн Петрович. Окончил Новгородскую Духовную семинарию (1891). В 1892-1896 – учитель Климентовской церковно-приходской школы в Новой Ладoge. В 1896 рукоположен во священника к Петропавловской церкви с. Креницы, где служил до начала 1917.

ПОДВИЖНИКИ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ

СХИИГУМЕНΙΑ ЕВПРАКСІЯ СТАРОЛАДОЖСКАЯ (1733-1823)

Память 23 сентября / 6 октября

Часовня схиигуменни Евпраксии.
Гравюра XIX вв.

Почти шесть веков возвышается над седым Волховом Старо-Ладожский Успенский девичий монастырь. Немало на Руси обителей более величественных, и все же, пожалуй, не найти другого исторически более значимого и древнего монастыря, где так ярко запечатлелась бы вся история таких различных в разные эпохи взаимоотношений Русской Православной Церкви и государственной власти в России на протяжении почти тысячелетия.

От древнерусских времен сохранился в обители Успенский собор с остатками древних орнаментов на цокольной части, в буквальном смысле поднятыми из земли. Основанный игуменом Аркадием, он был выстроен в камне в 1156 – 1159 гг. при св. блгв. князе Георгии – Мстиславе Храбром, правнучке князя Ярослава Мудрого и Ингегерд – св. Анны Новгородской, чья жизнь была тесно связана с Ладогой. Почти девять веков стоит он на земле Старой Ладogi. Смутная легенда о пребывании в монастыре преподобной Анны Кашинской напоминает о Руси в эпоху раздробленных княжеств и разорения ее в нашествии иноплемennых. В начале XVII века монастырь был разрушен шведами, и восстановлен в 1617 г. при царе Михаиле Федоровиче. Петровская эпоха была ознаменована переводом города Ладogi и многих ее жителей на новое место, – в устье Волхова, – в Ладogu Новую. А с 1718 по 1725 гг. в Успенском Старо-Ладожском монастыре провела семь лет в заточении опальная царица Евдокия Лопухина. Ее перевезли сюда 20 марта 1718 года, когда шел розыск по делу царевича Алексея. Здесь оплакала царица Евдокия кончину своего сына, погибшего под пытками в Трубецком бастионе Петропавловской крепости.

В царствование Императора Павла I и его сыновей – Императоров Александра I и Николая I Россия от эпохи петровских и екатерининских новин стала возвращаться к древнерусской традиции... В Успенском Староладожском монастыре это возрождение было связано с именем схиигуменни Евпраксии, которая, по слову известного русского духовного писателя Е. Поселянина, «почти в наши дни воскрешала заветы лет древних».

В Свято-Успенской обители блаженной памяти схиигуменни Евпраксия (в миру Евдокия Нехотинина, 1733–1823) несла свой подвиг всю вторую половину XVIII и первую четверть XIX вв., с 1768 по 1833 гг. Жизнеописание схиигуменни Евпраксии было составлено Елисаветой Шаховой, бывшей послушницей Успенского монастыря, со слов схиигуменни Евдокии и иных людей, знавших подвижницу или ее духовных дочерей.

Впервые это жизнеописание было издано в журнале «Странник» за март 1860 года. Через одиннадцать лет оно было переиздано в «Историко-Статистических сведениях о Санкт-Петербургской епархии», и почти дословно воспроизводило текст журнала «Странник».

Впервые это жизнеописание было издано в журнале «Странник» за март 1860 года. Через одиннадцать лет оно было переиздано в «Историко-Статистических сведениях о Санкт-Петербургской епархии», и почти дословно воспроизводило текст журнала «Странник».

Впервые это жизнеописание было издано в журнале «Странник» за март 1860 года. Через одиннадцать лет оно было переиздано в «Историко-Статистических сведениях о Санкт-Петербургской епархии», и почти дословно воспроизводило текст журнала «Странник».

С тех пор практически во всех книгах, посвященных Успенскому Староладожскому монастырю, значительная часть материалов посвящалась схиигумении Евпраксии. Даже пребыванию в монастыре в XVIII веке в заточении царицы Евдокии Лопухиной (первой жены Петра Великого) уделялось меньшее внимание.

Почти в каждом новом издании материалов о монастыре и, соответственно, о схиигумении Евпраксии, появлялись факты, отсутствовавшие в предыдущих изданиях. К сожалению, не всегда удается проследить их источники. Архивные же данные, относящиеся к данному периоду существования монастыря, как отмечалось в дореволюционных изданиях, еще тогда были крайне разрознены и не систематизированы. Однако то внимание, которое уделялось личности схиигумении Евпраксии при описании многовековой истории этого древнего монастыря, позволяет предполагать, что готовилась ее канонизация, не состоявшаяся из-за Первой Мировой войны, революции и последующих катаклизмов в России. В 1919 г. Староладожский Успенский монастырь был закрыт. В послереволюционных изданиях о Ладозе упоминания о Староладожском Успенском монастыре и схиигумении Евпраксии исчезают почти полностью.

Среди местных жителей воспоминания о жизни и подвигах схиигумении Евпраксии сохранились. Память ее и поныне чтится в стенах возрожденной в 2003 г. древней Успенской обители. Трудami настоятельницы Успенского Староладожского монастыря игумении Ангелины (Васильевой) в 2005 г. установлен поклонный крест и возобновлена часовня над источником на «Абрамовщине». Выкопанный схиигуменией Евпраксией колодец у подножия Абрамовой горы и поныне продолжает почитаться и называться в народе Святым.

Осенью 2008 г. (23 сентября / 6 октября) исполнится 175 лет со дня преставления схиигумении Евпраксии.

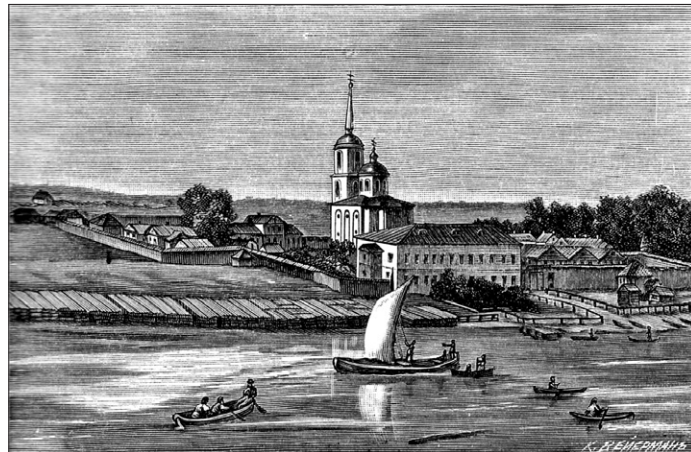
Жизнеописание схиигумении Евпраксии

Начало пути. Торопец и Арзамас

Сведения о рождении схиигумении Евпраксии, в крещении – Евдокии Нахотининой, весьма противоречивы. В публикации журнала «Странник» говорится, что она была из духовного звания: дядя ее был придворным протоиереем; а сестра и племянницы ее были в замужестве за дворянами.

В указе Консисории (18 декабря 1777 года за № 976) и в рапорте настоятельницы (30 декабря 1777 г.) Евдокия-Евпраксия именуется купеческою дочерью¹. Пожалуй, самыми достоверными являются данные о том, что она родилась в семье купца г. Торопца в 1734 (по некоторым данным – в 1733) году².

Евдокия возлюбила безбрачную жизнь, и вероятно, для избежания понуждения родственниками к супружеству, умыслила оставить дом дяди своего, где жила в сродстве после родителей, и, тайно водимая свыше призыванием, в 1758 году страннически достигла Арзамасского Алексеевского монастыря Нижегородской губернии³.

Староладожский Успенский женский монастырь.
С гравюры К. Вейермана. XIX вв.

Это был один из духовных центров того времени, связанный с Саровской пустыней⁴ и отличавшийся тогда благочестием и строгостью жизни постниц-сестер. Прожив в этом монастыре три года, она, по случаю упразднения монастыря, вместе с прочими сестрами, была переведена в Арзамасский же Никольский монастырь, в котором пробыла семь лет⁵.

Подробности новоначального вступления в монашество Евдокии

(Евпраксии) остались малоизвестными; смиренная подвижница не любила вспоминать и оглашать трудов своих, и не много сообщила о них впоследствии другу и спостнице своей схимонахине Евдокии, пред которой, как пред самовидицей, не могли быть утаены только последние подвиги и труды Евпраксии.

Евдокия (Евпраксия) была небольшого роста, но здорового и крепкого, хотя тонкого телосложения, и несла различные труды послушания в Арзамасской общине, где провела цветущие годы молодости в повиновении и строгом постничестве. В начале она не

могла переносить суровости скудной пищи тамошних постниц, которую составляли одни грубые овощи, часто без масла и без всякой приправы: привыкшая к городскому прихотливому столу, юная подвижница с трудом питалась одним ржаным хлебом и, незнакомая еще с алчностью воздержания, принуждена была употреблять его не так умеренно, как бы требовало ее рвение к постничеству. Это затруднение приводило Евдокию в сокрушение, которое изливала она в молитвах со слезами, и скоро была утешена Богом, даровавшим ей силу для подвигов воздержания. Наконец ее постигла долговременная и тяжкая болезнь, которая привела ее в совершенное расслабление. Она лежала простертою на постели, без всякого движения, свидетельствуя о жизни одним слабым дыханием: окружавшие ее сестры ожидали уже скорой ее кончины. Однажды, во время праздничного Всенощного бдения, запертая одна в келии, полумертвая Евдокия вдруг послышала стройное пение приближающегося издали хора, который пел согласно тропарь Успения Богородицы: «В рождестве девство сохранила еси...», и прочее. При последнем стихе тропаря: «избавлявши от смерти души наши», болящая увидела ясно, в дверях своей келии, светоносную икону Успения Божией Матери, которую два высокие благолепные мужа, в архиерейских стихарях, внесли и поставили перед одром ее. Видение было так живо, что страждущая помыслила, что Бог внушил сестрам мысль – поднять эту икону, и освятить болезненное ее злоключение молебством. Болящая с горячим умилением сердца устремилась взором и мыслию к изображению Пречистой, которое вдруг оживилось, и Сама Изображенная восстала с одра Своего на иконе, сошла с нее и простерла десную руку к расслабленной, со следующими словами: «Возстань и укрепляйся в силах: ты еще должна послужить Мне много!»

Возвратившись от службы, сестры удивились, что Евдокия совершенно исцелилась и здорова. С того времени она непрестанно имела в уме и сердце таинственное видение Матери Божией и прилежно молилась Ей, чтобы Она совершила над нею свое обещание.

В скором времени пребывание Евдокии в Арзамасе сделалось известным ее дяде, и он немедленно прислал письменный вызов вытребовать свою племянницу из обители в Петербург. Но люди недолго могли удержать избранную Божию, влекомую к святому призванию силою промысла. Самый вызов и приезд Евдокии в Петербург послужил ей к исполнению звания Божия. Вероятно, услышав о существовании близ Петербурга обители Успения Богородицы, она снова в 1768 году⁶, оставила дом своего дяди и, в сопровождении старого и верного слуги, направила путь свой к Старой Ладоге; достигнув же этого города отпустила слугу в дом дяди, с объявлением непоколебимого намерения вступить в число сестер обители Успения.

*Старая Ладога. Успенский собор (справа) и игуменский корпус
Фото 1900-х годов*

Монашеский подвиг и настоятельство в Староладожской обители

Евдокия была тогда уже в совершенных летах. Игуменья Евфимия приняла ее благосклонно и отвела ей особую келию. В ней-то Евдокия начала подвизаться в молитве и богомыслии, пребывая неисходно в молчании, посте и бдении, ни о чем житейском не заботясь, и питаясь исключительно одним ржаным хлебом и кувшином квасу, что приносила ей, по усердию, некая ладожская женщина, один раз в неделю. Только Бог был зрителем сокровенного и безмолвного ее жителства. Исключительным послушанием ее было чтение псалтири. Имея мужественный, неустрашимый дух и крепость в телесных подвигах, Евпраксия читала одна, по ночам, над покойниками в церкви, не наблюдая очереди с другими сестрами, потому что любила хранить спокойствие их и заступать собою немощь ближних. Но однажды, как она читала псалтирь, в глухую осеннюю ночь, в пустой церкви, над покойником из мирян, ей привиделось, что мертвец вскочил из гроба и бросился к ней с угрожающим видом. Устрашенная привеиде-

*Старая Ладога. Успенский женский монастырь.
Келейный корпус обители. Фото 1900-х годов*

нием, она едва добежала до своей келии и упала без чувств на пороге ее, где сестры, идя к утрени, нашли ее в обмороке. Это вражеское наваждение Евпраксия приняла со смирением самоукорения, и с того времени остерегалась уже полагаться на свою смелость.

Наконец, приблизилось установленное Богом время к прославлению смиренной служительницы, работавшей Ему втайне. Преемница игумении Евфимии, Александра Матвеевна Шубина, особенно уважала Евдокию, которую, в декабре 1777 года⁷ постригла ее в мантию с именем Евпраксия и объявила свое намерение – представить ее своей преемницей, с согласия всех сестер. Несмотря на упорные убеждения Евпраксии – оставить ее в чине монахини и не возлагать на нее достоинства, которое казалось выше ее сил, представление игумении было утверждено указом.

2 февраля 1779 года монахиня Евпраксия была посвящена преосвященным Гавриилом, архиепископом Новгородским и Санкт-Петербургским в сан игумении Успенской обители в Благовещенской церкви Александр-Невской Лавры, а игумения Александра (Шубина) была переведена в Новгородский Сырков монастырь. Таким образом Евпраксия была посвящена в сан игумении на сорок пятом году своей жизни, на двадцать первом году пребывания в монастыре и на втором году по пострижении⁸.

Образ жизни и подвигов ее должен был измениться, но стремление души к Богу не ослабевало. Преданная попечениям нового своего звания, боголюбивая Евпраксия вступила в действительное служение Пресвятой Предстательнице смиренной ее обители, по бывшему предречению. Число подвизавшихся почти постоянно ограничивалось двадцатью сестрами, из которых всегда составлялся полный штат (17) монахинь, кроме двух-трех послушниц. Она была разборчива в приеме нововступающих и неохотно принимала всякую при-

ходящую (особенно из молодых), избегая неприятных или неудовлетворительных последствий необдуманного либо вынужденного обстоятельствами вступления. Впоследствии, по обретенной уже ею свыше благодати, игумения Евпраксия каждой приходящей в обитель или прибегающей к ее совету, определительно нарекала приличный выбор жизни и проницательно усматривала свойства и расположение ее души. Общий образ жительства в обители заключался во внимательном стоянии в церкви на всех богослужениях, которые всегда исполнялись благоговейно и чинно, – в чтении псалтири по усопшим и послушании, правильно разделяемом между сестрами.

Сама игумения никогда не имела более одной особой келейной сестры, хотя впоследствии в ее келии помещалось до девяти неимущих монахинь.

Евпраксия не изменяла древнего устава монастыря, который никогда не был общежительным, и всегда более подходил к отшельническому или скитскому роду жительства. По большей части сестры жили в согласии, то есть по две в келии. Молодых игумения всегда поручала старицам, не позволяя никому жить без руководства, на своей воле.

Милосердие Божие неусыпную попечительность Евпраксии венчало преуспеванием сестер в благочестии: многие из них были строгими подвижницами, некоторые сподоблялись утешительного извещения об их кончине и предузнавали ее приближение. Распрям, молвам, суетным дружествам ради угощения, вредным союзам не было место в обители. Каждая сестра, по силе своей, подвизалась нелицемерно о своем спасении, имея себе зеркалом внимательную и труженическую жизнь матери настоятельницы, которая неуклонно назидала их словом и делом. Евпраксия искренно любила их всех, как истинная мать – детей своих, и вникала всегда во всякую их нужду, помогая душам их утешением или полезным обличением и стараясь по возможности их облегчать недостатки в потребностях содержания.

Она чрезвычайно любила благолепие церкви, всегда заботилась об освещении ее при службе, не допуская никогда зажигать пред иконами обгорелых свечей или огарков, и вообще, строго соблюдала всякий порядок, почитая неукрашение и беспорядок в церкви как внешний, так и внутренний, за святотатственный поступок против Богопочитания. И, несмотря на то, что ни сестер не обременяла она сбором, ни сама не прибегала ни к каким исканиям прибытков, – обитель ее не оскудевала в средствах, необходимых к умеренному и простому роду жизни того времени, и церковь всегда сияла чистотой, порядком и приличным освещением не только в праздничные торжества, когда всегда горела люстра, но и в повседневные службы. В торжественные дни годовых или храмовых праздников в обитель стекалось много духовенства из окрестностей на соборное служение; а

*Келии
в Успенской
женской
обители. Фото
1900-х годов.*

в праздник Успения Богородицы, посещали ее архимандриты из Невского монастыря, по назначению самого митрополита, из личного уважения к достойной настоятельнице. Смиренная Евпраксия встречала их колокольным звоном, и исполняла это служение своими руками; потом сходила с колокольни приветствовать священных гостей, с поклоном до земли, приемля в лице их Богособранных к честному Успению Апостолов.

Неоднократно, по вере ее, являлась ей чудесная помощь Божия в случае недостатков или затруднительных обстоятельств. При оскудении церковных потребностей неожиданно посылалось в обитель довольное приношение всего нужного, часто от неизвестных лиц, из самой столицы, где скоро имя Евпраксии сделалось известным и привлекло к ней много почтенных особ как светских, так и духовных. Она была лично уважаема многими достойнейшими архипастырями и архимандритами своего времени. Архимандрит Феофан Новоезерский, Назарий Валаамский, Феофор Ушаков, известный основатель Санаксарской пустыни, особенно уважали ее, имели всегда с нею духовное общение и называли ее своею сестрою.

Милостыню, получаемую от Христолюбивых дателей и благочестивых помещиков, разделяла она сестрам поровну, имея с ними одинаковую долю не как начальница, а как одна из них. Милостыня эта, по большей части, состояла в разных запасах, а иногда в белье и деньгах. При получении такого приношения Евпраксия призывала всех монахинь, и, не отлагая времени, делила между ними полученное.

*Митрополит С.-Петербургский и Новгородский Гавриил (Петров), совершавший монашеский постриг схиизмунции Евпраксии.
Мраморный барельеф из Свято-Троицкого собора Александро-Невской Лавры.
Ныне хранится в Государственном Русском музее*

Часто рыбаки, отправляясь на лов, приходили к ней заблаговременно, прося ее благословения, и потом, по благополучном возвращении, приносили ей от усердия значительную часть своего лова или закидывали на ее долю особую тоню, и добывая неимоверное количество рыбы, которую она немедленно разделяла между сестрами; а при меньшем лове не оставляла для себя ни одной рыбы, деля сестрам поровну: так-то была она точна в справедливости и любила во всем предпочитать пользу сестер своей собственной. Свидетельницею такого чудного лова раз была одна именитая тверская помещица, посетившая Ладожскую обитель, собственно из уважения к достохвальной ее настоятельнице по слухам о ее подвигах, достигшим самой Москвы.

Больные, немощные, умирающие сестры пользовались особым ее вниманием и услугами. Когда же смерть похищала одну из

среды их, Евпраксия имела обычай поручать казначее или старшей монахине издерживать оставшиеся в келии умершей запасы, в течение всего сорокоуста, на принятие причта сестер и нищих, а деньгами, если находились, уплачивать за церковное поминовение и чтение псалтири; потом в сороковой день призывала всех сестер в келию покойной и разделяла им все имущество, на поминовение души усопшей, или просто предлагала взять, из вещей и одежды что каждой было более нужно, не удерживая за собой ни одной безделки, и сама никогда не участвовала в поминках. Келия оставалась праздною до вступления нового лица, которому отдавалась или без платы, или с незначительным взносом, — смотря по средствам, — в общую казну обители,

Староладожский Свято-Успенский женский монастырь. Сестры обители за трапезой. Фото 1900-х годов

которую она, в урочное время, также разделяла сестрам, вскрывая кружку в полном их собрании; а свечную сумму употребляла на все необходимые расходы монастыря. Инокини, имевшие достаток и привыкшие в мире к удобствам жизни, могли строить келии свои по своим способам и обычаю; но вообще в их собрании сохранялась простота во всех оттенках жизни. У самой игумении никогда не бывало пиршественных столов или изысканного угощения. При недостатке запасов к угощению именитых гостей ей иногда помогало усердие соседнего помещика, сад которого осеняет и поныне стены монастыря, прилегая к самой его ограде. Внимательность благочестивых соседей неожиданно, без заботы Евпраксии, устраивала приличный завтрак, который приносился готовый на подносе в настоящую келию.

Промысл Божий всегда обильно заботится о тех всех, кто беспопечительно уповает на Него Единого, и самым чудесным образом содействует благим начинаниям верующих. Стараясь о благоустройстве своей обители, Евпраксия употребляла все возможные средства на украшение храма. Начав постройку колокольни и не имея сбора по городам для привлечения средств на благое дело, она была поражена неутешно скорбью в недостатке денег, необходимых для начатого дела. Это

затруднение повергло ее едва не в уныние: столько Бог попустил подвижнице опечалиться и отягчиться заботою! В сокрушении своем она призвала к себе любимую свою монахиню Елпидифору (впоследствии – схимонахиня Евдокия)⁹ и сообщила ей искренно всю горечь неутешной своей печали. После многих увещаний и старания ободрить унывающую, монахиня Елпидифора, одушевившись силою веры и надежды на заступление Матери Божией, предложила игумении провести ночь на молитве вместе. Евпраксия затворилась в особой келейке и, утомленная бдением и слезными молениями, к утру погрузилась в тонкий сон и увидела пред собою окруженную сиянием, прекрасную девицу, в венце на голове и жезлом в руках, которым она с тихостию погрозила ей и сказала: «Ты забыла, что мне поручено управление твоей обители, о которой я пекусь более тебя, и что ты служишь мне одною палочкой. О чем ты столько заботилась? Отложи печаль и будь спокойна». Евпраксия в явившейся узнала святую великомученицу Варвару, икона которой находилась в верхнем приделе во имя святой.

Опомнившись от видения, Евпраксия поспешила выйти к сомолитвеннице своей, Елпидифоре, которая также провела всю ночь в прилежной молитве, испрашивая утешения своей матери. Елпидифора встретила ее

Абрамовский лес – место подвигов схиигумении Евпраксии. Вдали видна выстроенная ею часовня. Фото 1910-х годов

донесением о прибытии в монастырь знакомой помещицы, госпожи Желтухиной, которая желает немедленно говорить с настоятельницей. Посетительница подала Евпраксии пакет с деньгами, именно на сумму, какой не доставало для окончания постройки, и рассказала обоим старицам о принятом ею во сне повелении от св. великомученицы Варвары, – вручить игумении Успенского монастыря сумму денег, издавна отложенную ею на благочестивое употребление.

Пустынь в Абрамовском лесу

Семейство Желтухиных издавна отличалось благочестием. Один из Желтухиных, престарелый и разбитый параличом, ища удовлетворения душевному побуждению к уединенной молитве и богомыслию, любил часто удаляться из своей усадьбы, в четырех верстах от Успенского монастыря, на высокий пригорок в глубине густого леса за усадьбой, куда велел себя приносить в креслах. Этот пригорок и лес, который ныне уже обратился в небольшой прилесок, – был как бы самим Провидением освящен в святилище молитвы, и составляет сокровенную святыню Успенской обители.

В первые годы своего настоятельства Евпраксия, скорбя о лишении прежней беспопечительности и недостатке безмолвия прибегла с горячим молением сердца к Богу, чтобы Он даровал ей возможность к исполнению молитвенного подвига, и была утешена таинственным гласом, указавшим ей тихое убежище в Абрамовском лесу, принадлежащем усадьбе Желтухиных. С того времени она избрала уединенный пригорок в чаще леса местом молитвенного своего безмолвия и отправлялась туда чрез мхи и болота, троекратно по постным дням седмицы, (исключая дни св. четырехдесятницы, когда Евпраксия заключалась в келии, и от службы до службы читала стоя св. Евангелие) после ранней обедни в монастыре, который препоручала до позднего вечера попечению казначеи. Так, через некоторое время она приказала срубить из бревен небольшую часовню под высокой сосной и, своими руками ископав колодезь у самой подошвы пригорка, водрузила над ним большой деревянный крест. Колодезь этот служил как бы преддверием к избранному ею месту для ее высокого под-

*Колодезь схиигумении Евпраксии на Абрамовщине.
Фото 1910-х годов*

вига: от него была проторена ею стезя к часовенке, вверх по пригорку, составляющему перед нею природную круглую площадку, среди которой всегда становилась подвижница совершать свое молитвенное правило. Оно состояло из чтения Псалтири, акафистов и канонов, Апостольских посланий и Евангелия. Она носила с собою туда частицы святых мощей (эта святыня была прислана Евпраксии из Киева ее племянником, бывшим губернатором г. Петрозаводска)¹⁰, молитвенные книги, свечи с огнивом и еще старинную шпагу, – неизвестно, из опасения ли от нападения злых людей или с мыслию сломить рог гордости и самонадеяния: потому что, как будет сказано ниже, Евпраксия неоднократно доказывала, что уповала не на меч свой, а на силу и помощь

Вышнего. И что значила робость против решимости мужественной жены во все времена года: в осеннее ненастье, в зимнюю вьюгу, в весеннюю грязь и летний зной – совершать хождения в глухой лес, в самую чащу его, зимой пробираясь на лыжах, по глубокому снегу, а в ненастье в мужской тяжелой обуви, по топкому болоту, во мраке позднего вечера, не боясь ни воздушных мятелей и страхований, ни воя волков и рева медведей? Евпраксия никогда не оставалась там до утра, но возвращалась к 10-ти или 11-ти часам вечера в обитель, не желая проводить ни одной ночи вне ограды богоспасаемых своих овец.

Очевидцы рассказывали, что они были свидетелями того, как Евпраксия шла однажды на Абрамовщину на лыжах над землей, не дотрагиваясь до снега¹¹.

Уходя в пустыню, она всегда запирала свою келию и потому зимой ночевала в нетопленной, несмотря на то, что провела весь день без пищи в молитвенном стоянии, на площадке пригорка вне часовни, куда входила только укрыться от ливня или сильного вихря, при невозможности исполнять «правила» на открытом воздухе, или когда нужно было читать со свечой. Слабое тело ее часто покрывалось кровавыми рубцами,нося язвы вольных страданий от лютости либо зноя или укусов лесных оводов и комаров. Вольная странница с самоотвержением пренебрегла мучениями тела ради ощущаемого ею обильного утешения и преуспеяния

духовного в труженическом своем подвиге, в Абрамовской пустыне. Бог призирал милостиво на смирение и труд Евпраксии, утешая ее различно, то умиленным сокрушением сердца, радостотворным плачем и очистительными слезами, то таинственными гласами и духовными откровениями, и часто являя ей видимое заступление. Однажды сильная буря с быстротою пронеслась над святою обителью и окрестностями и свергла с церкви Успения главу с крестом, не причинив впрочем особенного вреда в монастыре, – и Евпраксии было повелено особым гласом или откровением, – упавший, тяжелый крест, обитый по дереву железом, снести на Абрамовщину. Подвижница немедленно повиновалась и водрузила крест крепко на большом суке сосны, так что он и поныне осеняет кровлю часовенки. С той поры Евпраксия всегда имела с собою маленькую лесенку, по которой поднималась к кресту, вешала пред ним фонарь, с зажженной свечой, и совершала особое ему коленопреклонение.

Ниже, при описании знаменательных событий, связанных с нею, будет сказано о чудотворной силе этого креста. Извещенная о действующей через него силе благодати Божией, Евпраксия установила совершать ежегодно 14 сентября (ст. ст.), в день Воздвижения Честного Креста, крестный ход на Абрамовщину, из обители, с молебствием перед прославленным крестом, водруженном на сучке сосны, ствол которой находится внутри часовни¹²...

Монахиня Елпидифора

В самый день чудного свержения бурей главы с крестом в Ладожской обители – в далекой стороне, именно в глуши дремучих Брянских лесов, слышала глас Божия призвания Евдокия, бывшая после сподвижницей Евпраксии и свидетельницей ее подвигов. Евдокия была из купеческого звания, уроженка Орловской губернии. Она в ранней молодости выдана была своими родителями замуж и чрез два месяца супружества осталась свободною вдовою. Имея особенное стремление к благочестию, Евдокия посвящала все свое время чтению Священного Писания и Житий святых, и удалялась всякой суеты, ветреных утех и развлечений

*Новоначальные инокини в Староладожском Успенском женском монастыре.
Фото 1900-х годов*

своего возраста. Внимательное углубление ее в описания чудного жительства древних святых в пустынях и дебрях внушило ей непреодолимое влечение последовать их образу жизни. Простота обычаев и свобода в жизни того времени способствовали немедленному в исполнении благочестивого порыва Евдокии: тогда не рассуждали о последствиях и не заботились о будущем, но одушевлялись первым движением сердца. Евдокия рано утром вышла из дому родительского, где жила во вдовстве своем, и направила путь за заставу города, к густому непроницаемому лесу, с намерением начать посреди него пустынножизнь, подобную древней удивительной жизни прославленных святых пустынножителей. Вошедши поглубже в лес, Евдокия стала на молитву, изливала горячие слезы из глубины сердца и умоляла человеколюбие Божие призреть

на нее и наставить на совершение того, что угодно святой Его воле. Молодая ревнительница неотступно пребывала весь день на одном месте, сменяя одну молитву другою, и являла Богу крепкое свое намерение – умереть от изнурения и голода, в ожидании от Него Единого помощи и вразумления, как совершить ей избранный подвиг. К концу дня Евдокия, женщина нежного и слабого телосложения, привыкшая к удобствам жизни, утомившись от сильного напряжения, начала изнемогать в силах. В расслаблении она повернулась на землю и приготовилась предать душу свою Богу, которого возжадала с таким чрезмерным вожделением, – как вдруг слуха ее тонкого коснулся некий звучный глас, возбудивший ее от близкого замирания следующими словами: «Выйди отсюда: здесь тебе не место. Иди и ищи монастыря, где безглавая церковь: там спасешься». Евдокия ощутила некоторую свежесть и возвращение сил вместе с каким-то необъяснимым чувством ужаса, который понуждал ее скорее выйти из лесу. К вечеру она выбралась из чащи и на выходе из лесу встретила пастуха со стадом, который испугался ее бледного, изможденного вида и обгорелого лица, вспухшего и искусанного до крови лесными насекомыми, и хотел бежать; но Евдокия удержала его, умоляя именем Божиим указать ей дорогу к селению. Водимая необъяснимым чувством

призвания в течение десяти лет Евдокия страннически обходила многие обители и пребывала иногда по два и по три года в одной не располагаясь нигде постоянно; но где останавливалась, там вдавала себя в совершенное повиновение странницам и служила им в смирении и кротости сердца с полным самоотвержением и снова, влекомая чудною силою смотрения Божия, исходила с миром далее, ища места, где успокоить дух свой и утвердить свое жительство, по определению свыше.

Таким образом дошла она до Петербурга и посетила тогдашний Смольный монастырь, управление которого в то время находилось в главном распоряжении игуменнии Евпраксии, выбранной викарией (правительницей монастыря) по Именному указу. Начальство вызвало Евпраксию из Ладogi на игуменство в Смольный; пустыннолюбивая старица смиренно просила, как милости, дозволить ей умереть в уединенной ее обители.

Поэтому преосвященный митрополит Гавриил, ценя монашеские достоинства и долговременную опытность ее в священном деле управления, 14 января 1786 года назначил ее управлять и заведовать всеми делами Смольного, не оставляя своего места, а помощницей ее и казначеей той обители поставило монахиню Ана-

толию, которая была обязана во всяком своем распоряжении отдавать ей отчет, и отправлять текущие бумаги на рассмотрение и утверждение Евпраксии¹³.

Управление ее сими обителями, совершаемое в испытанном нестяжании и неусыпной бдительности, привлекло к ней особенное благоволение самого первосвященника, который пожелал почтить пустынную наперсным крестом; но Евпраксия отказалась принять эту почесть. Узнав ее лично, святитель полюбил мудрую и назидательную ее беседу, почитал ее духовною сестрою, и часто вызывал ее к себе в Петербург на душеполезное свидание, предпочитая пустынную всем прочим настоятельницам первоклассных монастырей. Однажды, приехав к нему по делам вверенных ей обителей, Евпраксия встретила в митрополичьей приемной с двумя почетными игуменьями, которые дожидались доклада о себе с раннего часа утра. Поглядев на смиренную старицу, которая поклонилась им до земли и стала поодаль, они спросили ее, зачем она пришла к митрополиту. «Я имею дело к Его Высокопреосвященству», – кротко отвечала Евпраксия.

«Напрасно будешь ждать, – возразили те. – Владыка болен, и никого не принимает. Мы не первый раз

Староладожский Успенский женский монастырь. Интерьер Успенского собора. Фото 1900-х годов

Старая Ладога. Успенский женский монастырь. Часовня над поклонным крестом во дворе обители. Фото 1900-х годов

и сегодня долго дожидается доклада, хотя знаем, что владыка нас уважит». Евпраксия не отвечала ни слова. Вошел секретарь и, увидев ее, тотчас подошел к ней с поклоном и сказал: «Пожалуйте, матушка, к Владыке: он никогда вам не отказывает и примет вас в постели. А вы, извините, – прибавил он, обратившись к изумленным игумениям, – сегодня Владыка никак не может вас видеть». «Кто же эта старица?» – спросили они поспешно. «Это госпожа Евпраксия, игумения Старо-Ладожского Успенского и викария Смольного монастырей, любимая духовная сестра нашего Владыки».

Живя целый год в Смольном монастыре и слыша подобные рассказы о жизни и подвигах Евпраксии от стариц Смольного и от самой монахини Анатолии, Евдокия ощутила в себе нечто возбуждающее ее любовь к добродетельной пустыннице. Предаваясь сильному влечению души, она положила твердое намерение отправиться в Ладугу и несмотря на самые убедительные и благосклонные предложения м. Анатолии скоро получить пострижение в Смольном – немедленно поспешила туда. Но нескоро совершилось над нею определение Божие, искушавшее ревнительницу в долготерпении. Пустынное расположение обители, наподобие маленького скита, малочисленность сестер, простота и согласие в их общежительстве, благочиние церковного служения, на котором неопустительно находилась сама игумения, со всем собранием, благоговейное ее стояние во храме, самый вид благолепной старицы, сияющий красотою внутреннего благообразия, сила и сладость кроткого ее слова, чувство необъяснимого влечения к ее достоинству, – пленили жаждущую душу Евдокии и решили окончательный ее выбор пристанища. Со смирением и слезами припала она к стопам Евпраксии, умоляя принять ее в число сестер. Но Евпраксия показала явное сопротивление ее просьбам и, не трогаясь, по-видимому, никакими убеждениями, представила ей неудобство лишений и тяготу пустынноческой жизни, несоответственной ее молодому возрасту и нежному сложению. «Ты у нас соскучишься, – говорила она, – у меня собраны одни старицы, приобучившие себя издавна к строгой монашеской жизни. Пища у нас самая простая, способов мало, и тебе нет здесь сверстниц, с кем делить время. Не упрашивай и не докучай нам много; ищи себе более приличного монастыря».

Твердость старицы показалась столько неумолимою, что огорченная и плачущая Евдокия должна была ускорить с выходом из обители. С неописанною горестью села она у святых ворот на камне, и заливалась слезами, почитая себя много согрешившею Богу, и заслужившею праведный гнев Его угодницы, какою она почитала Евпраксию. В это время проезжала мимо почтовая тройка и остановилась в слободе для смены лошадей. Оградившись крестным знаменем и предав себя воле Божией, Евдокия, со свойственным ей упованием, на-

няла тройку и уехала в Петербург. Не медля нисколько, в первый же день приезда, она прибегла к знакомому ей в Невской Лавре секретарю митрополита и рассказала ему свое горе. Подумав немного, секретарь утешил Евдокию обещанием доложить о ней митрополиту и обнадежил огорченную возможностью выхлопотать особый указ о помещении ее в Успенском монастыре, несмотря на видимое сопротивление строгой старицы, обычно разборчивой и осторожной в приеме молодых.

На другой день митрополит приказал призвать к себе странствующую Евдокию, благосклонно принял ее и начал расспрашивать, до последней подробности, об образе ее жизни и странствования. Со вниманием выслушав искренний рассказ Евдокии, до окончательной ее неудачи ко вступлению в Ладожский монастырь, первосвяtitель спросил ее, почему она особенно стремится туда, и узнав о сердечном ее влечении верить себя руководству достойной уважения, добродетельной пустынницы, тихую и безвестную обитель которой она предпочла именитому монастырю, – мудрый и милостивый архипастырь изъявил ей свое одобрение и приказал секретарю написать игумении Евпраксии о помещении Евдокии в штатное число сестер, с преимуществом представить ее на первую вакансию к пострижению, вменив благочестивое ее странствие и послушание в разных монастырях, в течение десяти лет, вместо действительного обучения монашеской жизни.

Робкое опасение смиренной и кроткой сердцем Евдокии – насиловать расположение Евпраксии, святитель успокоил утешительным уверением, что она найдет Евпраксию совершенно удовлетворенною ее несмущенной выжидательностью и твердостью произволения. «Я знаю Евпраксию, – прибавил он. – Она всегда осторожно принимает молодых и любит искушать их долго: но я уверен, что она мне предана, послушается с любовью, и, верно, сама тебя обласкает. Смотри, не послала ли она за тобою погони». Потом он спросил Евдокию о ее средствах и, узнав их недостаток, велел призвать к себе эконома Лавры и поручил ему снабдить ее на дорогу всем нужным. Добрый монах с усердием исполнил повеление своего владыки и обременил Евдокию огромным узлом с полотном, холстом и тонкой фланелью, приговорив: «Не отказывайся от милостивого благословения владыки; а что покажется лишним, разделишь с Успенскими старицами и приобретешь их расположение за свое усердие».

Обрадованная ревнительница не замедлила своим отправлением в Ладугу, где встретил ее неожиданно благосклонный прием мудрой старицы, действительно посылавшей вслед за нею служителя. Евпраксия приняла Евдокию с распростертыми объятиями, еще не читая указа, который также с готовностью привела в исполнение, любезно одобряя постоянство Евдокии по сбывшемуся слову святителя.

*Старая Ладога.
Сестры Успенской обители.
Фото 1900-х годов*

По принятому обычаю, – сдавать новопоступающих старшим сестрам, Евпраксия предложила Евдокии две келии: поступить келейницей или к двум сестрам из дворян, достаточного состояния, способным обеспечить ее содержание, или к одной старице монахине Капитолине, – и Евдокия, любя тесноту и повиновение, избрала последнюю. Вскоре узнала она из рассказов стариц о бывшей в их обители десять лет тому назад буре, которая обезглавила их церковь. По счету времени, в самый тот день и час, она услышала среди брянского леса вещей глас о своем спасении в монастыре с безглавою церковью.

В самом непродолжительном времени Евдокия сподобилась пострижения в мантию и наречена была Елпидифорой. В доказательство своего особенного доверия к ней Евпраксия начала приглашать ее с собою на молитвенное хождение в пустыню, разрешая ей, по немощи сил, вкушать пищу по возвращении. Евпраксия всегда шла впереди монахини, всю дорогу творя гласно молитву Иисусову, одну за другою, неспешно, и при каждой осеня себя крестным знамением, с умилением следующий стих: «День скончается, конец приближается». Взошедши на священный пригорок, она начинала совершать обычное свое правило на открытом воздухе, когда позволяла возможность. Елпидифора становилась с нею, внимая тихому пению молитвенницы, или иногда, от изнеможения, отдыхала неподалеку от нее. Таким образом Елпидифора сделалась верною свидетельницей многих чудных знамений благодати над своею духовною матерью, описание которых вкратце помещено в заключении, и по запрещению самой Евпраксии, хранила их втайне до блаженной кончины ее, а потом сообщила о

них келейно жительствовавшей с нею впоследствии монахине, которая вступила в Успенскую обитель уже на последнем году жизни достоблаженной подвижницы, проведенном ею на покое. Эта монахиня пользовалась особенным расположением Евпраксии, сподоблялась часто уединенной беседы с нею, исполненной утешительных о ней проречений, и была наречена ею монахиной, еще за несколько лет до своего пострижения.

Но прежде повествования о честном представлении старицы, должно еще упомянуть о бывших с нею искушениях и скорбях. Великий подвиг пустынного безмолвия и труженического хождения на молитву Евпраксии, равно как кротость и долготерпеливость ревнительной Евдокии, были подвергнуты великому искушению. По двухлетнем сопутствовании ей в пустыню, Елпидифора видела предварительный сон о постигшем ее вскоре гонении. Должно предполагать, что Евпраксия, в одно время своего прилежнейшего молитвенного подвига, по смотрению Божию, была искушена восстанием на нее сердечной ярости, с которой борьбу вела она каждодневно. Вот ненавистник добра, искуситель, начал сеять свои плевелы между доброю пшеницею, в малом собрании Успенских стариц. Где и когда не страдало общество воинов Христовых от нападений его, явных и тайных? И кто из обложенных плотию не искушался под его разжженными стрелами? В каком избранном, единодушном согласии не было и лежбратии, с самых времен Апостольских до нашего многоскорбного времени?

К концу третьего года Евпраксия не приглашала более Елпидифору сопровождать ее в пустыню, быть мо-

жет, по недостатку ее сил. Вскоре после того она начала часто обнаруживать негодование на Елпидифору, хотя последняя проходила в обители все послушания и не подавала никакого повода к укоризнам, которыми осыпала ее старица. Иногда раздражительность Евпраксии была столько упорна и огорчительна, что Елпидифора терялась в недоумении, чему приписать неприязненное к себе ее расположение, и горько плакала. Но к концу дня, или к самой ночи, воительница Христова неожиданно являлась к ней в келию и со смирением у ног ее просила прощения, исполняя писанное: «да не зайдет солнце во гнев ваш»; повергаясь пред обиженной, Евпраксия уверяла ее в неизменном к ней расположении и просила потерпеть во имя Христова ее раздражение, какого не в силах была удержать, и так утешала обиженную, что та умилялась и снова вдавалась в любовь к своей матери, забывая первую горечь, и стыдясь мыслей, соблазнявших ее во время смущения. Если же не удавалось ей окончить примирения с вечера, то она подзывала к себе Елпидифору на утрени и при всех кланялась ей до земли со своего места. Но на другой день, преимущественно по возвращении с Абрамовщины, Евпраксия снова встречала Елпидифору с раздражением и будто нарочно искала вины в ней, несмотря на невозмутимую ее кротость. Когда все монахини, по принятому обычаю, в мантиях провожали игумению из церкви до ее келии, — Евпраксия преследовала идущую за нею Елпидифору различными обличениями и обидными подозрениями, либо в течение дня призывала к себе для выговора в тех винах, которым она была не причастна. Это происходило или по воюющему на душу подвижницы духу ярости, или по клевете сестер, прельщенных и возмущавшихся противником против смиренной Елпидифоры по его наваждению.

Попущенное к искушению обоим гонение на Елпидифору умножалось более и более и могло бы составить особое описание скорбей и борений иноческих. Ненависть стремилась поколебать твердость Елпидифоры и уничтожить доброе ее начинание; но чрезмерное искушение никогда не бывает оставляемо без заступления Божия. Не оставил Бог жезла грешных на жребии праведных. Елпидифора, приготовившись уже уступить невыносимому гонению и успокоить смятение других переходом в другой монастырь, вдруг получила во сне извещение о скором прекращении искушения. Действительно, Бог покорил ярость под труд и смирение Евпраксии и не только освободил ее от брани, но еще даровал ей силу носить тяготы и немощи других с миром и любовью. В конце своего подвига она терпела много поношения от подвластных ей и даже переносила самые грубые выходки своей келейницы, не только ничем не угрожая ей, но еще снисходя многим ее слабостям; а Елпидифору возлюбила более прежнего, поставила ее казначеей и совершенно имела ее своим другом.

Зависть начала открыто нападать на Евпраксию в конце ее жизни и покушалась лишить ее сана, носимого ею с таким достоинством с лишком сорок лет, пока, наконец, не достигла своей цели, заставив ее просить увольнения на покой. Блаженной памяти митрополит С.-Петербургский Михаил (Десницкий), лично посещавший пустыню почтенной старицы, из уважения к ее высоким иноческим заслугам не принимал никаких донесений на Евпраксию как о мнимом упущении общего порядка в обители, так и о неспособности ее управлять сестрами, по старости лет, и отвергал прошение самой Евпраксии об увольнении. Но по кончине митр. Михаила оно было принято и утверждено его преемником, за полтора года до ее блаженной кончины. В июле 1822 года Евпраксия, на девяностом году жизни была уволена от управления монастырем с назначением ей пенсии по 100 рублей в год¹⁴.

На покое

Прославляемая по имени в далеких странах, она не была познана своими домашними. Достохвальная ее цель удаляться в пустыню на суточное безмолвие не была понята ими, исключая немногих ее учениц. Запоздав на молитве, она часто бывала встречаема с гневом ожидавшими ее у врат обители сестрами, которые дерзали обвинять молитвенницу в пустом бродяжничестве по лесам.

Наконец, устроив себе малую тесную келию, Евпраксия вышла на покой. Впоследствии, в престарелые годы она разрешала себе иногда укреплять свои, утомленные постническим подвигом старческие силы рыбной пищей, чаем и даже кофе, употребляя тот или

*Крест на
могиле одной
из монахинь
Успенского
Старо-
ладожского
монастыря.
Фото 1900-х
годов*

*Старая Ладога. Успенский собор девичьего монастыря.
Фото 1910-х годов*

другой всегда за обедом один раз в сутки. Жила она в келейке затворнически, без келейной сестры, обед приносила одна монахиня, приходившая ей служить. Смиренно переносила Евпраксия свое одиночество и даже разлучение с любимыми сестрами, которые не смели посещать ее, опасаясь ввести в подозрение настоятельницу, зараженную мнением, будто они ходят к своей матери с жалобой на нее. Но Евпраксия не вмешивалась в управление и втайне скорбела о некоторых переменах в прежнем порядке, особенно, о лишении храма древних росписей, о забелении стен его, издревле исписанных иконописными изображениями священных событий, или святых Ветхого и Нового Завета, и о недостаточном его освещении, которое она так строго и ненарушимо соблюдала.

Воздыхания слышала лишь одна верная и безмолвная ее наперсница, Елпидифора, которую иногда посещала она сама. Подозрения настоятельницы могли родиться из некоторых случаев, когда Евпраксия позволяла себе заступаться за огорченных явною ее несправедливостью сестер или испрашивать милости нуждающимся сестрам. Тогда старица приходила к своей преемнице и, как униженная просительница, становилась пред нею на колени (в девяностолетнем уже возрасте), тихо упрашивая ее оказать милость или снисхождение. Но та, имея неудержимо вспыльчивый нрав, иногда в пылу горячности своей не выслушивала ее убеждений, но вскакивала и с криком изливала над старицей гнев, приказывая одной из послушниц проводить ее до келии. Случалось вести

достоблаженную именно той самой монахиней, жившей в одной келии с Елпидифорой, особенно любимой Евпраксией. Подвижница уходила от настоятельницы с ясным взором безгневия, не давала вести себя под руку, но просто за руку, как ребенка, и всегда говорила с нею любовно и утешительно, рассказывая что-нибудь из деяний своей жизни.

Чудным образом было ей предвещено о близкой кончине. В числе многих видений, каких удостаивалась молитвенница, она часто видала древнюю, в Бозе почившую старицу Акилину, основательницу Успенского монастыря, обходящую в ночное время обитель в мантии и с посохом в руке и всегда исчезающую в стене соборной церкви, где под крайним окном Евпраксия полагала по преданию или откровению, находились ее мощи. Многие монахини строгой жизни имели то же видение. За несколько дней до своего преставления, Евпраксия посетила свою спостницу Елпидифору и, войдя к ней, по молитве, осенила келию крестным знамением, обошла ее вокруг и по долгой назидательной беседе сказала: «Мы, быть может, более здесь не увидимся». Встревоженная старица умоляла ее объясниться прямо. Тогда Евпраксия открыла ей, что пришла благословить ее жилище пред своею кончиной. «Вчера, – сказала она, – поздно вечером я услышала, что кто-то творит молитву под окном моей келийки, с легким стуком в оконницу. Отвечая: “Аминь”, и думая, что это кто-нибудь из келейных игумений, я услышала тихий голос и слова: “Тотовься к исходу: ты скоро соединишься со мной”. Я выглянула в окно и увидела старицу в мантии и с жезлом, которая поворотилась уже от моей келии к мостику; но когда я вышла из келии с намерением настичь ее, она исчезла у меня пред глазами. Я поняла, что меня грешную зовет к себе, по воле Божией, моя возлюбленная старица Акилина».

На другой день она почувствовала расслабление желудка и упадок сил телесных, но не ложилась и не изнемогала. Потом пригласила игумению и монахинь и, объявив им о приближении своей кончины, просила с умолением настоятельницу, похоронить ее в схиме, которую нашли по кончине ее в запечатанном ларчике с веригами и пакетом денег, на сумму двести пятидесяти рублей ассигнациями, с надписью: «на погребение и поминовение убогой Евпраксии». Это был сохраненный издавна собственный доход ее от чтения псалтири. Игуменья предложила ей принять схиму явно и донести о том начальству; но она отвечала, что не возможно повторить обряда, давно уже совершенного над ней. По неизвестности кем и когда была она посвящена в великий образ, прошение ее не было исполнено настоятельницей, и верная ее наперсница, Елпидифора, обретенную по смерти Иерусалимскую схиму тайно подложила под честное ее тело в гробе. Она не открывала о посвящении своем и Елпидифоре: но на вопрос

ее однажды, когда та увидела у нее под рясой схимонашеское облачение, отвечала кратко: «Бог послал мне ангела своего посвятить в схиму».

В последний день жизни, 23 сентября 1823 года¹⁵, достоблаженная пожелала приобщения Святых Таин и по причине ослабления в силах приняла Святое Причащение в келии, но еще на ногах; потом, проводив священника со Святыми Дарами до дверей келии, заперла сени, сама разостлала на полу в них рогозину, взяла в руки свое келейное распятие и зажженную восковую свечу, возлегла благолепно на рогозине, смежила очи, и тихо почил — до общего воскресения.

Так рассказывала о последних ее минутах, приставленная к ней на это время монахиня. На обряд омовения тела были призваны три духовные ее дочери, монахини Елпидифора, Иулиания и Павла, которые омывали его более своими слезами, текшими от уязвленного неутешною печалью сердца, при виде начавшегося неблагоговейного распоряжения вокруг их о выносе и о прочем. Совершая обряд с достодолжным почтением к честному телу подвижницы, осиротевшие инокини не опомнились, как устроилось оно в их руках в сидячем положении, точно будто старица сознательно принимала от них последнее себе служение. Она сидела с поникшей главой и чинно опущенными на колени руками, сияя девственной чистотой, изможденной в трудах старческой плоти. Тогда, от раздирающего душу скорбного чувства Елпидифора возопила к суетившимся: «Оставьте вашу молву и умилитесь: от века не видано, чтоб мертвец сидел. Почтите ее как святую!»

Тело было вынесено вечером того же дня, по принятому обычаю, в церковь, с пением и со свечами и торжественно поставлено посреди соборной церкви, на простом монастырском катафалке, где было положено на другой день во гроб, и погребено на пятый день преставления, тогда как не только не являло в себе признаков тления, но еще издавало вокруг тонкое некое благоухание. Достоблаженная Евпраксия погребена за окном главного алтаря Успенской церкви и покрыта плитой, на которой иссечена надпись собственною ее рукою незадолго до кончины. Избирая себе место для могилы, она просила настоятельницу — положить ее в паперти под стеною, как можно было предполагать, у ног единокровной с нею древней подвижницы, старицы Акилины: но и последнее ее желание не исполнено людьми, тогда как Бог исполнил и совершил во благих все ее желания.

Чудесные и достопамятные события в жизни схиигумении Евпраксии

Теперь в память ее должно сказать о том, что было чудного и достопамятного в ее жизни.

Однажды во время Всенощного бдения за двадцать лет до своей кончины, стоя на своем игуменском месте в

Успенской церкви, Евпраксия вдруг изменилась в лице, побледнела, помертвела и — упала без всякого чувства на руки скоро поспевших поддержать ее монахинь, из которых первая Елпидифора, взглянув на игумению нечаянно, заметила необычайное изменение ее лица и подала знак другой монахине. В таком безжизненном состоянии она была отнесена ими в ее келию, и положена на постель. Одно едва приметное дыхание и теплота у крепко сжатых уст подавали признак жизни. По внушению таинственного внутреннего чувства Елпидифора упростила встревоженных сестер удалиться и осталась одна с обмершею. Старицы не могли много ей противиться, как первому лицу по настоятельности; однако в течение ночи и целых суток по очереди подходили к келии беспрестанно, желая осведомиться о состоянии матери. Елпидифора должна была часто выходить к ним и всячески уговаривала их не возмущаться, а положить упование на волю Божию и молиться, никак не допуская никого проникнуть в келию, где и сама пребывала в безмолвной молитве над обмершей. К вечеру лицо Евпраксии оживилось, она открыла глаза и перекрестилась; потом поднялась с постели с прежними силами, без малейшего остатка ослабления. «Успокойся, — сказала она Елпидифоре, — и утешь сестер: вы испугались и подумали, что я умираю. Нет, мне назначено жить еще двадцать лет. Благодарю тебя, мой друг, что ты меня хранила и стерегла». Но что происходило с нею, и в каком состоянии внутренне находилась она во время

Старая Ладога. Успенский собор, колокольня его была сооружена в 1800-х годах трудами схиигумении Евпраксии

*Старая Ладога.
Успенский собор,
справа видна колокольня,
выстроенная
схиигуменией Евпраксией,
слева – сооруженный
в 1850-х годах придел
во имя Казанской иконы
Божией Матери и вмц. Варвары
Фото 1910-х годов*

суточного обмирания, осталось неизвестно.

Лет за пять до кончины Евпраксия, идя по монастырю, споткнулась о камень и переломила правую руку. Это случилось пред самым отправлением ее на Абрамовщину, в один из дней, уставленных ею на безмолвие в пустыни. Свидетельницы ее падения и перелома руки были Елпидифора и другая монахиня. Перепуганные, приступили они к ней с услугами сердечного участия: рука ее тотчас вспухла и повисла. Но мужественная жена не обнаружила болезни и, не взирая на слезы и убеждения стариц – не ходить уже в пустыню и заняться лечением руки, она немедленно отправилась и строго запретила за собою следовать или посылать. К ночи подвижница возвратилась с совершенно целою и здоровою рукою и с ясною улыбкою встретила нетерпеливо и беспокойно ожидавшую ее Елпидифору. «Матушка! Что было с вами?» – воскликнула обрадованная ее споспешница. «Видишь, малoverная! – отвечала она, – я совсем здорова.» «Да как же вы дошли?» «Я шла и пела псалом, и не давала себе очувствоваться, – сказала Евпраксия. «Пришедши в пустыню, я левою рукою поставила лесенку к подножию креста, засветила свечу в фонаре, а больною рукою обвила крест и запела: “О преблаженное древо! На немже распяся Христос, Царь и Господь”, а сама залилась сладкими слезами, такими сладкими, что и забыла про свою боль. Когда же dokonчила, то уже не было ни опухоли, ни боли». Действительно, обе монахини видели опасность ушиба и перелома руки, и потом об исцелении ее прославили дивного Бога, творящего чудеса во Святых своих.

За несколько лет до своей кончины, в Великий Четверг, как советует всякому христианину св. Димитрий, Ростовский чудотворец, Евпраксия пожелала принять Таинство Соборования Елеем, к которому приготовила

себя строгим пощением. С теплым усердием молила она Господа открыть ей силу таинства. Во время обряда старица стояла в церкви на своем месте в собрании всех сестер, с устремленными в высоту глазами, неподвижно, и казалась восхищенной неким чудным видением. Таинство совершалось соборно двумя монастырскими священниками, выходившими из алтаря помазывать и читать Евангелия. На другой день, по особому к ней дерзновению, Елпидифора осмелилась спросить ее, что было с нею во время таинства. Она открыла Елпидифоре, что Господь явил ей силу таинства, освящающего совершенно душу и тело верующего человека, и сообщила, что всякий раз, когда священники подходили к ней, она видела двух благообразнейших архиdiaконов в светлом облачении, которые исходили из алтаря и, приблизившись к ней, поднимали ее на воздух и осеняли Святым Евангелием. А при последней соборной молитве, когда священник взывал ко Господу о возложении руки на главу ее, она увидела простертую над собою таинственную десницу. За два года до кончины, Евпраксия снова повторила обряд над собою, также в церкви, с таким же приготовлением и в Великий Четверг, но не имела уже никакого видения и завещала не повторять более обряда над нею.

Сподобилась она также блаженнейшего видения Спасителя на облаках, во время частного молебствия в 1812-м году, бывшего на дворе уважаемого ею ближнего соседа, помещика Томилова, который тогда отправлялся в ополчение. Особенно уважая блаженную Евпраксию, – ценимую их верою по достоинству, а не по одному превосходству ее сана, Томиловы всегда искали ее благословения во всех семейных нуждах и нечаянностях. Любя их простодушное усердие, Евпраксия отвечала им своим благорасположением и не отказывалась иногда

посещать их дом, иногда предрекала им рождение сына или дочери, либо предостерегала их от чего-нибудь неприятного, иносказательно, в виде дружеского совета, который всегда принимали они с доверием. Тем более в то время, исполненное многообразных опасений, поспешила она разделить молитвы о благополучном возвращении отца семейства и домочадцев к одинокой супруге. Бывшие с нею старицы видели ее погруженною в какое-то восторженное состояние, с поднятыми в небо глазами неподвижно стоящею посреди всех во время молебна, и заметили особенно просвещенное изменение лица ее. По окончании его, вошедши несколько в себя, она благословила все семейство и успокоила жену надеждою видеть супруга своего вскоре легко раненного, что сбылось действительно. После наедине сообщила Евпраксия своей сотаиннице Елпидифоре о чудном видении, какого сподобилась она в своем необъяснимом восхищении ума. Подвижница была зрительницею неизреченного света, блистательнее солнечного, как бы разверзшего небо, в сиянии которого, как бы на облаках, явился ей Спаситель наш, Господь Иисус Христос в пречистом и покланяемом Своем зраке. Но ничего более не сказала она из бывшего ей откровения. Из слов ее помещица поняла только то, что сбылось в непродолжительном времени. Достоверно, что она не была лишена дара прозрения, хотя не обнаруживала его открыто. Она проникательно и верно говорила о будущем состоянии своего монастыря как в ближайшем, так и дальнейшем от нее времени.

Однажды Евпраксия находилась в опасности пострадать от руки злого человека, и не только была спасена хранящим ее Промыслом Божиим, но еще и того спасла от вечной гибели. В один дождливый и темный вечер ненастной осени, пребывая на безмолвии

в Абрамовском лесу и, по случаю погоды совершая свое правило в часовенке, неустрашимая подвижница вдруг увидела выходящего из-за угла дощатой перегородки высокого человека, в оборванной солдатской шинели с ножом в руке; посмотрев на нее пристально, он остановился позади ее на пороге. Евпраксия не оставляла своего правила и уже по окончании всех своих молитв обернулась и увидела его, стоящим на коленях и молящимся. На вопрос ее, чего он хотел, тот бросился ей в ноги, называя ее святою рабою и угодницей Божией и умоляя простить и помиловать его. Он рассказал ей о себе, что он провинился в своем полку и, убоявшись наказания, бежал и добрался до Абрамовского леса, где третий день скитается без пищи и покровы. Наконец, в один вечер, он увидел в лесу между деревьями восходящий к небу столб и в надежде найти клад пошел по направлению света к тому месту, но вдруг, дошедши до пригорка, заметил, что луч поднимался над часовенкой, куда только что вошла старица. Два дня прятался он в кустах и решил потом засесть за перегородку в часовне, — с намерением обыскать ее, ожидая найти скрытые ею деньги, и, наконец, — убить. Но непонятный ужас всегда лишал его сил, не допуская тронуться с места. Тогда раскаяние коснулось его души, и он вознамерился признаться старице во всем и просить ходатайства ее к Богу, уразумев из виденного над нею огненного столпа пребывающую в ней силу Божию. Он просил также избавить его от голода; но подвижница, пребывая в пощении, не могла ничем удовлетворить его и оставила ждать до утра. Возвратившись домой, Евпраксия рассказала Елпидифоре о случившейся с нею встрече и на другой день, рано утром, несмотря на убеждение Елпидифоры — взять с собою провожатого, — поспешила одна в пустыню и понесла с собою большую просфору

*Старая Ладога.
Разрушение трудов
схиигумении Евпраксии:
разборка выстроенной ею
колокольни Успенского собора
при «научной реставрации
древнего памятника»
Фото 1950-1960-х годов*

и медный рубль денег. Солдат, видя этот скудный запас пищи, усомнился и возроптал. Но старица уверила его, что и денег и просфоры будет для него достаточно до самого Петербурга, прибавив, что если он послушается ее и, положив намерение оставить путь беззакония, с повинною головою возвратится к своему начальству, то не только будет прощен и помилован, но еще вскоре будет произведен в унтер-офицеры. При этом она велела ему напиться из своего колодца и съесть половину просфоры, а другую взять на дорогу; отдала ему также рубль и, поговорив с ним о страхе вечной муки и воздаянии праведных, отпустила его в путь с благословением. Через месяц или немного более Евпраксия получила от него письмо, в котором он, ублажая ее святою угодницей и пророчицей, благодарит за чудесное напутствие, с которым он, сытый и довольный, дошел до своего полка, и извещает, что, по ее проречению, он прощен добрым начальником и за исправность и особое отличие по службе, произведен в фельдфебеля, прибавляя, что дает обещание вперед вести себя исправно и честно, и помнить ее наставление.

В другой раз, когда еще Елпидифора сопровождала ее в пустыню, Евпраксия была ограждена явным заступлением свыше вместе со своею спутницею. На вечернем правиле, также осенью, застигла их сильная гроза с вихрем и ливнем. Елпидифора с ужасом помышляла о возвращении в обитель среди густого мрака ненастной ночи при раскатах грома и блеске молнии чрез лес и топкое болото – и уstraшенная, понуждала Евпраксию остаться ночевать в часовенке, затворясь изнутри. Но подвижница не хотела и слышать, поспешая к ночи в обитель, по всегдашней о ней заботливости. Она велела ей ободриться духом и идти за нею, не уstraшаясь. Ночь была темна, без всякого просвета и выход из освещенной часовенки, по густоте мрака и шума с гулом колеблемых вихрем сосен, казался открытою бездною. Естественным образом не возможно было попасть на дорожку, ведущую с пригорка к колодцу, где нужно, прошедши немного, повернуть налево и потом спускаться. Скрепя сердце, вышла Елпидифора за крепкою воительницей, идущей вперед по холму с тускло мерцающим фонарем, но и тот у самого колодца задуло ветром. Тогда, вместо искусственного слабого огонька по молитве и вере рабы Божией ниспослано было чудное озарение тонкого света, который по обе стороны тропинки стеною рассекал мрак, и освещал им путь до самой обители, наподобие полосы дневного света. Осеняемые им путницы не были даже смочены дождем, который снова зашумел за ними по прекращении чудного света, во вратах монастыря. Евпраксия запретила своей спутнице рассказывать о бывшем им заступлении до своей кончины.

Случалось ей иногда, идя в пустыню или оттуда, заблуждаться в лесу и сбиваться с пути, что подвиж-

ница приписывала зависти и козням противника, ищущего отвратить молящихся от венца за их подвиг. Проходивши несколько лишнего времени по лесу, она всегда, наконец, находила свою стезю и, не смущаясь, поручала себя деснице Божией в уповании никогда не быть оставленною в посмеяние врагу. Даже самым хищным зверям и птицам повелено было служить молитвеннице. Однажды, уклонившись в сторону от тропинки, она забыла на кусте повешенный мешец со святыми мощами и потом никак не могла отыскать его, и не находила того куста. В самом сильном беспокойстве возвратилась она в обитель и тотчас сообщила о своем горе Елпидифоре. Та, со свойственною ей твердостью упования, умоляла ее успокоиться и предложила тогда же проводить ее обратно в пустыню, в надежде на милость Божию, не оставляющую верующих. Едва вышли они из обители, как над ними взвилась стая галок, птицы летели с криком вперед их, почти над их головами. Должно заметить, кстати, что Евпраксия имела обычай кормить их в монастыре, выходя на крыльцо келии и скликая их: «Галки, галки!» и птицы спешили принять пищу из ее рук. Елпидифора с утешением заметила опечаленной Евпраксии о странной суматохе и погоне за ними галок, протянувшихся до самого Абрамовского леса. Они наудачу последовали за воздушными вожата-ями, которые наконец опустились и расселись по ветвям одного большого куста, продолжая кричать с усилием. Елпидифора, по предчувствию, устремилась к кусту, и между зеленью на ветке обрела потерянное сокровище, а галки снова взвились и отлетели от них. Обе старицы с умилением прославили Бога, творящего чудеса и пекущегося о твари: но с того времени Евпраксия не носила уже с собою святых мощей.

Неоднократно поселяне видали подвижницу не-вредимую посреди лесных зверей, обитавших тогда в густой чаще Абрамовского леса и часто выбегавших на дорогу. Дворовый человек соседнего помещика, идя вечером с охоты, увидел выходящую из леса Евпраксию, окруженную дикими волками, которые бежали за нею, как смирные собаки. Удивляясь необычайному зрелищу, он усомнился и помыслил, что то не просто, – верно она колдунья. Звери, как смышленные, бросились на него, грозя ему своей свирепостью за хулу неверия: но дивная старица начала кричать на них и скликать их к себе, так же как галок: «Волки! волки! прочь, прочь!» И человек убежал невредимый. На следующую утрению он явился в церковь и после службы, подошедши к ее месту, упал ей в ноги, просил прощения в хуле своей на нее и гласно благодарил ее за избавление от волков. Так достоверно известно, что Бог покорял бессловесных под ноги строгой исполнительнице Его велений.

Любовь свою к Нему она являла в заповедях, исполняя по возможности самым делом слова Писания: веру обнаруживала делами, надеждою окрылялась в

*Часовня схиигумении Евпраксии на Абрамовщине.
На сучке дерева – чудотворный крест. Фото 1900-х годов*

подвигах, в терпении спасала душу свою и всегда была покрыта особым призрением Господним во всех трудах и теснотах своих; любила благолепие дома Господня и усердно пеклась о постоянном его украшении, за что, как писано в начале ее жизни, часто принимала от неразумия и нетерпения подчиненных много поношений за свою расточительность на освещение храма. Однажды при наступлении праздника, Елпидифора, бывшая в то время при свечах, заметила ей о недостатке больших свечей к местным иконам и просила не зажигать уже их до праздника. Но Евпраксия никак не соглашалась изменить своего обычая – вседневно зажигать их пред образами, а по воскресным дням освещать и люстру. Елпидифора должна была повиноваться, почти негодуя на свою мать-игумению. Но накануне праздника, в повечерие, подошел к свечному ящику незнакомый крестьянин, и с поклоном вручил ей сорок рублей, именно на большие свечи к местным иконам и на освещение люстры, объяснив что желает усердствовать своим приношением, зная, что почтенная матушка особенно любит всегда освещать свой храм.

Упомянем, хотя вкратце, о невероятных трудах ее при постройке колокольни. Она сама ездила в Петербург за колоколом и оттуда сопровождала его, следуя в повозке в медвежьей шубе за подводой, на которую он был поставлен. Тогда была суровая зима с сильными метелями. На половине дороги, ночью, застигла путешественницу жестокая выюга с лютым морозом и резким ветром в такой силы, что ямщики сбились с пути, лошади погрузились в глыбы снега и стали. От темноты и хлопьев снега не видно было человека в двух шагах. Невдалеке мелькали огни в селении, и слышался лай собак. Ямщики предложили старице выпрячь лошадей из-под подводу с колоколом и ими вытянуть ее повозку, чтобы можно было добраться до селения и переночевать, а подводу оставить на дороге до рассвета, потому что холод одолевал их. Но Евпраксия никак не соглашалась оставить колокол и, с самоотвержением веря себя воле Божией, осталась одна в повозке, а перезябших людей с лошадьми отослала от себя и, укрывшись с головой медвежьей шубой, приютилась внутри повозки. Вероятно дух ее бодрствовал в молитве над немощною плотью, отовсюду проникнутой холодом. Мало этого, забота о колоколе часто побуждала ее раскрываться и всматриваться вперед повозки. Среди лютой ночи она почувствовала вокруг себя какое-то веяние теплого воздуха: открылась – и увидела чудный свет, окружавший ее повозку. Укрепленная теплотою выплянула

она, и узрела трех благолепных старцев, прикинувших к ней с видом братского участия. Евпраксия признала в них святых и огоносных отцев наших: Александра Свирского, Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, как сама сообщила потом Елпидифоре. Когда по утру ямщики вернулись, они уже не чаяли застать Евпраксию в живых, боясь, что она замёрзла. Каково же было их удивление, когда они обнаружили её в здравии и благополучии, согретой, и при этом даже снег вокруг повозки очевидно подтаял. Продолжая благополучно путь свой, спустилась она на Волхов, вышла из повозки, стала на подводу за колоколом и, таким образом достигнув самой обители, с торжеством ввезла его во врата монастыря. Потом, при водружении креста на новой колокольне, Евпраксия приказала поднимать себя на блоках, нарочно для того устроенных из толстых веревок, и восходила на верх, держа обеими руками тяжелый крест. Вися таким образом будто на воздухе, мужественная жена водрузила его своими руками на небольшом куполе, покрывавшем два яруса колокольни.

Заключим наше повествование о маститой старице, еще двумя-тремя свидетельствами как о святости ее жителства, так и об особенной силе Божией, освятившей самое место ее пустынного молитвенного подвига. Еще в первые годы своего вступления в Успенскую обитель Елпидифора занемогла горячкою, которая, после выпущения рожками крови, обратилась в странную сливную опухоль по всему ее телу, от головы до ног. Страждущая лежала без всякого движения с затекшими совсем глазами, не видевшими света. Душа ее изнывала от опасения остаться слепою или живым трупом. В сильной горести

сердца обратилась она внутреннею молитвою к Матери Божией и, заснув от изнеможения, увидела себя на берегу Волхова за своим монастырем. Вдруг представилась ей несущаяся на воздухе вдоль реки чудотворная икона Тихвинской Божией Матери по направлению к востоку. Елпидифора пала на колени и возопила к св. образу: «Помилуй меня, Мати Божия, помилуй меня!» – и услышала глас от иконы: «Помилую, когда схожу на Абрамовщину». Пробудившись, она сообщила свое видение матери-игумении, тогда только что возвратившейся от своего богомольного путешествия в пустыню, и просила ее на другой день принести ей воды из тамошнего колодца. Евпраксия обещала завтра исполнить ее просьбу и поспешила уйти к себе. Но вместо того любвеобильная труженица в позднее время и усталая с пути немедленно отправилась обратно в

Могила схиигумении Евпраксии за алтарем Успенского собора. Фото С.М. Прокудина-Горского. 1909 год

пустыню, сама с молитвою почерпнула ведро воды из своего колодца и притащила его к болящей; потом сама поставила самовар из той воды и обмыла ею лицо и все тело своей умиленной до слез спешницы, несколько не отдохнув после сугубого утомления. Мать Божия действительно не замедлила помянуть Елпидифору, ради веры ее и смиренного труда своей служительницы: опухоль спала с лица и всего тела страждущей подобно сплывшейся чешуе, – и она прозрела!

Подобное же чудо исцеления уже по кончине достоуважаемой игумении, совершилось над двумя болящими. Одна девица в Шлиссельбурге впала в долговременную болезнь, доведшую ее до конечного расслабления. Ей привиделась во сне пустыня Абрамовская с часовенкой, с крестом на сосновом суке и с колодцем у подошвы пригорка, ясно привиделась, – будто она действительно знала это местоположение. Рассказывая сон свой посещавшим ее странникам, она осведомилась у них о существовании Абрамовщины и

пожелала ехать туда на исцеление. Родные исполнили желание болящей, и она совершенно исцелилась, омывшись водою из освященного колодца и отслужив панихиду по приснопамятной Евпраксии с поклонением прославленному ее кресту. Другая малолетняя девочка в деревне, расслабленная, в выздоровлении которой родители отчаялись, видела во сне пришедшую к ней благообразную старицу небольшого роста и тонкого телосложения, в шапочке, в мантии и с жезлом в руках. Старица велела ей свести себя на Абрамовщину, обмыться водою из колодца и отслужить молебен кресту и панихиду по игумении Евпраксии и тогда обещала ей совершенное выздоровление, которого она точно и сподобилась по усердному исполнению таинственного повеления являвшейся.

Повесть сия была составлена Елисаветой Шаховой, бывшей послушницей Успенского монастыря, со слов схиигумении Евдокии и иных людей, знавших подвижницу или ее духовных дочерей

Примечания:

¹ Историко-Статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии, СПб. 1871, Выпуск второй, изд. Санкт-Петербургского епархиального историко-статистического комитета. С.217.

² Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб. 1994. С. 92

³ Историко-Статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии, вып. 2. С.217.

⁴ Очерки Истории Санкт-Петербургской епархии. СПб. 1994. с.92

⁵ Историко-Статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. С.217.

⁶ Там же. С.218.

⁷ Там же. С.219.

⁸ Там же.

⁹ Там же. с.222.

¹⁰ Там же. с.223.

¹¹ Прот. Григорий Дьяченко «Искра Божия» М. 2000, репринт с издания 1903 г., с. 200

¹² Историко-Статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. с.222–233.

¹³ Там же. с.225.

¹⁴ Там же. С.229.

¹⁵ Там же. С.231.

Литература:

1. Журнал «Странник» за март 1860 года.

2. «Историко-Статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии». СПб. 1871, Выпуск второй, изд. Санкт-Петербургского епархиального историко-статистического комитета.

3. Очерки Истории Санкт-Петербургской епархии. СПб. 1994.

4. Православные Русские обители. Репринт с изд. 1910 г.

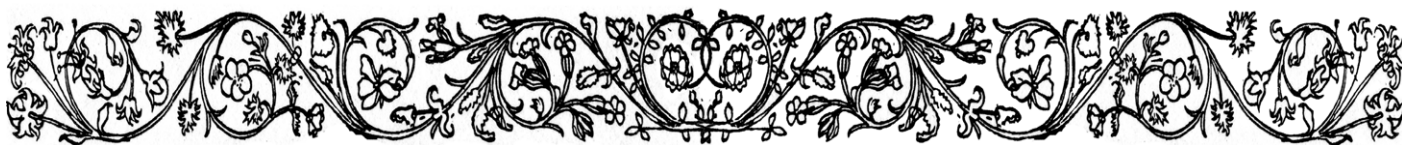
5. Краткий церковно-исторический справочник «Земля Невская Православная» СПб. 2000 г.

6. Дьяченко Григорий, прот. Искра Божия. М. 2000, репринт с издания 1903 г. Информация представлена со ссылкой на книгу «Третьеклассный Староладожский Успенский монастырь», изд. 1871 г.

7. Монахиня Таисия. Русское Православное женское монашество XVIII – XX вв. изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992 г. (стр. 33-34).

Возобновление часовни над колодцем и освящение поклонного креста на месте подвигов схиигумении Евпраксии на Абрамовщине. 2004 год

ОБИТЕЛИ СВЯТОЙ РУСИ

СИНОДИК НАСТОЯТЕЛЬНИЦ СТАРОЛАДОЖСКОГО УСПЕНСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

СТРОИТЕЛЬНИЦЫ¹:

АКИЛИНА,	1617 – 1622
МАРФА, _____	1628
ПАРАСКЕВА, _____	1638
игумения АНИСИЯ, _____	1648
игумения ИУЛИАНИЯ, _____	1669
игумения МАРТЕМИАНА, _____	1675 – 1677
КАПИТОЛИНА, _____	1682
ФЕОДОРА, _____	1684
АЛЕКСАНДРА, _____	1693 – 1696

ИГУМЕНИИ:

КАПИТОЛИНА, _____	с ноября 1703
ФЕОДОСИЯ, _____	1706 – 1715

СУСАННА (Палицына) 1 сентября 1715 – † 8 ноября 1739

При ней в монастыре «под караулом» находилась первая жена императора Петра Великого, царица Евдокия Феодоровна (в монашестве – Елена).

АЛЕКСАНДРА (Обернибесова) 9 марта 1740 – † 27 марта 1749²

ФЕВРОНИЯ 1750 – † 25 февраля 1753³

ЕВФИМИЯ _____ 1 сентября 1761⁴ – уволена 1775

АЛЕКСАНДРА (Шубина; † 27 октября 1797) 5 января 1775 – 13 ноября 1778⁵

«Природою была смоленского шляхетства; с молодых лет взшла в монастырь в Смоленский и пострижена в оном же; взята указом в Смольный монастырь и посвящена игумениею в Ладугу и переведена игумениею в Сырков монастырь и взята восприемницею Государыни Императрицы Елизаветы Алексеевны»⁶ [супруга Императора Александра I; бракосочетание состоялось 28 сентября 1793].

¹ До 1617 г. имена настоятельниц неизвестны.

ЕВПРАКСИЯ (в миру Евдокия; † 23 сентября 1823, на 91 году)

посвящена 2 февраля 1779 – вышла на покой 22 июля 1822⁷

Племянница придворного протоиерея [? Феодора Дубянского; † 1769], в доме которого жила сиротой. В 1758 тайно ушла в Арзамасский женский монастырь, в 1768 вызвана дядей в С.-Петербург, но ушла в Ладугу.

ПОЛИКСЕНИЯ (Лялина) *посвящена 26 июля 1822 – ?*

При ней в 1823 г. на новом месте сооружены каменные Святые ворота – с тех пор главным стал западный въезд в монастырь.

ФЕВРОНИЯ (Анфимова) *посвящена 11 августа 1828 – 1854*

В ее настоятельство надстроен третий ярус колокольни при Успенской церкви; на новом кладбище к западу от монастыря в 1830 г. сооружена часовня, вскоре перестроенная в церковь св. Алексия человека Божия (освящена 29 октября 1833).

МАВРИКИЯ (Хитрово; † 13 декабря 1855, 48 лет)⁸ *1854 – 13 декабря 1855*

ДИОНИСИЯ (Аносова Мария; † 30 августа 1895, 96 лет)⁹ *26 янв. 1856 – 30 августа 1895*

Дочь костромского дворянина; в 1842 приняла постриг в Воскресенском Горицком монастыре Кирилловского уезда Новгородской губ., с 1846 – казначея новооснованного Воскресенского Новодевичьего монастыря в СПб.¹⁰

Управляла монастырем 39 лет и 7 месяцев. В ее настоятельство по проекту А.М. Горностаева построены каменные жилые корпуса и Больничный корпус с Крестовоздвиженской церковью (освящена в дни празднования 1000-летия Руси, 13 сентября 1862).

В 1865-1887 монастырский причт возглавлял кандидат богословия священник (с 1885 – протоиерей) **Василий Полетаев**, перемещенный отсюда настоятелем кавалерского Князь-Владимирского собора в С.-Петербурге.

ВРИЕННА († 2 июня 1903)¹¹ *6-11 сентября¹² (посвящена 1 октября)¹³ 1895 – 10 мая 1903¹⁴*

Получила домашнее образование. Пострижена в монашество в 1858; была казначеей и ризницей монастыря. Уволена от должности настоятельницы «согласно прошению, по преклонности лет».

АНТОНИЯ (Рейнбот Зинаида Антоновна; † 27 октября 1916, на 62 году)

20 мая (посвящена 22 июня)¹ 1903 – 4 августа 1904¹⁶

Окончила Смольный институт и Высшие женские педагогические курсы (1883). Преподавательница и классная дама Смольного института. В 1895 приняла монашество. С 1904 настоятельница Воскресенского Новодевичьего монастыря в С.-Петербурге¹⁷.

ВАЛЕРИЯ (Васильева Евдокия) *10 августа 1904¹⁸ – 6 июля 1905¹⁹*

Уроженка С.-Петербурга. Поступила послушницей в Староладожский монастырь в 1859, пострижена в 1896. Заведовала монастырским подворьем в С.-Петербурге²⁰ (основано в 1902).

Переведена настоятельницей Троицкого Творожковского монастыря Гдовского уезда (на место игумении Арсении, скончавшейся 16 июня 1905).

АЛЕКСИЯ ? – 1 июля 1911²¹

Уволена от должности настоятельницы на покой, с возвращением на жительство в С.-Петербургский Новодевичий Воскресенский монастырь.

В 1914 назначена настоятельницей Свято-Никольской женской общины Калужской епархии²²

ВИРСАВИЯ *и.д. настоятельницы 1 июля 1911²³ – 27 февраля-28 марта 1917*

Из монахинь Староладожского монастыря. Утверждена в должности, с возведением в сан игумении, 13 ноября 1912. К 6 мая 1913 награждена наперсным крестом от Св. Синода. Уволена по прошению, по болезненному состоянию²⁴.

ПОРФИРИЯ (Глинко) *27 февраля-28 марта 1917 – ?*

Перемещена из настоятельниц Сурского Иоанно-Богословского монастыря Архангельской епархии «согласно ходатайства Петроградского епархиального начальства»²⁵.

АНФИСА. Присоединилась к иосифлянству до мая 1928²⁶.

Источники

¹ Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб, 1877. Стлб. 278.

² Третьеклассный Староладожский Успенский женский монастырь. СПб, 1871. С. 73.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Русский провинциальный некрополь [РПН]. М., 1914. С. 16.

⁷ Третьеклассный Староладожский Успенский женский монастырь. СПб, 1871. С. 73.

⁸ РПН. С. 507.

⁹ РПН. С. 254.

¹⁰ Гермоген, епископ Ладожский. Справочный листок о церквях и духовенстве епархиального ведомства в С.-Петербургской епархии за 1876 год // Церковный вестник. 1877, № 36. С. 13.

¹¹ Известия по С.-Петербургской епархии. 1903, № 12. С. V.

¹² Определения Св. Синода // Церковные ведомости. 1895, № 39. С. 364.

¹³ Посвящение в игумены // Петербургский листок. 1895, № 270 (2 октября). С. 3.

¹⁴ Определения Св. Синода // Известия по С.-Петербургской епархии. 1903, № 11. С. I.

¹⁵ В Новодевичьем монастыре // Петербургский листок. 1903, № 169 (23 июня). С. 3.

Определения Святейшего Синода // Церковные ведомости. 1904, № 34. С. 379.

¹⁷ Кончина игуменни // Колокол. 1916, № 3130 (30 октября). С. 3-4.

¹⁸ Определения Святейшего Синода // Церковные ведомости. 1904, № 34. С. 379.

¹⁹ Определения Святейшего Синода // Церковные ведомости. 1905, № 29. С. 370.

²⁰ Новая настоятельница монастыря // Петербургский листок. 1904, № 226 (17 августа). С. 4.

²¹ Определения Св. Синода // Известия по С.-Петербургской епархии. 1911, № 14. С. 1.

²² Колокол. 1914, № 2537 (17 октября). С. 4

²³ Определения Св. Синода // Известия по С.-Петербургской епархии. 1911, № 14. С. 1.

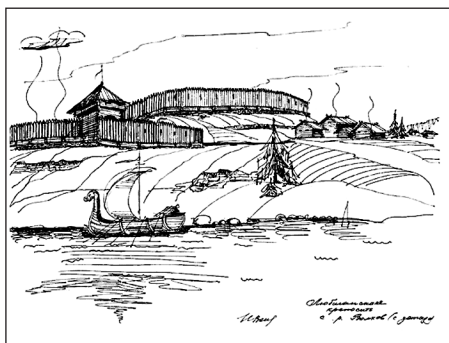
²⁴ Определениями Св. Синода // Церковные ведомости. 1917, № 18-19. С. 118.

²⁵ Там же.

²⁶ Иоанн (Снычев), митрополит. Расколы // Христианское чтение. Вып. 6. 1991. С. 38.

Сост. А.К. Галкин

ЛЮБША – ПРЕДШЕСТВЕННИЦА ЛАДОГИ

Любша.
Реконструкция
крепости
VII–VIII веков
Рисунок
И.Л. Войнов

КРЕПОСТЬ ЛЮБША (Наидревнейшая крепость) – возможно самая старая крепость Древней Руси. Обнаружена в конце 1990-х годов экспедицией Института археологии Российской Академии Наук на берегу реки Волхов. Раскопаны предметы быта и остатки стен-укреплений, которые и позволяют сделать такой вывод. Завершившиеся в городище Любша раскопки дали более 150 уникальных находок, в том числе застрявшие в остатках стен многочисленные стрелы. Находки свидетельствуют о связях древних волховян с Востоком, Поволжьем, Прибалтикой. По предварительным данным, возраст крепости намного превышает официальный возраст самой Руси. Более точные данные, возможно, даст радиоуглеродный анализ.

Любшанская крепость – древнейшая каменно-земляная крепость на территории Древней Руси. Расположена в устье Волхова. Была возведена на рубеже VII–VIII веков как острог на месте стоянки финно-угорских племен, около 800 года перестроена на каменном основании и прекратила свое существование к X веку вследствие изменения гидрологического рельефа местности. Крепость названа современными археологами Любшанской по ее местонахождению, на возвышенности правого берега Волхова при впадении в Волхов речки Любша, в двух километрах к северу от Старой Ладogi. Откопана петербургской экспедицией археолога Е.А. Рябина в 1997 году.

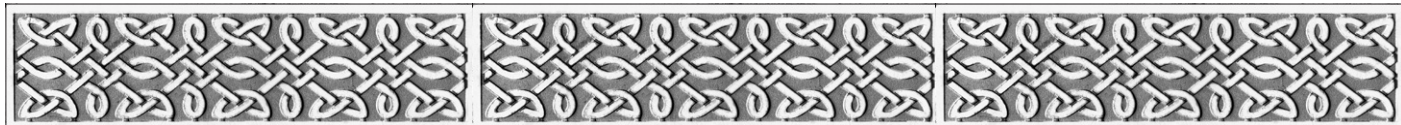
Крепостная стена Любшанской крепости представляла собой глиняный вал высотой около трех метров, укрепленный двумя подпорками из свободно сложенных камней. На валу была возведена защитная стена из деревянных клетей (каркас из бревен с утрамбованной землей внутри). Общая высота оборонительного сооружения составляла, по оценке археологов, до семи метров.

На месте крепости с III века прослеживаются следы стоянки финно-угорских рыболовов. На рубеже VII–VIII веков на месте древней стоянки появляется деревянный острог на валу. Примерно к середине VIII века острог сожжен, предположительно славянами. Почти одновременно на другом берегу, в двух км от острога выше по Волхову, появляется скандинавское поселение (будущая Ладога). Во 2-й половине VIII века на месте финского острога строится каменно-земляная Любшанская крепость, характер сооружения которой позволяет отнести ее к постройке западно-славянского типа.

Во 2-й половине IX века, еще до образования Киевской Руси, Любшанская крепость прекращает существование. По одной из версий ее оставили из-за изменения гидрологического режима в регионе – Ладожское озеро понижает уровень и отступает к северу, речка Любша мелеет. В результате крепость потеряла свое значение сторожевого поста на Волхове, которое переходит к Ладоге.

Любша. Фрагмент крепостной стены

проф. А.Н. Курничников

ЛАДОГА В ПЕРВЫЕ ВЕКА СВОЕЙ ИСТОРИИ

Геополитическое, транспортное и хозяйственное значение Ладоги определило ее ведущую роль в создании северо-русского государства — предшественника Киевской Руси. Процесс осложнился начавшимися походами викингов на восток. В «Житии Святого Ансгария», составленном его учеником Римбертом, описано нападение датчан в 852 г. на некий богатый город в «пределах земли славян», который можно сопоставить с Ладогой. «Напав неожиданно на его обитателей, живших в мире и тишине, они захватили его силой оружия и, взяв большую добычу и сокровища, возвратились восвояси»¹. Не исключено, что побежденные были обложены данью. Этот набег показал растущую опасность экспансии на восток со стороны викингов. О дальнейшем развитии событий можно судить по реальному в своей основе «Сказанию о призвании варягов», занесенному на страницы «Повести временных лет» в начале XII в. Здесь следует заметить, что именно Ладога (а не Новгород) названа во всех текстологически наиболее достоверных летописных записях. Сомнения в этом вопросе окончательно преодолены недавними исследованиями². Приведем заслуживающий доверия вариант упомянутого «Сказания» (по тексту Ипатьевской летописи):

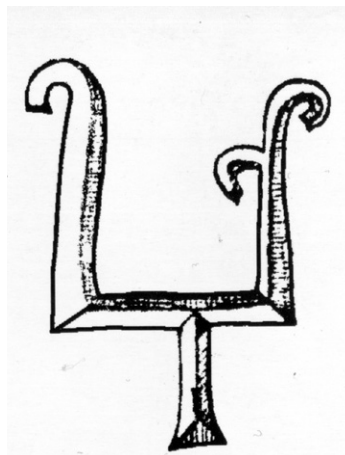
«В лето 6367 (859 г.). Имаху дань Варязи, приходяще из заморья (Балтийского), на Чюди, и на Словенех, и на Мерях, и на всех Кривичах. (...) В лето 6370 (862 г.). И изгнаша Варягы за море, и не даша им дани. И почаша сами в собе володети, и не бе в них правды (то есть закона). И въста род на род, и быша усобице в них, и воевати сами на ся почаша». И тогда сказали «Поищем сами в собе князя, иже бы володел нами и рядил, по ряду (договору) по праву. Идоша за море к варягом... Р(е)коша Русь, Чюдь, Словене, Кривичи и вся земля наша велика и обилна, а наряда (порядка) в ней нет. Да пойдете княжити и володеть нами. И избрашася трие брата с роды своими (...) и придоша к словенам первее, и срубиша город Ладогу. И седе старейший в Ладозе Рюрик, а другии Синеус на Беле-озере, а третей Трувор в Изборьске (...) По дьвою же лету (то есть в 864 г.) умре Синеус, и брат его Трувор, и прия Рюрик власть всю один, и пришед к Ильмерю (Ильменскому озеру), и сруби город над Волховом, и прозваша и Новгород. И седе ту княжа, и раздая мужем своим волости и города рубити; овому Польшеск, овому Ростов, другому Бело-озеро. И по тем городом суть находниче Варязи; первии наследници в Новегороде Словене, и в Полотьске Кривичи, Ростове Меряне,

Крепость Рюрика в Старой Ладоге. 1910-е годы.
Фото С.М. Прокудина-Горского

Белеозере Весь, Муроме Муром. И тем всеми обладаше Рюрик»³. Итак, в 862 г. славянские и финские племена, а точнее их старейшины, собравшиеся скорее всего в Ладоге, которая была для них межплеменной столицей, решили на договорной основе пригласить знатного скандинава Рюрика с братьями. Договоры того времени, судя по западно-европейским источникам, содержали следующие условия: верно служить, собирать дань, защищать край от нападений. Причины призвания летописец объяснил междоусобными распрями и беспорядками. Можно предположить, что действительность была иной. На выбор предводителя из варягов повлияли разбойничьи нападения викингов, которые по всей Европе грабили и жгли города, а с населения брали тяжелые поборы. Приглашенный чужеземец, конечно, знал военные приемы своих соотечественников и мог защитить северные племена от пиратских набегов, но вскоре, опираясь на свою гвардию, узурпировал власть от местных старейшин. Через два года, в 864 г., Рюрик перебрался из Ладоги в новоукрепленный Новгород (а точнее, Предновгород, каким являлось Рюриково городище на Волхове у Новгорода), раздал своим мужам кривичский Полоцк, мерянский Ростов, а также Муром и Белоозеро в землях муромы и веси. Этим очерчивается первое на севере Вос-

точной Европы устойчивое государственное образование, возникшее на месте конфедерации славянских и финских племен. Так было положено начало власти династии Рюриковичей, правившей в России вплоть до конца XVI в. Ладога же стала первой столицей нового в Европе государства. В дальнейшем, столица была перенесена в Новгород, а при преемнике Рюрика, князе Олеге – в Киев. В «Сказании» записано, что Синеус и Трувор умерли бездетными в 864 г. Поиски их имен в древнескандинавской ономастике не привели к ясному результату. Замечено, к тому же, что сюжет о трех братьях-чужестранцах – основателях городов и родоначальниках династий – своего рода фольклорное клише. Подобные предания были распространены в Европе в средние века. Высказана гипотеза, что Синеуса и Тривора не существовало, а летописец буквально передал слова старосведского языка *sine hus* и *thru varing*, означавшие «с родом своим» и «верной дружиной». Это предполагает существование документа на старосведском языке – «ряды» – договора, который был заключен с Рюриком в связи с его призванием славянскими и финскими старейшинами. Возможно, что этот договор сохранялся в княжеском государственном архиве и был использован в начале XII в. летописцем, не понявшим некоторых его выражений. Если верить тому, что Рюрик и датский викинг Рёрик одно и то же лицо, то у последнего действительно были два брата, Гемминг и Гаральд, но они относительно рано умерли (в 837 и 841 г.) и поэтому не могли сопровождать брата на Русь. Определенное недоумение вызывают и города, или местности, куда направились Синеус и Трувор по приезду к славянам и финнам. В первом случае – «на Белоозеро», во втором – в Изборск. Однако Белоозеро как город возникло в X в., то есть позже событий, описанных в «Сказании», а в Изборске не обнаружено характерного комплекса скандинавских изделий – поэтому вряд ли там появлялся знатный скандинав. Возвращаясь к Рюрику и его преемнику, князю Олегу, отметим, что они,

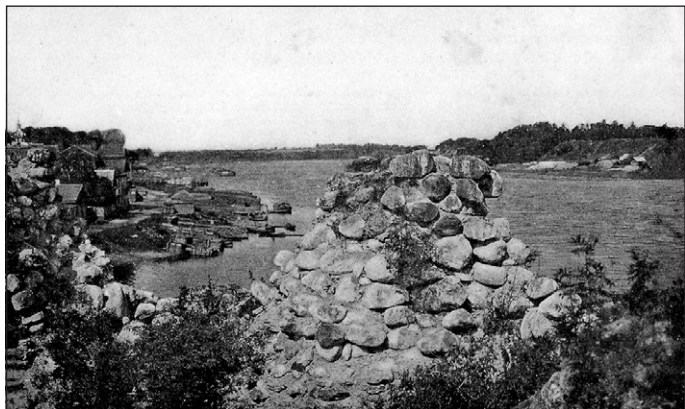
*Княжеский знак дома Рюриковичей
(кн. Ростислава Мстиславовича,
княжившего в Новгороде
в 1154 и 1157 годах)
на продпрусской арке церкви
Успения Пресвятой Богородицы
(по О.Г. Гусевой и И.Л. Войновой)*

судя по всему, оказались людьми неуравновешенными. Основатель новой династии и его продолжатель, придя к правлению в чужой земле, поняли, что следует сохранить и расширить доступ страны к Балтике и осуществить внутренние задачи молодого Русского государства. В жизни разрозненных племен Восточной Европы обозначилась новая эпоха, была создана общегосударственная машина властвования, увеличена международная торговля, началось активное собирание земель, строились и укреплялись города. Рюрик впервые стал именоваться великим князем. Его родовой знак – схематическое изображение сокола в виде двузубца – стал эмблемой правящего дома.

В военном отношении призвание Рюрика себя оправдало. Вплоть до конца X в. скандинавы не нападали на область

Ладоги и Новгорода, предпочитая торгово-транспортные и межгосударственные связи. Первые норманны-правители принесли мир нескольким поколениям жителей Северной Руси. Может быть, это и стало одной из причин мощного военно-политического импульса, который шел с севера и способствовал образованию единого общерусского государства. Итак, в середине IX в. Ладога оказалась причастной к событиям, связанным с появлением на Руси династии Рюриковичей. Имеются ли этому подтверждения?

В этой связи коснемся довольно необычных известий Иоакимовской летописи, опубликованной историком XVIII в. В.Н. Татищевым. Ученого поразили сведения этой летописи о Северной Руси и русско-скандинавских отношениях⁴. Часть упомянутой летописи была прислана Татищеву в 1748 г., а затем исчезла, что в дальнейшем дало повод ученым усомниться в ее достоверности. Сомнения относительно этого источника не улеглись бы и по сей день, если бы некоторые изложенные в утраченном манускрипте известия неожиданно не нашли подтверждения⁵. В Иоакимовской летописи сообщается о местной славянской княжеской династии, которая властвовала на севере Руси до появления здесь в 60-е гг. IX в. скандинавского выходца Рюрика. Приводятся имена князей нескольких поколений, отмечены войны, которые они вели, указана их резиденция Великий город, основанный князем Славеном. Этот Великий город был возведен славянами, переселившимися из далекого Подунавья. Далее отмечено, что Великим городом стали обладать варяги, «дань тяжку возложиша на словяны, русь и чудь». Освободил от дани упомянутые племена князь Гостомысл, который «варяги бывшия овы изби, овы изгна, (...) и шед на ня победы (...) учини с варяги мир, и бысть тишина по всей земли. Сей Гостомысл бе муж елико храбр, толико мудр, всем соседом своим страшный, а людем его любим»⁶. Изложенное в определенной мере соответствует свидетельствам «Повести временных лет» о том, что варяги брали дань со славянских и финских племен, до тех пор,

*Старая Ладога. Вид из крепости (со Стрелочной башни)
вниз по речению Волхова. Фото начала XX века*

пока эти племена «изгнаша Варягы за море, и не даша им дани»⁷. Происходить эта «налоговая» война могла с наибольшей вероятностью именно в Ладоге, до середины IX в. наиболее пригодном для славяно-скандинавских контактов и единственном крупном поселении на всем севере Руси. Поэтому нет особого риска в отождествлении Великого города и Ладоги, ставшей, как сообщает «Повесть временных лет», местом антиваряжского выступления.

Не только летопись, но и археология, открывшая существование Ладоги в VIII – первой половине IX в., позволяет считать сопоставление Ладоги с Великим городом не столь уже легендарным. Развитое ремесло и жилые кварталы появились в поселении в низовьях Волхова уже в первые десятилетия его существования. В Ладоге же, как сложившемся межплеменном центре, могла существовать и «доваряжская» племенная княжеская династия.

Согласно Иоакимовской летописи, Рюрик (по версии этой летописи, полускандинав-полуславянин), и его братья были приглашены на Русь в связи с отсутствием наследников по мужской линии у местного князя Гостомысла. Иначе данный факт, как можно было убедиться, освещен в упоминавшемся выше «Сказании о призвании варягов». Какими бы ни были причины приглашения скандинавов, оба летописные источника согласны в одном – к власти в Северной Руси со столицей в Ладоге пришли норманны Рюриковичи. В итоге, по всем прямым и косвенным показаниям, в том числе и Иоакимовской летописи, Ладога в середине IX в. оказалась столь влиятельной, что была избрана, пусть и кратковременно, столицей новой в Европе «Державы Рюриковичей». Через десять веков после своего вокняжения основатель династии Рюрик был увековечен в бронзе. В ознаменование 1000-летия России в 1861–1862 гг. в Новгороде был воздвигнут многофигурный монумент, выполненный скульптором М.О. Микешинным и его помощниками. Среди главных персонажей русской истории мы видим Рюрика в шлеме, кольчуге, с мечом. На его щите проставлен славянскими буквами 862 год. Россия оказалась едва ли не первой тогда страной Европы, где был сооружен памятник норманну, основателю династии и государства. Советская официальная наука и пропагандисты, правильно считая, что один человек не мог создать государство славян (все предпосылки этого процесса в середине IX в. были налицо), обрушились на «Сказание о призвании варягов» с идеологической непримиримостью. Рюрик впал в немилость, а порожденный «Сказанием о призвании варягов» «норманнский вопрос» оброс политическими обвинениями. Время не подтвердило такого подхода. Варяжское «призвание» отнюдь не принижало прошлого России, которую всегда отличали живительные связи со всем миром, в том числе и со Скандинавией. Варяги принесли на Русь не только обновленный механизм правления, но и лучшее оружие, совершенные корабли, особые украшения; способствовали евразийской торговле. В свою очередь благодаря славянам и другим восточно-европейским народам, они получили серебро, меха, зерно, мед, воск, а также невольников; восприняли навыки кавалерийского боя и владение восточным

*Старая Ладога. Крепость Рюрика и собор св. Георгия.
Фото начала XX века*

оружием, приобщились к строительству городов и более совершенному устройству общественных и политических институтов, такому, например, как вече. Скандинавы, славяне и финны обогатили себя арабским серебром, хлынувшим на европейские рынки по великим водным путям «из варяг в греки» и «из варяг в арабы». 862 год, отлитый на щите Рюрика, при всей условности – крупная веха в жизни Руси и Скандинавии. Эту дату достойно признать в качестве государственной, не стыдясь того, что она, повторяя летопись, запечатлена на щите норманнского пришельца.

Время Рюрика и его преемника князя Олега Вещего оставило в Ладоге выразительные следы. В последней четверти IX в. на мысу, образованном реками Волховом и Ладожкой, была построена первая на Руси каменная крепость. Судя по упавшим блокам, первоначальная высота ее стен составляла не менее 3 м при толщине до 3 м. Возвели ли ее пришлые мастера, может быть рейнские, сказать трудно, однако, цели строительства представляются очевидными. Твердыня обеспечивала безопасность судоходства, да и самого города. Она должна была защитить горожан прежде всего от разбойничьих набегов викингов⁸. Эта задача была решена успешно. Только в конце X в. норвежскому ярлу Эйрику удалось разрушить крепость и сжечь посад Ладоги, при этом часть каменных стен была просто опрокинута на землю. Появившиеся в низовьях Волхова переселенцы-норманны, похоже, селились отдельно. Не случайно в Ладоге до сих пор существует Варяжская улица, где в древности находились, вероятно, дворы скандинавов. Своих варяги хоронили особо, на отдельных семейных кладбищах. К этим кладбищам относится могильник в урочище Плакун и захоронения (они, правда, не древнее XI–XII вв.) возле церкви св. Климента на Земляном городище⁹. Урочище Плакун расположено на почетном месте на первой надпойменной террасе правого берега Волхова напротив Ладожской каменной крепости. Здесь насчитывали 18 курганов, 15 из которых удалось изучить археологически. В одном из них (№11) во время раскопок в 1968 г. был обнаружен досчатый гроб с останками 60-70-ти летнего мужчины. Гроб, в свою очередь, был помещен в деревянную камеру. Дендрохронологическая дата захоронения – 890-е гг. Описанное устройство захоронения сопоставляется с аналогичными камерными погребениями Югландии¹⁰. Не здесь ли таится датский след окружения Рюрика, если считать его

датчанином, направившимся на Русь вместе с родичами и слугами. Это напоминание о Дании в Ладоге, впрочем, не единственное.

Превращение Ладоги в столицу империи Рюриковичей сказало и на ее гражданском строительстве. Расскажем о недавнем открытии. Во время раскопок в 1991 г. археологи достигли пятиметровой глубины, ниже залегал материк – непотревоженная глина. И вот в последний день работ в предматериковом слое проступили контуры сгоревшего двухчастного жилища с прямоугольной печью в одной из камер. Сходные по типу дома-пятистенки в Ладоге строили, начиная с VIII в. По соседству с жилищем был расчищен горн для плавки железа, а также предгорновая яма, где стоял работник, нагнетавший мехи. Жилая и производственная зоны были разделены канавами, скорее всего служившими для вытаскивания на сушу речных судов. Участки земли, разделенные канавами, по ширине составляли около 7 м и тянулись к реке Ладожке. Очевидно, их торцы подходили к берегу реки, где были пристани. Видимо, человек, живший в постройке, рядом и работал – достаточно было переступить канаву. Он, должно быть, являлся одновременно и ремесленником, и торговцем¹¹. Не этот ли универсальный класс береговых жителей (на Западе Европы они назывались штедингами) обеспечил невиданный тогда подъем благосостояния города. Дата всего обнаруженного – вторая половина IX в., то есть время первых норманнских властителей Руси.

На удивление сходные по планировке участки земли с мастерскими по изготовлению изделий из бронзы, янтаря и кости были обнаружены археологами в датском городе Рибе. Там участки были также разделены канавами на одинаковые полосы шириной около 7 м. Они также выходили своими торцами к воде. Получается, что в городах, разделенных 1600 километрами, строили по одному землеустроительному плану. Как можно это объяснить?

Деление городской территории на участки, примыкающие к реке, улице, крепостной стене, характерно для планировки ряда европейских городов, в том числе и скандинавских. К примеру, по свидетельству «Саги об Олаве Святом» (помещенной в сочинении «Круг земной» Снорри Стурлусона) при основании торгового города Ни-

дароса (Тронхейма в Норвегии) конунг «размечал участки для застройки и давал их бондам, купцам и другим людям, которые пришлось ему по нраву и хотели там обосноваться»¹². Становится понятным, что «разметка участков» – свидетельство определенного порядка городского землепользования и наличия администрации, осуществлявшей раздел территории, особенно, в таких удобных и выгодных районах города, каким была в то время прибрежная суша. На примере Рибе и Ладоги появление такой практики следует отнести к VIII–IX вв. Заманчиво связать ладожские наделы – парцеллы – с деятельностью викинга Рюрика или его продолжателя Олега Вещего. При них ладожское поселение расширилось и заняло оба берега реки Ладожки, а ее устье стало служить естественной общегородской гаванью. Возможно с этим и связано расположение участков, выходивших непосредственно к этой реке.

При первых норманнских по происхождению властителях вместе с воинами и купцами из северных стран в Ладогу приезжали ювелиры, продолжавшие творить по образцам своей страны. При этом создавались произведения, по своему декоративному стилю и качеству не уступавшие тем, которые изготавливались в самой Скандинавии и странах региона Балтийского моря. В этом лишний раз убедили находки из раскопок на Земляном городище в 1997 г. Тогда из руин сгоревшей мастерской, существовавшей во второй половине IX – начале X вв., были извлечены вещи, удивившие даже специалистов. Среди них оказался обломок овально-выпуклой фибулы со звериным орнаментом, отлитой из латуни (среди 4000 аналогичных по форме застёжек этой формы из Восточной и Северной Европы данному изделию, случай небывалый, не нашлось полного соответствия). Там же нашлась еще одна редкая латунная застёжка с геометрическим орнаментом (фибула типа «Вальста»), латунный браслет, из которого пытались сделать кольцевидную фибулу с длинной иглой, бусы из закрученной в шесть витков проволоки, булавка с золотым колечком-держателем бус, железное кресало, инструмент-чекан, пластина из латуни – заготовка для плавки, 60 разных стеклянных бус, из которых четверть имела следы производственного брака»¹³. Владелец мастерской, очевидно, занимался обработкой женских украшений нескольких разновидностей. Изготовление, обмен и продажа такой продукции (а этим постоянно занимались жители многих археологически изученных домов) приносили ладожским ремесленникам, по-видимому, немалую прибыль. При этом не имело большого значения, в каком стиле были выработаны вещи, лишь бы по своей отделке они соответствовали качеству и престижу международно признанных образцов. Скандинавские вещи с динамичной звериной и геометрической орнаментацией как нельзя лучше соответствовали этой моде.

В период первых властителей из дома Рюриковичей Ладога стала их наследственным фамильным владением. Ее особый государственный статус подтверждается рядом прямых и косвенных известий. Преемник Рюрика князь Олег (возможный строитель Ладожской каменной крепости) после своего победоносного похода на Царьград, как упоминалось выше, «иде в Ладогу». В этом городе, таким

Старая Ладога. Вид из крепости в сторону Успенского монастыря. Вдали – храм Иоанна Предтечи и берег Волхова возле урочища Сопки. Фото начала XX века

образом, в последний раз видели загадочно ушедшего из Киева князя. Не исключено, что в определенный период наследники киевского великокняжеского престола находились в Ладоге, а не в Новгороде. Так, по сообщению саги о Стурлауге Трудолюбивом в Альдейгьюборге, как именовалась в Скандинавии Ладога, «правил конунг Ингвар, он был мудрый человек и большой хевдинг». В названном человеке усматривают Игоря – великого киевского князя с 912 г.¹⁴, возможно, какое-то время находившегося в Ладоге. Сходная ситуация повторилась с его сыном Святославом. Византийский император Константин Багрянородный в своем сочинении об управлении государством, написанном между 948 и 952 гг., сообщал, что в Немогарде (Невогарде) «сидел Сфендослав сын Ингоря архонта Росии»¹⁵. Княжение Святослава, как известно, началось в Киеве в 946 г. В Северной Руси он мог быть в юном возрасте, до смерти своего отца Игоря. Обращает на себя внимание название резиденции молодого княжича, которую считают Новгородом.

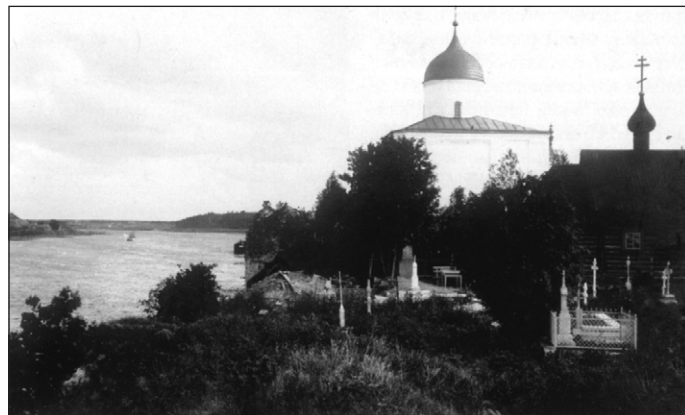
Однако этот город в период написания трактата «Об управлении империей» только отстраивался на новом месте и поэтому вряд ли был известен в далекой Византии. Возможно, что в приведенном выше имени некоего северного города запечатлено древнее название Ладожского озера – Нево. Поэтому можно допустить, что речь идет о приозерном городе Ладога, входившем во владение правящего дома и служившем местопребыванием наследника престола.

«Серебряная» торговля в конце X в. приходит в упадок, но Ладога сохраняет значение крупного международного порта, торгового, ремесленного и культурного центра. Еще в X в. соседние с Ладогой области с преимущественно финским и лопарским населением попадают в прочную административную и данническую зависимость от нее. Ладога оказала немалое воздействие на общественное и экономическое развитие коренных народов русского Севера.

Постепенно формируется Ладожская земля, включавшая Обонежский край и некогда располагавшиеся на территории Ленинградской области Лопский и Ижорский регионы. Доминирующим ядром оставалось Ладожское Поволховье, через которое разворачивалось освоение северных земель, включая Беломорье и Северное Подвинье.

В 1114 г. в Ладоге побывал летописец и записал местные рассказы о том, как в северных странах «старые мужи» ходили «за югру и самоедь». Маршрут «старых мужей» – современников великого князя Ярослава Мудрого, привел их, кажется, в Северное Зауралье¹⁶. Ладожане были, очевидно, одними из первых русских землепроходцев, прокладывавших новые пути на необозримых пространствах севера Восточной Европы и Сибири.

В начале XI в. к Ладоге, как к важному городу и центру большой области, вновь проявилось государственное внимание.

Старая Ладога. Внутренний вид крепости Рюрика. Собор св. Георгия и храм вмч. Димитрия Солунского (справа). Фото начала XX века

Около 1019 г. Ладога-Альдейгьюборг и та земля, которая к ней относилась, были отданы Великим князем Ярославом Мудрым в качестве свадебного подарка во владение своей жене Ингегерд – дочери шведского конунга Олафа. Управлял Ладогой наместник великой княгини Ингегерд-Ирины, ее родич Ронгвальд, а после смерти последнего – его сын Эйлиф. По договору действия правителей ограничивались тем, что они управляли Ладожской землей, содержали наемный отряд для ее защиты, собирали дань, отдавая ее часть центральным властям. По словам древнеисландской саги «это ярлство давалось для того, чтобы ярл тот защищал земли конунга (Ярослава Мудрого. – А.К.) от язычников»¹⁷. Под последними можно понимать некоторые воинственные финские народы вроде еми и норманнов-пиратов, опустошивших Ладогу в 997 г.

В последней четверти XI – начале XII в., видимо при князе Мстиславе Владимировиче – последнем самодержце Киевской державы, в Ладоге на смену скандинавскому ярлу пришла русская администрация во главе с посадником. Переход Ладоги под контроль центральных властей совпал по времени с усилением ее регионального, прежде всего военного, значения. В 1113 или 1114 г. по инициативе князя Мстислава, как бы в продолжение традиции укрепления Ладоги первыми Рюриковичами, здесь строится новая каменная крепость. Остатки этого сооружения были обнаружены вмурованными в кладку более позднего времени. Благодаря этому, стены, сложенные из плитняка на известковом растворе, местами сохранились на полную высоту 8,5 м, включая бруствер и площадку боевого хода. Ладожская крепость предвосхитила распространение каменных сооружений на Руси, начавшееся, в основном, столетием позже, и вплоть до конца XV в. обеспечивала безопасность города в Нижнем Поволховье.

В XII столетии Ладога, наряду с Псковом и конечно же Новгородом, продолжает оста-

Вислая печать митрополита Леонтия. 1070-е годы

ваться крупнейшим торговым, ремесленным и культурным центром Новгородской земли. Преимущественно через Ладогу осуществлялись связи Руси с Готландом и странами Северной и Западной Европы. Расширить наши знания о вовлеченности Ладоги и ее деятелей в события времен Киевской державы (IX – первая четверть XII в.) и затем Новгородского государства (XII–XV вв.) помогла и сфрагистика – историческая дисциплина, занимающаяся печатями. Исследователи изучили свинцовые печати и пломбы XI–XV вв., происходящие из Старой Ладоги и оказавшиеся исторически очень ценными. Часть этих предметов оказалась в музеях, часть – у коллекционеров. С.В. Белецкому удалось составить и опубликовать их полный каталог, насчитывающий 91 экземпляр. Некогда печати и пломбы скрепляли различные документы как частного, так и государственного значения. Сфрагистический материал позволил предположить существование в Ладоге в XII – начале XIII в. владетельных князей Рюриковичей. Подтвердилось автономное, влиятельное значение города в низовьях Волхова среди городов Новгородской земли. Лишь в 80-х гг. XIV в. этот населенный пункт был полностью подчинен Новгороду. По надписям и изображениям на печатях и пломбах удалось установить многих лиц, имевших отношение к некоторым несохранившимся документам. Это князья, посадники, бояре, духовные служители, ладожские наместники. Некоторые печати свидетельствуют о существовании грамот, связанных с посольствами и приездами в Ладогу новгородских посадников и иерархов церкви. Впервые выявлены имена персон, неизвестных по письменным источникам. Атрибутированы и буллы первых лиц тогдашней Руси великих князей Владимира Мономаха, его сына Мстислава Владимировича и их помощников. Так, одна из найденных пломб с изображениями святого на одной стороне и двузубца – знака Мстислава Владимировича – на другой, предположительно может быть приписана посаднику Павлу¹⁸, который вместе с великим князем участвовал в закладке в 1113 или 1114 г. Ладожской каменной крепости. Изучение печатей подтвердило и сведения о древности одного из монастырей. Внимание ученых привлекла печать XIII в. с композицией «Собор Иоанна Предтечи» на лицевой стороне и с изображением святого воина, извлекающего меч из ножен, на обороте. Первый сюжет символизирует покровительство святыни

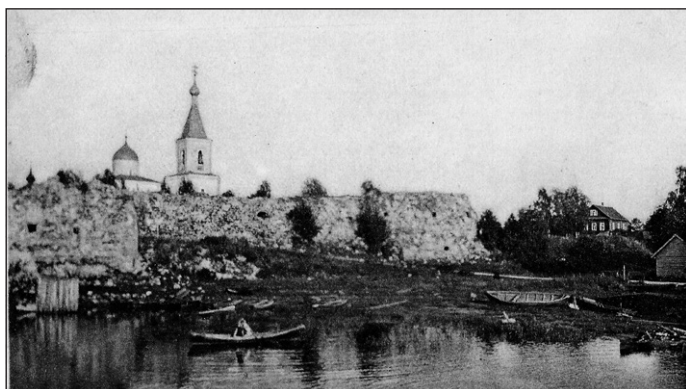
над владельцем печати¹⁹, каковым мог выступать монастырь Иоанна Предтечи, возникший в Ладоге, как писалось выше, не позже XIII в. Дальнейшее исследование печатей может приоткрыть и другие загадки местной истории.

Ни до XII в., ни после в городе в низовьях Волхова не строилось такого количества монументальных сооружений. Храмы сооружались одной артелью мастеров в короткий срок, примерно, в третьей четверти XII века²⁰. Для своего времени это был рекорд. Так как ладожские церкви возводили пришлые, новгородские каменщики, то в самом Новгороде каменное дело почти приостановилось. Этот факт при всей его необычности не случаен и свидетельствует о том, что в столице шли на определенные издержки и даже жертвы, чтобы удовлетворить нужды окраинного города.

Хронологическую последовательность строительства, насколько это удастся установить, распределяют следующим образом: церкви св. Климента (1153 г., закладка), Успения (1157–1158 гг.), Спасская (на берегу Волхова), Воскресенская (на берегу Ладожки), св. Георгия (около 1164 г.), Никольский собор (1160-е гг.)²¹.

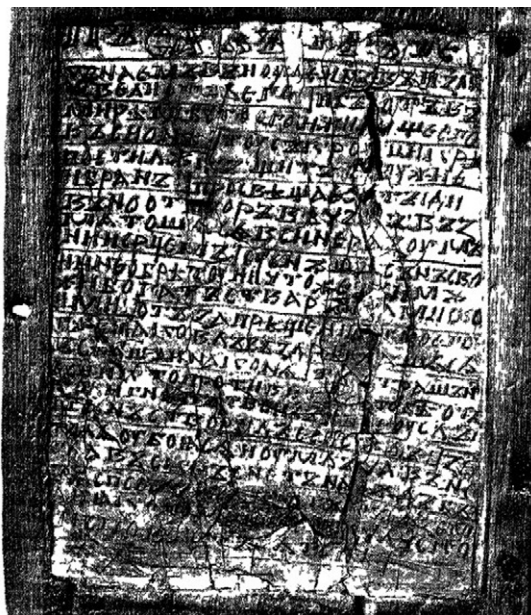
Само размещение культовых построек говорит о том, что застройка ладожского посада не была стихийной. Храмы располагались цепочкой по краю коренных берегов рек Волхова и Ладожки и возвышались на самых видных местах на расстоянии 125–250 м один от другого, словно по одному градостроительному плану, как бы отмечая определенные, тяготевшие к ним городские районы²². Эти постройки в перечислении с севера на юг располагались в следующей последовательности: церкви Успения, Спасская, Воскресенская (две последние не сохранились; были раскопаны Н.Е. Бранденбургом)²³, Георгиевская, св. Климента (на Земляном городище, не сохранилась), наконец, Никольская. Строительство храмов означало перепланировку города. Возможно, что в этот период оформились соответствующие тем или иным приходским храмам концы или районы: Богородицкий, Симеоновский, Спасский, Климентовский, Никольский, возможно, Городский (в крепости). Территория посада достигла 14–15 га. Кто же был заказчиком такой масштабной и дорогостоящей перестройки города?

Новгородский архиепископ Нифонт, заложивший в 1153 г. церковь св. Климента, умер в 1156 г. Его преемник Аркадий, насколько известно, строительную активность, в том числе по отношению к новгородским «пригородам», не проявлял. В середине XII в. в Новгороде шла борьба за власть между смоленскими и суздальскими князьями – им было не до Ладоги. О каких-либо постройках, которые мог осуществить в Новгороде и Новгородской земле смоленский князь Ростислав Мстиславич (которому приписывают возведение Успенской церкви), летопись не сообщает. Инициаторами строительства могли быть светские лица: уличане, состоятельные купцы и ремесленники. Подтверждение тому – несколько первоосоздателей Никольского монастыря – вероятно, посадских торговых людей, запись о которых сохранилась в синодиках монастыря. Реализовать эту затею мог влиятельный деятель Новгородского государства посадник Нежата. При нем ладожане в 1164 г. отбили самое крупное в XII в. неприятельское нападение шведов. Проис-

Старая Ладога. Вид крепости с юго-западной стороны, от реки Ладожки. Фото начала XX века

шедший тогда пожар околограды, возможно, подтолкнул к реконструкции города. Возведение серии каменных зданий и восстановление после 1164 г. деревянной застройки свидетельствуют о значительном экономическом благосостоянии города в последний период его домонгольского развития. В результате массового строительства монументальных сооружений выработался новый тип посадского храма. Его характеризуют: крестовокупольная конструкция с четырьмя столбами, одноглавость, равновеликость трех алтарных апсид, позакомарное покрытие сводов, лестницы на хоры в толще западной стены, членение фасадов лопатками на три части, наличие притворов. В облике этих построек проявились демократические вкусы горожан, стремившихся к возведению более дешевых и удобных приходских церквей. Однако, не следует упрощать их эстетические представления. Ведь все ладожские храмы были расписаны. Переступив их порог, человек попал в чарующий мир яркого, насыщенного и впечатляющего искусства. Геометрическая простота внешнего вида здания сменялась богатым внутренним убранством, производив-

Новгородский Кодекс (Новгородская Псалтирь), обнаруженная в 2000 году, – старейшая книга Руси: деревянная липовая книжка с четырьмя восковыми страницами – церами. Датируется 990–1025 годами (т.е. она на несколько десятилетий старше известного Остромирова Евангелия

шим каждый раз неотразимое впечатление. Суровая четкость форм архитектуры отступала перед художественной роскошью интерьера. С постройкой храмов Ладога выдвинулась как самостоятельный архитектурно-художественный центр²⁴. Позднее сложившийся в Ладоге тип храма был полностью перенесен в Новгород и воспринят в других городах: тот же план, те же декоративные элементы и материалы²⁵. Историческая миссия Ладоги, в период раннего средневековья возглавлявшей оборону Обонежской и Ижорской земель и водного пути по Неве и Ладожскому озеру, во многом способствовала сохранению всего этого региона в составе Руси. В военных действиях ладожане участвовали и самостоятельно, и в составе новгородской рати. Они, наряду с новгородцами и псковичами, составляли костяк общеземельного войска и сражались против шведов, немцев, еми во многих крупных сражениях, таких как

Невская (1240 г.) и Раковорская (1268 г.) битвы. Значение Ладоги, как передового военного форпоста, сохранилось вплоть до конца XVIII в.

Примечания:

- ¹ Кирпичников А.Я. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв // Славяно-русские древности. Вып. 1. Л., 1988. С. 48.
- ² Мачинский Д.А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. СПб, 2002. С. 5-38.
- ³ Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 1962. Стлб. 13-15.
- ⁴ Татищев В.Н. История Российская. Т. I. М., 1994. С. 107, ел.
- ⁵ Янин В.Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможных источниках Иоакимовской летописи) // Русский город. Вып. 7. М., 1984. С. 49-56.
- ⁶ Татищев В.М. История Российская. Т. I. С. 108. Предание связывает Гостомысла с Новгородом, что возможно навечно Новгородской летописью, которая называет его первым посадником (Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. М.; Л. 1950. С. 164). Это явная неточность, так как посадничество, как известно, установилось в Новгороде в конце XI в.
- ⁷ Повесть временных лет. Ч. I. М.; Л., 1950. С. 18.
- ⁸ Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 23, ел.
- ⁹ Санкина С.Л., Козинцев А.Г. Антропологические материалы эпохи средневековья из При-ладожья // Материалы Международной конференции к 100-летию В.И. Равдоникаса. СПб, 1994. С. 57-60.
- ¹⁰ Михайлов К.А. Южноскандинавские черты в погребальном обряде плакунского могильника // Новгород и новгородские земли. Новгород, 1996. С. 52-60.
- ¹¹ Кирпичников А.Н., Назаренко В.А. Археологические открытия в Старой Ладоге. Черты сходства средневековых городов Балтики // Археологические вести. № 1. СПб., 1992. С. 141-151.

- ¹² Стурлусон С. Круг земной. М., 1980. С. 80.
- ¹³ Кирпичников А.Н. Производственный комплекс IX в. из раскопок Старой Ладоги // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб, 2002. С. 227, ел.
- ¹⁴ Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Древнерусские города в скандинавской письменности. М., 1987. С. 167, 168.
- ¹⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 45, 310.
- ¹⁶ Насонов А.Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 80.
- ¹⁷ Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Из истории Старой Ладоги (по материалам скандинавских саг) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1986. С. 110, 111.
- ¹⁸ Белецкий С.В., Петренко В.П. Печати и пломбы из Старой Ладоги // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 248. Рис. 73.
- ¹⁹ Там же. С. 204. Рис. 22.
- ²⁰ Раппопорт П.А. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник. 1 (11). Л., 1982. С. 189, ел.
- ²¹ Мильчик М.И. Еще раз о хронологии каменного строительства XII в. в Пскове и Ладоге // Древнерусское искусство. Русь и страны Византийского мира. XII век. СПб., 2002. С. 289-296.
- ²² Кирпичников А.Н. Посад средневековой Ладоги // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 172, ел.
- ²³ Высказаны сомнения по поводу атрибуции упомянутых церквей, что вряд ли основательно. Следует обратить внимание на то, что на месте церкви Спаса стояла часовня с большим образом Спаса

(Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. СПб, 1896. С. 46). Ссылаются на писцовую книгу около 1500 г., в которой при перечислении некоторых ладожских храмов Спасская церковь не упомянута. Причины такого умолчания заключаются, на мой взгляд, в том, что эта церковь в конкретном описании в источнике не отмечена, так как находилась не «на горе», а ближе к берегу, на более низком месте. Указанное в книге расположение церквей связано именно с их «нагорным» местонахождением. Что касается сопоставления руин церкви на берегу реки Ладожки с церковью Петра, то последняя,

по-видимому, немецкая божница, следовательно, православным храмом быть не могла.

²⁴ Пескова А.А., Раппопорт П.А., Штендер Г.М. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы // Советская археология. 1982. № 3. С. 45, 46.

²⁵ Раппопорт П.А. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества. С. 201.

Название города Ладога связывают с наименованием реки Ладожки. «С несомненностью сначала возникло название реки, затем города, и, наконец, озера (Ладожского)».

*Что касается происхождения самого названия, то большинство специалистов возводят его к прибалтийско-финским языкам. Здесь встречены полные соответствия. Так, наименование города в низовьях Волхова созвучно балтийской географической лексеме *lataka, lataga* в значении «водоточный желоб», «поток», «струя», «ров», «топкое место», «болото». Рассматриваемый топоним встречается в географических названиях и имеет параллели в древнерусском языке, например, в названии разновидности рыбы *сиг*, зафиксированном в документах XVI–XVII вв., а именно, «ладога», «лодога», «лудога», «лудуга». (Сравните родственное слово «луда» в одном из значений «каменистая отмель», «плитяное дно реки». – А. К.). Приведенные понятия характерны для природного местоположения Ладоги – у рек Волхова, Ладожки и Заклюки, проходящих здесь через плитяные русла и в недавнем прошлом действительно изобиловавших *сигом*. Высказано также мнение, что исходным от финского наименования города в низовьях Волхова было скандинавское «Альдейгья», в дальнейшем, «Альдейгьюборг», а уже от них укоренилось древнерусское «Ладога». Скандинавские топонимы зафиксированы в источниках начала XI в. и XII–XIV вв., возможно, употреблялись в XV в., если не ранее. Возникновение скандинавских наименований, возможно, связано с обозначением Ладожского озера, которое в древности называлось «Альдек», «Альда», «Альдаген», и даже «Альдога». Данные археологии подтверждают, что скандинавы с самого начала возникновения Ладоги входили в состав ее жителей, но не были единственными первопоселенцами. В древнейших слоях города и погребениях открылись вещи разного происхождения: балтские, финно-угорские, скандинавские, славянские и другие. В Ладоге в первые века ее существования проживали временно или постоянно люди разных стран. Преобладали, надо думать, люди базового этноса – славяне и отчасти финны. Что касается скандинавов, то существенным является тот факт, что они в чужих землях городов, как правило, не основывали, а селились в уже образованных.*

Вокруг Ладоги расположены селения с очень старыми по происхождению названиями. Таковы деревни Княщина (то есть княжеская), Любша, Велеша (названные, вероятно, по именам владельцев). В документах конца XVI–XVII вв. приводятся наименования существующих и поныне селений: Невежи, Местовка, Виковщина, Вылеги. Эти названия свидетельствуют о том, что уже в эпоху средневековья окрестности Ладоги стали заселяться русским населением.

Ландшафт Старой Ладоги даже в современном, несколько изменившемся виде производит неотразимое впечатление.

Проф. А.Н. Кирпичников

Л.Ф. Лагорио. Старая Ладога (фрагмент картины), 1880-е годы

А.Н. Ёдѣѣ

СТАРОЛАДОЖСКИЕ МОНАСТЫРИ И ХРАМЫ

Небольшое село Старая Ладога лежит на левом берегу реки Волхов, в двенадцати километрах от впадения его в Ладожское озеро.

Возникновение и жизнь храмов и монастырей Старой Ладоги тесно связаны с историей этого поселения, носившего в древности название Ладога.

Земли, на которых расположено селение, были освоены славянами в середине VIII в. Уже в это время Ладога превращается в город – центр ремесел и торговли. С 862 года, – года летописного призвания Рюрика, Ладога становится первой столицей древнерусского государства. Когда же в конце IX – начале X в. возникает на берегу озера Ильмень, у истоков Волхова, город Новгород, который становится политическим центром Северной Руси, объединившим племена Приладожья и Приильменя, Ладога превращается в крепость, закрывшую подходы к Новгороду по воде. Ладога входила в число десяти крупнейших русских городов и долгое время была самым северным нашим портом, своеобразным окном в Балтику. Через него проходили торговые водные пути «из варяг в греки» и «из варяг в арабы». На протяжении двенадцати столетий Ладога и ее окрестности становились также местом бесчисленных сражений русских с варягами за свои северные земли.

Существование независимого северо-русского государства под властью Господина Великого Новгорода продолжалось до 1478 года. В конце XV века московское княжество, покончив с татарским игом и преодолев феодальную раздробленность, завоевывает Новгород. Вместе с ним в состав русского централизованного государства вошла и Ладога... Спустя век Новгород познает немилость Грозного царя, вся округа новгородская придет в нищету и запустенье. После Смутного времени и шведского разорения почти на сто лет Ладога станет глухим русским пограничьем.

Лишь с 1704 г., когда Петром Великим был заложен в устье Волхова город Новая Ладога, и проложен Ладожский канал, эта земля оживет, и торговые караваны потянутся по воде к лежащему неподалеку столичному Петербургу. Однако, при этом древняя Ладога (город и его жители) будут переведены вниз по течению – в Ладогу Новую, а древнее селение станет называться селом Старая Ладога.

Казалось бы, для древнего города наступила эпоха забвения, но нет, в XIX веке просыпается интерес к род-

Старая Ладога. Крепость со стороны реки Ладожки и Воротной башни. Современный вид

ной старине. Историки и археологи все чаще обращают свое внимание на Ладогу. Их привлекают стены древней «Рюриковской» крепости, храмы с фресками XII века, монастыри, древние курганы и многие другие предметы и постройки седой старины. Начавшиеся на рубеже XIX–XX вв. исследования продолжались на протяжении всего XX века. Ведутся они и ныне. В пределах заповедника работает археологическая экспедиция Института истории материальной культуры Российской Академии наук, возглавляемая профессором А.Н. Кирпичниковым. В целях сохранения и защиты расположенных здесь памятников истории, культуры, архитектуры, в Ладоге сегодня создан историко-архитектурный заповедник. К музею-заповеднику «Старая Ладога» относится охранная зона около 200 гектаров. Об истории и культуре края рассказывает экспозиция музея, посетители могут видеть целый ряд уникальных экспонатов и находок археологических экспедиций.

В 2003 г. Старая Ладога стала центром торжеств, посвященных ее 1250-летию. (753 год, которым датируется закладка каменно-земляной крепости в Ладоге, считается годом ее основания). Это знаменательное событие было широко отмечено в России. В торжествах в Ладоге принимал участие президент России В.В. Путин, посетивший Старую Ладогу 16 августа 2003 года.

Старая Ладога связана с именем легендарного Рюрика и князя Олега Вещего, позже – с именами многих выдаю-

щихся, знаменитых и великих людей России...

Историческим центром Старой Ладogi является стоящая на мысу, образованном слиянием рек Волхова и Ладожки, каменная «Рюрикова» крепость. Многократно перестраивавшаяся в разные эпохи, — с IX до конца XVI веков, в 1970-х гг. она была частично восстановлена реставраторами.

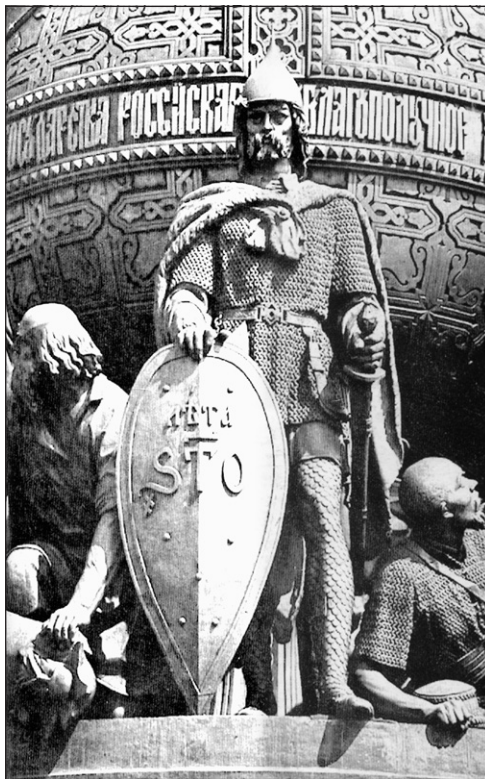
На территории, защищенной крепостными стенами, и сегодня стоят две церкви: деревянная — во имя святого Димитрия Солунского и каменная — во имя св. великомученика Георгия Победоносца. Когда-то это были храмы двух монастырей: Димитрия Солунского и Георгиевского Застенного (оба они были мужские).

В километре южнее крепости — вверх по течению Волхова стоит ансамбль Никольского мужского монастыря. На его территории сохранились до наших дней два храма: Никольский собор и церковь свт. Иоанна Златоуста. Оба храма каменные.

Севернее крепости, тоже на берегу Волхова, расположен ансамбль Успенского девичьего Староладожского монастыря. На его территории сохранились два храма: Успенский и Крестовоздвиженский, также оба каменные.

В двухстах метрах к западу от Успенского монастыря находится кладбищенская церковь прп. Алексия, человека Божия, построенная в XIX веке на месте, куда ураганом был отнесен купол Успенского монастырского собора сорванный с храма внезапным страшным вихрем, налетевшим на обитель. Монахини увидели в этом событии знак свыше и основали на этом месте новое монастырское кладбище, а позже выстроили здесь храм. Севернее Успенского монастыря, на Малышевой горе, красуется великолепный пятиглавый храм во имя Рождества Иоанна Предтечи. Он был когда-то главным храмом Иоанно-Предтеченского монастыря и был обнесен стеной.

На противоположном, правом берегу Волхова, почти напротив крепости, видны две церкви: свт. Василия Кесарийского и Преображения Господня. Обе они каменные. Церковь свт. Василия Кесарийского была некогда храмом существо-

*Князь Рюрик. Фрагмент памятника
1000-летию России в Новгороде.
Скульптор М.О. Микешин.
1861-1862 годы*

*Кладка башни крепости Рюрика в Старой Ладогe.
Конец IX — начало X веков*

вавшего здесь Васильевского мужского монастыря.

Таким образом, в Старой Ладогe сейчас можно увидеть восемь храмов, семь из которых связаны с историей пяти староладожских обителей. В старину был здесь еще и шестой монастырь. Он располагался близко от южной стены каменной крепости, на территории Земляного городища и имел храм во имя св. Климента. Церковь эта не сохранилась. Имеются документальные свидетельства о том, что в Ладогe в древности было еще по крайней мере восемь церквей, которые до наших дней не сохранились, и мы о них знаем очень мало. Одной из них была Воскресенская церковь (XII в.). На ее месте в память о бывшей здесь святыне стоит и сейчас на Варяжской улице небольшая деревянная часовенка, поставленная в XIX веке.

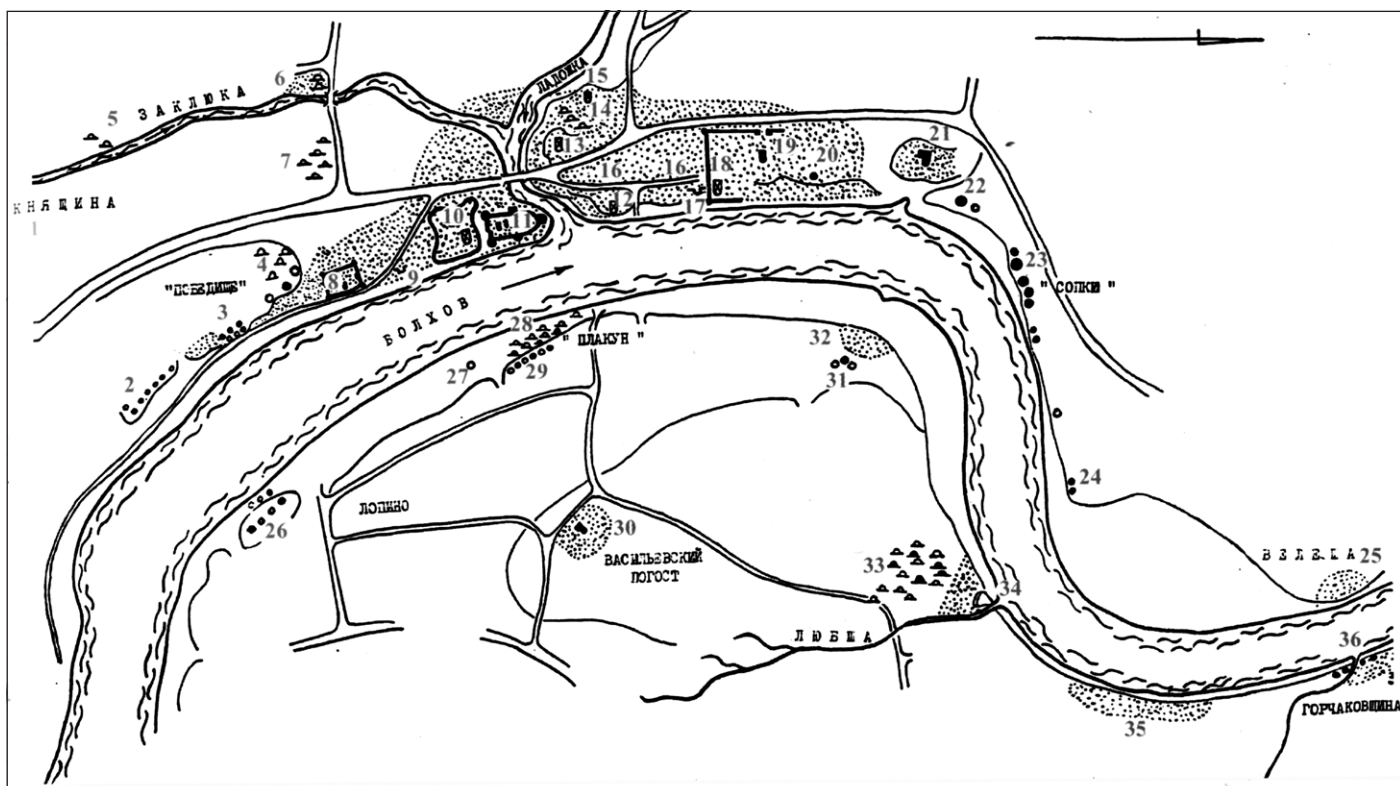
Известно также, что в Ладогe существовал храм, построенный немецкими купцами в 1060 году (позже он, вероятно, стал католическим, упоминается последний раз в XV веке).

От шести староладожских монастырей, некогда существовавших здесь, до нас дошли ансамбли только двух: Успенского девичьего и Никольского мужского. Оба они недавно возвращены Православной Церкви. Их храмы и колокольни, стены и башни, трапезные и келейные здания украшают Старую Ладогу и делают вид древнего селения над Волховом незабываемым.

Пейзаж здешний мало, по-видимому, мало изменился с того времени, когда в 1899 г. в Старую Ладогу водным путем, как встарь, — «из варяг в греки», прибыл художник Н.К. Рерих. Открывшаяся перед ним панорама колоколен церквей и стен монастырских, усадебных парков и аллей, курганов, рощ и домов селян восхитила художника и

вдохновила на создание ряда живописных произведений, в том числе и известной картины «Заморские гости». Одна из написанных им картин носит название «Старая Ладoga» и хранится в музее истории Санкт-Петербургского университета...

Ниже мы подробнее остановимся на главной теме нашего очерка, перейдя к описанию храмов и монастырей Старой Ладogi.

План памятников
Старой Ладоги
и ее окрестностей

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

1. Сохранившиеся и несохранившиеся храмы
2. Сохранившиеся и разрушенные сопки
3. Сохранившиеся и исчезнувшие курганы
4. Грунтовые погребения
5. Культурный слой периода средневековья
6. Сохранившиеся памятники археологии и архитектуры

ЛЕВЫЙ БЕРЕГ ВОЛХОВА:

1. Деревня Княжичина. Восходит к раннему средневековью.
2. Княжичинская группа сопок. VIII–X вв.
3. Урочище Победице. Южная группа сопок и селище. VIII–X вв.
4. Урочище Победице. Северная группа сопок. VIII–X вв.
5. Курганы на реке Заклюке. IX–XI вв.
6. Курганы и поселение IX–X вв. (?) на территории бывшей усадьбы помещика фон Балка.
7. Курганы IX–X вв. к востоку от реки Заклюки.
8. Никольский монастырь XII–XX вв. с церковью Свт. Николая
9. Грунтовый могильник не позднее IX в.
10. Земляное городище с культурным слоем VIII–XVII вв., валами и бастионами 80-х гг. XVI в. Там же нижние части церкви св. Климента.
11. Каменная крепость конца XV–XVI вв. В ее основании остатки каменных укреплений, сооружавшихся в IX – начале X в. и в начале XII вв. В крепости храм св. Георгия 1165–1166 гг. и деревянная церковь св. Димитрия Солунского XVII в.
12. Основание каменной церкви Спаса Всемилоостивого. Третья четверть XII в.
13. Основание каменной церкви Воскресения Христова. Третья четверть XII в.
14. Курганы на реке Ладожке. IX–XI вв. (?)
15. Церковь св. Петра. XI–XII вв. Местоположение предположительное.
16. Варяжская улица, восходит к раннему средневековью
17. Грунтовый могильник X в. на Варяжской улице
18. Церковь Симеона Богоприимца (до 1500 г.)

19. Успенский монастырь XII–XX вв. с церковью Успения Пресвятой Богородицы.

20. Сопка VIII–X вв. в парке бывшей усадьбы Томиловых и Шварцев.

21. Каменная церковь Рождества Иоанна Предтечи на Малышевой горе. XVII в.

22. Группа сопок к северу от Малышевой горы. VIII–X вв.

23. Урочище «Сопки» с «Олеговой могилой». VIII–X вв.

24. Группа сопок IX–X вв. вблизи деревни Велеша.

25. Селище XI–XIII вв. на территории деревни Велеша.

ПРАВЫЙ БЕРЕГ ВОЛХОВА:

26. Сопки VIII–X вв. у деревни Лопино.

27. Сопка VIII–X вв. на первой террасе берега Волхова.

28. Курганы в урочище Плакун. Вторая половина IX – начало X в.

29. Группа сопок на берегу Волхова в урочище Плакун. VIII–X вв.

30. Васильевский погост с церковью св. Василия Кесарийского. XVII в.

31. Сопки VIII–X вв. у мызы помещицы Тугариновой.

32. Селище X–XV вв. у мызы помещицы Тугариновой.

33. Курганы IX–XI вв. (?) у реки Любша.

34. Городище в устье реки Любша. VII–VIII, IX–X и XIII–XIV вв. (первые обитатели поселения появились в I–V в. н. э.)

35. Поселение X–XIII вв. между устьем реки Любша и деревней Горчаковщина.

36. Поселение X, XII–XIV и XV–XVI вв. на территории деревни Горчаковщина.

37. Группа сопок VIII–X вв. в деревне Горчаковщина.

Местность, где расположена Старая Ладога, – своеобразный оазис, весьма благоприятный для жизни. Он тянется в длину примерно на два километра, а в ширину – до 600 метров, полосой от Малышевой горы на севере до нагорья Победище на юге. На западе эта территория ограничена грядой с населенным пунктом Ахматова гора, на востоке рекой Волховом с находящимися на его правом берегу деревнями Чернавино и Лопино. Близость воды, плодородные долины протекающих здесь рек Ладожки, Заклюки, ручьев Грубица и Стрековец (ныне пересохших), транспортная доступность – все это создавало здесь особые условия для удобного строительства, доступа к корабельным пристаням, освоения земельных угодий. По отзыву одного путешественника XIX в., «природа творческая» здесь «щедра и нежна».

Проф. А.Н. Кирпичников

Староладожский Успенский девичий монастырь

Ансамбль монастыря находится ниже крепости по течению, на северной окраине Старой Ладogi, и расположен на широкой холмистой равнине, которая полого спускается к Волхову, протекающему у восточной стены обители. Точных сведений о времени возникновения монастыря не сохранилось, т.к. в 1617 г. обитель была полностью разорена шведскими войсками под командованием Магнуса Делагарди. Погибли книги, рукописи, архивные документы.

Каменный собор в честь Успения Пресвятой Богородицы был построен на монастырской территории в 1156–1159 гг. [14] Однако, возможно, собор имеет более раннюю дату постройки. Одновременно с ним, вероятно, возник и монастырь.

Разоренный шведами в 1617 г. монастырь в том же году стал восстанавливаться игуменией Акилиной, собравшей разбежавшихся сестер. Уже 1 июня того же года Успенская церковь была вновь освящена. Для закрепления дела восстановления монастыря старица Акилина «подала

Вид на Староладожскую крепость от устья Ладожки.

Фото 1900-х годов

просьбу Царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу». Согласно царскому указу, изданному в 1621 г., монастырь был полностью восстановлен в том же году.

Вскоре не стало старицы Акилины; среди монахинь долго сохранялось предание, что она обходит ночной порой вос-

Севернее каменной крепости, на левом берегу Волхова, раскинулся женский Успенский монастырь. Его обнесенная кирпичной оградой территория включает десяток каменных и деревянных строений. Отметим Крестовоздвиженскую церковь, построенную вместе с больничным корпусом около 1862 г. известным архитектором А.М. Горностаевым в старорусском стиле. Предполагают, что на месте этого храма, на мысу, образованном протекавшим здесь ручьем Грубица (ныне засыпан) и Волховом, существовало древнее поселение – возможно, один из центров Ладogi, а затем был устроен монастырь св.Симеона Богоприимца.

В период Смутного времени не обошла беда и Успенский монастырь. В царской грамоте 1621 г. новгородскому воеводе князю Мезецкому сообщается, что «в прошлом 125 (1617) году, как нам немецкие люди Великий Новгород с пригороды отдали (по Столбовскому миру. – А. К.) а они-де (монастырские сестры. – А. К.) от немецкого разоренья скитались меж двор и кормилися Христовым именем, и по нашему указу велели им в тот (Успенский. – А. К.) монастырь прибегати и монастырь строити, и сестер сбирати, и вотчинкою владеть по-прежнему. И она-де старица Акилина (настоятельница. – А. К.) каменный храм покрыла и Божия милосердия образы и книги, и всякое церковное и монастырское строение устроила, собрав вклады и сестер, и собрала в тот монастырь 23 старицы». Для сравнения отметим, что в конце XIX в. в монастыре находилось около 200 монахинь.

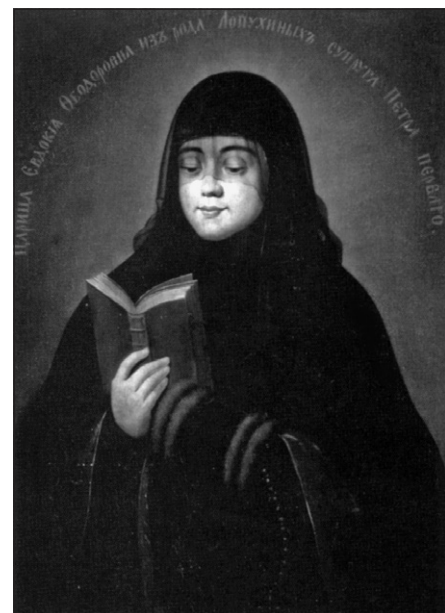
Проф. А.Н. Кирпичников

Старая Ладога. Успенский собор девичьего монастыря.
Вид со стороны алтаря. Современное фото

С 1718 по 1725 годы насельницей Успенского Староладожского монастыря была первая супруга Государя Петра I – Евдокия Феодоровна Лопухина. Пострижена в монашество бывшая царица была ранее, в 1699 году, в Покровском монастыре Суздаля с именем Елена. Для охраны монахини Елены в монастыре был размещен военный караул, ограничен доступ в обитель, на это время приостановились постриги новых монахинь. До смерти Петра Великого пребывала Евдокия Лопухина в Ладожском монастыре, а в 1725 году по указу Екатерины I была переведена в Шлиссельбургскую крепость. Уезжая из обители, монашествующая царица оставила сестрам свой келейный образ – икону Божией Матери «Троеручица». Известно, что монахиня Елена собственноручно высадила в монастырском парке липовую аллею, несколько лип дожили до наших дней. Келия Евдокии Феодоровны Лопухиной была разобрана в XIX веке, в 1882 году во время посещения монастыря супругой гр. Льва Толстого – Софьей Берг, та возложила цветы на место келии монашествующей царицы

Послушник Роман Левшин. «Святыни Волховской земли»

Лопухина Евдокия Феодоровна (30.6.1670–27.8.1731), последняя русская царица (с 1689), первая жена царя Петра I. Урожденная Авдотья Илларионовна Лопухина, дочь стрелецкого головы Иллариона (Феодора) Авраамовича Лопухина (позже – стольник и окольничий царя Алексея Михайловича). Имя и отчество царской невесте поменяли перед свадьбой, что должно было отвести от нее порчу (имя отцу дали по Феодоровскому образу Божией Матери – святыни дома Романовых). Лопухины были близки к Нарышкиным, и царица Наталья Кирилловна сама выбрала невесту сыну, стремясь опереться на влиятельный род, популярный в стрелецких войсках. Евдокия Лопухина, воспитанная в строгих традициях православия и Домостроя, была умна и хороша собой. Венчание царя Петра I и Евдокии Лопухиной состоялось 27.1.1689 в церкви Преображенского дворца под Москвой. В феврале 1690 у Лопухиной родился первый сын – царевич Алексей Петрович, в октябре 1691 – второй сын, царевич Александр Петрович, вскоре умерший. Охлаждение между

супругами началось с 1692, когда Петр I познакомился в московской Немецкой слободе с дочерью торговца Анной Монс. Окончательно Петр I оставил жену после смерти в 1694 своей матери. Евдокию Лопухину еще называли царицей, она жила с сыном во дворце в Кремле, но ее родственники Лопухины, занимавшие видные государственные посты, попали в опалу. После возвращения Петра I из-за границы в 1698 году царица Евдокия Лопухина была сослана Петром I в Суздальский Покровский монастырь и насильно пострижена в монахини под именем Елена (в Манифесте от 3.2.1718, изданном в связи с «делом царевича Алексея», Петр I сформулировал обвинения против бывшей царицы: «...за некоторые ее противности и подозрения»). Евдокии Лопухиной не было назначено содержание от казны; все необходимое она получала от родственников. В 1718 монахиню Елену (Лопухину) допрашивали «с пристрастием» по «делу царевича Алексея», вынуждали давать показания и признания в тайной связи с генералом С. Глебовым, который после жестоких пыток был казнен. Саму же старицу Елену сослали под надзор в Староладожский Успенский монастырь, где она провела семь лет. В 1725, после смерти Петра I, Лопухину перевели в Шлиссельбургскую крепость. После вступления на престол ее внука, императора Петра II, Евдокия Феодоровна Лопухина жила в Московском Кремле; ей было назначено годовое содержание в 60 тыс. руб. Никакой роли при дворе Петра II она не играла. Кандидатура Лопухиной рассматривалась Верховным тайным советом в качестве возможной претендентки на престол в связи с кончиной Петра II и пресечением прямой линии Романовых (Лопухина от короны отказалась). Последние годы жизни она провела в московском Новодевичьем монастыре.

Использованы материалы книги: Сухарева О.В. Кто был кто в России от Петра I до Павла I, Москва, 2005

становленную ею обитель в мантии и с посохом в руках и исчезает в стене соборной церкви под крайним окном.

В 1702 г. в монастыре произошел страшный пожар, опять уничтоживший все документы... К 1727 г. обитель была вновь восстановлена. Тогда же монастырь стал (с 1718 по 1725 гг.) местом заточения бывшей царицы Евдокии Феодоровны Лопухиной (первой жены Петра Великого). Еще в 1699 г. она была пострижена в монашество в Суздальском Покровском монастыре с именем Елены. По делу сына и за участие в заговоре против Петра Евдокия была доставлена в Москву и затем отправлена в Староладожский Успенский монастырь. Разговаривать с ней посторонним было запрещено под угрозой смертной казни. По приказу царя монастырь был обнесен двойным деревянным палисадом, а бывшим прихожанам запрещалось ходить в монастырский храм. Петр Великий несколько раз приезжал в Старую Ладугу навестить свою бывшую супругу. Она жила в деревянной избе, на месте которой ныне стоит корпус келий более поздней постройки.

В 1764 г. настоятельница монастыря, игуменья Евдокия сообщала в консисторию о наличии в Успенском храме двух приделов: один – в честь великомученицы Варвары (построенный в 1755 г.); второй – в честь Благовещения Пресвятой Богородицы (1761 г. постройки).

В 1768 г. при игуменнии Евдокии вместо ветхой деревянной колокольни построена новая, тоже деревянная, а также обновлена деревянная ограда вокруг монастыря.

Наибольшего благоустройства монастырь достиг при игуменнии Евпраксии. Она правила обителью 43 года (1779–1822). Прежде всего она привела в благолепный вид Успенскую церковь и пристроила к ней, вместо деревянной, каменную колокольню, для которой были приобретены новые колокола.

В 1802 г. игуменья Евпраксия построила при теплом каменном приделе Благовещения Пресвятой Богородицы, вместо ветхой деревянной, каменную паперть.

Игуменья Евпраксия вела строгую подвижническую жизнь. Еще до избрания на игуменство она проводила большую часть времени в затворе и молитве. Но это уединение в стенах монастыря не утоляло жажду души, стремившейся к отделению себя от малейшего шума светского.

Местом своего уединения и молитв она избрала небольшую возвышенность среди болота в трех с небольшим верстах от монастыря. Место это называлось Абрамовщиной. Там игуменья Евпраксия построила себе небольшую келию, где молилась, приходя туда три раза в неделю после служб монастырских. Ходила одна, не останавливаемая ни трудностями пути, ни непогодой. Когда глубокий снег заметал окрестности, мать Евпраксия надевала лыжи. И так посещала Абрамовщину и молилась там до самой кончины своей. О подвижнической жизни игуменнии Евпраксии написана книжка, неоднократно переиздававшаяся.

Приведем только два примера из чудесных событий, случившихся с ней. Однажды, начав со скудными средствами возведение колокольни, игуменья Евпраксия скорбела, видя совершенную невозможность довершить начатое. Тогда, вдруг, во сне ей явилась благолепная Жена в белой одежде, с игуменским посохом в руке. «О чем ты скорбишь?» – сказала она, – «твое ли дело печалиться о недостатках потребного в обители? Ты только посох, держимый мною и движимый моею рукою, игуменствую же я сама. Необходимые средства будут даны тебе в свое время». На вопрос Евпраксии, святая Жена ответила, что она Варвара великомученица, чествуемая в приделе, устроенном во имя ее в храме обители. В ту же ночь одна из ближайших помещиц (Желтухина) видела во сне такое же явление. Великомученица указала ей на что употребить 500 рублей, скопленных помещицей неизвестно зачем. На следующее утро деньги эти были вручены игуменнии Евпраксии на окончание колокольни.

Однажды беглый солдат, спрятавшись в келии на Абрамовщине, готов был убить игуменью Евпраксию, но не смог этого сделать, остановленный кротостью старицы. После беседы с ней он раскаялся, вернулся в свой полк и стал вести праведную жизнь...

Труды игуменнии Евпраксии с особенным успехом продолжались ее преемницами, игуменьями:

Поликсенией (1822–1828),

Февронией (1828–1854),

Маврикией (1854–1856),

Дионисией (1856–1895).

Так, игуменией Поликсенией в 1823–1825 гг. построена была вокруг монастыря каменная ограда.

В 1829 г. игуменией Февронией надстроен над каменной колокольней третий ярус. Тогда на колокольне висело восемь колоколов. Самый большой колокол весил более 91 пуда. В 1833 г. при ней же произведена была

Старая Ладоба. Храм прп. Алексия, человека Божия на монастырском кладбище. Фото 1910-х годов

Главная достопримечательность монастыря – Успенский собор. Время его сооружения установлено недавно в ходе реставрационных работ (руководитель и автор проекта И.Л. Воинова). На одной из подпружных арок был обнаружен прорезанный по раствору геральдический знак Рюриковичей, принадлежавший, как удалось выяснить, князю Ростиславу Мстиславовичу, княжившему в Новгороде в 1154 и в 1157 гг. (в 1158 г. «на столе» в Новгороде остался его сын Святослав). В это время, то есть в 1157–1158 гг., очевидно, и строили церковь. Судя по тому, что знак встречен в единственном числе, и сам князь, согласно летописям, ни в Новгороде, ни в Ладоге ничего не строил, заказчиками могли быть посадник и посадские люди. Косвенно это подтверждается тем, что Успенская церковь строилась, возможно, как приходская, а не монастырская. В качестве монастырской она упоминается впервые в документе около 1500 г., и тогда рассматривалась как центр Богородицкого конца.

Успенский собор полностью сохранился. В 1958–1960 гг. он был освобожден от более поздних пристроек, при этом выявилось строгое членение его фасадов плоскими лопатками, что соответствует его крестово-купольной конструкции. Понятие о размерах собора дают следующие цифры: длина около 18 м, ширина – около 14 м, высота более 19 м. Вместить он мог не один десяток людей. Здание было четырехстолпным, трехнефным, одноглавым, трехапсидным; барабан увенчивался куполом со шлемовидной главой. Два из трех его входов имели притворы, а с запада в более позднее время была устроена паперть. В толще западной стены помещалась лестница на хоры. Стены собора были расписаны. Архитектурные особенности Успенской церкви роднят ее с Георгиевской и другими церквями, построенными в Ладоге в середине XII в. Георгиевский и Успенский храмы – редчайшие сохранившиеся на северо-западе России культовые сооружения XII в.

Полагают, что Успенский собор – сооружение этапное. Он был первым воплотившим в себе архитектурные особенности нового типа приходского храма. Последующие церкви, воздвигавшиеся в Ладоге, ему подражали.

Проф. А. Н. Кирпичников

перестройка и расширение каменной Благовещенской церкви, выстроена каменная кладбищенская церковь во имя Алексия, человека Божия, а также – каменная ограда вокруг этой церкви. (Церковь во имя прп. Алексия, человека Божия находится примерно в 100–150 метрах к западу от Святых ворот Успенского монастыря. Закрыт кладбищенский храм был в 1939 г. Каменная ограда не сохранилась.

Расширение придельной Благовещенской церкви было сделано также в 1854 г. В 1836 г. игум. Февронией был построен каменный двухэтажный корпус для жительства сестер в 17 келий. В 1853 г. построен дом для келий настоятельницы.

*Крестовоздвиженский храм.
Фото С.М. Прокудина-Горского. 1910-е годы*

Игуменией Маврикией в 1855 г. был переделан на хорах Успенского храма правый придел во имя святой великомученицы Варвары (устроенный там в 1784 г.), а также в 1856 г. создан придел слева, во имя Казанской иконы Божией Матери.

Игуменией Дионисией в 1856–1858 гг. произведены важные и ценные переделки в Успенской церкви, и этим был достигнут ее благолепный вид.

В 1858–1859 гг. при игум. Дионисии построено также каменное здание трапезного корпуса. Он был освящен 15 августа 1858 г. При ней же в обители было построено несколько деревянных зданий с келиями и служебными помещениями. Кроме того, по всей территории монастыря было тогда 18 одноэтажных келейных домиков, построенных сестрами на свои средства в разное время. 15 августа 1858 г. сестры первый раз вступили в общую трапезу. Это было великое событие в жизни монахинь. Теперь они хотя и трудились, как прежде с усердием для получения средств к существованию, но не имели той боязни за кусок хлеба, которая мешала им иногда быть на богослужениях.

В 1860 г. построен известным петербургским архитектором А.М. Горностаевым прекрасный двухэтажный каменный больничный корпус с домовою церковью в честь Воздвижения Креста Господня и двенадцатью келиями для престарелых болезненных сестер.

Интересно, что из некоторых келий были сделаны окна прямо в храм, и лежащие больные сестры могли молитвенно участвовать в богослужении, даже будучи прикованными к постели. В советское время церковь была закрыта (в 1932 г.), а здание перестроено.

За монастырской оградой возле юго-восточной башни устроен корпус гостиных келий для приезжающих богомольцев.

Старая Ладога. Успенский собор женского монастыря с юго-западной стороны. Современный вид

*Ризница Старолadoжского
Успенского женского монастыря.
Фото 1910-х годов*

Напротив гостиницы на р. Волхове устроена была пристань для парохода, ежедневно курсировавшего из Новой Ладogi до деревни Дубовики и обратно.

Монастырь широко осуществлял дела благотворительности, милосердия и помощи ближнему. Почти у каждой монахини в келье жили девочки, которых обучали рукоделию, вязанию, шитью, грамоте. И что всего дороже, – прожив под надзором монахини-труженицы, пришедшая в монастырь малышка изменялась до неузнаваемости: движения ее становились ровными, речь делалась тихой, взгляд сосредоточенным; девочка становилась благоговейной.

К монахиням шли за врачебной помощью крестьяне и их дети. Благоустроенным и благоукрашенным встретил Успенский монастырь революционные события 1917 г. Этому способствовала освященная в 1902 г. в С.-Петербурге монастырская часовня, давшая начало построенному в 1906–1908 гг. на углу Петергофского

и Нарвского проспектов по проекту арх. В.А. Косякова (1906–1908) подворью, приносившему обители значительные средства (закрыто в 1932 году, с 1989 года стало подворьем Валаамского мужского монастыря).

Если в 1628 г. в Успенском монастыре насчитывалось всего 25 сестер, то в 1902 г. в нем было около 200 монахинь. В библиотеке монастыря хранилось 212 книг духовно-нравственного содержания...

Переломным оказался 1917 год для судеб России и Православной Церкви. Уже 23 января 1918 г. советское правительство издало декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, и началось ее преследование. В том же 1918 г. в Успенском монастыре был создан детский дом для беспризорных.

На первых порах дети общались с монахинями. Девочки учились у них шить, прясть, вести хозяйство. Когда садились за стол, старшие ребята читали молитвы, а младшие пели революционные песни. Но скоро

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир совершает освящение новых колоколов обители. 2007 год

Архипастырский визит в обитель. Настоятельница и сестры восстанавливаемого монастыря. 2007

атеистическая власть прекратила такую двойственную политику, и сестры должны были покинуть обитель. На долгие десятилетия духовная жизнь в стенах монастыря прекратилась. В алтаре Крестовоздвиженской церкви был установлен киноаппарат. Колокольня и все приделы Успенского собора были сломаны при реставрации 1950–1960-х гг. Детский дом размещался здесь до 2005 года.

Совсем недавно Староладожский Успенский девичий монастырь был возвращен верующим. Это случилось в 2004 году. Четыре года труды по восстановлению обители возглавляет его настоятельница, игумения Ангелина – жизнерадостная, очень деятельная и приветливая женщина. Под ее началом в обители живут восемь сестер, исполняя разные послушания. Молитвенное правило и суточный круг богослужений, сбор исторических материалов о монастыре и реставрация сохранившихся зданий, возделывание цветочных клумб и огородных грядок, – все это входит в обязанности живущих в обители. Богослужения постоянно совершаются в Крестовоздвиженской церкви; служат здесь иеромонахи из братии Никольского мужского монастыря, а также настоятель соседней приходской церкви Святой Троицы в селе Иссад священник Алексей Ширяев. Церковь эта сильно разрушена и сейчас начато ее восстановление. Трудом матушки настоятельницы сестрами восстановлен и заново оборудован святой источник на Абрамовой горе, где совершала свои подвиги игумения Евпраксия, у алтарной стены Успенского собора собраны сохранившиеся каменные надгробия разоренного в годы безбожия монастырского некрополя. Те плиты и памятники, что чудом уцелели, вновь установлены над могилами прежде почивших игумений и сестер обители. Особо почитаются в обители святые благоверные Анна Новгородская (Ингегерда-Ирина), некогда владевшая землями Ладоги, любившая этот край, молившаяся о

нем, и прп. Анна Кашинская, молитвами которой обитель была возвращена Церкви. В монастыре хранится ковчег с частицей ее св. мощей

Никольский Староладожский монастырь

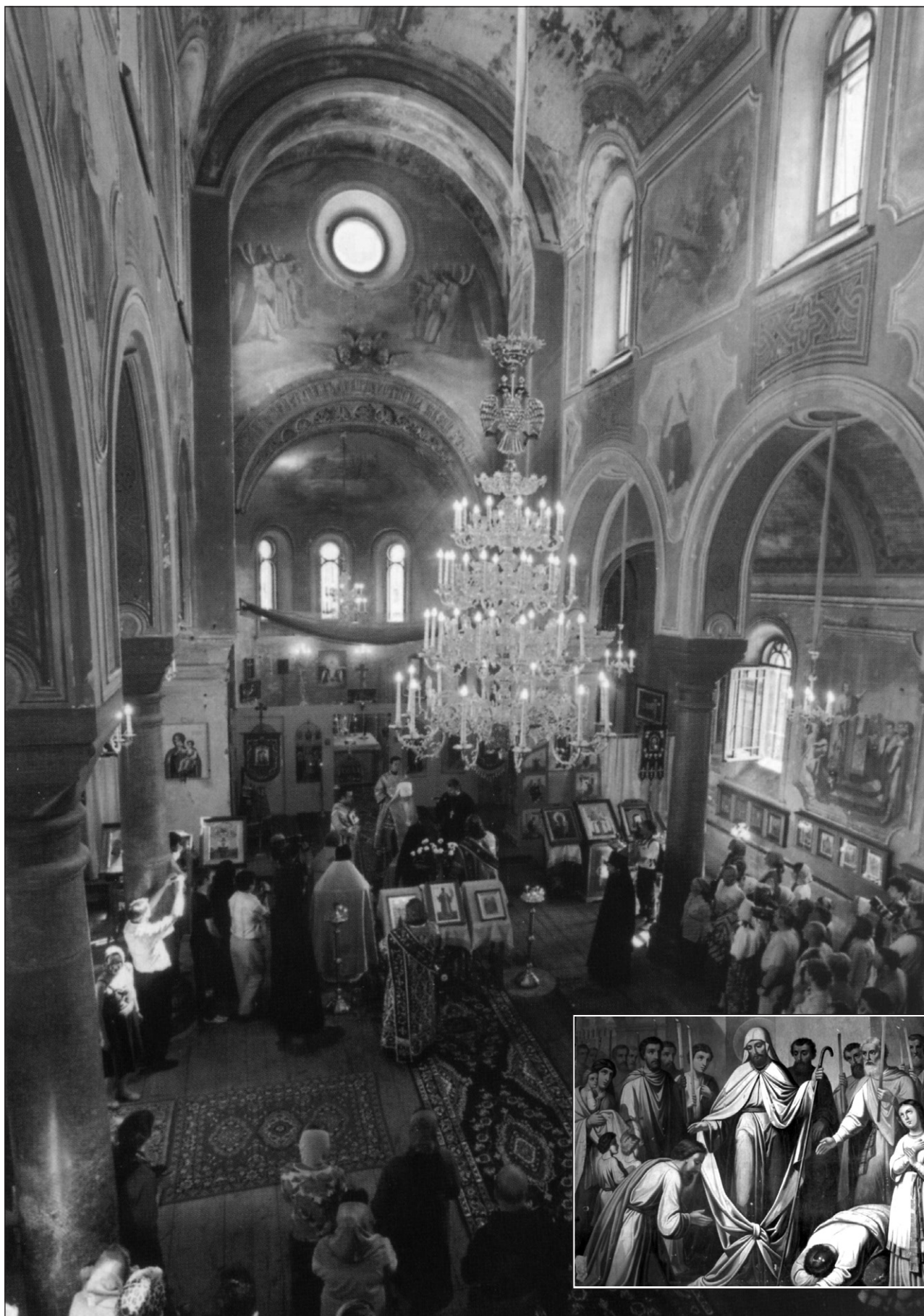
Ансамбль Никольского мужского монастыря расположен также на левом берегу Волхова, выше по течению относительно крепости, на южной окраине Старой Ладоги.

Монастырь обнесен каменной оградой, внутри которой находятся два каменных храма, каменная колокольня и другие монастырские строения. Наиболее древним храмом в ансамбле обители является Никольский собор, построенный в XII в. Второй храм, во имя свт. Иоанна Златоуста, возведен в XIX в.,. Об этих храмах и расположенной рядом отдельно стоящей от них колокольне расскажем чуть позже.

Теперь же отметим, что в восточной стене ограды устроены Святые Ворота, обращенные к Волхову. Вдоль монастырской стены, почти над самым обрывистым склоном террасы, на которой стоит обитель, тянется

Чудом уцелевшие на игуменском кладбище надгробия бережно поставлены сестрами за алтарем Успенского собора

*Староладожский Никольский мужской монастырь. За богослужением в храме свт. Иоанна Златоуста.
Сюжет из жития святителя (настенная роспись храма)*

шоссейная дорога, ведущая к центру поселка. Внизу, под дорогой плещутся воды Волхова.

На бровке коренного берега, почти напротив монастыря, находится курган «Победище», в котором, по преданию, схоронены русские воины, павшие в бывшей здесь битве со шведами. Коренной берег Волхова представляет собой в этом месте обширное поле, на котором и произошла упомянутая сеча. Ручей, стекающий с поля, был прозван в народе Кровавым. (Иногда упоминается, что это сражение имело место в год Невской битвы, в 1240 году, но скорее всего, это неверно, и сражение здесь произошло гораздо раньше называемой даты, очевидно, в 1164 году – *Ред.*). В память об этом сражении и одолении шведов и был основан у подножия Победища, вокруг древнего собора мужской монастырь.

Кроме Святых ворот, дающих выход на восток, имеются также небольшие ворота в южной и западной стенах ограды. По углам ее высятся четыре каменные башенки. В одной из них, по линии проезжей дороги, в старые времена была устроена часовня для поклонения едущих и идущих мимо путников.

Таков вид обители сейчас. Обратимся же теперь к ее истории. Время возникновения монастыря документально установить невозможно, так как ранние монастырские документы до нас не дошли, в XVII веке все они были уничтожены или похищены шведами, которые под предводительством Якоба Делагарди разорили монастырь в 1611 году. Поэтому ранняя история обители покрыта для нас тайной. Устное предание говорит, что монастырь был основан князем Александром Невским, победившим шведов в 1240 г., сразу после победы. Однако, А.Н. Кирпичников [12] пишет, что в древних синодиках сохранились записи, согласно которым создателями обители были: Стефан, Давид, Димитрий и их сродники, далее приписан Григорий и его сродники.

Можно предположить, что Никольский собор был возведен одновременно с основанием монастыря. Специалисты не сомневаются, что первоначальный собор сооружался между 1158 и 1240 гг. К зданию собора вплотную подходит и частью подстилает его фундамент культурный слой с находками IX–XIII вв. Данные археологии свидетель-

Никольский монастырь. Вид с кургана «Победище». Фото начала XX века

ствуют, что он был сразу построен каменным. Позже мы упомянем о том, когда и как собор перестраивался.

Из документов, сохранившихся после войн, неприятельских нашествий и пожаров, мы узнаем, что в 1695 году, согласно указу преосвященного митрополита Новгородского Корнилия; предписано было церкви Тихвинской Божией Матери и св. апостола Иоанна Богослова, построенные в Зеленецком монастыре по желанию и на иждивение Казанского царя Симеона, разобрать и поставить в том же наименовании в Ладожском Никольском монастыре. Туда же были перенесены все святые иконы этих церквей.

В 1715 г. Никольский монастырь был перечислен из Новгородской епархии в Санкт-Петербургскую и поступил в ведение Александро-Невского монастыря, который назначал в него настоятелей, большею частью из своей братии.

В 1731 году в монастыре жили: строитель, семь монахов, четверо церковников, один служитель, шесть рабочих, один сторож, один трапезный, истопник, скотник, одна коровница, колесник и сын колесника, шесть рыбаков и летний конюх, всего 33 человека. В 1764 году, по отобранию у монастыря крестьян, было назначено в него 8 человек служителей из окрестных деревень.

В том же 1764 г. закончилось пятидесятилетнее управление обителью канцелярией Александро-Невского монастыря, и по утверждению штатов она была включе-

Старая Ладога Никольский мужской монастырь. Панорама обители с правого берега Волхова. Фото начала XX века

на в число монастырей третьего класса, с назначением настоятеля в сане архимандрита и 9 человек монашествующих, да 9 человек послушников. Этим ограничивалось все братство монастыря. Это был проблеск самостоятельности, луч радости, который вскоре погас.

В декабре 1771 г., всего через семь лет после возведения в штаты, монастырь был упразднен, как «несоответствующий требованиям общества» того времени. Настоятель и братия были переведены в Зеленецкую обитель. Туда же перевезли и все имущество упраздненного монастыря. Угодья его были переданы в ведомство Коллегии Экономии. Но служба в соборе сохранилась, и в 1795 году было указано восстановить придел св. Антипы на хорах и позолотить соборный иконостас.

С грустью оставили монашествующие сей тихий и святой приют молитвы. Грустили и благочестивые жители Ладоги. Печальная тишина сменила бывшие здесь духовные торжества. Так прошло 26 лет, и дальше страдать местным жителям было невозможно.

В 1797 г. новолadoжские купцы и староладожские жители обратились с просьбой к преосвященному митрополиту Санкт-Петербургскому Гавриилу (Петрову) о восстановлении обители. Прощение их было удовлетворено, и с 1805 года в монастыре начались богослужения. В 1810 г. при монастыре были открыты: приходское и уездное училища для детей новолadoжского духовенства и причетников (в 1822 г. оно было переведено в Александрo-Невскую Лавру).

В 1814 г. с Высочайшего соизволения обителью построена была в Старой Ладоге часовня на месте кабака, именовавшегося «Косым кабаком». В 1821 г. часовня эта была уступлена Успенскому девичьему монастырю в Старой Ладоге.

В 1818 г. в Новой Ладоге от староладожского Никольского монастыря была возведена каменная часовня, с деревянным флигелем для братии. В 1827 г. возведена была в С.-Петербурге для Никольского монастыря часовня на

углу Большого и Малого Царскосельского проспекта (на средства купца Туманова). При этой часовне (каменной) тогда же построен одноэтажный каменный корпус для жительства братии. По восстановлении монастыря он был переведен в заштатные, но благодаря часовне в С.-Петербурге обитель постоянно укреплялась. В 1865 г. братия в Никольском монастыре состояла из настоятеля в сане игумена, пятерых иеромонахов, трех церковников, двух монахов и десятерых послушников.

Особым событием в жизни Никольского монастыря явилось пребывание в нем гробниц свв. преподобных Сергия и Германа Валаамских. Гробницы были привезены с Валаамского острова монахами Валаамского монастыря при нашествии на него шведского войска под командованием Делагарди. Гробницы были внесены через Святые Ворота в 1611 г. и хранились в Никольском монастыре до времен Петра Великого (до 1718 г.), когда были возвращены на Валаам.

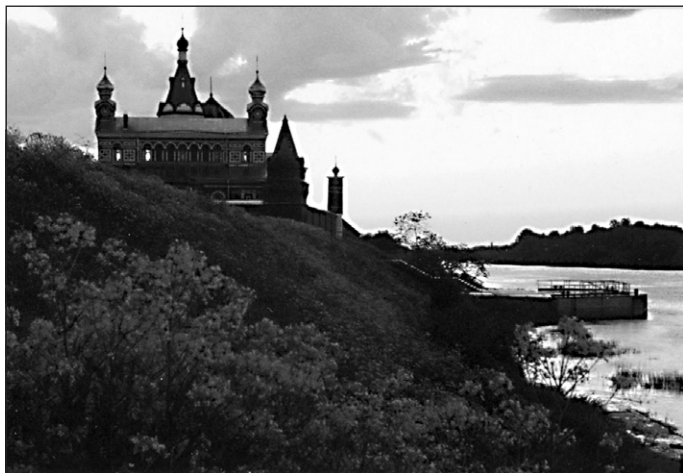
Особым событием в жизни монастыря явилось также пребывание в нем в 1847 г. при проезде через Зеленецкий монастырь в Тихвин, Императрицы Елизаветы Петровны с наследником престола Великим Князем Петром Феодоровичем (будущим Петром III), с супругой его, Великой Княгиней Екатериной Алексеевной (будущей Екатериной II).

Предание сохранило память о том, что «сии Августейшие посетители долго любовались с высоты кургана «Победище» на живописные окрестности Старой Ладоги, на ее храмы и монастыри». Об этом пишет игумен Иоанн в своем труде [2]. В этой его работе мы находим много сведений о Никольском монастыре.

Мы узнаем, что в обители были установлены крестные ходы, главными из которых можно назвать следующие: 9 мая (22 мая н.ст.), в храмовый праздник, – вокруг монастыря; в праздник Святой Пасхи – вокруг соборной церкви, и на первый день Святой Пасхи, – вокруг Старой Ладоги, в память избавления жителей от пожара, бывшего в 1847 году. Кроме того, бывали крестные ходы на реку Волхов для освящения воды, и крестные ходы из монастыря по окрестным деревням, по желанию крестьян, с согласия местного духовенства.

Игумен Иоанн сообщал также, что в ризнице находились примечательные предметы, среди которых выделялось напрестольное Евангелие в серебряно-золотом окладе, с украшениями из аквамарина. Украшал ризницу и серебряно-золоченый сосуд, работы известного мастера Ф.А. Верховцева.

Прекрасными памятниками древности были в монастыре иконы: храмовый образ Святителя Николая, почитаемый чудотворным, древнего письма; образ святителя Иоанна Златоуста, древнего письма, с позолотой, мастер Ф.А. Верховцев; образ Собора Божией Матери, храмовый, почитаемый чудотворным. В честь этой иконы был устроен придел, а в 1841 году усердием Путиловского жителя Ивана Тарасова сделана серебряная

Старолadoжский Никольский монастырь. Панорама обители – вид с южной стороны. Фото 2007 года

риза; образ Николая Чудотворца, употреблявшийся в крестные ходы. Он во время свирепствования сибирской язвы был носим по окрестным деревням где по теплой вере прибегающих к помощи Святителя Николая, испытывались благодатные дары исцеления.

Из двух древних синодиков известны имена 23-х настоятелей, правивших монастырем до 1616 г. После них настоятельствовали с 1616 по 1714 г. двенадцать настоятелей, в числе которых особо надо отметить игумена Игнатия, правившего с 1686 по 1689 гг. Им были произведены наибольшие исправления (реставрация) церквей.

Упомянуть надо и игум.Макария (правил с 1696 по 1701 гг.). При нем перенесен из Зеленецкого монастыря и освящен придел в честь иконы Тихвинской Божией Матери. С 1714 по 1863 гг. монастырем управляли 42 настоятеля. Имена их перечислены в статистике Никольского монастыря, составленном игуменом Иоанном в 1865 г. [2]. Все они обновляли монастырские здания, а Иларион Молчановский (правил с 1757 по 1759 г.) выстроил вновь сгоревшую в 1757 г. монастырскую мельницу и деревянные келии.

При архимандрите Вениамине (правил с 19 ноября 1770 г.) монастырь был закрыт (в 1771 г.). Именно тогда настоятель с братией были переведены на долгие годы в Зеленецкую обитель.

Самуил был первым настоятелем-строителем по восстановлении монастыря (назначен 5 августа 1811 года).

При настоятеле Августине (1831–1839) построена была паперть в соборной церкви и каменная ограда вокруг монастыря. Здесь мы вынуждены напомнить, что как было сказано ранее, в 1611 через Святые ворота были внесены Святые гробницы Сергия и Германа Валаамских. Вероятно, тогда ограда монастыря и Святые Ворота были деревянные.

*Настоятель обители
Игумен Аполлос
(Попов)*

При игумене Аполлосе (1846–1863) построен был каменный трехэтажный корпус и вчерне каменная Златоустовская церковь.

При игумене Иоанне (правил с 1863 г.) полуразвалившийся корпус братских келий был переделан под гостиницу для богомольцев, покрыты железом крыши на приделе во имя Тихвинской Божией Матери и на паперти соборной церкви.

Имена настоятелей, правивших обителью с 1865 г. до ее закрытия автору статьи выяснить не удалось.

Благотворители несли в Никольский монастырь свои вклады. Их было много: и благотворителей, и вкладов. Самый крупный вклад был сделан в 1847 г. графиней Анной Алексеевной Орловой-Чесменской на поминовение – 5715 руб. серебром.

Никольский монастырь был закрыт большевиками в 1919 году, а в 1935 г. они закрыли еще действовавшие Никольский собор и Златоустовскую церковь.

В советское время в помещениях монастыря располагались мастерские по ремонту тракторов. На долгие десятилетия духовные песнопения и молитвы в стенах монастырских храмов сменились на грохот металла и рев моторов.

Ковчег с частицей мощей Свт. Николая Чудотворца. Панорама Никольского Староладожского монастыря. Фото 2007 года

*Чтимый
образ
Святителя
Николая
Чудотворца
в Никольском
Старо-
ладожском
монастыре*

Лишь недавно монастырь был возвращен Православной Церкви. В храме свт. Иоанна Златоуста возобновлены богослужения. Восстанавливает обитель ее настоятель игумен Варфоломей.

Когда 1 октября 2005 г. я приехал из С.-Петербурга в Старую Ладугу и подошел к Никольскому монастырю с южной стороны, то увидел, что снаружи монастырской стены, снаружи монастыря устроена обширная, благоустроенная, покрытая асфальтом площадь. Машины и автобусы с паломниками и туристами останавливаются здесь, а прибывшие на них люди проходят на территорию монастыря через ворота в южной стене каменной ограды. Я тоже вошел в эти ворота и осмотрелся. Собор Свт. Николая Чудотворца стоял в реставрационных лесах. Святые ворота тоже были на реставрации. Колокольня сверкала белизной свежей штукатурки. В отреставрированной и поновленной снаружи, привлекающей яркой новой краской своих фасадов церкви свт. Иоанна Златоуста заканчивалось богослужение. В храме, у входа на правой стене – большой список имен святых, частицы мощей которых почивают в монастыре. Эти «маленькие святцы» возгревают в паломниках желание призвать имена этих святых в своих молитвах. Частицы вот каких святых есть в монастыре :

Святителя Николая Чудотворца;
св. равноапостольной Марии Магдалины;
св. великомученика и целителя Пантелеимона;
св. священномуч. Виктора, епископа Глазовского;
свв. преподобномучениц Великой Княгини Елизаветы Феодоровны и инокини Варвары;
свт. Феодосия Черниговского;
св. преподобного Лаврентия Черниговского;
св. преподобного Никандра Городноезерского;
св. праведного Ионы Одесского.

Частица св. мощей Святителя Николая Чудотворца

постоянно находится у левой стены храма в красивом ларце. Частицы святых мощей всех остальных праведников выносятся из ризницы для поклонения только в дни памяти этих святых.

Справа от ларца с частицей мощей Свт. Николая Чудотворца обратила на себя мое внимание большая икона, очень старинного письма, темная, почти черная. Это была икона Божией Матери Черниговской-Гефсиманской. Было видно, что образ требует срочной реставрации: левее главы Богоматери зияет глубокий поруб от топора, которым «вершители революции» в дни помрачения умов хотели изрубить икону.

В нижней части образа, под рукой Богоматери, зияет большое сквозное отверстие – от пули безумца. Не Сама ли Богородица отвела от Своего образа орудия зверства – топор и пулю? Икона эта почитается в монастыре местно.

Служительница храма рассказала мне историю этого образа. Икона была спасена после революции одной из прихожанок Никольского монастыря и все годы советской власти хранилась у нее в доме. Недавно эта женщина, умирая, завещала детям передать икону в Никольский монастырь. Однако к ее наследникам пришел некий посредник, житель Старой Ладуги, который уговорил не отдавать, а продать через него икону-мученицу монастырю за большие деньги. Требуемая сумма была собрана верующими, образ вернулся в обитель. А алчный посредник вскоре тяжело заболел: лишился здравого ума. Надеясь облегчить свои страдания, он ходит в храм св. Иоанна Златоуста, кается и просит о прощении пред образом Богородицы, который он продал. Часто его можно видеть в храме, но страдания его не утихают...

Старая Ладуга. Никольский собор и Святые врата мужского монастыря. Вид со стороны реки Волхов

Когда богослужение окончилось, я вышел из церкви и увидел во дворе, возле колокольни, настоятеля монастыря – игумена Варфоломея, окруженного большой группой паломников. Я присоединился к ним. Игумен рассказывал об истории обители, о ее храмах, проблемах, связанных с ее возрождением. Сейчас здесь нет водопровода, канализации, нет газоснабжения. Много работ еще предстоит осуществить. Но игумен Варфоломей настроен оптимистически. Он мечтает возродить в монастыре библиотеку, разоренную в безбожные годы. В ней когда-то находилось 600 экземпляров книг духовно-нравственного содержания, древние синодики, замечательная Библия Острожской печати 1580 г. и служебник 1655 г. Под руководством игумена Варфоломея его помощниками (например, послушником Романом Левшиным. – *Ред.*) собираются исторические сведения о Никольском монастыре.

Обратив внимание слушателей на недавно отреставрированную колокольню, игумен Варфоломей с гордостью сообщил, что теперь с ее высоты могут звучать семь колоколов.

Никольский собор

Раскопки и натурное обследование убедили специалистов, проводивших реставрацию храма в 1958 г., что нижняя его часть построена в XII – начале XIII вв., а верхняя часть – в более позднее время. При этом строители XVII в. стремились возводить стены восстанавливаемого храма как можно ближе к исходному образцу. Эти выводы реставраторов согласуются со сведениями об истории Никольского собора, приведенными в кратком церковно-историческом справочнике [14], из которого узнаем, что собор Святителем Николая Чудотворца был построен каменным в 1209–1210 гг., рассыпался в 1628 году; перестроен в XVII в., с приделами Тихвинской Божией Матери (1295–1297 гг., перестроен в 1828 г.); священномученика Антипы (XVII в., в 1827 г., перенесен в нижнюю церковь, обновлен в 1852 году), Собора Пресвятой Богородицы (нижняя церковь с 1847 г.)

Черниговская-Гефсиманская икона Божией Матери из Никольского мужского монастыря

В 1841 г. с западной стороны к собору пристроена была каменная паперть. Она и перечисленные приделы были сломаны в 1958 г.

Авторы книги «Старая Ладога, древняя столица Руси» [12] А.Н. Кирпичников и В.Д. Сарабьянов называют храм Свт. Николая Чудотворца архитектурным памятником XII–XVII вв. Его решено сохранить. Здание закрыто кровлей, в образовавшиеся в стенах трещины закачан под давлением раствор. Блоки кладки как бы склеены между собой.

Настенная живопись собора Свт. Николая Чудотворца была сделана при игумене Аполлосе (Попове) в 1848 году.

Храм Свт Иоанна Златоуста

Эта удивительная по своей необычности церковь возвышается в юго-восточной части монастыря, рядом со Святыми воротами обители. Существующий каменный храм свт Иоанна Златоуста с приделом мученика Назария построен в 1859–1872 гг. архитектором А.М. Горностаевым.

Церковь имеет детали в старорусском стиле, но в тоже время напоминает романскую базилику. Каменный храм построен на месте бывшей здесь деревянной

Общий вид Никольского Староладожского мужского монастыря с южной стороны

*Колокольня Никольского
мужского монастыря*

*Подъем освященных
колоколов на ярус звона
2007 год*

Златоустовской церкви, возведенной ранее 1628 г. и разобранной в 1815 г.

Храм был закрыт, как было сказано выше, в 1935 г. Сейчас в нем совершаются регулярные богослужения. Добавим еще, что, как свидетельствует А.Г. Слезкинский [8], в каменной Златоустовской церкви хранилась икона Свт. Иоанна Златоуста в богатой серебряной ризе, и была эта икона единственным предметом, уцелевшим от первой деревянной церкви.

Колокольня

Недавно отреставрированная шатровая колокольня датируется концом XVIII века. Возвышается она между Никольским собором и церковью свт. Иоанна Златоуста. Она восьмигранная, многоярусная, со специальным помещением для звона. Набор новых колоколов был отлит и поднят на ярус звона в 2007 году.

*Освящение колоколов Никольского Староладожского
мужского монастыря. 2007 год*

Храм Рождества Иоанна Предтечи (Фото С.М. Прокудина-Горского, 1910-е годы). Интерьер придела св. в мц. Параскевы в храме во имя Рождества св. Иоанна Предтечи. Современное фото.

Каменный столп колокольни, устремленный в небесную высь, кажется легким, воздушным, освобожденным от земного притяжения.

Когда-то на колокольне были установлены «боевые железные часы, которые предписанием 6 июля 1754 года вытребованы в Александро-Невскую Лавру».

Храм Рождества Иоанна Предтечи

Эта церковь красуется на вершине Малышевой горы, древнего кургана, насыпанного над крутым берегом Волхова к северу от Старой Ладogi, но приписана к Никольскому монастырю и находится в ведении и управлении игумена Варфоломея. Храм этот был построен в 1276 году деревянным. В 1695 г. вместо него был построен нынешний каменный храм, который и впоследствии пе-

рестраивался. Церковь имеет придел во имя св. Параскевы Пятницы. С запада к основному объему пристроены паперть и колокольня, также каменные, представляющие собой единый архитектурный ансамбль. Образ великомученицы Параскевы был перенесен сюда в 1688 г. из часовни Песоцкого монастыря и придел тогда же был освящен. Сама церковь строилась как холодная, а придельный храм – как теплый. В XIII веке здесь был монастырь, основанный между 1276 и 1299 годами, благословением Новгородского архиепископа Климента. В 1764 г. монастырь был упразднен, а в 1811 г. храм причислен к Никольскому монастырю. После революции храм был закрыт (в 1919 г.) и обращен в овощехранилище, затем в клуб, где местные жители занимались спортом и танцевали.

Блаженный Александр Лосев

В притворе собора покоится послушник Никольской обители, чтимый местно народом – блаженный Александр Лосев. На плите, положенной над его могилой высечена надпись: «На сем месте погребено тело раба Божия Александра Васильевича Лосева. Он был из ростовских мещан (г. Ростова Великого Ярославской губ. – *Ред.*); в молодых годах поступил в здешний Никольский монастырь, где неумоимо и молчаливо исполнял самые трудные послушания; потом стал юродствовать ради Христа, несколько лет содержался в доме умалишенных и по освобождении «начал ходить в Ладогe и ее окрестностях в странном виде, пользуя многих потаенно». Такая жизнь продолжалась более двадцати лет и увенчалась страдальческою кончиною: в первых числах декабря 1847 года он потонул в Волхове, а в мае месяце 1848 года тело его приплыло к Новой Ладогe почти невредимое к прославлению Бога, явившего Своего долготерпеливого раба. Здесь предано оно земле 17 мая 1848 года строителем иеромонахом Аполлосом с братиею в присутствии игуменнии Успенского монастыря Февронии с сестрами при многочисленном собрании почитателей покойного».

Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. 1885 год.

В 1991 г. церковь Рождества Иоанна Предтечи первой в Старой Ладоге была возвращена верующим. Она находилась тогда в плачевном состоянии.

Когда назначенный в 1990-х гг. сюда настоятелем иеромонах Евстафий (Жаков) впервые вошел в храм, чтобы начать его восстановление, он поскользнулся на жидкой грязи, покрывавшей поверхность пола.

Еще недавно храму угрожало разрушение – обрушился свод апсиды, и стала наклоняться колокольня. Малышева гора изрезана подземными ходами, в XIX в. крестьяне добывали здесь кварцевый песок и продавали его в С.-Петербург для изготовления лампочек и стекла. Так в горе прокладывались обширные штольни, образовавшиеся пустоты стали угрожать сохранности храма. Реставраторам пришлось закачать в прилегающие к храму пустоты немало бетона, что остановило процесс разрушения.

Сегодня немало сделано для реставрации святыни. Белоснежный храм, когда смотришь на него издали, кажется парящим в воздухе между полосой зеленого взгорья и высью синего неба.

В 1990-х г. придел св. вмц. Параскевы Пятницы украсился новым иконостасом и коваными подсвечниками. Стены прилегающей трапезной тогда же были расписаны петербургскими художниками.

При входе в храм обращает на себя внимание высокое старинное надгробие из камня. Надпись, высеченная на надгробии, гласит, что под ним покоится прах Христа ради юродивого Александра Лосева и краткое его житие.

У подножия Малышевой горы напротив храма вытекает из древних песчаников светлая струя святого источника. Вода собирается в небольшом водоеме и, наполняя его, сте-

кает в Волхов, волны которого совсем рядом, у подножия горы. Вблизи источника зияет вход в пещеру – штольню, из которой в старину на телегах вывозили кварцевый песок... Подробнее о Староладожской пещере – читайте в статье И.А. Агапова «Чтимые пещеры С.-Петербургской епархии» в этом выпуске журнала (с. 123–136)

Великолепен вид с Малышевой горы на Волхов и Старую Ладугу с ее крепостью, монастырями, храмами, садами и домами поселян. Открывается далекая и широкая перспектива вверх и вниз по течению оваянная легендами могучей реки, и оба берега предстают как на ладони...

Невольно обращают на себя внимание высокие курганы – могильные холмы VIII–X вв., восходящие к эпохе викингов. Впечатляют своей высотой те из них, что сохранились в урочище «Сопки» на левом берегу Волхова, севернее храма Рождества Иоанна Предтечи.

Самый большой холм здесь имеет высоту около десяти метров. Его считают местом погребения князя Олега Вещего – объединителя северной и южной Руси. Хотя существует версия, согласно которой Вещий Олег умер и был погребен в Киеве на горе Щековице, северная (ладожская) версия признана наиболее правдоподобной.

Не менее 18-ти погребальных курганов высятся и на правом берегу Волхова, в урочище «Плакун».

Многие курганы древности до нашего времени не сохранились, хотя известно, что когда-то они тянулись в районе Старой Ладogi по обоим берегам Волхова.

Древняя староладожская крепость, храмы и монастыри на ее территории

Согласно имеющимся историческим данным, первая крепость была построена в Старой Ладогe около 753 г. Она была каменно-деревянной.

*Старая Ладoga.
Вид со стороны Волхова на
крепость и Георгиевский собор.
На переднем плане –
Раскатная башня.
Фото 1900-х годов*

В 882 г. Олег Вещий строит на месте первой крепости вторую, уже полностью каменную. Она была разрушена в 997 г. норвежским ярлом Эйриком, но позже возобновлена.

В XII веке новгородцы обратили Старую Ладогу в сильный укрепленный пункт. Ладожский посадник Павел в 1114 г. построил новую крепость и обнес ее каменной стеной с башнями. Эта крепость через полвека выдержала осаду двухтысячного шведского войска, приплывшего в 1164 г. с Ладожского озера на шестидесяти шнеках (мелких судах). Ладожане тогда сожгли свои хоромы на посаде и заперлись в крепости, во главе с посадником Нежатой.

На выручку города своевременно подоспел новгородский князь Святослав Ростиславович, с посадником Азарией и с новгородскою дружиною. Шведы потерпели поражение. В память этой победы, в том же 1164 г. в крепости была построена церковь св. Георгия.

Некоторые исследователи предполагают, что она была построена в XI веке Ярославом Мудрым, во время его княжения в Новгороде.

Согласно преданию, церковь построена на месте языческого капища. В 1495 г., с появлением огнестрельного оружия, закладывается новая крепость с пятью сторожевыми башнями. Мощные каменные стены имели толщину от трех до семи метров. Это дало возможность гарнизону устоять, когда в 1581–1582 гг. шведы осадили крепость.

В 1584–1585 гг. московский воевода Василий Головин пристроил к этой каменной крепости земляной город, обнесенный земляным валом с тремя бастионами.

Остатки каменной старолadoжской крепости XV в. сохранились до наших дней благодаря реставрации ее руин в 1978 году. По проекту архитектора-реставратора А.Э. Экка были восстановлены две башни – Климентовская и Воротная, а также прясло между ними.

В XVII в. в крепости был построен второй храм, деревянный, посвященный святому воину великомученику Димитрию Солунскому. Оба храма – Георгиевский и Димитриевский сохранились до нашего времени. Оба были в прошлом монастырскими. Остановимся на их истории и описании подробнее.

Храм св. Георгия Победоносца

Георгиевский храм, воздвигнутый в честь св. великомученика и Победоносца Георгия, небесного покровителя ладожан, отличается особой горделивой осанкой и могущественной статью, свойственной каменным храмам древней Руси. Он полностью сохранился.

Из летописи известно, что в 1446 г. святой архиепископ Новгородский Евфимий, покровитель пустынножительства и святого безмолвного жития, был восхищен красотой Георгиевского храма, построенного ровно за триста лет до того, и устроил при нем иноческую обитель, а сам храм поновил. С тех пор церковь эта стала монастырской, а монастырь стал называться

Старая Ладога. Собор св. Георгия Победоносца. Вид до реставрации 1910-х годов. Фото конца XIX века

Георгиевским Застенным монастырем. Это название удерживалось за ним более трехсот лет.

Из скудных сведений о Георгиевском Застенном монастыре видно, что он существовал в бедности. Уже грамотой 1572 г. архиепископа Леонида монастырь был освобожден от платежей разных пошлин в домовую казну преосвященного. В начале XVII в., в эпоху смут, он подвергся вместе с Ладогой полному разорению, и только в 1618 г. последовало его новое освящение игуменом Медведского монастыря Феодором. Через десять лет, в 1629 г., согласно писцовым книгам, «в монастыре игумена и братии нет, а у Егория великомученика служит поп мирской, да дьячок, да пономарь, да проскурня». Однако, через два года в монастыре снова упоминается монашеское общежитие.

В 1764 г. Застенный монастырь был упразднен, и Георгиевская церковь в штате того времени значится уже приходской. В 1837 г. она утратила было свою самостоятельность, так как указом С.-Петербургской Духовной Консistorии была приписана к Успенскому монастырю Ладоги, но в 1839 г., по прошению местных прихожан и князя Паскевича-Эриванского, указом той же Консistorии древнему Георгиевскому храму снова было возвращено независимое положение.

В 1866 г. к храму Георгия Победоносца были пристроены приделы: во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» и св. блгв. кн. Александра Невского.

Чудо Георгия о змие. Роспись в апсиде Георгиевского храма. XII век. Фото 1911 года

К концу XIX в. церковь св. Георгия снова обветшала. В 1902 г. после поданного Государю прошения, храм был отремонтирован и вновь освящен в 1904 году.

Георгиевская церковь драгоценна фресковой живописью, украшающей ее интерьер и выполненной мастерами византийской выучки сразу после завершения постройки.

Древней фресковой живописью стены Георгиевской церкви были покрыты когда-то сплошь, но со временем храмовая роспись оказалась под слоем более поздней штукатурки. Около 1780 г. древний живописный слой был обнаружен Преосвященным Гавриилом (Петровым), митрополитом С.-Петербургским и Новгородским. В то время роспись, находившуюся под штукатуркой, неизвестно когда наведенной, можно было сохранить еще в ее целостности. Но в 1848 г. был произведен ремонт, при котором отбиты были большие участки фрескового слоя, причем отпавшие места заштукатуривались вновь, а уцелевшие фрески забеливались известкой. Это происходило при священнике Мудролюбове, известном ревнителе благолепия храмов, но зачастую в ущерб церковной древности.

Работавшие в то время каменщики рассказывали, с каким страхом они отбивали священные изображения, образы святых. В 1858 г. уцелевшие фрески были зарисованы В. Прохоровым и изданы, вместе с описанием самой церкви, им же. Дальнейшее описание и подробные точные рисунки были исполнены Н.Е. Бранденбургом и В.В. Суловым в подробном издании Императорского Археологического общества под названием «Старая Ладога» в 1896 г. в С.-Петербурге.

В 1970-х гг. художник-реставратор А.Н. Овчинников, осмотрев церковь св. Георгия и увидев утраты, решил скопировать фрески, чтобы сберечь для будущих поколений то, что имелось на тот день.

В результате георгиевские фрески запечатлены ныне в неискаженных тщательных копиях, выполненных в натуральную величину. Работа велась 17 лет.

С 1982 по 1995 г. была проведена реставрация фресок. Росписи освободились от загрязнений и предстают ныне в первозданном сиянии светлых по колориту красок.

Лучше всего фрески сохранились в куполе и барабане купола, в центральной и южной апсиде, которую украшает изображение «чуда Георгия о змие». Святой Георгий, после свершения подвига и освобождения царевны, торжественно возвращается в город.

Некоторые ученые придают этому изображению аллегорическое толкование: змей – язычество, девица – Церковь Христианская, и буквальный смысл его считают апокрифическим. Необычна трактовка сюжета – св. Георгий не поражает змия копьем, а ведет его за собой на поводке...

Благодаря своим фрескам храм св. Георгия получил общеевропейскую известность. Если бы в Старой Ладоге не было ничего, кроме этого памятника, то и тогда она могла бы рассматриваться как уникальный объект искусства и архитектуры национального и международного значения.

В 1906 г. исследователь Старой Ладogi Н.Ф. Романенко [7] писал, что особо его внимание обращали на себя древние иконы, находившиеся тогда в иконостасе Георгиевского храма: икона Свт. Николая Чудотворца; икона св. Георгия Победоносца; икона Скорбящей Божией Матери, издревле почитаемая чудотворной. Риза на ней была кована из меди, поля были серебряными, венец также серебряный, убрус и подниз жемчужные. Сохранялось здесь к началу XX века и древнее Евангелие, пожертвованное сюда царем Феодором Алексеевичем в 1680 году.

Георгиевский храм был закрыт для прихожан в 1926 г. Сейчас он относится к музею-заповеднику «Старая Ладога» и богослужения в нем не совершаются.

Сегодня в Георгиевском храме экскурсантам демонстрируют фресковую настенную живопись XII века.

Храм св. Димитрия Солунского

Рядом с Георгиевской церковью стоит маленькая деревянная церковь св. Димитрия Солунского – яркий и хорошо сохранившийся образец древнерусских церквей. В них уходящих помолиться возникало чувство тишины и покоя, позволявшее богомольцам на время отрешиться от всего суетного.

О времени построения этой церкви сведений не имеется. Впервые она упоминается в переписной книге 1500 года.

В 1730 г. ее пришлось разобрать за ветхостью, а в 1731 г. она уже срублена заново и освящена вновь.

Это произошло после того, как в 1730 году при архиепископе Новгорода и Великих Лук Феофане (Прокоп-

вике) священник Георгиевского Застенного монастыря, которому тогда принадлежали Дмитриевская и Георгиевская церкви, вместе с прихожанами ходатайствовал о восстановлении Дмитриевской церкви. Разобрана и вновь построена она была по указу Синода за № 1168 от 11 декабря 1730 г.. Эта перестроенная по старому образцу церковь просуществовала до 1901 г., но в церковных записях уже в 1854 г. она показана как очень ветхая. К 1901 году церковь совершенно обветшала и разваливалась.

Решено было разобрать ветхий храм и построить его заново, но опять по старому образцу, что было уже сделано один раз, в 1731 году.

Торжественная закладка ее состоялась 15 июля 1901 г., через четыре месяца ее освятили при громадном стечении народа. Таким образом, несмотря на все ремонты и перестройки, Дмитриевская церковь сейчас имеет свой первоначальный старинный облик. Закладку и освящение церкви в 1901 г. Н.Ф. Романенко тогда же описал в большой поэме [5]. Начинается поэма так:

*«Над рекою Волховом великим,
Да над крепостью славной Рюрика,
Солнце ясное, да веселое
Светом Божий мир озаряючи,
Из-за дальних холмов,
Из дремучих лесов
Золотые лучи рассыпаючи,
Высоко над землей поднимается...»*

Конец поэмы звучал :

*«Собрались в Ладугу гости
Снова крест воздвигнуть,
Церковь вновь освятить,*

*Храм св. Димитрия
Солунского
в крепости.
Современный вид.*

*С сохранившейся в ней стариною,
Поклонится родной старине,
Что так любит народ,
Что тем дорога всем.
Боже, слава Тебе с Пресвятою...»*

В 1860 г., по ходатайству вице-президента Академии художеств князя Гагарина, иконы XV, XVI и XVII веков были, согласно указу от 18 июня 1860 г. за № 4149, взяты из Дмитриевской церкви и переданы в музей академии. В 1905 г. они уже находились в музее Императо-

Освящение возобновленной церкви св. вмч Димитрия Солунского в крепости. 9 октября 1901 года

ра Александра III (ныне Русский музей). До настоящего времени убранство церкви не сохранилось.

Построек, подобных церкви св. Димитрия Солунского, сохранилось немного. Чудом дошедшая до нас деревянная Димитриевская церковь – одна из редчайших на территории Северной России.

Св. Димитрий Солунский, подобно св.Георгию, считается покровителем воинов, поэтому появление в крепости второго воинского храма не случайно.

Преподобный Нестор-летописец, в рассказе о взятии Вещим Олегом Константинополя, пишет, что свое поражение греки приписывали не храбрости славян, а заступничеству за них св. Димитрия Солунского, их покровителя.

Церковь св. Димитрия Солунского предназначалась, вероятно, для зимней службы, и построена «клетски», – так называли на Севере Руси теплые церкви. Георгиевский храм был холодным, летним.

В настоящее время Димитриевская церковь используется для экспозиций музея-заповедника. Так же как в Георгиевской церкви, совершение богослужения здесь сегодня невозможно.

Земляное городище. Церковь св. Климента

С юга к каменной крепости примыкает так называемое Земляное городище. Валы и бастионы его были насыпаны в 1584–1585 гг. Земляное городище занимало площадь 150х150 м. С трех сторон оно было защищено валом и рвом, а с четвертой стороны примыкало к обрывистому берегу Волхова.

По гребню земляного вала и по краю обрывистого берега был поставлен частокол из толстых дубовых бревен.

Позднее он был заменен деревянным срубом, заполненным землей и камнями.

В центре Земляного городища красовалась когда-то каменная церковь св. Климента, папы Римского. Она была построена по заказу новгородского архиепископа

Нифонта в 1153 г. Церковь не сохранилась, так как при основании Новой Ладogi Петром Великим храм был перенесен туда, старое здание на церкви на Земляном городище было заброшено и мало-помалу разрушилось.

В 1912 году Е. Нелидова писала [10], что «теперь на небольшом холме, образовавшемся над руинами церкви, стоит только ветхая деревянная часовенка над массивным деревянным крестом, потемневшем от времени. Прежде здесь стоял другой крест, который хранится в церкви Димитрия Солунского внутри каменного городища. На том кресте вырезана следующая надпись: «Поставлен сей животворящий крест Господен на церковном месте священномученика Климента, папы Римского по обещанию Григория Федорова, сына Куснищева, лета 1728 июня, 24 день». Много таких крестов раньше стояло в Ладогe и, согласно преданию, все они отмечали места ранее бывших церквей».

Сейчас на Земляном городище нет ни часовенки, ни креста, упомянутых Е. Нелидовой в 1912 г. .

Между каменной крепостью и Земляным городищем имеется ныне проход к реке Волхову, где можно, подойдя к реке, договориться с частными владельцами лодок и переправиться на противоположный, правый берег Волхова.

Переправа через Волхов не опасна. Сейчас течение реки спокойное, не то что в старину, когда в русле было много порогов, и команды судов, плывших по реке, должны были обращаться к лоцманам, жившим в Старой Ладогe и хорошо знавшим порожистые места. Почти напротив крепости высятся две церкви: церковь свт. Василия Кесарийского и церковь Преображения Господня. Обе церкви каменные.

Одноименный с церковью свт. Василия Кесарийского, существовавший здесь Васильевский монастырь возник не позже первой половины XVI в. Его единственная каменная церковь в 1620 г. стояла «осыпавшеюся», а сам монастырь был крайне беден. До 1627 г. богослужения в нем освещались при горящих лучинах, и образы темнели от копоти.

Бедность обители привела к тому, что в 1666 г. каменный храм «развалился до основания». В 1686 году на его месте, на средства воеводы Т.И. Бестужева, построен был новый, – с трапезной палатой. С юга к зданию пристроен Благовещенский придел с открытой папертью.

Во времена безбожия в церкви был склад, затем – клуб. Теперь в ее приделе совершаются богослужения. Храм и придел недавно отреставрированы.

Стоящая рядом Преображенская церковь (построена в 1876 г.) требует капитального ремонта.

Оба храма и Васильевский монастырь числились пригородными по отношению к Старой Ладогe.

На Васильевском погосте сохранился памятник русскому живописцу Василию Максимовичу Максиму († 1911).

Макет Ладожской крепости. Слева – Земляное городище

Послесловие

Заканчивая краткий очерк о Старой Ладоге, о ее храмах и монастырях хочется, среди побывавших здесь знаменитых людей России в первую очередь назвать имя великого русского полководца А.В. Суворова. Суздальский полк, которым он командовал, квартировался с 1763 по 1768 гг. неподалеку, в Новой Ладоге. Известно, что, полководец тренировал своих «чудо-богатырей» «на взятие» стен старолadoжской крепости и окрестных монастырей. Своими неожиданными «военными операциями» он пугал монахов и монахинь и нарушал их покой.

В 90-е годы XIX века, при создании оперы-балета «Садко», в Ладогe часто бывал композитор Н.А. Римский-Корсаков.

Николай Андреевич не раз плавал по беспокойному Лadoжскому озеру, наблюдал его грозную стихию, вслушивался в шум волн и находил в нем нужные звуки и мелодии.

Во второй половине XIX века в усадьбе помещика А.Г. Томилова, большого поклонника искусства, находили пристанище многие известные русские художники: Айвазовский, Чернышев, Заболоцкий и др.

Старая Ладога не была захвачена врагами в Великую Отечественную войну. Здесь располагались штабы крупных военных соединений, хранились запасы

продовольствия. Отсюда шло снабжение Ленинграда.

Селение бомбили и обстреливали из артиллерийских орудий. Пострадали многие здания в том числе и монастырские постройки. Защищая родную землю, в войну здесь смотрели в небо стволы зенитных орудий... По воспоминаниям старожилов, на территории Успенского монастыря после войны еще долго зияли воронки от авиабомб.

Прошлые беды теперь позади. Хочется надеяться, что Старая Ладога восстановит свой статус города. Возродятся, отстроятся мужской и женский монастыри, храмы, и древний город снова станет духовным центром Приладожья.

Ибо как всегда, так и в нынешние времена находятся люди с доброй душой, поборники создания и укрепления храмов и святых обителей, бережливые хранители возрождаемой отеческой старины...

Добраться до Старой Лadoги от С.-Петербурга можно, доехав с Московского вокзала сначала на электричке до станции Волховстрой, а затем рейсовым автобусом № 23, регулярно (с интервалами около одного часа) курсирующим от станции до города Новая Ладога, через Старую Ладогу и обратно.

Можно с уверенностью сказать, что люди, любящие Россию и ее исторические места, полюбят Старую Ладогу, побывав в ней хоть однажды.

*Поклонный крест в Старой Ладогe.
Фото начала XX века*

*Васильевский погост (Чернавино). Храмы Преображения Господня и свт. Василия Великого.
Интерьер храма свт. Василия Кесарийского.
Фото начала XX века.*

*Храм
Преображения
Господня
в селе Чернавино.
Современный вид*

*Храм
свт. Василия
Кесарийского
бывшего
Васильевского
монастыря.
Современный вид.*

Чернавино – небольшая деревенька на правом берегу реки Волхов, прямо напротив Старой Ладogi; тем и привлекает она туристов, что открывает необычайной красоты пейзажи – в водной ряби отражаются древняя крепость, Успенская девичья обитель, комплекс Никольского монастыря, Предтеченский собор и просто деревянные дома и заборчики. Деревня раньше носила название село Васильевское, по расположенному здесь монастырю свт. Василия Великого, архиепископа Кесарии Капподокийской.

Первые храмовые постройки на Васильевском погосте были сооружены в первой половине XIV века при новгородском архиепископе Василии (скончался в 1352 году). Когда и кем точно было положено начало монашеской жизни в Чернавино неизвестно, первое документальное упоминание о монастыре свт. Василия мы встречаем в Царской жалованной грамоте 1555 года.

В 1611 году небольшой и небогатый Васильевский монастырь принял у себя малую часть братии Валаамского монастыря, подвергшегося разорению от шведов. Однако и сам в этом же году подвергся разрушению. Когда шведская оккупация закончилась, и Ладога восстановилась в границах русских земель, Валаам оставался под властью неприятеля. Валаамские иноки вернулись в Чернавино, в 1620 году получили земли монастыря в пользование и организовали монашеское общежитие с Валаамским уставом. В непрестанных трудах, аскезе и молитвах братия возрождала духовную жизнь на древнем погосте. Ими был восстановлен деревянный храм свт. Василия Великого. О скудости средств говорит запись, сделанная в 1627 году: «... де в церкви Божией, служаща с лучиною, образа закомптели». С возрождением Валаамского монастыря Чернавинский погост становится скитом островной обители.

В 1684 году монастырь обновляется построением сразу двух храмов. В камне отстраивается Васильевский храм с приделом Благовещения Богородицы. Одновременно возводится деревянный храм Преображения Господня. Деревянная Преображенская церковь просуществовала до 1857 года, когда радением игумена Дамаскина, была перевезена на Валаам, а взамен на погосте был построен каменный храм, существующий поныне.

В 1862 году во время свирепствующей моровой язвы братия Васильевского монастыря обошла окрестные деревни крестным ходом, и так прекратилось распространение заразы. В память об этом восьмого июля ежегодно совершался крестный ход с окроплением водой и молебным пением в соседние деревни.

До революции в монастыре хранились следующие святыни: серебряный крест с частицами мощей, подаренный помещицей Долгосабуровой, крест с частицей мощей прп. Антония Римлянина и частью от гроба прп. Александра Свирского, чтимый образ свт. Василия Великого.

Насельники Васильевского монастыря занимались рыболовством, возделыванием земли, обители принадлежало девять деревень.

При церквях находилось кладбище. На нем, среди прочих, похоронены представители рода Бестужевых и выдающийся художник-передвижник, академик живописи, воспитанник Староладожского Никольского монастыря Василий Максимович Максимов.

Послушник Роман Левшин. «Святыни Волховской земли»

Литература:

1. Историко-статистическое описание третьеклассного Староладожского Успенского женского монастыря. СПб, типография дома призрения малолетних бедных, 1864.
2. Историко-статистическое описание заштатного Староладожского Никольского мужского монастыря. Составил игумен Иоанн. СПб., 1865.
3. Никольский Староладожский мужской монастырь. – «Русский Паломник», 1894, № 20, С. 311–313.
4. Староладожский Успенский женский монастырь. Сост. Н.Ф. Корольков. СПб, типография Акинфиева М. и Леонтьева, 1902.
5. Романенко Н.Ф. Памятка по случаю возобновленной древней церкви св. Дмитрия Солунского в Старой Ладоге 15 июня 1901 г., СПб, 1905.
6. Романенко Н.Ф. Древности Старой Ладоги в памятниках зодчества. Выпуск I. Церковь св. Дмитрия Солунского. СПб, 1905.
7. Романенко Н.Ф. Древности Старой Ладоги в памятниках зодчества. Выпуск II. Церковь св. Георгия Победоносца. СПб, 1905.

8. Слезский А.Г. В низовьях Волхова. – «Исторический вестник», 1908, тт. 112–113.
9. Православные русские обители (полное иллюстрированное описание православных монастырей в Российской Империи и на Афоне). СПб, книжное издательство П.П. Сойкина, 1910 г. (Репринт: СПб, «Воскресение», 1994).
10. Нелидова Е. Русь в ее столицах. Том I. Старая Ладога. СПб, 1912.
11. Орлов С.Н. Старая Ладога. Исторический очерк. Л., «Лениздат», 1960.
12. Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога – древняя столица Руси. СПб, АО «Славия», 1996.
13. Мальцев Н.В., протоиерей Александр Прокофьев, Булкин В.В. Введение во храм. СПб, АО «Славия», 1997.
14. Земля Невская Православная: краткий церковно-исторический справочник. СПб, «Лики России», 2006.
15. Сяков Ю.А. Тайны Старой Ладоги (факты, гипотезы, размышления). Кириши, 2000.

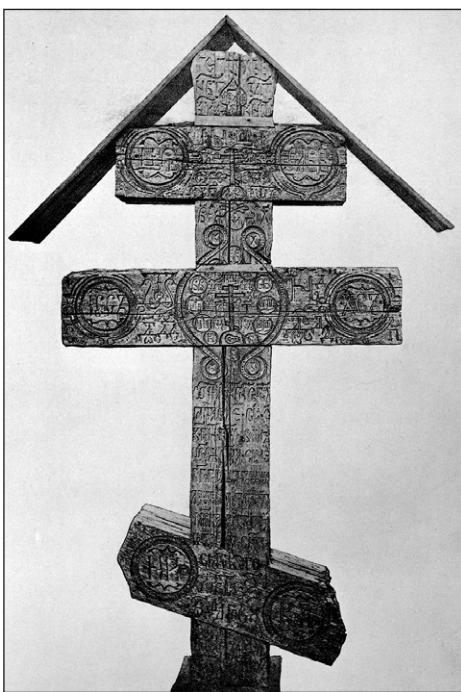
Древние упраздненные монастыри Старой Ладоги

Как уже упоминалось, в разное время в Ладоге действовало шесть монастырей. Три из них в виду различных обстоятельств были закрыты еще в старинные времена.

Монастырь, который, вероятно, следует упомянуть первым – Георгиевский – располагался непосредственно внутри крепостных стен и назывался поэтому «Застенным». Основание Георгиевского храма, вокруг которого и образовался монастырь, историки относят приблизительно к 1164 году, об этом рассказывалось выше. Собственно монастырь организовался позже, летопись рассказывает как в 1445 году Новгородский архиепископ Евфимий «заложил монастырь святого Георгия в Городке, и стену каменную понови, и церковь св. Георгия понови, и подпisa идеже отпало, и покры ю чешуею, и бысть христианам прибежище».

Согласно описи Водской пятины Новгорода 1500 года монастырь владел определенными земельными наделами. К концу же XVI века хозяйство монастыря пришло в упадок, в 1572 году грамотой архиепископа Леонида он был освобожден от уплаты податей, а в мае 1592 года грамотой митрополита Варлаама монастырь получил определенные пошлыны.

Бурные события начала XVII века, о них рассказывалось в предыдущих статьях, не миновали и Староладожскую крепость и Георгиевский монастырь, которому был нанесен огромный урон, так в описи 1622 года отмечено: «Да в Ладоге город, в каменном городе твое,

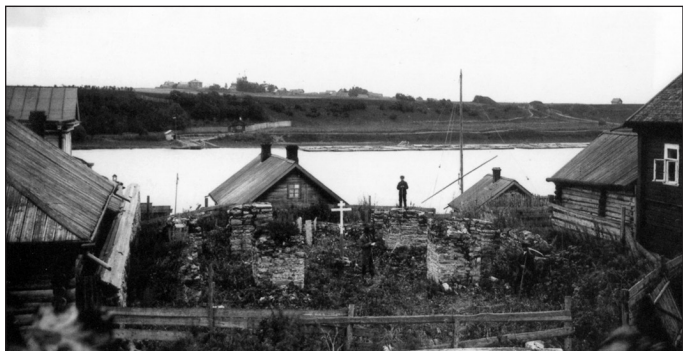
*Поклонный крест,
стоявший на месте
упраздненного
Воскресенского монастыря.
Фото начала XX века*

Государь, богомолы: каменный храм во имя великомученика Георгия и у того... храма немецкие люди главу разломали и кровлю сожгли, а глава... была обита железом белым. И ныне... в дождевое время тот храм каплет и кирпич сверху сыплется: без поделки... быть тому храму не можно... и немецкие люди голову у того храма поломали: искали подкладежев». Несмотря на такое разрушение, после поругания храм был освящен – 2 июня 1618 года.

В 1628 году в монастыре служил всего один священник, по писцовым книгам 1629 года: «в том монастыре игумена и братии нет, а у Егория великомученика служит поп мирской, да дьячок, да пономарь, да проскурня, и тем соборянам руга идет из Великого Новгорода из Дворцового приказа». Согласно грамоте 1631 года: «Бил челом из Ладоги Егорьевского монастыря черный поп Корнилий с братию и с причетники..., а приходу – де у той

церкви нет». Так и угасал монастырь, идя к своему закрытию. В 1764 году он был упразднен, а древний храм переведен в разряд приходских. Триста с небольшим лет просуществовал Георгиевский монастырь, церковь же на протяжении вот уже девяти столетий является архитектурной доминантой Ладоги.

Рядом с храмом св. Георгия Победоносца стоит церковь великомученика Дмитрия Солунского, впервые упомянутая в 1646 году, построена она была, вероятно, после боевых действий 1610 – 1617 годов. Она несколь-

Руины церкви и поклонный крест на месте упраздненного храма Спаса Всемилостивого в Старой Ладоге. Раскопки Н.Е. Бранденбурга. Фото 1884–1885 годов

ко раз перестраивалась – в 1731 году, 1901 году. Судьбы двух других монастырей – Христорождественского женского и мужского Симеоновского по сей день являют собой большую загадку.

Скудные сведения сохранились о Христорождественском Горицком женском монастыре; он, как предполагают, находился на возвышенности, в непосредственной близости от Никольского монастыря. Впервые о церкви Рождества Христова мы узнаем из писцовой книги Димитрия Китаева 1500 года, писцовая книга 1568 года дает нам определенные пояснения, в ней сказано, что храм был монастырским, а монастырь девичьим. О священнике Рождественской церкви говорится в

книге записей Софийской пошлыны 1576–1577 годов. Известно, что монастырь был полностью razoren в начале XVII века и в полной мере возродиться не смог, по описи 1635 года в монастыре была одна деревянная церковь и пара келий, однако за неимением насельниц и они не были востребованы. В середине XVII века его территорию передали Успенскому женскому монастырю, который использовал землю под посадки.

Столь же малочисленны сведения и о Симеоновском монастыре, располагавшемся на территории, которую ныне занимает юго-восточная часть Успенской женской обители. Ученые предполагают, что Симеоновский каменный храм был воздвигнут в Ладоге еще в домонгольской период. Писцовая книга 1500 года рассказывает о владениях Симеоновского монастыря. Дозорная книга 1612 года представляет нам, что монастырь имел значительное хозяйство. Однако после шведского razoreния ни монастырь, ни храм св. Симеона Богоприимца не упоминаются. Следует предполагать, что обитель полностью была razoreна за годы владычества Делагарди, а после не была восстановлена. На месте древней Симеоновской церкви был поставлен памятный поклонный крест, из надписи на нем следует, что воздвигнут он был в январе 1711 года. Со временем территории бывшего Симеоновского монастыря отойдут Успенской девичьей обители, в XIX веке на этом месте была построена Крестовоздвиженская церковь.

Послушник Роман Левшин

СТАРОЛАДОЖСКИЕ ПЕЩЕРЫ И ТАЙНА ПОДЗЕМНОГО ХОДА

Военные укрепления Староладожской крепости. Фото 2006 года

Сегодня не каждому, приехавшему в Старую Ладогу, представится возможность побывать в недрах этого места – подземных пещерах. Пока они закрыты для массового посещения, отчасти из-за недостаточной изученности, отчасти из опасений нарушить экологическую систему. Пещеры являются местом обитания летучих мышей, а по сему имеют строго заповедный режим. Вход в самую известную пещеру расположен в склоне Малышевой горы, менее чем в ста метрах от храма Рождества Иоанна Предтечи. Пещера представляет собой сложный лабиринт из узких коридоров и больших сводчатых залов, общая длина исследованных ходов – 350 метров. Залы пещеры находятся на глубине до шести метров. Большинство ходов обвалились и, что находится за этими завалами неизвестно, некоторые залы и галереи затоплены подземным озером.

Предание, и здесь следует отметить, абсолютно неправдоподобное, связывает появление пещер с существованием легендарного подземного хода под Волховом. Однако никаких подтверждений этому до сих пор нет, а рассказы о потаенном ходе так и остаются легендами. Пещеры представляют собой старинные монастырские выработки, образовавшиеся при отработке пласта белых кварцевых песчаников в XIX веке. Об этом мы можем прочитать и в описании 1870 года, где указано, что настоятель Никольского мужского монастыря игумен Иоанн, изыскивал средства для ремонта Иоанно-Предтеченского собора в продаже белого песка, находящегося в пещерах на землях, при-

надлежащих собору. В береговых склонах р. Волхов существуют и другие пещеры, входы в которые закрыты оползнями.

Что же касается существования подземного хода обратимся к замечательному исследованию историка нач. XX в. Е. Нелидовой. В своем труде она рассказывает, как в 50-е годы XIX столетия была создана целая экспедиция по изучению Ладожской крепости. Между прочим, участниками экспедиции были известный писатель А. Башутский, церковный писатель и публицист иеромонах Антоний (Бочков), и ладожский старожил диакон Савва Беляев. Вот что сообщает госпожа Нелидова: «Участники экспедиции рассказывали, что они отперли маленькую ветхую дверь под юго-восточной угловой башней. Дверь вела к реке..., они отправились на осмотр открывшегося прохода. Скоро им пришлось с опасностью пробираться в полумраке между рыхлыми от сырости и нависшими каменными сводами подводной галереи. Стены галереи были покрыты густой массой бледно-зеленой плесени, в которую уходили руки, не встречая ничего твердого для опоры. Воздух становился удушливым, над головами стоял гул от перекачивающихся волн. Кругом раздавалось шлепанье отвратительных гадин. Все это угнетало мозг до того, что терялось соображение... Наконец, от спертости атмосферы погас огонь в фанаре, и спички не загорались... Чуть не ползком выбрались исследователи из переходов подземелья, в котором пробыли около часа».

Может, этот ход со временем обвалился, может быть – и вовсе шел не под водой, а вдоль, по подземным конструкциям стен и башен – трудно сказать. Сегодня он так и не обнаружен, однако и столь авторитетным лицам не доверять нельзя.

Послушник Роман Левшин

НАШИ СВЯТЫНИ

И.А. Аганов

ПОЧИТАЕМЫЕ ПЕЩЕРЫ НА ТЕРРИТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ

Вход в Святую пещеру. Справа овраг, на переднем плане – вытекающая из пещеры подземная речка. Фото 2007 года

Никто точно не знает, когда появились первые почитаемые (так называемые культовые) пещеры в нашей области. Но очевидно, они существовали с момента появления людей в этих землях. Первые исторические упоминания о церковном почитании пещер Северо-Запада относятся к XVIII–XIX вв. Большинство почитаемых пещер природного происхождения (суффозионные). В основном они представляют собой гроты с вытекающими из них источниками. В некоторых случаях полости были расширены и обустроены человеком. Все рассматриваемые в статье пещерные объекты административно находятся на территории Ленинградской области.

Подобных суффозионных пещер и гротов с вытекающими из них источниками огромное количество в нашем регионе. Как правило, они привязаны к обнажениям девонского песчаника, расположенным вдоль рек. Но лишь немногие из них стали особо чтимы в народе, и связано это с наличием в этих пещерах источников, почитание которых очень распространено на Северо-Западе России.

Причинами почитания или церковного использования пещер обычно было чудесное явление Божией Матери или святых, а также исцеление людей на источнике, вытекающем из пещерки; обретение иконы в пещере; предание о святом отшельнике, жившем здесь.

На Руси всегда было особое почитание христианских пещерных обитателей и монахов-отшельников, уединившихся «в безмолвии» под землей. Для этих целей подвижником собственноручно копалась новая пещера или использовалась существующая, которая подвергалась изменениям и расширениям.

На данный момент доступно для посещения около шести подобных пещерных объектов, церковное почитание одного из которых – Саблинских пещер, – началось лишь несколько лет назад, с устройством там часовни Святителя Николая. Седьмой объект – пещера в Старой Ладоге, рассматривается в качестве исключения. Впрочем, не во всех из рассмотренных объектов сохранились сами пещеры. В памяти народа порой остались только названия и упоминания о существовавших здесь некогда пещерах.

В реальности же почитаемых (культовых) пещер было, естественно, больше. В данном обзоре перечисляются только доступные для посещения объекты. Подобные культовые пещеры есть также в соседних Псковской и Новгородской областях.

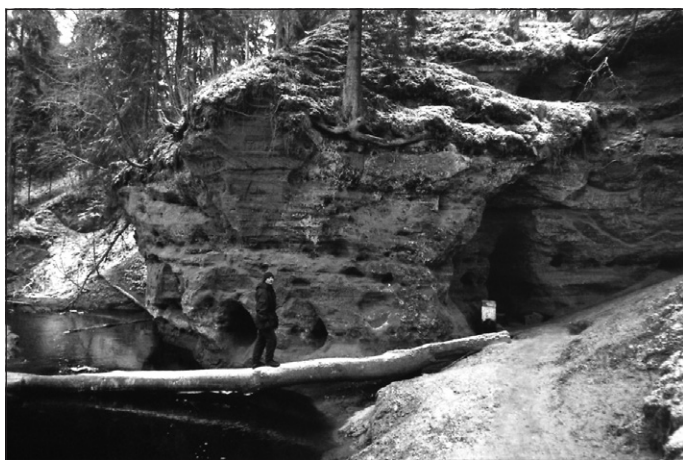
Святая пещера близ села Рождествено

В этом месте находится целый комплекс из природных пещер разной длины, самая крупная из которых называется Святой.

Эта самая большая почитаемая пещера на территории С.-Петербургской епархии и самая большая природная пещера в песчаниках нашего региона. Находится у с. Рождествено Гатчинского района на территории музея-усадьбы В.В. Набокова. Это место хорошо знакомо любителям истории и краеведения. Вход в пещеру образовался в обнажении красного девонского песчаника левого берега каньона р. Грязны, впадающей в р. Оредеж. Огромный грот высотой около шести метров является входом в пещеру. Из него вытекает подземная речка. Пещера представляет собой систему из нескольких залов, соединенных узкими

Большой провал над Святой пещерой. По преданию, именно в него провалилась церковь, существовавшая здесь в XVI веке. Фото 2007 года

Скала с пещерками при святом источнике. Слева – речка Грязна. Справа – грот со святым источником. 2007 год

Поклонный памятный крест, установленный над Святой пещерой. Фото 2007 года

галереями. Общая длина всех ходов пещеры вместе с залами – около 130 м. Однако, это не единственный выход подземных вод. Выше по течению есть еще несколько пещерок и гротов, из которых также вытекает вода.

Пещера суффозионного происхождения (а не карстового, как иногда ошибочно считается). Образовалась благодаря вымыванию песка водой по трещинам массива около 10 000 лет назад. По меркам геологии – совсем недавно. На месте пересечения галерей за счет постепенного осыпания сводов (гравитационного дрейфа) и размывания стенок галерей подземной речкой образовалось несколько залов. Они, видимо, появились значительно позднее – в пределах 500–1000 лет назад.

Пещера издавна почиталась местным населением. Не зря ее называли Святой. Вероятно, в разное время в зависимости от геологических и прочих условий объектами почитания были разные пещеры вдоль обнажений р. Грязны. Ведь разрушение песчаника идет достаточно интенсивно.

Вода из подземной речки традиционно считается местными жителями целебной. Из года в год, каждый день сюда приходят люди с канистрами и бутылками. Изначально воду брали прямо в гроте, расположенном при входе в Святую пещеру, но из-за его загрязнения теперь посещают

соседний источник, находящийся выше по течению ручья. На месте забора воды установлен небольшой столик, а над источником в скале вырублено несколько крестов современного происхождения. В этой же скале находятся около пяти небольших пещерок. Из нескольких струятся родники. Несколько пещерок были расширены в 1980–90-х гг. исследователями в попытке проникнуть в подземные полости, находящиеся в глубине массива.

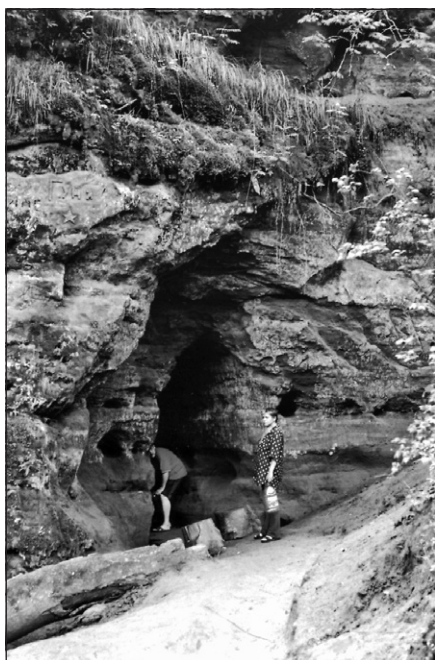
Впервые это урочище упоминается в Новгородских писцовых книгах под 1499 годом: «... был в Водской пятине погост Грязневский с церковью Великий Никола на реке Грязне, с деревнями приходскими, стоящими на реке Оредеже». Возможно, в это время пещера и источник уже были почитаемыми. Не исключено, что в пещере мог какое-то время подвизаться отшельник. Может быть, благодаря этому здесь и был заложен Никольский храм. По преданию, он стоял прямо над пещерой. (Во время боевых действий в период Русско-Шведских войн XVI–XVII вв. в пещере могли укрываться причт храма и местные жители; такое использование пещер и потайных схронов нередко встречаем в Прибалтике и на Северо-Западе в Средние века. – *Ред.*) Сейчас в этом месте установили поклонный крест и доску с памятной надписью: «Этот поклонный крест установлен в память стоявшего здесь в XVI–XVII веках храма Великого Николы, центра Новгородского Никольско-Грязневского погоста».

По преданиям, церковь эта провалилась под землю. Такие легенды очень распространены на Северо-Западе. И действительно, рядом есть несколько провалов. Но вполне прозаического происхождения: рухнули своды огромного подземного зала. Первые исследователи пещеры, ленинградские спелестологи в середине 1980-х гг. пытались раскопать один из провалов¹. Затем раскопки были продолжены внутри пещеры. Благодаря их усилиям были открыты новые залы в 1980–90-х гг.

Эти исследования продолжаются до сих пор: зимой 2007 года Александр Астащенко (Архимед) открыл еще один небольшой зал в дальней части системы. А петербургские

Подземный зал в Святой пещере. Фото 2007 года

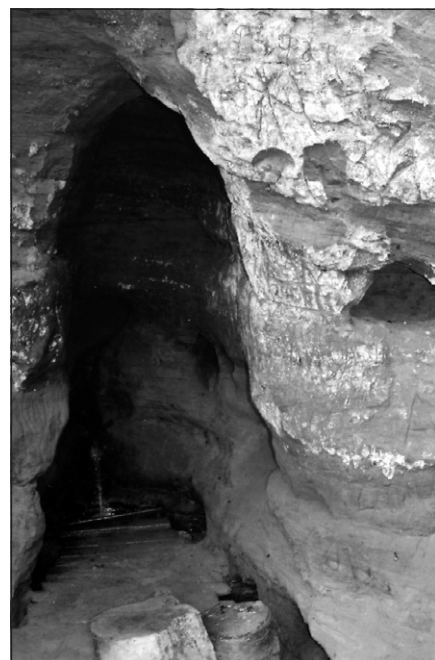

Каждый день
к святому источнику
приходят люди за водой.
Фото 2005 года

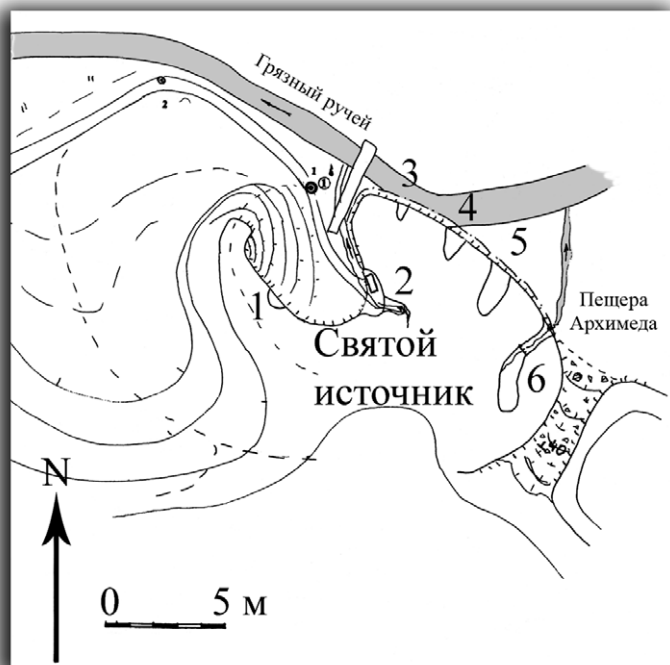

Вид из
Святой пещеры

Святой источник.
Верхняя часть грота была расширена
в 1990-х гг. Александром Астащенко
при поиске подземных пустот.
Фото 2005 года

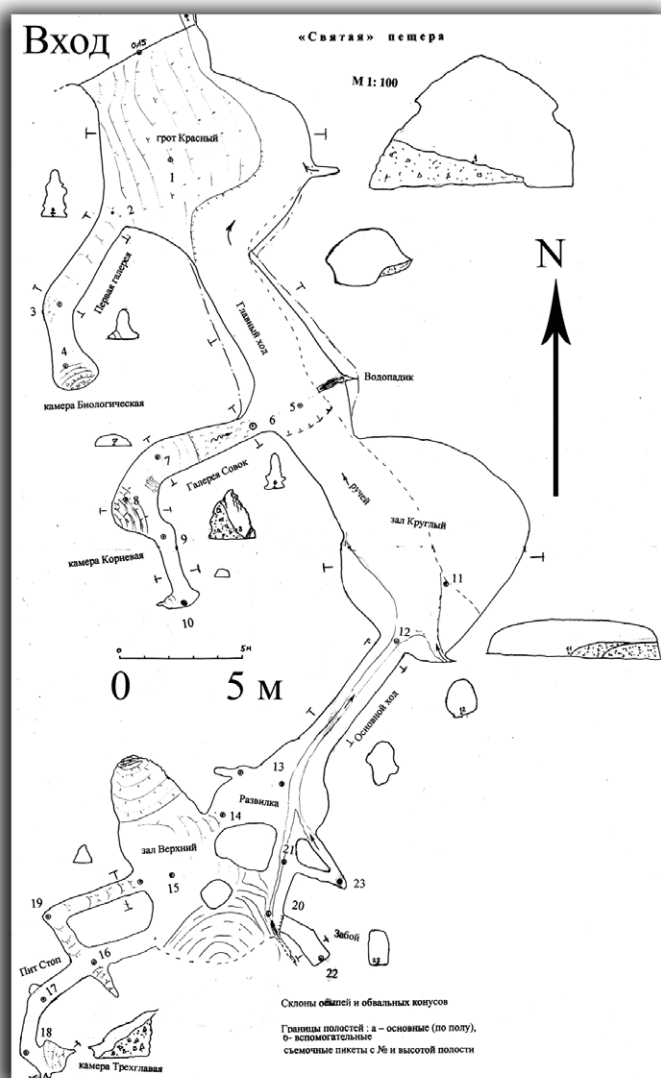

бургские спелеологи составили подробное описание и топосъемку пещеры и прилегающей местности в 2006 году. Пещеры включены в экскурсионный маршрут по парку. Экскурсии проводят сотрудники музея-усадьбы В.В. Набокова. Также пещеры посещаются самостоятельно.

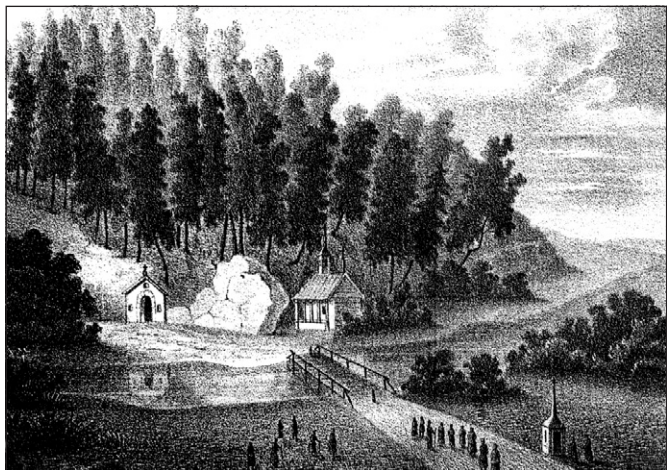

Святой источник. Фрагмент плана.
Топосъемка: Ю.С. Ляхницкий, И.Ю. Хлебалин, А.А. Юшко.
С.-Петербург. 2006 г.

Обозначения к плану (– И. А.):
1 – пещера с заваленным продолжением; 2 – святой источник в небольшом гроте; 3, 4, 5 – небольшие пещерки в скале над речкой; 6 – пещерка с вытекающим источником (существенно расширена Александром Астащенко при попытке проникнуть вглубь горы в 1990-х годах)

Святая пещера. Топосъемка: Ю.С. Ляхницкий, И.Ю. Хлебалин, А.А.Юшко. С.-Петербург. 2006 г.
На плане также показаны сечения галерей и залов

*Вид Доложской пещеры в середине XIX в.
Иллюстрация 1863 года*

Доложская пещера

Это наиболее примечательная церковно почитаемая (культовая) пещера из всех, перечисленных в этой статье. Она находится на юго-западе области в Сланцевском районе в 1 км к юго-западу от дер. Лужки (недалеко от с. Заручье – бывшего погоста Доложск)². Южнее дер. Лужки на дороге, идущей от Старополя к Заручью, есть съезд в западном направлении, ведущий к старому карьере. От него идет тропинка к реке Долгая. Перейдя по деревянному мосту на левый берег, можно выйти к пещере.

Общая длина ходов пещеры составляет около 21 метра. Это вторая по величине почитаемая (культовая) пещера региона.

Согласно преданиям, в пещерке (Печере) на реке Долгая еще во времена Великого Новгорода подвизался некий отшельник. По воспоминаниям старожилов этих мест, неизвестный пустынножитель подвизался здесь позже – в XVIII веке. К сожалению, в народе не сохранилось его имя. Но, как предполагает составитель истории уезда крестьянин Ефим Андреев, отшельник мог быть монахом одной из Новгородских обителей³. Впоследствии, в середине XVIII века, здесь была построена «Печерская часовня» к которой с 1761 года был учрежден крестный ход (с местнотимой иконой Успения Пресвятой Богородицы, – по преданию у Печеры на р. Долгой произошло явление Божией Матери,

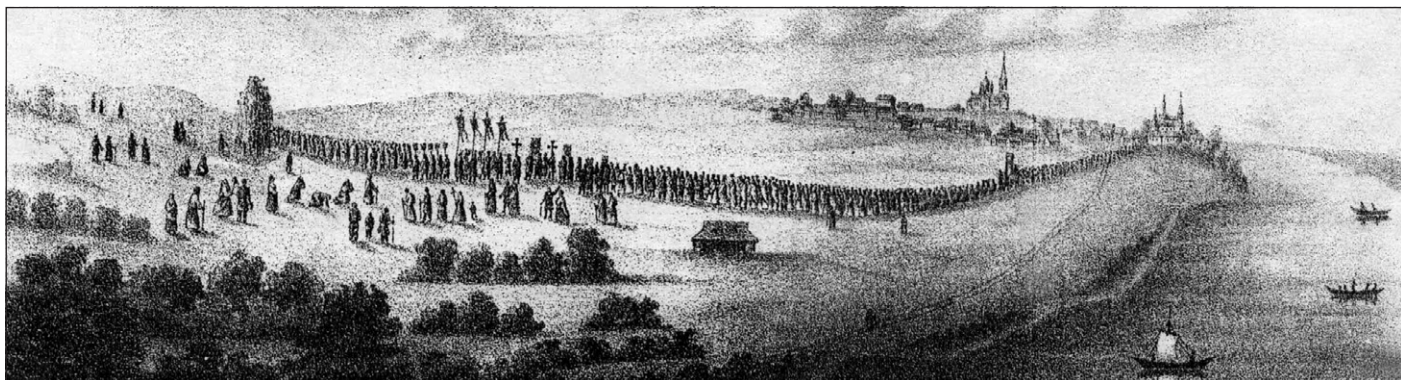
*Вход в Доложскую пещеру. Своды разрушены
при оползне весной 2008 года. Фото 2005 года*

в память которого и почиталась эта икона и пещера. – Ред.)

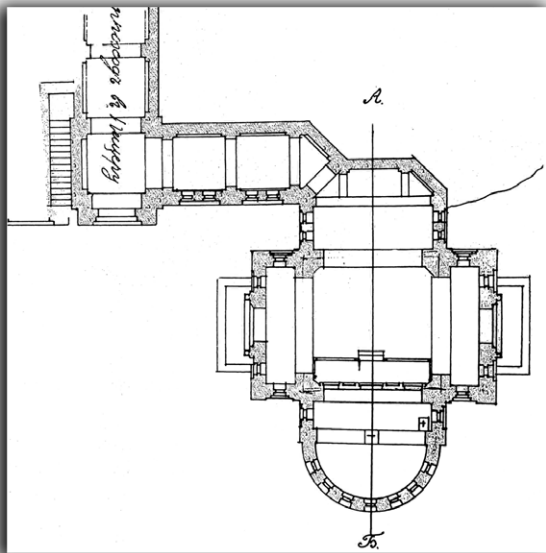
«Замечателен в печерской часовне древний образ Христа Спасителя, сидящего между символическими изображениями Евангелистов. Предание утвердительно относит его к временам древней церкви, разоренной в XVII веке литовцами; образа св. апостолов и мучеников относят к тому же времени»⁴. Судя по всему разоренный храм относился к Доложскому погосту или монастырю на р. Долгая.

Вот так выглядела пещера и прилегающая к ней местность в середине XIX века: «Ряд холмов на левом берегу реки Долгой, в полутора-верстах от ее истока из озера, оканчивается скалою, затененною всякого рода лиственным, хвойным лесом и кустарником. У подошвы скалы, омываемой рекою, расстилается широкая долина в виде площади. Внутри скалы существует древняя самородная пещера. В пещере в двух саженьях от входа в нее, с правой стороны существует ключ, исходящий из недр земных с чистою холодною водою; далее внутрь горы пещера простирается на тридцать шагов от входа в скалу и оканчивается шатрообразным сводом; внизу крестовидно на три отрасли пещера идет под гору, а под сводом ее стоит чистая вода»⁵.

В 1908 году при пещере был возведен храм Успения Пресвятой Богородицы, сооруженный в неорусском стиле по проекту петербургского епархиального архитектора Н.Н. Никонова. Храм был однопрестольным, выстроен-

Крестный ход в Доложске. Иллюстрация 1863 года

Проект пещерного храма (план) во имя Успения Божией Матери при Доложской пещере (арх. Н.Н. Никонов). Начало XX века. (В верхнем левом углу рисунка – вход в пещеру. – И. А.)

ным в связи с колокольной. Над храмом возвышался четверик, украшенный пятиглавием в стиле русских церквей XVII века. Шатровая колокольня примыкала ко входу в пещеру, высота ее с крестом была около 28 метров. Храм был приписан к приходскому храму в Доложке (Заручье). По проекту также предполагалась построить каменный мост через реку Долгую во всю ширину храма. Но замысел этот не был осуществлен⁶.

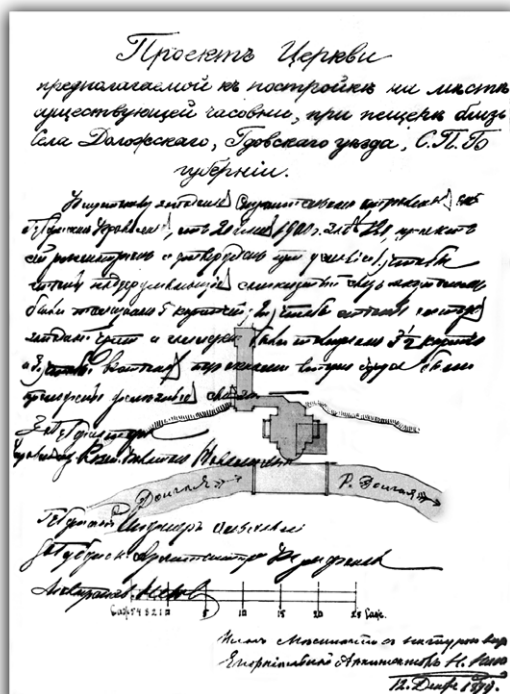
В 1920–30-х гг. при храме жили монахини Свято-Покровской Поречской женской общины, ухаживая за про-

Проект пещерного храма во имя Успения Божией Матери при Доложской пещере (арх. Н.Н. Никонов). Начало XX века

живавшими здесь в богадельне при храме старушками. В ранг монастыря община была возведена лишь в 1919 году. Монастырь этот находился в 15 верстах от пещеры, в с. Поречье (Козья Гора). Таким образом, Доложский пещерный храм стал скитом от монастыря.

Из храма был крытый проход в пещеру с источником. При пещере также, судя по всему, была крипта. По рассказам местных жителей, проход по подземелью был круговой, очевидно для удобства движения паломников. В 1930-х гг. храм был закрыт,

Эскизы пещерного храма во имя Успения Пресвятой Богородицы (план и разрез по линии запад-восток) архитектора Н.Н. Никонова, составленные в 1899 г. Публикуются впервые

Храм Успения Пресвятой Богородицы на Доложских пещерах после закрытия. Фото 1950-х годов

а к 1955 г. – разобран или взорван.

В конце XX – нач. XXI вв. началось возрождение забытой святыни. С 2003 года ученики Сланцевской спецшколы под руководством зам. директора школы Александра Сергеевича Михайлова и преподавателя Андрея Юрьевича Дорошенко начали расчистку на месте разрушенного храма. Были вырублены выросшие на руинах деревья, расчищен фундамент храма и вход в саму пещеру. Сооружен деревянный мост через реку. Для удобства спуска за водой в пещеру были сооружены ступени. У фундамента храма установлен поклонный деревянный крест. Восстановление продолжается и поныне. Осуществляют надзор за проведением работ и оказывают помощь школьникам строители-реставраторы группы Владимира Дмитриевича Капиноса (С.-Петербург).

Сбором архивных материалов по истории «пещерного» храма занимались: петербургский архивист Наталья Николаевна Наумова и сланцевский краевед Владимир Иванович Будько. Некоторые результаты их работ опубликованы в книге В.И. Будько, посвященной истории края⁷.

Одними из первых спелестологов⁸, посетивших Доложскую пещеру летом 2004 г. были Павел Мирошни-

ченко и Татьяна Хмельник. Ими было составлено краткое описание и фотосъемка пещеры. Летом 2005 года пещеру посетил автор статьи, который вместе с Сергеем Пинчуком и Игорем Хлебалиным провел собственные исследования этого уникального памятника. Была выполнена топоъемка и фотосъемка пещеры. Совместно с телевизионной группой канала РТР был снят сюжет для новостной программы «Вести-Санкт-Петербург». Вместе с нами был сланцевский краевед В.И. Будько, который и рассказал нам об истории Доложского пещерного храма.

Рассмотрим подробнее этот уникальный объект. По всей видимости, изначально в этом месте была небольшая суффозионная пещера в песчанике с вытекающим из нее источником. Доказательства подобного предположения найти не сложно, достаточно пройти вдоль обнажений песчаников вдоль реки Долгая. Выше по течению есть еще несколько суффозионных (природных) пещер. Впоследствии при сооружении часовни и скита она была расширена человеком. Скорее всего, было оборудовано два входа в пещеру (по состоянию на лето 2005 года один вход был завален. – И. А.). Благодаря этому паломники могли идти по кругу, не мешая друг другу при выходе. Судя по всему, оба

Схема и разрезы Доложской пещеры.
Топоъемка: И.А. Агапов, И. Ю. Хлебалин (30.07.2005)
Компьютерная обработка: А.Н. Зеленин (27.04.2006)

А.Д. Лукашов, В.И. Будько

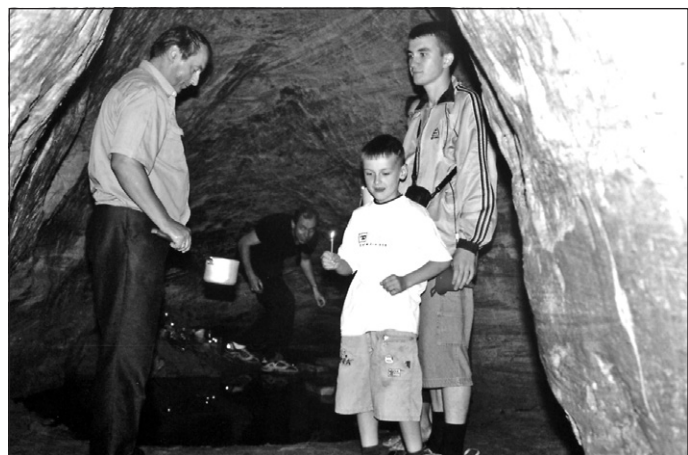
Молебен на месте разрушенной церкви Успения на Доложских пещерах. 2005 год

входа были связаны крытой галереей, которая соединялась с наземным храмом. Один из входов примыкал к западной части храма. Доступной для посещения сегодня является одна галерея длиной около 10 метров (по состоянию на 2005 год). В конце галереи находится небольшой импровизированный «алтарь» с иконками и свечами.

А из тупика через трещины вытекает вода, образуя небольшое подземное озерцо. Воду из источника местные жители и приезжие дачники считают целебной и увозят целыми канистрами. Источник течет в боковое ответвление, по которому можно пройти только ползком. Оно выводит в параллельную галерею, которая заканчивается заваленным выходом. Просачиваясь через песок, вода из пещеры уходит в реку. Весной уровень воды в пещере поднимается.

От основной галереи также расходятся несколько небольших тупичков, из которых тоже струится вода через трещины. Возможно, что некоторые из них могут иметь продолжение.

Почему же боковое ответвление такое низкое, и как по нему проходили паломники, неужели ползком? Конечно,

Сотни паломников приезжают в Доложскую пещеру, чтобы набрать воды из святого источника. 2005 год

*Галерея
треугольного
сечения
в Доложской
пещере
Фото
2005 года*

нет. Разгадка кроется в свойствах песчаника и особенностях разрушения подземелий. Песчаник постепенно осыпается под действием сил тяжести, и пещера как бы «всплывает» (так называемый гравитационный дрейф). На разных участках подземелий этот процесс идет с разной скоростью. Очевидно, пол основной галереи находился на 1-1,5 метра ниже современного уровня. Видимо, пещера немного «всплыла» вверх, а также порода с поверхности частично ее затянула снизу. Ведь через вход в пещеру весенние паводки засасывают тонны песка и земли со склона.

Если подводить итог, то все же современное состояние пещеры соответствует в общих чертах описаниям XIX века. При входе в подземелье заметны остатки небольшого сооружения из кирпича с арочными сводами, опирающимися на колонны. В западной стене галереи, при входе есть ниша, которая могла использоваться для размещения икон. Возможно, в этом месте могла быть крипта. К сожалению, весной 2008 года оползень уничтожил арочные своды при входе в пещеру.

На узкой полоске склона между входом в пещеру и берегом реки в 1899–1908 гг. был сооружен храм. Сейчас от него сохранился только фундамент. Все кирпичи име-

Жернова пещерской мельницы на реке Долгой. Фото 2005 года

ют маркировку «ДПУЦ». По версии реставратора В.Д. Капиноса, буквы расшифровываются как «Доложская пещерная Успенская церковь». По его предположениям, кирпич этот – местного производства и был специально изготовлен для этой церкви. Производился он с помощью ручной штамповки (с применением деревянных форм). Кирпич хорошего качества: крепкий, морозостойкий, т.е. выдерживает много циклов замораживания-оттаивания и поэтому долго не рассыпается.

Вдоль берега реки в начале XX века была сооружена небольшая гранитная набережная, защищавшая фундамент храма от размыва воды (сохранилась поныне). Таким же тесаным гранитом был облицован цокольный этаж храма.

Напротив церкви на дне реки, на глубине около метра лежит камень со следом Богородицы (камень-следовик) который очень почитается окрестным населением. По поверьям, чтобы излечиться от болезни, нужно приложиться к следу больным местом. Множество людей, посещающих пещеру, следует этой традиции.

Подобный камень-следовик, связанный с пещерой также есть у почитаемого грота с источником в соседнем Гдовском районе Псковской области.

Развалины храма на Доложской пещере не единственные остатки некогда бывших здесь сооружений. Неподдалеку сохранились три жернова от мельницы, принадлежавшей скиту.

На Успение к пещере проводится большой крестный ход. За целебной водой постоянно приезжают сотни людей.

Святой камень с пещерой в приходе Ярославичи (Вепсский край)

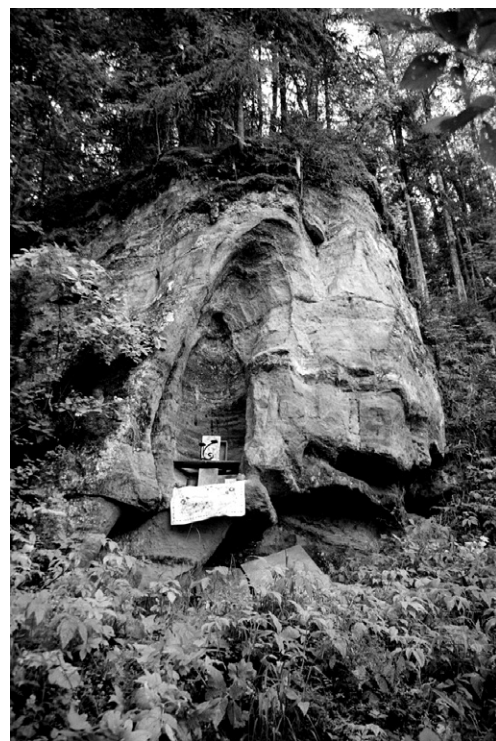
На востоке области в глухой тайге есть старинное святилище – **Peštor**⁹, издавна почитаемое местными жителями:

А.А. Перепелицын

*Ниша в
«Святом
камне»
(обнажении
песчаника)
недалеко
от дер. Чур-Ручей.
Фото 2006 года*

*Скала Peštor
близ деревни
Чур-Ручей.
Общий вид.
Фото
2004 года*

Н.Н. Воробьев

вепсами и русскими, и возникшее в результате слияния языческого и христианского культов. Также его называют «Святой камень», «пещёр». **Peštor** является так называемым «заветным» местом для жителей. Оно находится в Подпорожском районе в 1,5 км восточнее дер. Чур-Ручей. Представляет собой слегка антропоморфную нишу в обнажении девонского песчаника на левом берегу ручья Чур-Ручей:

«...огромный камень с выемкой внутри в виде стоящего человека, у которого четко видны: голова, ряса с крестом и ноги.» В связи с этим камнем существовала легенда, что в нем, как в пещере, «жил Микола-угодник». Жительница д. Чур-Ручей (1 км от д. Холодный Ручей) видела однажды, «как подходил к ее дому Микола» (Святитель Николай) в белой одежде (рясе), подпоясанный красным кушаком. На основе этих преданий жители пристроили к камню часовню, в которой каменная выемка со вставленной в нее иконой Свт. Николая стала служить «алтарем»¹⁰.

В праздник Успения местные жители приносили к святому камню жертвоприношения: полотенца, свечки, масло, шерсть, яйца. Часовня впоследствии была разрушена.

Высота ниши около двух метров, максимальная ширина около 0,6 метров глубина порядка – 0,2 метров (по замерам Андрея Перепелицына, посетившего его зимой 2006 г.). В нише (на момент 2006 г.): «...устроен скромный иконостас: на деревянной полочке, покрытой кружевным краем от подзора, три типографские иконы с ликами Богородицы, рядом подсвечник, кружка для монет и приношения – «заветы» – полотенца, конфеты»¹¹.

По левой стороне ниши сохранились остатки паза (возможно для крепления дверной коробки).

По преданию, рядом с нишей был вход в пещеру (видимо, природного – суффозионного происхождения). Сейчас

он завален. Первые упоминания (из рассказов местных жителей) об отшельнике, подвизавшемся у святого камня в нише, относятся к началу XX в. Фигура человека в глубине ниши уже слабо выражена (песчаник из-за влажного климата разрушается достаточно быстро).

Это место, начиная с 1980 гг., исследовалось специалистами: этнографами, фольклористами и краеведами. Но публикаций об этом месте пока немного. Зимой 2006 года пещеру посетил спелестолог Андрей Перепелицын (Калуга, группа «Лабиринт»). Он выполнил замеры ниши, проверил информацию о наличии других пещер в этом урочище. По результатам исследований им был составлен отчет. Автор статьи еще не был в этом урочище, но в ближайшее время планирует продолжить там свои исследования.

Судя по всему, святилище пережило несколько периодов забвения и возрождения.

Это место издавна было заселено людьми. Ближайший куст деревень под названием Ярославичи известен с XII века как погост Великого Новгорода. Христианизация вепсов началась, довольно рано – в X–XII вв. Но, разумеется, вепсы не забывали свои языческие корни, где почитание камней занимает важную часть. Возможно, при христианизации края святилище уже существовало. К сожалению, проверить это без археологических раскопок проблематично.

Сейчас происходит возрождение почитания места у «святого камня», рядом восстановлена деревянная часовня. Территория Чур-Ручья включена в природный парк «Вепский лес» и посещение святого камня входит в экскурсионный маршрут.

Грот в Клескушах, близ Луги

В 1,5 км к северо-востоку от дер. Клескуши Лужского района в обнажении девонского песчаника имеется культовый суффозионный грот с вытекающим из него источником, впадающим в р. Луга. О гроте я узнал от петербургских

спелестологов Татьяны Хмельник и Павла Мирошниченко, посетивших его весной 2006 года¹². Также это место исследовалось этнографами и фольклористами, проводившими опрос местных жителей, но материалы этих исследований пока не опубликованы. Грот издавна очень почитается местными жителями, берущими здесь воду. Украшен множеством икон. Автор статьи на момент подачи материала в печать еще не добрался до этого примечательного места.

Печерский источник близ Луги

В двух километрах северней дер. Турово Лужского района есть урочище называемое Малая Печерка:

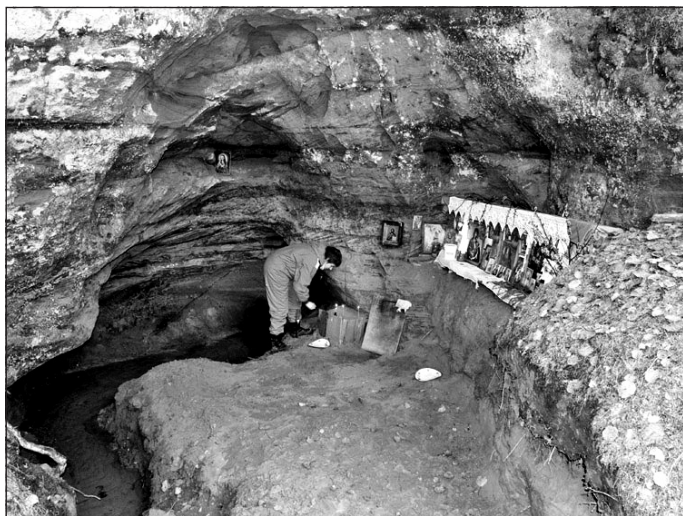
«На месте явления Пресвятой Богородицы, в глубоком лесном овраге, в пещере, местными крестьянами была обретена икона Божией Матери, получившая название «Печерской» и открылся св. источник с кристально чистой целебной водой. Вскоре над ним была устроена деревянная часовня Печерской Божией Матери, где и была помещена икона, а сама местность получила название Печер или Малой Печерки»¹³.

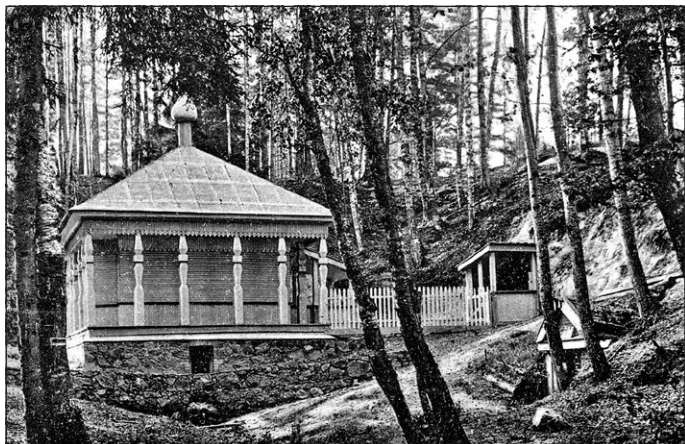
Урочище находится на территории бывшего пионерского лагеря. Источник вытекает из земли на склоне в верховьях оврага. Сам овраг небольшой длины – несколько сотен метров. По его дну течет небольшой ручеек, впадающий в более крупный ручей, текущий в реку Луга.

Рядом с урочищем еще с XVI–XVII вв. существовал погост. Почитание источника продолжалось вплоть до 1930-х гг. В конце 1930 – нач. 1940-х гг. часовня была разрушена.

Восстановление началось с середины 1990-х гг. Была поставлена металлическая часовня на месте выхода родника. В последнее время построена купальня. Сейчас источник очень почитаем среди народа. Регулярно (ежегодно, в 9-ю пятницу по Пасхе. – *Ред.*) из Луги сюда совершаются крестные ходы.

К сожалению, пещера не сохранилась. Вероятно, она обвалилась, или была накрыта оползнем в кон. XIX – нач.

«Печерский источник» на открытке начала XX века и в начале XXI века (апрель 2008 года)

XX вв., так как нынешние старожилы села Турово уже не помнят о наличии пещеры. Скорей всего это был суффозионный грот, наподобие других вышеупомянутых. Порода в этом месте представляет собой слабосцементированный песчаник. Он достаточно рыхлый и легко размывается водой, не позволяя долго сохраняться подземным пустотам. Поэтому неудивительно, что подземная полость не просуществовала долго.

Подробная история урочища Малая Печерка изложена в Санкт-Петербургских Епархиальных ведомостях, выпуск 28-29 (2003 год; см. ссылку к этому разделу). Статья опубликована в интернете на сайте: <http://www.mitropolia-spb.ru>

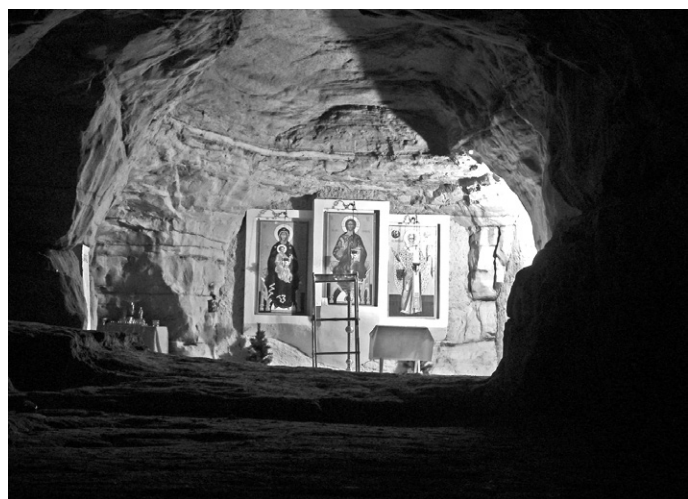
Подземная часовня в Саблино

Здесь, в пос. Ульяновка (ж/д ст. Саблино) Тосненского района находятся самые известные в нашей области пещеры (образовавшиеся в результате подземной выработки), которые образовались за счет добычания пласта белого кварцевого песчаника для стекольной промышленности. Песчаник добывался с конца XVIII по начало XX вв. Входы в большинство пещер находятся в каньоне реки Тосна на

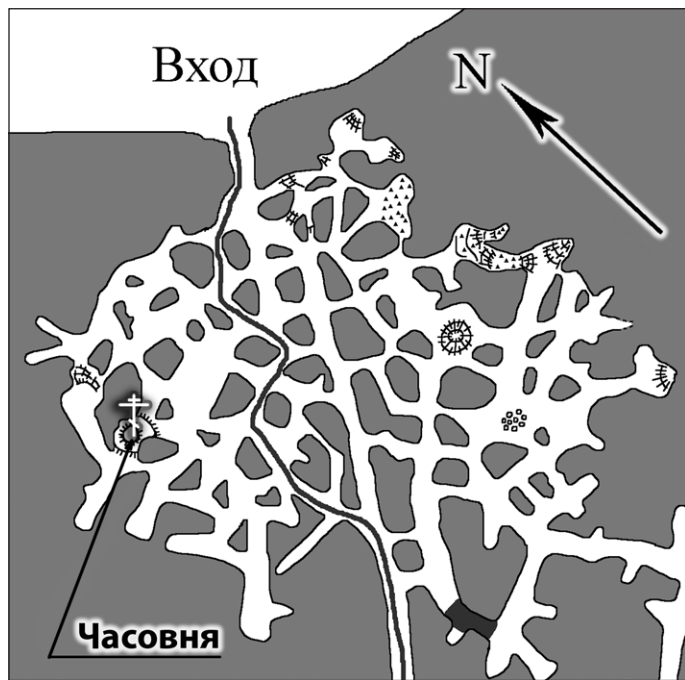
обоих берегах в северо-восточной оконечности поселка. Самая большая пещера – «Береговая» имеет общую длину всех ходов около шести километров.

В октябре 2005 г. в привходовой части Береговой пещеры¹⁴, находящейся на левом берегу реки, была освящена часовня Свт. Николая Чудотворца, покровителя путешественников. По мнению основателей – единственная (устроенная в пещерах, образовавшихся на месте промышленных выработок) в России¹⁵. Как гласит памятная доска, установленная при входе в храм: «Часовня Николая Чудотворца сооружена при содействии Александра, Сергея и Михаила Шидловских».

Для сооружения часовни была выбрана одна из полостей рядом с большим залом «Юбилейным». Во время сооружения часовни был расчищен обвалый конус песчаника в небольшом зале, и заложено несколько проходов между целиками (колоннами), чтобы оформить контуры

Подземная часовня Святителя Николая Чудотворца в Саблино. Фото 2006 года

Фрагмент плана подземной выработки «Береговая» в Саблино. Топоъемка по материалам Ю.С. Ляхницкого

часовни. На одну из таких стен, перегораживающей проход, установили киот с иконным триптихом (иконостас).

Часовня основана в память о погибших географах, геологах, полярников, альпинистах, спелеологах и спелестологах. Пещера является экскурсионной и каждый желающий может ее посетить.

Подземные храмы и часовни в каменоломнях и подземных выработках известны по всему миру, и являются хоть и редким, но далеко не уникальным явлением.

Староладожская пещера

*«Сверкающий лунный эльф,
сверкающее чудовище, будь под землей!»¹⁶*

На северной окраине пос. Старая Ладога Волховского района есть небольшая Староладожская пещера. Она находится в нижней части склона Малышевой горы, на расстоянии порядка 64 метров к юго-востоку от храма Иоанна Предтечи, выстроенного здесь в конце XVI века. Монастырь на Малышевой горе известен с XIII века.

По результатам последней – уточненной топоъемки 2006 года, выполненной петербургскими спелестологами, общая длина ходов пещеры составляет около 410 метров. По предыдущим замерам длину ее оценивали в 350 метров.

«Пещера представляет собой «колонник» – лабиринт вытянутый в меридианальном направлении на 66 метров и в широтном – на 36 метров. <...> В пещере имеется два ответвления на северо-запад и запад. Полости пещеры находятся на глубине от 4 до 6 метров. Часть полостей уничтожена провалами, которые прослеживаются на поверхности по крупным воронкам. Центральная часть пещеры затоплена до глубины в 0,5 метров, вдоль внешнего периметра пещеры, исключая юго-западный участок, имеется полоса влажного глинистого пола, удобного для прохода. По внешнему периметру пещеры расположены обвалы тупики, перекрывающие проход в дальние участки за завалами. Возможно, подземные полости продолжают далее к западу, в сторону храма Иоанна Предтечи»¹⁷. В глубине пещеры имеется источник, выте-

*Под храмом Иоанна Предтечи в береговом склоне
находится вход в Староладожскую пещеру.
Фото 2006 года*

кающий из трещины. За счет этого в пещере и появилось подземное озеро.

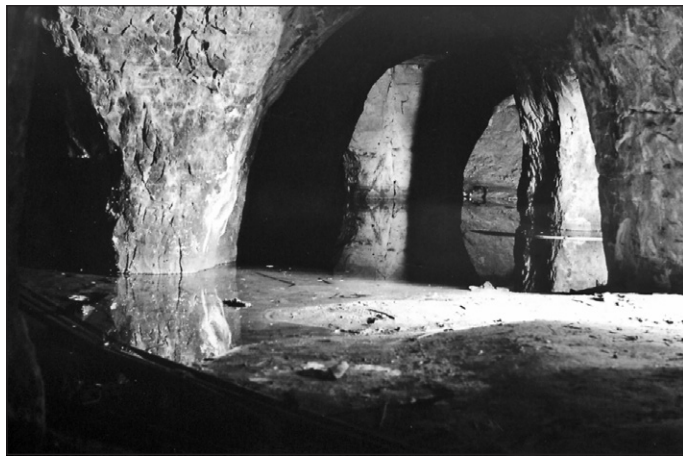
Меня довольно часто спрашивают, что это за пещеры в Старой Ладогe? Не мог ли там быть пещерный монастырь или подземный храм? Ничего удивительного в такой постановке вопроса нет. Старая Ладога – древняя столица Руси, – очень известное и давнее поселение. Здесь существовало большое количество монастырей и храмов. Однако до сих пор нет достоверных сведений о наличии культовых подземных сооружений на этой территории. Из сравнительно древних подземелий в основном известен подземный ход (тайник) в крепости. Однако отсутствие информации, конечно, не означает, что в Старой Ладогe не могло быть в древности пещерного монастыря или иных культовых подземных сооружений.

Петербургский исследователь пещерных монастырей Ю.Ю. Шевченко предположил, что Староладожская пещера могла быть создана «для канонических нужд»¹⁸. На такие мысли исследователя навели коробовые и стрельчатые своды полости, планировка полости и расположение подземелья на территории древнего монастыря.

Но так ли это на самом деле? Приглядимся к плану

*Подземное озеро в Староладожской пещере.
Фото 2004 года*

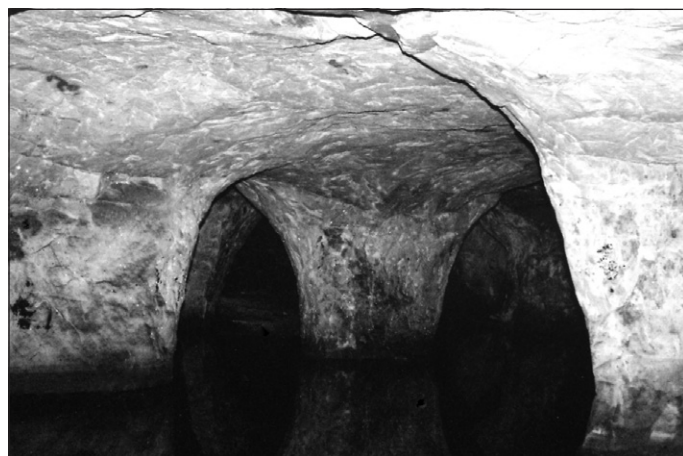
*Привходовая часть Староладожской пещеры.
По центру кадра виден свет, идущий от входа в пещеру*

пещеры. Откуда такое большое количество колонн и зачем они? Эти колонны (целики) поддерживают своды полости и не дают ему обвалиться. И такая планировка типична для выработки, производимой камерно столбовым методом. Иначе он еще называется «колонник». Староладожская как раз заложена в пласте белого кварцевого песчаника, столь необходимого для стекольной промышленности. Район Старой Ладogi является, пожалуй, вторым по объемам после Саблино старинным районом добычи песка в XIX – начале XX вв. и район добычи продолжался вниз по течению Волхова.

Если далее рассматривать версию пещерного монастыря, то не могла ли подземная выработка возникнуть на месте более древней полости? Увы, этот вопрос сложно прокомментировать без проведения дополнительных исследований и расчистки наносов и завалов.

На обоих берегах Волхова имеются подобные выработки, самая большая из которых «Таничкина», представляющая большой колонник, с общей длиной ходов около шести километров. Сходные колонники есть в Саблино. И каких только типов сводов не встречается в выработках: от классики до готики. Выбор стиля зависит от местных условий и свойств породы.

Вероятно в будущем Староладожская пещера станет экскурсионной или культовой, так как имелись идеи соорудить в старинной выработке пещерный храм или часовню. Попытки оборудовать пещеру уже предпринимались ранее. Однако пока что эти работы не доведены до конца.

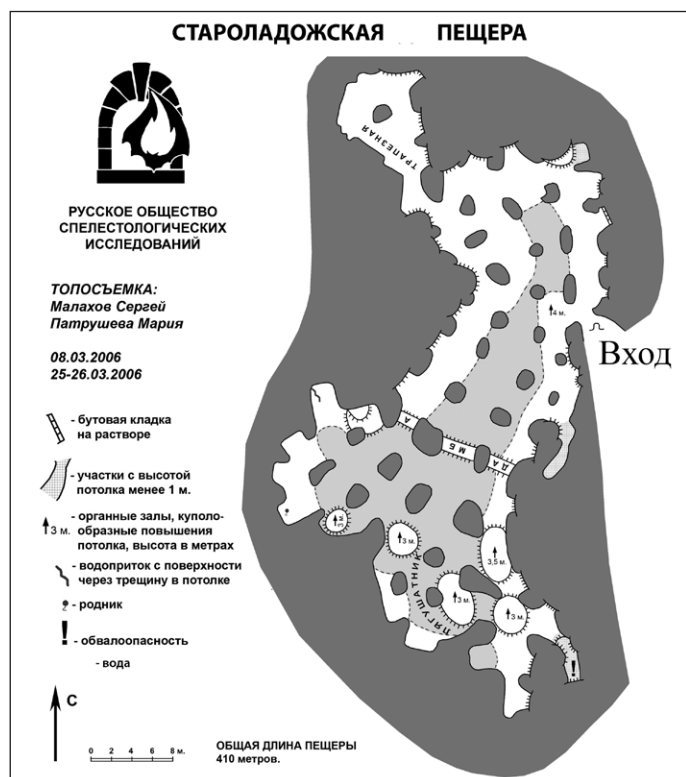
Своды Староладожской пещеры. Хорошо заметен белый кварцевый песчаник, который добывали для стекольной промышленности. Фото 2004 года

Заключение

Конечно, такие сравнительно небольшие объекты впечатляют не так сильно, как пещерные монастыри Украины и юго-запада России. Но есть в них какое-то очарование и свое особое назначение, связанное с природой окружающей местности. Ведь некоторые из них находятся в глухих, малопосещаемых уголках области. И пока доберешься до уединенного святилища, перед тобой предстанет вся красота лесов, рек, родников и полузабытых деревень.

Большая часть из доступных пещер (кроме Саблино) не оборудована для экскурсий. Поэтому при их посещении необходимо соблюдать осторожность, и конечно, не оставлять мусора, не беспокоить летучих мышей и не разрушать своды и стены пещер.

В конце статьи автор обращается к читателям. Возможно, вам известны почитаемые пещеры в нашем крае, не рассмотренные в этой работе, или рассказы о других подземельях. Вы можете написать об этом по адресу: agapov_ilya@mail.ru или связаться с автором через сайт: www.labyrinthmrg.narod.ru, где имеются дополнительные координаты для связи.

План Староладожской подземной выработки. Топо съемка С. Малахов, М. Патрушева. 2006 год

Примечания:

¹ Мирошниченко П.О. Легенда о ЛСП. Рассказы о подземельях и их исследователях. Гатчина.1992. С. 55-69.

² Есть и другая привязка пещеры: в 1,5 км южнее д. Борисова Гора.

³ Исторические записки и предания о погосте Доложском, Гдовского уезда крестьянина Ефима Андреева. СПб. 1863.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ ЦГИА СПб, Ф. 256, оп. 26, д. 215, л. 4-7 – Дело Петербургского губернского правления. Строительное отделение. По отношению С.-Петербургской Духовной консистории об утверждении проекта на постройку церкви в Доложском приходе Гдовского уезда.

⁷ Будько В.И. Север Гдовщины. Псков. 2005. (Материалы по пещере см. С. 322-335. – И. А.)

⁸ Спелестология – молодая наука, занимающаяся изучением искусственных подземелий.

⁹ Пещера, в переводе с вепсского языка.

¹⁰ Винокурова И.Ю. Вепские заветные праздники охраны скота. Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск. 1989. С. 122.

¹¹ Кусей Е.Е. В гости к оятским вепсам // Мордвинские краеведческие уездные чтения Первые (30-31 марта 2003 года) и Вторые (20 ноября 2005 года): тезисы докладов. Тихвин, 2006. С. 33-37.

¹² <http://www.regionavt.spb.ru>

¹³ Попов И.В. Икона Божией Матери «Печерская», Лужская // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. № 28-29. 2003.

¹⁴ В среде спелестологов бытует другое ее название – «Помойка». Название было дано из-за того, что раньше вход в пещеру был в провальной воронке, превращенной в свалку мусора и отходов. И все

желающие проникнуть в подземелье были вынуждены проползать через горы мусора. Впоследствии в пещеру был оборудован вход в бетонной коробке.

¹⁵ Саблино неизвестная страна. Уникальные памятники природы России. СПб. 2007. С. 158.

¹⁶ Скандинавская руническая надпись-заклинание на деревянной палочке, найденной в Старой Ладогге в жилище IX в.

¹⁷ Ляхницкий Ю.С. Пещеры и геология Старой Ладогги. Опубликовано на сайте: <http://www.oldladoga.ru>

¹⁸ Шевченко Ю.Ю. Феномен пещерничества и подземных святынь: Истоки. Появление и распространение в христианской традиции. Контекст появления и функционирования в православной Руси (историко-этнографическое исследование). Санкт-Петербург. 2004. Т. 2. (Книга в печати – И.А.)

Все фотографии (2004–2008 гг.) в публикации, кроме специально оговоренных, принадлежат автору – петербургскому спелестологу Илье Алексеевичу Агапову.

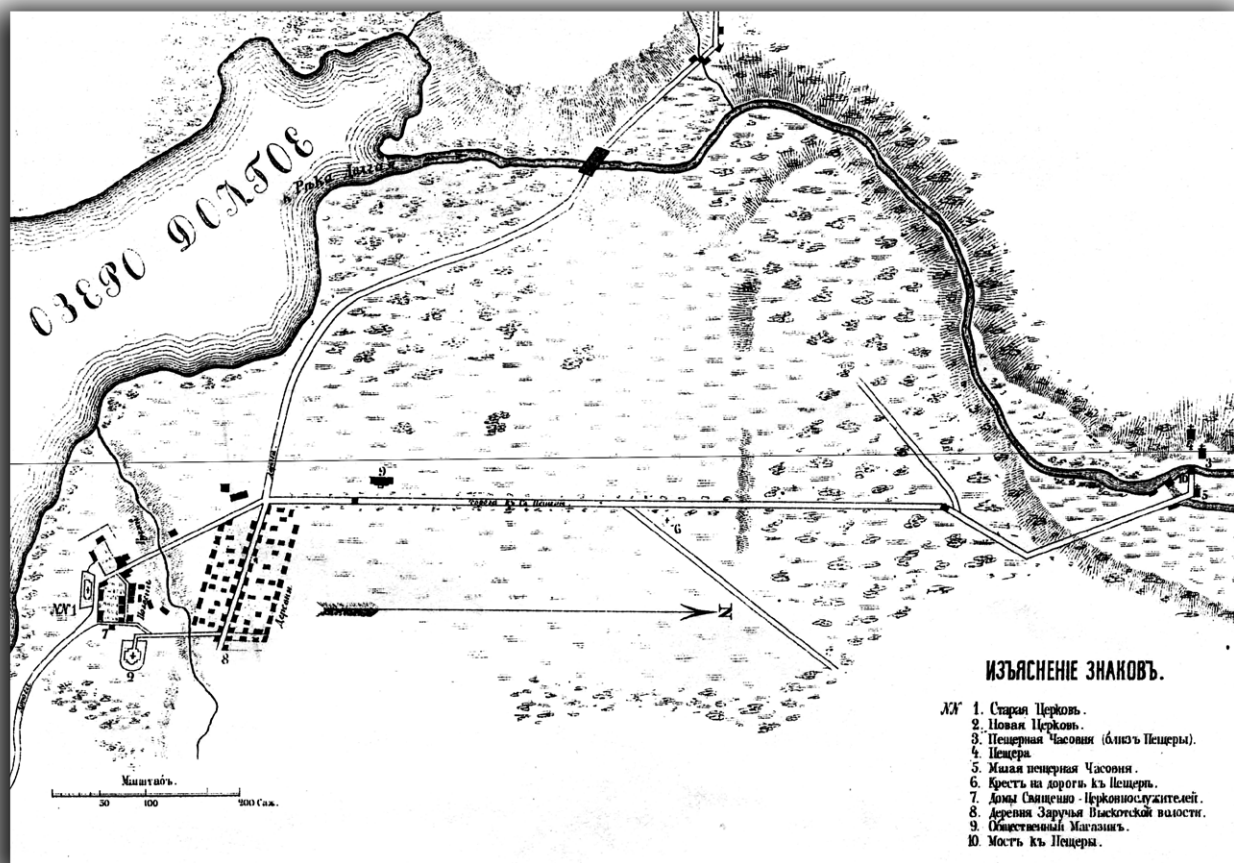
Автор статьи благодарит Ю.С. Ляхницкого за предоставление для публикации схемы Святой пещеры близ Рождествено и Саблинских пещер, Н.Н. Наумову, В.И. Будько и редакцию журнала «Санкт-Петербургские епархиальные ведомости» за использование для публикации архивных материалов по пещерному Успенскому храму в Доложске (Заручье), И.Ю. Хлебалина и А.Н. Зеленина за предоставление для публикации схем Доложской пещеры, С.Ю. Малахова – за использование в статье топосъемки Староладожской пещеры, Т.Ю. Хмельник и П.О. Мирошниченко за фотоматериалы грота в Клескушах близ Луги, А.А. Перепелицына и Н.Н. Воробьева за фотографии Святого Камня у деревни Чур-Ручей.

Общий вид на Доложскую пещеру с правого берега реки Долгой. На переднем плане – гранитная набережная с деревянной лестницей, ведущей к «камню Богородицы». На заднем плане – фундамент храма и вход в пещеру (под горой). Фото 2004 года с сайта www.regionavt.spb.ru

Фрагмент проекта пещерного храма во имя Успения Пресвятой Богородицы на Доложской пещере (составлен Епархиальным архитектором Н.Н. Никоновым 12 декабря 1899 года). На плане квадратом показана существовавшая в XIX веке часовня. К югу от храма показана пещерная галерея, (на схеме 2005 года в данной публикации, – см. стр. 120, она показана литерами С-С).

План местности села Доложского. Приблизительно снимал Сергей Лебедев. 1861 г. 20 июня. Обозначения на плане, имеющие отношения к пещере: 3 – Пещерная часовня (близ пещеры); 4 – пещера; 5 – Малая пещерная часовня; 6 – Крест на дороге к пещере; 10 – мост к пещере. Иллюстрация из книги: Исторические записки и предания о погосте Доложском, Гдовского уезда крестьянина Ефима Андреева. СПб. 1863.

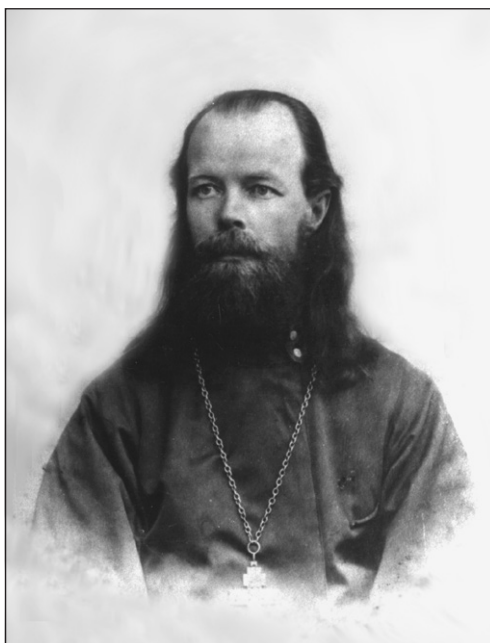
РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

КРЕСТ В ПОГОСТЬЕ. ПРОТОИЕРЕЙ ИОАНН ОРНАТСКИЙ

На запрос родственников ФСБ выдало официальную справку о том, что «протоиерей Иоанн Николаевич Орнатский умер 21 апреля 1937 года от сердечного приступа на станции Погостье Кировской железной дороги». Но в семейном архиве потомков о. Иоанна хранится телеграмма, которую в день кончины о. Иоанна на имя его матушки Анны Семеновны Орнатской послал кто-то из расположенных к нему людей «Ваш муж умер 20 апреля». (подпись неразборчива) На другой день 21 апреля старшая дочь о. Иоанна Мария отправилась в лагерь, располагавшийся на территории Ленинградской области, и узнала подробности мученической кончины своего отца. Он скончался от систематических и жестоких истязаний, которым подвергался со стороны уголовников с поущения официальных лагерных властей. Погребен он был там же, в Погостье. Так мученически закончилась праведная и многотрудная жизнь первого священника Леушинского подворья в С.-Петербурге – протоиерея Иоанна Орнатского.

9 июля 1893 года в Череповце в Благовещенской церкви совершал Литургию о. Иоанн Кронштадтский. Он сразу же заметил нового псаломщика – высокого, светловолосого, голубоглазого, с открытым лицом – это был 24-х летний выпускник Новгородской семинарии Иван Орнатский. Батюшка сразу прозрел в нем будущего ревностного пастыря для только что построенного в Петербурге Леушинского подворья. И его надежды оправдались. В одном из поздних адресов уже протоиерею о. Иоанну Орнатскому прихожане написали такие слова: «Ваше благолепное, располагающее к искренней молитве служение, заботы о Храме и духовно-нравственное просвещение своих пасомых, Ваша кротость, примерная христианская жизнь и твердость в водительстве паствою – снискали нашу искреннюю любовь...».

И еще одна мысль возникла у кронштадтского батюшки: отдать будущему священнику в матушки любимую племянницу Анюту, привезенную им из Суры и отданную на воспитание и обучение игумении Таисии в ее Леушинский монастырь. И вот уже в декабре 1893 года, обсуждая в письме к игумении вопрос о женихе для племянницы и отвергая некоего «студента Академии П-ва», человека «с заносчивыми светскими претензиями», о. Иоанн выражает намерение «избрать Анюте жениха из семинаристов, окончивших курс и с более скромными требованиями». Речь идет о молодом череповецком псаломщике. А весной 1894 г. о. Иоанн сообщает сестре Дарье Ильиничне в Суру, что ее дочь «готовится выходить замуж за будущего священника И.Н. Орнатского», – и добавляет: «Священни-

Протоиерей Иоанн Орнатский
Фото 1910-х годов

ком он будет в Петербурге».

В августе 1894 г. Иоанн Орнатский архиепископом Новгородским и Старорусским Феогностом был определен псаломщиком в Леушинское подворье. Знаменательно, что уже месяц спустя архиепископ Феогност рукоположил в храме Леушинского подворья молодого псаломщика в сан диакона, а на следующий день – 26 сентября – день памяти св. ап. Иоанна Богослова – в сан священника. О. Иоанн прослужил при храме Иоанна Богослова на Леушинском подворье 10 лет – и уже в первые годы служения был «за ревностную службу и благочестивую жизнь награжден набедренником.

Отец Иоанн Кронштадтский приобрел в молодом батюшке верного духовного сына, который сразу стал его усердным учеником, ревностным помощником, твердым последователем. Квартира Орнатских

на Леушинском подворье влекла его к себе к тому же все увеличивающимся числом внуков и внучек... В сентябре 1895 года отец Иоанн Кронштадтский подарил дорогой ему семье свой портрет, сделав на нем характерную надпись: «Своим по духу и по плоти о. иерею Иоанну Николаевичу и Анне Семеновне Орнатским на добрую память. Протоиерей Кронштадтского собора Иоанн Сергиев». А спустя несколько лет еще один портрет посвящается «Манюшкам крестникам и крестницам – Орнатским – в благословение. Протоиерей Иоанн Сергиев. 27 декабря 1901 г.» Летом 1904 г. служба в Леушине для о. Иоанна закончилась – 5 августа он был определен на старшую священническую вакансию при Иоанновском женском монастыре, что на Кар-

повке – в новое детище кронштадтского пастыря, где о.Иоанн служил вплоть до закрытия монастыря. Незадолго до этого он был назначен его настоятелем, пытался отстоять монастырь от разграбления и уничтожения. В 1930-е годы он предпринимает усилия и по спасению Леушинского подворья. В НКВД его обвинили в том, что он «высказывал контрреволюционные взгляды по поводу мероприятий Советского правительства в связи с закрытием в Ленинграде одной из церквей».

Отец Иоанн всегда оставался одним из самых духовно близких о. Иоанну Кронштадтскому сподвижников. Характерны слова о. Иоанна Кронштадтского из предисловия к книге своих проповедей за 1907 г. Он писал: «Издаваемые о. Иоанном Орнатским слова мои, говоренные без приготовления во время Литургии в созданной мною женской обители и в некоторых других церквях столицы, воспроизведены им совершенно согласно с тем, что я говорил, хотя в некоторых местах о. Иоанн искусно и метко дополнял своими словами некоторые места речи для большей полноты и связи текста, – за что остаюсь ему благодарен». Наконец, именно о. Иоанн Орнатский читал канон на исход души Батюшки и отходную – и он же закрыл усопшему глаза на смертном одре.

В октябре 1909 г. о. Иоанн принял живое участие в организации «Общества в память отца Иоанна Кронштадтского», во многом продолжившего благотворительную и пастырскую деятельность батюшки и сыгравшего огромную роль в деле будущего его прославления. О. Иоанн явился одним из инициаторов издания журнала «Кронштадтский пастырь» и с 1912 по последний 1917 г. был его ответственным редактором и автором многочисленных публикаций как подписанных, так и анонимных.

В советское время о.Иоанн приложил все свои силы, чтобы сохранить могилу Батюшки в Иоанновском монастыре.

Грянула революция, последовали гонения на Церковь, расстрел брата Философа Николаевича Орнатского с сы-

*Иоанн Орнатский.
Фото 1890-х годов*

новьями, начались частые допросы, вызовы в милицию, в новое Епархиальное управление с унижительными объяснениями и «докладными», доносы со стороны церковников-обновленцев, борьба с петроградским губисполкомом за неприкосновенность усыпальницы о. Иоанна Кронштадтского и постоянное ожидание ареста. В 1922 г. он оказался под судом по делу об изъятии церковных ценностей и по процессу митрополита Вениамина. И все это при том, что на его руках кроме 7 старших детей было еще семеро младших – от 13 до 5 лет. Несмотря на это о. Иоанн продолжал свою пастырскую деятельность в пос. Графская (ныне – Песочная) Парголово-ской вол. Пригородного района. Здесь у него был летний дом и церковь (прп. Серафима Саровского), построенная им же вместе с Ф.Н. Орнатским. В ней о.И-

оанн начал временно исполнять обязанности священника. 10 февраля 1924 г общее собрание членов общины церкви пригласило о.Иоанна занять штатное место взамен прежнего священника, ушедшего на покой.

Через 2,5 года – 16 (29) июня 1928 г. о.Иоанн резолюцией Владыки Митрополита получил новое назначение – вторым священником в Симеоновскую церковь на Моховой.

23 февраля 1936 г. о. Иоанн был арестован НКВД Ленинградской области по обвинению в том, что «не являясь участником контрреволюционной группы, был знаком с лицами, работавшими в ней, и в декабре 1935 года в связи с закрытием в Ленинграде одной из церквей, высказывал контрреволюционные взгляды по поводу мероприятий Советского правительства и Советской власти...», т.е. по статье 58-10 ч.1 УК РСФСР. Приговорен он был к 5 годам лишения свободы с дальнейшим поражением в правах на 3 года.

Через год о. Иоанн в лагере скончался, сподобившись принять мученический венец.

Тамара Ивановна Орнатская,
доктор филологических наук, внучкапротоиерея.Иоанна Орнатского, прихожанка Леушинского подворья

Погост на станции Погостье. Здесь, на бывшем лагерном кладбище погребен о. Иоанн Орнатский

Матушка Анна Семеновна Орнатская (урожд. Малкина-Сергиева)

5 июля (18 по н.ст.) в день памяти Преподобного Сергия Радонежского, всегда почитавшегося в роду Сергиевых особым небесным покровителем, в Суре в семье Дарьи Ильиничны Малкиной (Сергиевой), родилась дочь, названная по дню памяти свв. мцц. Анны и Кириллы, празднуемых в этот день, – Анной.

Ее ожидала судьба обычной северно-русской крестьянки: трудовое детство, работы по хозяйству, воспитание младших детей, уход за престарелыми родственниками. Когда Анюта подросла, старшие братья стали брать ее на Пинегу, где ей приходилось делить со взрослыми их нелегкий рыбацкий труд. Рыбы ловили много, от улова рыбаки сами едва помещались в баркасе. Зато рыба кормила многочисленную семью.

Судьба Анны резко изменилась в 1891 г., когда ей было почти 16 лет. В тот год летом в Суре проходили торжества освящения построенного о. Иоанном Кронштадтским нового каменного храма Св. Николая Чудотворца. О. Иоанн остановился в доме своей сестры (сохранился доныне). Его подросшая племянница Анюта сразу обратила на себя духовное внимание знаменитого дядюшки о. Иоанна своим «простодушием, смиренностью и послушанием». В воспоминаниях самовидцев этого праздника есть такое описание: «Всем нам было хлопот, как говорить, полон рот. Душой всех ручных работ батюшки, Дарьи Ильиничны... Характерный тип красавицы-северянки, рослая, здоровая, с льняными волосами и ясными, как у самого батюшки, глазами, она везде попевала: и в церкви помогала все приводить в порядок, и шить, что нужно для освящения, и в столовой убирала стены затейливыми украшениями, и еще лучше и проворнее нас, горожан, хотя раньше, жила безвыездно в Суре, ничего подобного не видывала. Всюду и всем она помогала и везде вносила какое-то оживление и радость и сразу сделалась нашей общей любимцей. Да и дорогой батюшка, с какой отеческой любовью следил за ее неутомимостью!»

Возвращаясь в Кронштадт, батюшка упросил родителей Анюты отпустить племянницу с ним, чтобы дать ей духовное воспитание и обучение. Не имея своих детей, о.Иоанн хотел, чтобы род его не терял духовного звания. В одном из писем к сестре он писал: «Благовари Бога, что хотя дочь твоя будет за духовным лицом, имея мать свою

духовного звания, ставшую крестьянкою по мужу...»

Первое время Анюта жила в Кронштадте и ее начальным воспитанием занялась Елизавета Константиновна, которая до этого воспитывала собственную племянницу Руфину, вышедшую в 1889 г. замуж и покинувшую дом о. Иоанна.

Вскоре о.Иоанн нашел для Анюты достойную духовную «руководительницу», по его собственному определению. Ею оказалась настоятельница Леушинского монастыря духовная дочь батюшки игуменья Таисия. Выпускница Павловского института благородных девиц игуменья Таисия открыла в Леушинском монастыре церковно-учительскую школу для девушек, куда и была принята Анна Малкина-Сергиева. Высокообразованная игуменья, исполняя послушание

батюшки, лично занялась Анютой и за короткое время развила в деревенской девушке все, заложенные в ней, природные способности. Впоследствии Батюшка часто брал Анну Семеновну с собой в знатные петербургские дома и даже (по ее воспоминаниям) ко Двору. Но это позднее.

А сначала Анюта жила в Леушинском монастыре, а в участившихся письмах к игуменье Таисии батюшка с этих пор всегда спрашивает об Анюте, интересуясь ее успехами и духовным преуспеванием, особенно тем, как она молится. «Да умудрит ее Господь, – пишет он, – и да уготовит сердце ее в жилище свое». И заключает: «Я надеюсь, что из нее выйдет хорошая личность». И уже к концу 1893 г. он обсуждает с игуменией предстоящее замужество Анны: «Я полагаю избрать Анюте жениха из семинаристов, окончивших курс, с более скромными требованиями». И подчеркивает: «Да устроит все Господь, если Ему угодно, чтобы племянница моя была подругою пастыря – служителя алтаря Господня».

Таким скромным семинаристом оказался 23-летний выпускник Новгородской семинарии, направленный псаломщиком в Благовещенскую церковь г.Череповца, – Иван Орнатский, которого с батюшкой познакомил старший брат, о.Философ Орнатский.

О.Иоанн увидел молодого псаломщика 9 июля 1893 г., когда служил Литургию в череповецкой Благовещенской церкви, и выбор его был сделан. В начале 1894 г. о.Иоанн пишет сестре в Сур: «Дочь твоя Анюта здравствует и гостит теперь с Игуменией Таисией в Петербурге. Вчера я молился с ней за

Всенощной... Анюта – невеста и готовится выходить замуж за будущего священника И.Н. Орнатского. Священником он будет в Петербурге...». Батюшка определил его в построенное в это время игуменией Таисией столичное Леушинское подворье.

А пока после недолгого пребывания в столице Анюта вместе с игуменией возвращается в Леушинский монастырь, а о. Иоанн почти следом пишет: «Матушка Таисия, свежи сама Анюту на дачу к Орнатским (часть большой семьи Орнатских жила и сейчас живет в Череповце. – Т.О.)... Я еду на родину после 17-го мая, возьму с собой и Анюту не столько для гостьбы там, сколько на благословение матери на вступление в брак: это дело великое! Привези ее в Вологду прямо на мой пароход...»

На обратном пути о.Иоанн возвращает Анюту игумении и вскоре пишет: «Как ведет себя и вообще как поживает моя Анюта? Каково дается ей просвещение? Здорова ли? Благочестива ли?» О.Иоанн считает, что полезные месяцы учения у игумении много могут дать его любимице. «Дай Бог, чтобы монастырское воспитание в религиозном духе послужило для ней прекрасным началом последующей жизни», – пишет он далее, и продолжает, – «...потому что жизнь в обители должна быть началом всякой добродетели, как для Пресвятой Девы Марии-Богородицы – воспитание в храме Иерусалимском...»

К осени Анюта возвратилась в Петербург и в конце сентября стала женой священника Леушинского подворья о.Иоанна Орнатского. Всей своей последующей жизнью, – а она прожила с мужем более 40 лет, – Анна Семеновна доказала, что не обманула надежд своего великого дяди. Она стала тем, чего он ожидал от нее – «подругой пастыря - служителя алтаря». Она вырастила и воспитала 14 детей. Крестным отцом всех родившихся до 1908 года был сам батюшка, о. Иоанн. Крестил их вместе с Философом Орнатским. С огромной нежностью по-сурски надписал он им свой портрет: «Манюшкам крестникам и крестницам – Орнат-

ским – благословение. Протоиерей Иоанн Сергиев. 27 декабря 1901 г.» Дом Орнатских – и в Леушинском подворье и потом на Карповке – был для О.Иоанна всегда родным. Парадную комнату в квартире на Карповке – с окнами на Песочную улицу в семье до 1970-х гг. называли «кабинетом батюшки». После революции в этой комнате остались жить дочери Елизавета и Агния с семьей, так как остальную часть квартиры власти национализировали и отобрали, а семье пришлось переехать на ст. Графская (ныне пос. Песочный) в дачный дом на Левашовской (ныне Ленинградской) улице, построенный о. Иоанном для племянницы с семьей в 1902 г.

Анна Семеновна терпеливо сносила все обрушившиеся на нее страшные беды: сначала погиб на фронте Первой Мировой старший из сыновей – Сергей, в 1919 г. был тяжело ранен сын Иван, в 1937 г. мученической смертью в ГУЛАГе умер муж о.Иоанн Орнатский, в 1944 пропал без вести на фронте младший сын Вячеслав, в 1937 были арестованы по той же статье, что и муж, – два сына – Андрей и Федор. Всю блокаду Анна Семеновна с младшей дочерью Антониной спасали маленького сына последней – Игоря, родившегося в 1941 г. А после войны она воспитывала осиротевших внуков – Кирилла, Тамару и того же Игоря, родители которого после войны кочевали с места на место (отец Игоря был военный). И всегда, при любых обстоятельствах, Анна Семеновна была добра и ласкова. В голодные послевоенные годы за большим обеденным столом собирались все, кто оказывался вблизи – от родных до пленных немцев, которых много было в Песочной. В доме постоянно появлялись или гостили ближние и дальние родственники: частым гостем был будущий капитан теплохода «Шенкурск» Н.Н. Карпов, приехавший из Архангельска учиться. Летом жилали внуки и правнуки о. Философа Орнатского. Не забывали Анну Семеновну и ученики и знакомые ее мужа. Приезжал и митрополит Вениамин (Федченков), работавший тогда над книгой об о. Иоанне Кронштадтском. Семейный архив, бережно хранимый бабушкой, к сожалению, был похищен каким-то втершимся в доверие проходивцем.

В Песочной Анну Семеновну знали и любили, звали «матушкой» и при встречах низко кланялись. На службу она ездила в никогда не закрывавшийся храм в Шувалове. Там она завещала себя похоронить. 11 мая 1951 года Анна Семеновна преставилась и ее отпевали и похоронили недалеко от Спасо-Парголовского храма.

Внуки

*Анна Семеновна Орнатская.
Фото 1890-х годов*

*Св. прав Иоанн Кронштадтский и свящ. Иоанн Орнатский с родственниками.
Фото 1890-х – 1900-х годов.*

ПРОТОИЕРЕИ АЛЕКСИЙ КОЛОКОЛОВ

*Протоиерей Алексей Колоколов кормит голубей в саду основанного им комплекса
Благотворительных заведений на Успенском острове на реке Волхов. Фото конца XIX века*

Ирэна Сергеева

Старец Алексей Колоколов

Алексий Хотовский

*Кормил он голубей, иль не кормил
Но голуби слетались отовсюду.
И он, седой, – как голубь кроток был
Служил он – Богу, добродееял – люду.*

*Он пагубного змия изгонял,
Он исцелял духовную остуду.
Паломники – крестьяне, – стар и мал
Шли к хотовскому старицу отовсюду.*

*Были батюшки Воскресенские,
И Рождественские у нас,
Городские были, и сельские
Нас Господь их трудами пас.*

*Были Троицкие и Спасские –
В безграничности трех России –
И любимый Христом и паствою
«Старец» Хотовский Алексий.*

*Был он – Колоколов, фамилию
Уважал свою, бил в набат:
«Причащайтесь почаще, милые, –
И наполнитесь Божьей силою!»
Он поэтому нынче свят.*

В следующем выпуске «Санкт-Петербургских Епархиальных ведомостей» будет опубликовано жизнеописание протоиерея Алексия Колоколова (1836–1902), составленное на основании изученных архивных документов и воспоминаний современников о выдающемся петербургском пастыре-благотворителе, молитвеннике и праведнике.

ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛОВИЕ

Т.А. Богданова

ПРОФЕССОР Н.Н. ГЛУБОКОВСКИЙ КАК ХРИСТИАНСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ

«Тяжела в России жизнь профессора и ученого, если он не торгуется профессурой и наукой, а как этого у нас много стало ныне! Как гаснут и коптят научные очаги!»

«Да будут слава, честь и благодарение истинным жрецам, верным Богу знания и любви!».

(Из письма Н.Н. Глубоковского Г.Э. Зенгеру от 9 марта 1914 г.)

Член-корреспондент Российской Императорской (1909) и Болгарской (1928) Академий наук, заслуженный профессор С.-Петербургской Духовной академии Николай Никанорович Глубоковский (1863–1937), по признанию многих, был одним из самых выдающихся православных богословов своего времени¹. Сочетая христианскую ортодоксальность с научными методами европейского просвещения, он был вполне оригинален и самостоятелен, чужд либерализма и модернизма, строго православен и дерзновенен...

Глубоковский жил в эпоху, слишком близкую к нам, живущим сегодня. Последствия этого времени далеко еще не завершились, масштаб событий и личностей не определился и представления о нем еще не сложились. Некоторые имена, казавшиеся великими, уходят в тень и вовсе в небытие. Для других, как и для самого Глубоковского, историческая жизнь, только начинается, очерчивая колоссальную фигуру ученого богослова, подвижника, выдающегося духовного педагога, церковного реформатора, публициста, вдумчивого летописца событий одного из самых трагических периодов русской истории, удивительного человека, вокруг которого не только выстраивалась история русского академического богословия, но и личность коего иной видится история России.

Влияние и значение Глубоковского простиралось далеко за пределы академической корпорации и Духов-

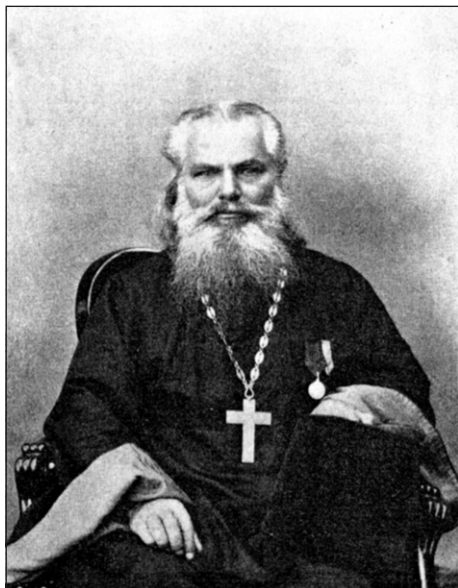

Профессор Николай Никанорович Глубоковский. На обороте автограф Н.Н. Глубоковского: «Профессор Николай Глубоковский. Снимался в Упсале 1918.X. 2 (IX. 19) – среда, когда вечером в Университете была моя вторая лекция для Olaus-Petri-Stiftelsen»

ной школы. Его многосложную и плодотворную деятельность можно заключить в краткую формулу – «христианский учитель и ученый» – которую сам Николай Никанорович охарактеризовал личность и ученое служение своего друга академика востоковеда Бориса Александровича Тураева². Как писал Глубоковский, христианский ученый «всегда, везде и во всем старался и умел «Господеви работати» и не «со страхом» (Пс. II, 11), а «в веселии» (Пс. XCIX, 2), яко «Богу живу и истинну» (1 Фесс. I, 9)»³.

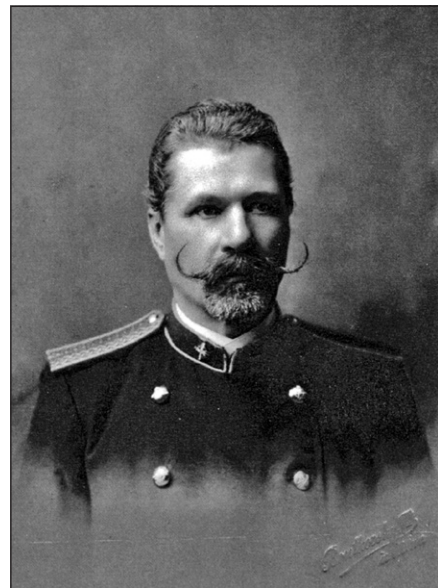
Русское «академическое» или «школьное» богословие, развившееся под влиянием западного, другим своим «источником» имело мощное сословие сельского духовенства, жившее на земле и от земли. Подавляющее большинство представителей академической корпорации вышло из его среды. Их родина – сельская церковь и погост... Глубоковский был не только типичным, но и ярчайшим

представителем духовно-академической корпорации. Давая ему характеристику, В.В. Розанов написал всего одно слово: «Удивителен», и «удивительной» называл их дружбу, несмотря «на адское расхождение в идеях»⁴. Эту сердечную доброту, участливость, внимательность, горячее чувство своей земли и своего рода – «что-то особенное в душе», «особенно положительное», для чего не находил формулы, но наблюдал «у всех духовных» (несмотря на разные дефекты), «и нигде еще на Руси»,

*Настоятель
Ильинского храма
в селе Кобыльск
протоиерей
Василий
Михайлович Попов
(15.04.1844 –
3.08.1905),
муж старшей
сестры
Н.Н.Глубоковского,
Анны Никаноровны,
в их семье
Глубоковский провел
детские годы,
до поступления
в Никольское
Духовное училище*

*Брат
Н.Н.Глубоковского
– Александр
Никанорович,
выпускник
Казанской Духовной
академии, член
Областного
правления
г. Уральска.
Расстрелян с
группой заложников
в ночь с 25 на 26 июня
1919 г.
в г. Уральске
красными и брошен
в реку.
Фото 1900-х годов*

– Розанов связывал «с источником, с «отводом» души духовенства из души Церкви»⁵.

Николай Никанорович родился в семье сельского священника, его дед и прадед с середины XVIII в. были дьячками Спасо-Преображенской церкви на озере Глубокое в Вологодской епархии, от названия коего и происходила фамилия Глубоковский, данная его отцу Никанору Петровичу⁶. Обучение началось в сельской церковно-приходской школе, в которой преподавал отставной солдат, затем 5 лет Никольского Духовного училища, 6 лет Вологодской Духовной семинарии и 4 года Московской Духовной академии. Завершается образование годом профессорского стипендиатства у профессора общей церковной истории Алексея Петровича Лебедева († 14 июля 1908), которому Глубоковский, по собственному признанию, обязан «началом и всем направлением» своего «научного бытия»⁷. И везде Николай Никанорович был первым учеником. Таков обычный путь профессора дореволюционной Православной Духовной академии. Подобная система духовного образования воспитывала особую «закваску», привычку к научно-богословской сфере, когда ум «с молодости изощряется на проблемах богословского знания и еще заранее получает специфический оттенок богословско-религиозной настроенности и развития»⁸. По замечанию Глубоковского, «Духовные академии были средоточием духовно-христианской культуры, ее хранителями и питомниками для всей России и во всех направлениях»⁹.

Осенью 1891 г., вопреки избранию академическим советом другого кандидата (А.П. Рождественского) решением митрополита С.-Петербургского Исидора (Никольского) Глубоковский утвержден был на кафедру Св. Писания Нового Завета С.-Петербургской Духовной академии, каковую занимал, видя в этом «великую милость Божию»¹⁰, до закрытия последней в 1918 г. Пройдя путь от доцента (1891) до заслуженного ординарного профессора (1916), от надворного (1892) до действительного статского советника (1910 г.)¹¹, он остался верен «приняв-

шей» его Академии «до конца ее живота», решительно отказываясь от заманчивых и лестных предложений занять кафедру в Московском или С.-Петербургском университетах¹².

Как церковный историк Глубоковский обессмертил свое имя исследованием о блаж. Феодорите, как экзегет и библиист – монументальным трудом о св. апостоле Павле¹³. Именно св. апостол Павел, по словам Глубоковского, «в чистейшей форме до совпадения с идеей» воплотил «христианский принцип», это был «великий идеалист», сердце которого «пребывало на небе»¹⁴. Своею колоссальною, «почти сверхъестественною ученостью»¹⁵ Глубоковский поражал современников. «Сердечное Вам спасибо за то, что Вы сумели привлечь к своим печатным трудам всех, интересующихся движением нашей богословской мысли. Одна подпись под статьей или книгой: Н. Глубоковский, сопровождаемая обычно точной датой по церковному богослужебному кругу, уже привлекает внимание, а когда прочитаешь Ваш труд, всегда испытываешь высокое духовное удовольствие и чувствуешь

*Храм в селе Кобыльск (Ильинское) Никольского уезда
Вологодской губернии, где прошли детские годы
Н.Н. Глубоковского. Фото начала XX века*

*Ректор Вологодской
Духовной семинарии,
в период обучения там
Глубоковского,
протоиерей
Петр Леонтьевич
Лосев,
впоследствии –
епископ
Пермский Петр.
(1833-30.03.1902)
Фото:
1870-х – 80-х годов*

живую признательность к его автору»¹⁶, – замечал известный петербургский протоиерей о. Павел Лахостский.

Полная библиография работ Николая Никаноровича насчитывает около 1000 наименований, включая монографии, журнальные и газетные статьи, небольшие библиографические заметки, рецензии и отзывы. Обозревая свою научно-литературную деятельность и подводя ее итоги, Глубоковский замечал: «Всякая библиография имеет целью определить литературно-научные факты и выяснить духовное богатство, приобретаемое данным писанием, и отличающее его, как издателя и обладателя. И по мотивам и по цели это, в конце концов, может совершаться в интересах честолюбия и превозношения. Не имею отрицать тоже в отношении себя, но в совести своей чувствую, что тут у меня всегда было больше внутреннего самоудовлетворения, чем внешней горделивости, для которой во мне не было прочного фундамента, поскольку литература наравне с профессурой – была и до сих остается для меня как бы священнослужением, где я

лишь слабый исполнитель обязательного и неключимый раб повеленного. Посему неизменно и чистосердечно я твердо памятовал и старался и по силе заповеди предупреждения верховного разума: «Не будь мудрецом в глазах твоих; бойся Бога, и удаляйся от зла» (Притч. III, 7), «Не высокоумствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе» (Рим. XII, 17). [sic! Следует: Рим. XII, 16. – Т. Б.]. В противном случае неизбежно постигнут всех два предреченные «горя»; одно гласит: «Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою» (Ис. V, 21), а другое еще более категорично и авторитетно: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо; ибо так поступали с лжепророками отцы их» (Лук. VI, 21). Все это необходимо и понятно: – в первом случае человек становится служителем не высшей независимой идеи, а своей собственной личности, а во втором становится рабом житейской суеты, где пускается на базарный торг самое человеческое достоинство. Все это раскрылось и окрепло во мне далеко не сразу, но то и другое было всегда противно и моей и нашей природе»¹⁷.

Беззаветное и талантливо-плодотворное служение Глубоковского науке отразилось не менее ярко в профессорских занятиях, сравниваемых со «священнодействием», посредством коего осуществлялась тайна духовного воздействия учителя на своих учеников. По мнению Николая Никаноровича, «Каждый подлинный профессор, самым делом своим творит службу Богу и приобщает слушателей к заветным благам высшего ведения. Иначе он немислим и недостойн своего звания, как наемник и раб неключимый, а не чистый проповедник и самоотверженный исповедник истины, привлекающий и покоряющий ей. Это – акт глубоко мистический, не поддающийся непосредственному арифметическому учету, хранимый каждым в глубине сердца... Посторонний созерцатель может лишь констатировать его с благоговейным почтением к такому ученому благовестнику»¹⁸.

В ответ на поднесенный студентами (22 октября 1916 г.) адрес по случаю 25-летия преподавания в Пе-

*Н.Н. Глубоковский.
Фото из
выпускного альбома
1884 год*

*Здание Вологодской Духовной семинарии,
каким оно было в период обучения там
Н.Н. Глубоковского*

*Митрофан Дмитриевич Муретов
(† 11 марта 1917 г.),
профессор
по кафедре
Свящ. Писания
Нового Завета,
Московской Духовной
академии
Официальный оппонент
при защите докторской
диссертации Глубоковского
«Благовестие св.
Апостола Павла по
его происхождению и
существованию» СПб, 1897
На обороте помета:
«получено 29 марта 1893 г.
в понед.»*

*Алексей Петрович Лебедев
(† 14 июля 1908),
профессор по
кафедре общей
церковной истории
Московской Духовной
академии*

троградской (Санкт-Петербургской) Духовной академии, Глубоковский напишет: «От всего сердца благодарю Вас за трогательное приветствие Ваше. Студенты всегда были добрыми и преданными споспешниками моего 25-летнего академического служения, в котором я много обязан ревностному усердию и научному одушевлению моих слушателей. Как верные мои соратники, они являются для меня самыми хорошими соучастниками искания моего – и с чувством глубокой признательности за долголетнее и счастливое духовное содружество в познании и усвоении истины я горячо всем вам желаю благословенного преуспевания на многие лета. Мы стареем и слабеем, – за Вами теперь наши труды и слава: подвизайтесь и торжествуйте!»¹⁹. В 1933 г., отвечая на вопросы анкеты, разосланной Русским заграничным историческим архивом, Глубоковский замечал: «Я всегда был ближе к книгам, чем к людям – за исключением моих учеников, к которым всецело и неизменно относился с чувством столь прекрасно и трогательно выраженным у св. Апостола Иоанна Богослова в 3-ем его послании (ст. 4) [“Для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине”]»²⁰.

Академическая жизнь Духовного ведомства тех лет предполагала избрание одного из нескольких возможных путей: либо приспособиться и жить, по словам профессора А.П. Лебедева, «припеваючи»; либо смириться и молчать, поставив крест на научной карьере; либо быть изгнанным или уйти самому, что порою было равнозначно; наконец, оставалась возможность сделать попытку «пробить стену». Нам представляется, Глубоковский следовал последнему, отвергая известные в духовном мире формулы «удобнее молчание» и «чтоб не шебаршился». Он занимал высокое положение близкого «к сферам» профессора столичной академии, состоял редактором Православной богословской энциклопедии, давшей ему славу «Русского Herzog'a», пользовался европейской известностью, имел репутацию «консерватора и охранителя», но не был «обласкан» церковной властью,

подвергавшей его даже подозрениям в «неправославии».

Причина заключалась не только в отношении последней к научным труженикам и терпимой лишь «для внешнего декорума» науке вообще, но и в независимом характере Глубоковского, нелицеприятно высказывавшегося по различным вопросам духовного просвещения и церковной жизни, и использовавшего возможность по завоеванному им положению писать вполне правдиво о ком и о чем сочтет нужным.

Одною из самых острых была проблема т.н. «ученого монашества»²¹, из которого рекрутировались и управление Духовной школы (на всех ступенях) и, в значительной мере (почти наполовину), русский епископат. Зародившись в XVIII в., этот монашеский «орден» усиленно насаждался в Русской Православной Церкви с 1880-х гг. епископом (а, впоследствии, С.-Петербургским митрополитом) Антонием (Вадковским), а затем архимандритом (впоследствии митрополитом Киевским) Антонием (Храповицким). В стремлении (в идеале) соединить церковную власть и церковную науку, «ученое монашество» старалось подчинить и выдавить из академий преподавателей-мирян. Это вело к росту противостояния «рясофоров» и «фрачников» (или «сюртучников»), усугубленного принятием в 1911 г. примечания к 65-му параграфу Академического устава о желательности в академических Советах 50% нормы лиц, имеющих духовный сан, в академических Советах. По мнению современников, умножение «ученого монашества» негативно сказывалось не только на духовном образовании и богословской науке, но и на общецерковной жизни²².

«Духовная школа сверху донизу – развращена монахами, и свет знания едва мерцает», – писал Глубоковский знаменитому публицисту «Нового времени» В.В. Розанову весной 1905 г., считая ненормальным положение, когда «узурпировав в свои руки епископство, монахи желают захватить в свои руки полное и бесконтрольное верховенство в церкви», а «всю Русскую Церковь желают сделать чисто монашескою»²³. Позднее

Митрополит С-Петербургский Антоний (Вадковский),
Фото, подаренное Н.Н. Глубоковскому.
14.02.1904. С-Петербург

(1914 г.), в воспоминаниях о Московской Духовной академии, характеризуя феномен «ученого монашества», Глубоковский заметит: «В главнейших чертах отмеченного свойства почти все эти представители сходились, и общим для всех было то, что каждый сознавал, говорил и творил по принципу: “Академия – это я!” И вот по уходе их всякий раз должно было оставаться пустое место с неизбежными следами, что тут жили постояльцы, упразднившие хозяев»²⁴.

Глубоковский причислял себя к кабинетным ученым, предпочитающим тихий уединенный труд. Однако церковная публицистика, которой он прилежал, по-видимому, не только по велению долга, но и сердца, свидетельствует о другом. В его статьях, полных скорбных и грустных размышлений, иронии (иногда довольно едкой), проявилась страстная натура полемиста и апологета православия, который был «одновременно человеком точной науки и горячей веры»²⁵.

Идейную базу людей, к которым Николай Никанорович чувствовал в определенной мере причастным и себя, он определял как «русское направление»²⁶. Можно не соглашаться с отдельными оценками Глубоковского или не принимать его позицию в целом. Но нельзя отказать ему в ясном, прямом и мужественном взгляде на жизнь, в четко обозначенном отношении к окружающей его действительности. Вместе с тем это был великий идеалист, неустанно повторявший, что «просвещение

без веры не созиждут общественного благоденствия и не изгонят злоупотреблений»²⁷. Будучи в последнем классе семинарии, Глубоковский писал, что «самый успех в делах житейских всецело зависит от чистоты и высоты наших нравственных убеждений», которые обеспечивают человеку стойкость, твердость в выполнении начатого дела, помогают избегать уклонений во время всяких житейских невзгод, сохранить устойчивость, равновесие, мудрость и ясный взгляд на жизнь; тогда «меньше зависти счастьем других и тяжести уныния и растерянности во время разных жестоких невзгод»²⁸. Такое настроение являлось неотъемлемой чертой образования и воспитания, которые призвана была давать Духовная школа. Николай Никанорович пронес эти убеждения через всю жизнь, доказав на практике всю жизнестойкость и разумность подобных взглядов, помогающих человеку сохранить интеллигентность и индивидуальность среди самой страшной смуты.

Обширнейшая переписка Глубоковского, исключительная по составу корреспондентов и по содержанию, каковой нет в архиве ни одного преподавателя духовно-академической корпорации, свидетельствует о поистине выдающемся авторитете его как ученого «энциклопедиста» и удивительно отзывчивого чуткого человека, щедро делившегося своими знаниями, книгами, дружеским участием, о громадном числе читателей и почитателей его, о тесном круге коллег и друзей.

В числе корреспондентов Николая Никаноровича были иерархи и министры, ученые и писатели, монашествующие и литераторы, чиновники различных рангов и ведомств, и иные лица²⁹. В январе 1916 года, убеждая проф. Глубоковского отказаться от очередного побуждения подать в отставку, один из его постоянных корреспондентов, ученик по Петербургской Духовной академии, профессор церковной истории Казанского университета К.В. Харлампович писал: «Рано еще, Николай Никанорович! [...] сколько еще можно ожидать от Вас при Ваших знаниях, приемах, трудолюбии и связях. Да, связях: те десятки людей, которые помогали Вам тем или другим способом, разве не облегчили Вам работы и разве не отличают только Вас? Кто другой из русских дух[овных] писателей может похвастаться таким обилием друзей?»³⁰.

В качестве эксперта Глубоковский принимал активнейшее участие в деятельности различных синодальных комиссий, включая важнейший церковный «форум» начала XX века – Предсоборное Присутствие. В области церковного управления он энергично поддержал проект восстановления патриаршества³¹, исполняя (по собственному признанию) в заседаниях Присутствия «роль справщика, которого все рвут на части и все ругают»³². В воспоминаниях о С.-Петербургской Духовной академии, записанных в эмиграции в 1936 г., касаясь взаимоотношений монашеской и не монашеской профессуры (перешедших и в эмиграцию), Николай Никанорович заметил в защиту дискредитируемой «старой заслуженной» профессуры: «[...] Между тем наиболее хулимые

профессора оказывали самую влиятельную поддержку в критические для нее [иерархии] моменты (напр., по вопросу о восстановлении патриаршества) и оправдали свою старую репутацию объективных авторитетов по сравнению с разными флюидами, приспешниками и рептилиями»³³.

В сфере духовного образования он являлся сторонником отделения пастырской школы от общеобразовательной (Духовной гимназии) и выступал за создание параллельно Духовным академиям богословских факультетов при университетах (временно отказавшись от этой идеи из-за отрицательного отношения самих университетов к богословским кафедрам). Образование факультетов являлось для Глубоковского «*conditio sine qua non*» [непременным условием] реформирования академий. Его позиция сводилась к следующему:

1. Создание богословских факультетов в университетах, где богословие рассматривается, как одна из научных университетских дисциплин, предмет «чисто научного изучения»³⁴.

2. Существование Духовных академий в качестве научно-апологетических учреждений Русской Православной Церкви.

«Православные Духовные академии, — замечает Николай Никанорович, — суть ученые установления и органы Православно-Русской Церкви для научного познания, разъяснения, истолкования и ограждения ее учений и учреждений»³⁵. Таким образом, он признавал, что только «совместное существование» в России университетских богословских факультетов и Духовных академий лучше всего может обеспечить для богословской науки «обязательные права и благие плоды веры и свободы»³⁶.

Вместе с тем Глубоковский всегда указывал на недостаточность для православного богослова одного только «предметного образования» и на необходимость воспитания «целостной настроенности, которая с возможной точностью отражается на всем жизненном поведении»³⁷. По его мнению, «было бы большим заблуждением думать, что ученый богослов есть уже достойный и готовый учитель и служитель для Церкви и в Церкви. Это — совершенно протестантская мысль»³⁸. Он считал, что богословское образование и богословская наука должны сделаться «обязательными для всякого одухотворенного образования»³⁹.

Духовно-академическая корпорация не была однородна и единодушна в оценке переживаемых событий и в попытках противостоять кризисным процессам. При этом и левые и правые считали Николая Никаноровича Глубоковского «своим», хотя сам он всегда стоял вне каких-либо партий или групп. По собственному признанию, «индивидуалист самый отчаянный», он был скорее «своим» среди чужих и «чужим» среди своих, зачастую сражаясь «на три фронта». Следующая характеристика, данная Глубоковским своему учителю профессору А.П. Лебедеву, может быть в полной мере отнесена и к нему самому и отчасти к другим представителям ака-

*Сергей Сергеевич Глаголев
профессор Московской Духовной академии
по кафедре введения в курс богословских наук.*

*На обороте дарственная надпись:
«Николаю Никаноровичу Глубоковскому — товарищу
по Московской Духовной академии
на память о последней встрече в Ялте.
Сентябрь 1904 г. С. Глаголев».
(расстрелян 2 октября 1937 года),*

демической науки: «По масштабу традиционности его нельзя назвать ни либералом, ни консерватором. То и другое встречалось у него нередко по разным вопросам и взаимно уживалось в исторических созерцаниях, так как покоилось на критической самобытности, чуждой сковывающих предубеждений и каждый раз выносившей научно мотивированные приговоры, которые вытекали из строгого анализа всех материалов»⁴⁰. Так, выступая

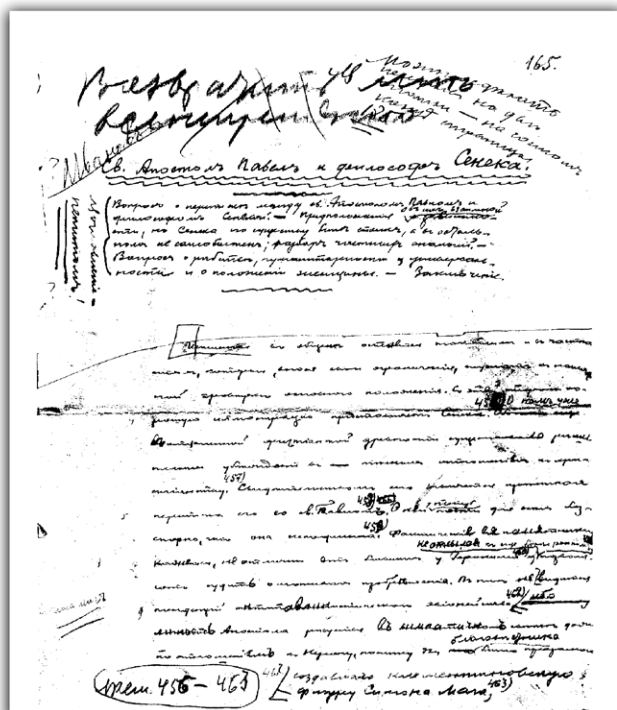

*Профессор Санкт-Петербургской Духовной академии
по кафедре всеобщей гражданской истории*

*Александр Павлович Лопухин
(† 22 августа 1904 г.),
основатель и первый редактор
Православной богословской энциклопедии.*

Профессор Н.Н.Глубоковский.
«СПб, 1909, III, 1 – воскресенье»

Рукопись статьи Н.Н. Глубоковского
«Св. Апостол Павел и философ Сенека»

неустанным обличителем конкретных лиц и недочетов «монашески-бюрократической иерархии»⁴¹, Николай Никанорович оставался принципиальным защитником церковной иерархии как канонически незыблемого принципа. «Архиереев нынешних я не люблю, п[отому] ч[то] не уважаю, – писал он, – но “епископство” обязательно для меня, как иерархический чин, помимо всяких носителей»⁴². По его убеждению, «Коль скоро будет подорван неосторожно авторитет епископата, дальше не удержится ни честное пресвитерство, ни во Христе диаконство, почерпающие в первом и свои иерархические полномочия и народное почтение. Тогда в перспективе перед нами, действительно, будет одно стадо, но уже без единого пастыря»⁴³.

В 1910 г. Императорская Академия наук отказала (по принципиальным соображениям) принять к рассмотрению на Ахматовскую премию труд Глубоковского «Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу». О «неожиданном казусе» Николай Никанорович писал В.В. Розанову, делаясь своими грустными размышлениями о положении богословов в России: «Я думал, что это труд научный и потому вполне пригоден для премии М. Н. Ахматова, куда принимаются “оригинальные сочинения по всем отраслям научных знаний”. Оказывается, что я ошибся, и Академия наук, где я состою членом-корреспондентом, отвергла мою книгу, признав тем самым, что она не относится ни к одной из “всех отраслей научных знаний”. Это мне тяжело и больно в принципиальном смысле. Странно и невыносимо наше положение в России, где все нас отрицают, унижают, третируют и непрестанно претендуют [?]. Поневоле иногда усомнишься сам в себе, хотя я еще не отказался думать, что мы работаем

не меньше и не хуже других*. Тем непонятнее, что какое-ни[будь] гробокопание о юсе или о разной восточной тарабарщине – наука, а сочинение об Ап. Павле не наука (т. е., очевидно, какой-то вздор вроде средневековой алхимии). Неужели это верно? [...] Свои нас не приемлют, о чем Вы достаточно знаете, а посторонние теснят при всякой соприкосновенности. [...] Я – индивидуалист самый отчаянный, но с годами теряю веру в личность, и почва ускользает у меня из-под ног... Провалиться не хочу и потому желал бы замкнуться, чтобы остаться только с совестью и Богом...»⁴⁴.

По мнению Глубоковского, в России вообще сложилось несправедливое отрицание «всякой» науки. «Это крайность и именно она тормозит у нас прогресс знания, ибо мы сами упорно не признаем своего, не поддерживаем и не поощряем, а усиленно отрицаем и систематически давим. В интеллигентном обществе нашем не находится привета для русской науки, а раз нет почвы, что может вырасти»⁴⁵.

В сфере «общественной» конец XIX – начало XX века, время, которое одни уже называли «смутным», другие «туманным», было ознаменовано определенным духовным сдвигом, ощутимо заметным как по духовной периодике, так и по частной переписке академических преподавателей, озабоченных ростом не только тенденций либеральных, но и связанных с их развитием антирусских и антицерковных настроений⁴⁶. Слово кто-то привел все в движение, и подобно кругам на воде от брошенного камня, волны стали распространяться во всех направлениях. Глубоковский констатировал, что во имя прогресса, цивилизации и гуманности в нравственной и образовательной областях делаются «всяческие

послабления и без того *расслабленному поколению* будущих граждан России» с целью сделать «бывшее доселе трудным восхождение и незаметным, и комфортабельным»⁴⁷. Эту общую тенденцию Николай Никанорович характеризовал как «кумирное служение современности»⁴⁸. Им предъявлен был русской интеллигенции ряд вопросов-обвинений, оставшихся не только без ответа, но и без внимания. Представители академического или школьного богословия не были в числе «властителей дум» своего поколения. Однако выдвинутые впоследствии самой историей, которую Глубоковский всегда считал «наилучшей учительницей для всех и во всем», вопросы эти все же потребовали ответа, — и не только на страницах печати, глубоко потревожив самую ткань каждой индивидуальной человеческой жизни. Именно атеистически настроенную часть интеллигенции, взявшую на себя роль «учителей», Глубоковский называл в числе главных виновников долгой разрушительной работы, приведшей Россию к дикой анархии⁴⁹.

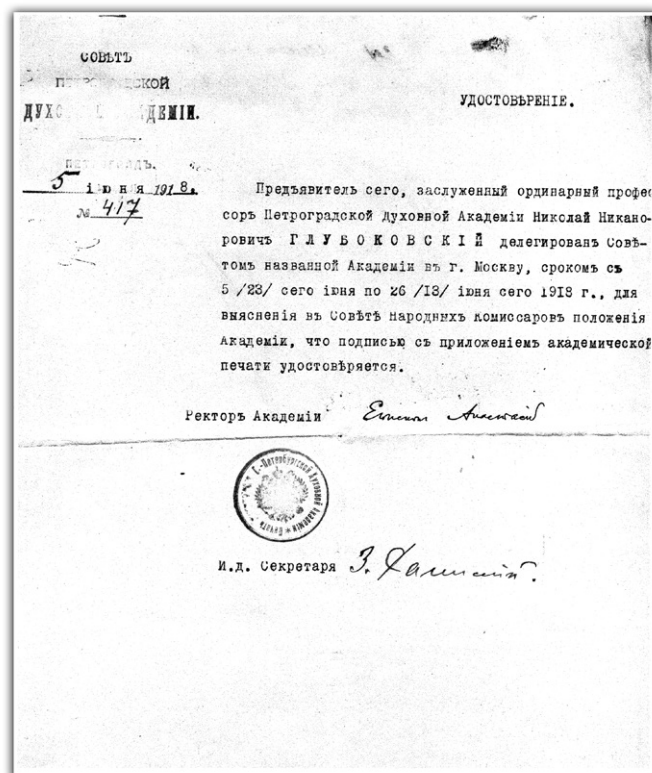
Иллюзий и воодушевления относительно лозунгов русской революции, провозглашенных в феврале 1917 г., Глубоковский не испытывал с самого начала, убеждаясь, что «свобода, равенство и братство», оторванные от своего христианского источника, принесены и держатся штыками, «и той порой происходит отчаянное расхищение великой, веками собранной России»⁵⁰ и разгром русской Церкви. «Настали разбойничьи времена»⁵¹ — характеризовал он весну 1917 г., «уголовным государством» наименовал он государственную систему, начавшую складываться после октября 1917 г.

Приход к власти большевиков лишь довершил процесс ухудшавшегося положения Духовной школы, в том числе и академий. После появления печально известных декретов о передаче Духовных школ со всем их имуществом в ведение Наркомпроса (11 декабря 1917 г.) и об отделении Церкви от государства (20 января 1918 г.), Академии фактически оказались на полулегальном положении. Частично финансируемые св. Патриархом Тихоном на «деньги от Иверской» (то есть на пожертвования, которые собирались у Иверской часовни в Москве), корпорации продолжали бороться за жизнь, пытаясь спасти высшую Духовную школу, как «малое горчишное семечко», чтобы потом опять расцвело «многоветвистое древо истинного, академического богословского познания»⁵². За первые годы государственного творчества «советской власти» академические корпорации потеряли примерно 1/4 часть своих сочленов (около 40 человек). Глубоковский собирал сведения для «Скорбной летописи», составлявшейся В.Н. Бенешевичем, в архиве которого среди «Материалов для скорбной летописи за 1917–1921 гг.» есть и автограф Николая Никаноровича — перечень фамилий преподавателей Духовных академий⁵³.

В надежде спасти Петроградскую Духовную ака-

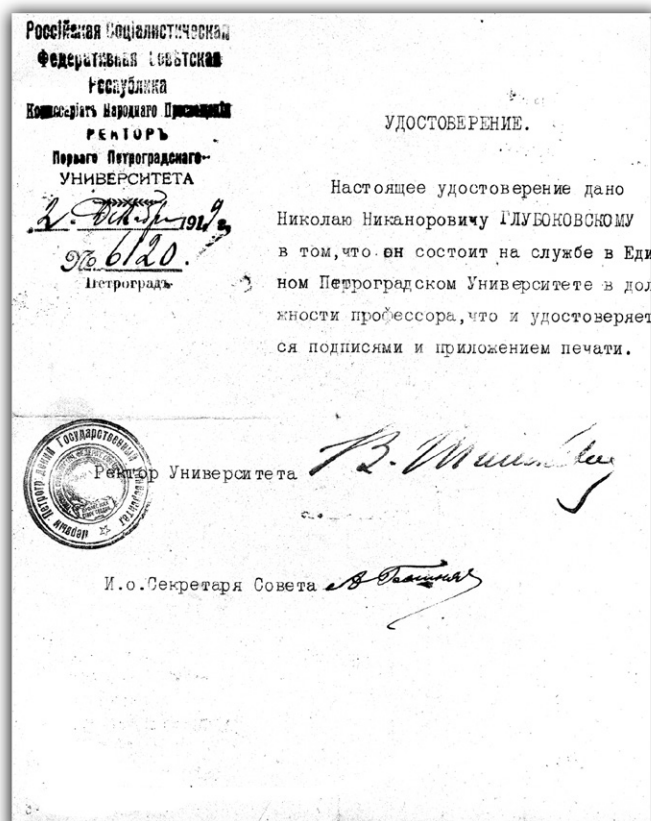
демию, первую оказавшейся перед угрозой закрытия, Николай Никанорович весной 1918 г. выступил одним из инициаторов объединения ее с университетом, подготовив по просьбе ректора академии епископа Анастасия (Александрова) проекты необходимых документов⁵⁴. По словам Глубоковского, предполагалось, «нечто вроде Парижской Сорбонны»⁵⁵. Однако в виду противодействия комиссара народного просвещения А.В. Луначарского объединения не произошло, Петроградская Духовная академия была закрыта и занята колонией «малолетних преступников», одной из самых страшных в Советской России тех лет.

По возвращении из командировки в Швецию⁵⁶ с января 1919 г. Николай Никанорович преподавал на Восточном факультете Петроградского университета, его первая лекция называлась «Земная трагедия христианства в истории и первохристианская эсхатология при аналогичности с нашею современностью и по связи с вопросом о методе изучения предмета». Одновременно он служил архивариусом в бывшем Синодальном архиве, где на короткое время нашли приют многие профессора Петроградской Духовной академии. Благодаря им удалось спасти от полной гибели целый ряд церковных архивов, в том числе и архива Духовной академии⁵⁷. Глубоковский читал лекции по Св. Писанию Нового Завета в Петроградском Богословском Институте, открытом в апреле 1920 г.⁵⁸ В виду голода, царившего в Петрограде, Н.Н. Глубоковский не исключал возможности устройства в

Удостоверение о делегировании Н.Н. Глубоковского в Москву для выяснения положения Петроградской Духовной академии в Совет Народных Комиссаров 5.06.1918

* «Напр., что и как работают и делают многие г.г. академики — кроме получения хорошего жалованья?» (примеч. Глубоковского).

Удостоверение о том, что Н.Н.Глубоковский состоит на службе в Едином Петроградском университете. Декабрь 1919 года

одном из провинциальных университетов, к умножению которых впрочем относился с настороженным чувством неодобрения. «Что касается лично Вас, — писал Глубоковскому бывший обер-прокурор С.М. Лукьянов, весьма его ценивший, — то при нынешних обстоятельствах уже самое существование подобных Вам людей — даже без какого-либо особого труда — составляет заслугу, которую оправдывается забота о поддержании жизни. Говорили некогда: Россия уже тем полезна славянам, что существует. То же самое — *mutatis mutandis* [с необходимыми изменениями] — может быть сказано ныне и про людей выдающихся дарований, глубоких знаний и добросовестного трудолюбия, как бы ни была ограничена в данное время их рабочая производительность: они полезны отечеству, а через него и человечеству, простым фактом своего существования...»⁵⁹.

С самого начала становления богопротивной власти, все мысли Н.Н. Глубоковского были направлены на отъезд из России⁶⁰. «[...] если бы достались мне все блага мира, и утвердился теперешний безбожный насильнически-социалистический строй, — для меня невозможно будет жить при нем, и я обязательно уйду умирать в другое место. Такова для меня моральная необходимость!»⁶¹, — писал он Н.Я. Марру.

Проникновенная оценка самого, возможно, трудного решения, принятого Глубоковским за свою жизнь, — решения уехать из России, — прозвучала в надгробном

слове митрополита Софийского Стефана (Георгиева): «Во время буйного и кровавого кипения катастрофической русской революции он видит, что его необъятная родина находится под ударами сатаны, что христианский мир — частью по неведению, частью искусственно — закрывает свои глаза, чтобы не видеть русской трагедии, затыкает уши, чтобы не слышать русского вопля. Верный библийскому миропониманию, Глубоковский встречает огромную всероссийскую тяжесть, как великое библийское испытание для очищения и прославления России. Вместе с тем он сознает необходимость стать на путь изгнанника, скитальца, беженца. После глубокой внутренней борьбы, с религиозно-нравственной собранностью в себе, чтобы не оказаться трусливым беглецом, но служителем полноты евангельской заповеди, мудрости и кротости, с предвидением патриарха Иова и сыновей его, он решает принять тяжелый крест изгнания с непоколебимым упованием, что Бог изведет его и миллионы изгнанных русских сыновей из Египта»⁶².

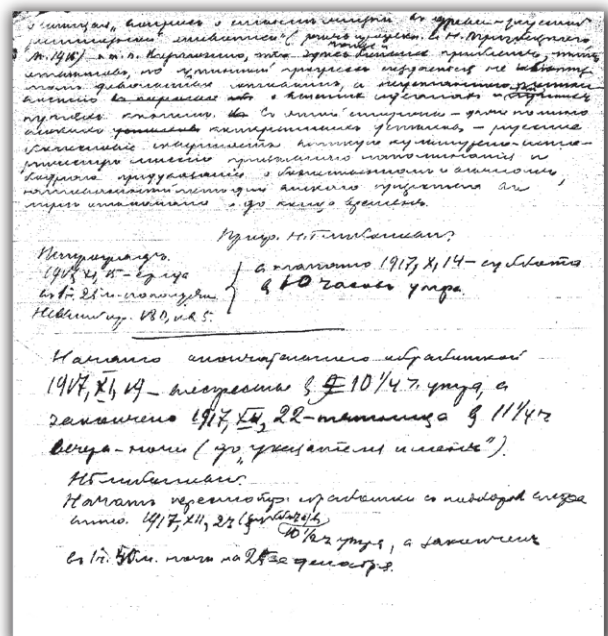
Николай Никанорович и Анастасия Васильевна Глубоковские покинули Петроград легально, после почти двухлетних усилий получив визу лишь благодаря вмешательству М. Горького и 16/29 августа 1921 г. пересекли пограничную речку Сестру⁶³. После карантина в поселке Териоки с 13 сентября Глубоковский с супругой жили в Выборге, откуда в мае 1922 направились в Германию. 14 июня 1922 года они прибыли в Прагу, поскольку еще 21 октября 1921 г., т.е. во время пребывания в Финляндии, Николай Никанорович был избран членом Коллегии по обеспечению образования русских студентов в Чехословакии. Но уже 3 августа 1922 г. Глубоковские были в Югославии. По словам епископа Серафима (Лукьянова), Глубоковский был приглашен «Белградским Синодом [...] профессором местного богословского института» и преподавал там до мая 1923 г. Среди его учеников были будущий святитель Иоанн (Максимович), будущие профессора Свято-Сергиевского Богословского Института архимандрит Киприан (Керн) и прот. Николай Николаевич Афанасьев. Не ограничиваясь только чтением лекций в университете, Глубоковский принимал участие в работе Русского религиозно-философского кружка в Земуне, где несколько раз выступал с докладами, состоял почетным членом «Кружка православных русских студентов богословского факультета Белградского университета имени св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова», основанного весной 1923 года, участвовал в заседаниях Русско-сербского медицинского общества. В одном из заседаний он прочитал доклад «О народном здравии в советской России»⁶⁴. Член Ученой коллегии в Праге, профессор Д. Кишенский, замечал, что за все время существования Общества это сообщение было «одним из самых интересных»⁶⁵.

Тяжелые условия жизни в Сербии и невозможность устроиться в Белграде (Глубоковские жительствова­ли в Земуне) вынудили искать нового убежища. Николай Никанорович намеревался переехать в Польшу, куда его

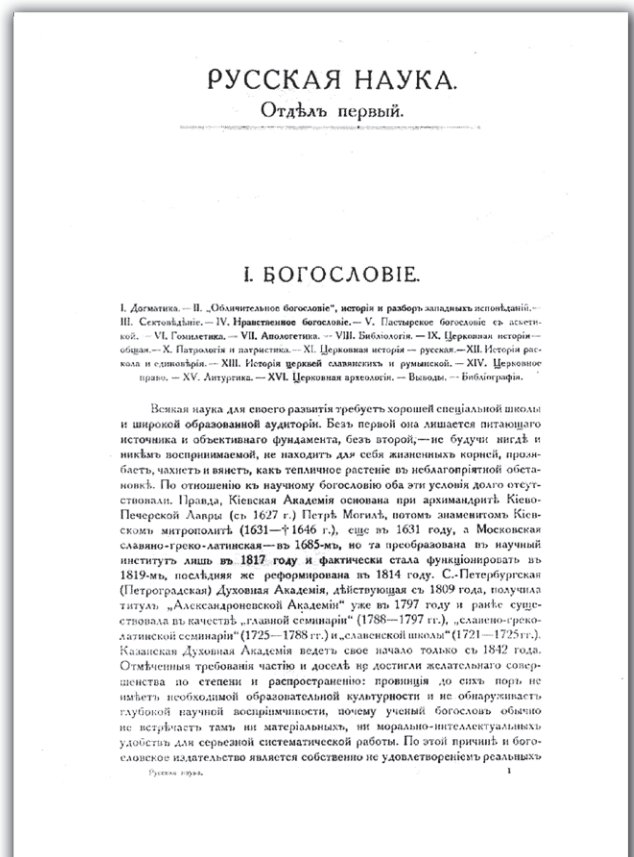
звал митрополит Георгий (Ярошевский), однако, гибель митрополита 8 февраля 1923 г. расстроила эти планы. Тогда он принимает предложение занять должность профессора только что созданного Богословского факультета в Софийском университете. С июля 1923 г. Глубоковский обосновался в столице Болгарского Царства – Софии, где преподавал Св. Писание Нового Завета и новогреческий язык на Богословском факультете университета им. св. Климента Охридского. По словам митрополита Стефана (Георгиева), это была «великая опора нашего Богословского факультета»⁶⁶.

С первых месяцев пребывания за границей в русской и иностранной печати появляются церковно-публицистические статьи Глубоковского о положении Православной Церкви в советской России⁶⁷.

Великое страдание русского народа Глубоковский считал бедствием несомненно «общехристианским», затрагивающим все христианские исповедания и всех исповедующих христианство. Он подчеркивал, что опасность эта «не частная и временная, а универсальная и принципиальная», поэтому необходимо объединить всех христиан в общем историческом подвиге, чтобы защитить мир «от антихристианского нашествия» и обеспечить «благодатно-живоносное христианское влияние»⁶⁸. Статьи Николая Никаноровича рассчитаны были прежде всего на общественное мнение «культурной Европы». Он предупреждал, что «Россия лишь крупный этап по пути коммунистически-социалистической заразы, несущей с собою смерть и уничтожение для всего высокого и благородного, культурного и чистого [...]»⁶⁹. Однако по прошествии нескольких лет в отношении этой самой Европы он испытал довольно глубокое разочарование. «Нельзя не видеть, – писал Глубоковский в 1925 г., – что весь цивилизованный мир как-то панически спасовал перед господством материализма и трусливо съезжился от страха атеистического большевизма, униженно прилаживается к нему, терпит, оправдывает и покрывает неслыханные варварства, рабски ищет жалких подачек. Мы сами были свидетелями сего в Англии, где антибольшевистский тон прессы сразу сменился ласкательным только потому, что надувательской телеграммой из Берлина “советский” Мефистофель – Раковский пообещал сделать заказ на 11 миллионов фунтов золотом, хотя все знали, что у него нет в наличности и единого десятка. Это какой-то материалистический психоз и атеистическое помрачение, тем более опасные, что все тут не конкретная реальность, а воображаемый призрак, создаваемый больною или извращенною душой. Болезнь не вне, где она всегда устранима здоровою дисциплиной. Она сидит глубже в самом современном человеке, потерявшем свет истины и подпавшем темной, демонической тирании. Это если не приближающееся царство Антихриста, то несомненно “действие сатанино”, обязанное больше всего нашему моральному вырождению, в котором мы и очи свои не смеем поднять к нему и пресмыкаемся в прахе земном»⁷⁰. А спустя пять лет в письме архимандриту Феодосию (Алмазову) он

Последний лист рукописи Н.Н. Глубоковского «Русская богословская наука в ее историческом развитии и современном состоянии»

Оттиск той же работы 1919 г. На экземпляре, хранящемся в РНБ, внизу страницы имеется помета, сделанная карандашом: «Отдельный оттиск из предполагавшегося издания Академии наук под названием “Русская наука”. Кроме этого оттиска ничего не было напечатано (Сообщено В.Н. Бенешевичем)».

Борис III,
царь Болгарии

замечал: «Наше положение – истинно Голгофское, одни (большинство) распинают, другие помахивают главами своими, но кажется, еще никто не бьет себя в грудь. [...] Будем верить и утешаться, что и Великая Россия несет искупительные страдания за весь обьюродившийся мир, представители которого – англичане имеют наглость говорить в палате лордов, что они с интересом наблюдают этот социальный опыт... Слепые вожди слепых...»⁷¹

Занимая совершенно особое место в жизни русского рассеяния, Глубоковский принимал участие во всех более или менее важных и заметных церковно-общественных событиях и учреждениях русской эмиграции в качестве советника, эксперта, докладчика, вдохновителя, учителя и просто многоопытного и доброжелательного друга, выступал на академических и студенческих конференциях.

В Софии 14 июня 1925 г. по инициативе Русской академической группы в Болгарии, членом которой Н.Н. Глубоковский состоял, торжественно праздновалось 35-летие его научной деятельности⁷². Как отмечалось на страницах официального органа Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви, празднование юбилея Николая Никаноровича «превратилось во всеславянское торжество, нашедшее отзвук во всех концах мира»⁷³. Среди более 200 приветствий, полученных от самых различных учреждений русских и болгарских, светских и церковных, научных, общественных, и даже военных, от иерархов и священнослужителей, от ученых с мировым именем и бывших учеников, были письма и из России⁷⁴. Сравнивая приветствия, полученные Н.Н. Глубоковским в этот день, с поздравлениями во дни юбилеев, отмечавшихся в России (в 1909 и 1916 г.) можно увидеть одну важную особенность. Оказавшаяся в изгнании часть просвещенных русских

людей из разных сословий признала в лице профессора Н.Н. Глубоковского наивысшее проявление православной богословской учености, а его деятельность рассматривалась как *общенациональное культурное достояние*. Это общественное признание знаменательно и символично. «С Вами, перед лицом западной богословской науки, мы – в рассеянии сущие – чувствуем себя не бедными, – говорилось в одном из таких приветствий. – Мы знаем, что у нас есть сокровища не меньшей, – а может быть и большей ценности, чем во всей Западной Европе»⁷⁵. Ученик Глубоковского по Санкт-Петербургской Духовной академии и коллега по Богословскому факультету протопресвитер о. Г. Шавельский говорил в этот день: «Воплощая в себе силу и мощь русской научной мысли, как и русского широкого сердца, Николай Никанорович Глубоковский предстоит на юбилее своем, как *символ бывшей и будущей России*. Не только его, но и их мы сегодня чествуем»⁷⁶.

Как никто другой из русских профессоров духовного ведомства, Глубоковский имел обширные контакты с представителями богословской науки различных христианских вероисповеданий. Редактор «Theologisches Literaturblatt», профессор Геттингенского университета Натаниэль Бонвеч (Nataniel Bonwetsch), писал ему: «Ваше имя навсегда останется незабываемым в русской науке. Но Вы сумели также установить живую связь и с западным ученым миром. Вы сделали своим для русского богословия то, что там [на Западе] было выработано в области богословия, и постарались также доставить русскому богословию доступ в западный мир. При этом Ваш интерес был направлен не только к тому, чтобы представлять чистую науку, но и к тому, чтобы оказывать услуги в церковной и религиозной жизни»⁷⁷. О том же писал Глубоковскому и один из давних его корреспондентов директор Славянского отдела Восточно-Европейского института в Риме Аурелио Пальмиери

Богословский факультет Белградского университета.
1920-е годы

(Aurelio Palmieri), не раз бывавший в России: «Я знаю, может быть, лучше других, что Вы сделали для богословской науки в России»⁷⁸. Подобные оценки высказывали и другие представители богословской науки Запада, среди которых имя Глубоковского стало широко и авторитетно известно после рецензии А. Гарнака (Adolf von Harnak) в «Theologische Literaturzeitung»⁷⁹ на его книгу о блаж. Феодорите. В последующие годы отзывы на труды Глубоковского регулярно помещались на страницах и католических, и протестантских изданий.

Все это создало естественные предпосылки и условия для непосредственного участия Глубоковского в межхристианских контактах в годы его вынужденного «беженства». Однако знакомство с современными публикациями и исследованиями, посвященные т.н. экуменизму, убеждает нас в том, что выступления самого значительного православного богослова своего времени по вопросам межцерковного единства ныне малоизвестны и остаются вне внимания церковных деятелей, богословов и историков. Между тем он был участником практически всех межцерковных христианских конференций того времени, а его многочисленные выступления по вопросам межцерковного единения представляют не только историко-археологический интерес, но и донныне не потеряли свою актуальность.

Еще в марте 1918 г. от имени шведского стипендиального фонда Олуса Петри (Olaus – Petri Stiftelsen) Глубоковский получает приглашение проканцлера Уппсальского университета, архиепископа Натана Сёдерблома прочесть лекции в Уппсальском университете и принять участие (в сентябре 1918 г.) в христианской конференции в Стокгольме в качестве представителя Русской Православной Церкви. Оговорив, что он не может официально представлять Православную Церковь «на христианской конференции», поскольку не есть «The Reverend» (духовное лицо), а простой мирянин, могущий выражать только свое личное мнение, Глубоковский приехал в Уппсалу, где собрались церковные деятели и богословы из Великобритании, Франции, Германии, Голландии, Швейцарии, Венгрии, Норвегии и Швеции (всего 22 человека, из лично знакомых Глубоковскому был, по-видимому, только Ad. Deissmann) для обсуждения вопросов церковной жизни Европы в последние месяцы войны⁸⁰. Эта была первая межхристианская встреча, в которой Николай Никанорович принял непосредственное участие.

О своем пребывании в Уппсале он вспоминал: «На закате жизни к нынешнему сумрачному вечеру, за которым уже чувствуется ночь успокоения, Господь сподобил меня великой милости – быть глашатаем русской богословской науки в Швеции, [...] а там везде был окружен таким предупредительным почетом и высоким вниманием в самых избранных кругах, о которых прежде никогда и мечтать не мог, чем безмерно вознагражден, – хотя и на чужбине, – за свои долголетние скромные труды, и эти месяцы конца 1918 года считаю величайшею отрадой

*Профессор Берлинского университета
Адольф фон Гарнак
(1851–10 июня 1930)*

своей старости. Я пользовался самым трогательным благоволением достойнейшего примаса Швеции архиепископа Natan'a Soderblom'a, [...] некоторое время жил в его дворце на полном иждивении, разделял его трапезу, был членом его весьма многочисленной фамилии»⁸¹.

Впоследствии Глубоковский указывал, что во время своей первой командировки стал известен в «специальных» шведских ученых кругах «Teologiska Foreningen» в Уппсале и «Religionsvetenskapliga Sällskapet» в Стокгольме⁸².

В Уппсальском университете Николай Никанорович прочитал три лекции (30 сентября, 2 и 4 октября) под общим названием «Православная церковь и желательность объединения христианских церквей», они были изданы в 1921 г. в Швеции⁸³, а затем в 1924 г. с некоторыми изменениями и дополнениями в I-м выпуске «Ежегодника» Богословского факультета Софийского университета⁸⁴.

Лекции Глубоковского содержат принципиальные положения, развиваемые им в последующих выступлениях и статьях. Критически переоценив прошлое «унионального» опыта, он изложил свой метод или путь достижения христианского межцерковного единства. Без признания исторического существования Вселенской церкви, заключал Глубоковский, ничего не остается в этом мире непоколебимого (даже самая церковность колеблется) и ничего непогрешимого, «эссенциально превосходящего, вселенски обязательного и универсально-подчиняющего», а значит, нет и «авторитетного фундамента» в догматическом исповедании и «идея общецерковной “унии” остается красивой фикцией или некрасивой ненормальностью»⁸⁵.

Рассуждая о причинах многократных прошлых неудач, Николай Никанорович приходил к выводу, что «не плохие люди или плохие намерения были причиной этого краха». Но само наличие подобных подозрений, приводившее к взаимно-жестоким обвинениям и мрачным догадкам, свидетельствует, что «униональные» попытки, стремящиеся охватить все существующие церковные христианские организации, не дают желательного успеха и даже затрудняют его достижение, ибо «ограничены – человечески»⁸⁶. В результате участники таких проектов попадали в еще более осложненное взаимное разделение. «Но, – напоминал Глубоковский, – “невозможное для человека возможно для Бога” (Лук. XVIII. 27; Мат. XIX, 26; Мрк. X, 27)»⁸⁷. Люди же должны позаботиться о том, чтобы стать достойными для восприятия христианского мира. Николай Никанорович напоминал слова блаж. Августина – «Бог спасает без нас, но не против нас»⁸⁸.

С другой стороны, Глубоковский сам убеждался и убеждал других, что «“своя” прирожденная “вера” привычнее для благоговейного человека и удобнее ему для постоянного религиозно-морального осуществления», обеспечивая спокойные условия христианского возрастания в «мужа совершенна» (Ефес. IV, 13)⁸⁹. Намечая практический метод для христианского возрастания «среди нашей космической стихийности», Николай Никанорович напоминал, что бурное «житейское море» требует от плавающих различных приспособлений. «Река жизни долга и извилиста, широка и бурна, мятежна и многоводна», одного только моста не достаточно перекрывать ее,

требуется все, могущее служить достижению перехода на заветный берег, «чтобы там встретиться во Христе Иисусе беспрепятственно и жить вместе нераздельно»⁹⁰.

Призывая чистым и светлым упованием в общее наше спасение заменить «интерконфессиональные упреки, угрызения и приманивания фанатичного прозелитизма, который обхватил и сушу и море, порождая постоянно зилотических книжников и фарисеев», от которых «в старое и новое время» жестоко страдал Восток и Православная Русь, Николай Никанорович ссылаясь на очевидную необходимость для подлинного христианского развития всем сосредоточить свои усилия «в собственном его» исповедании, чтобы приблизиться религиозно к Богу и с его помощью достичь чаемого объединения. «В таком случае мы действительно будем едины во Христе Иисусе, Господе нашем и с Ним победим весь мир во спасение[...]»⁹¹.

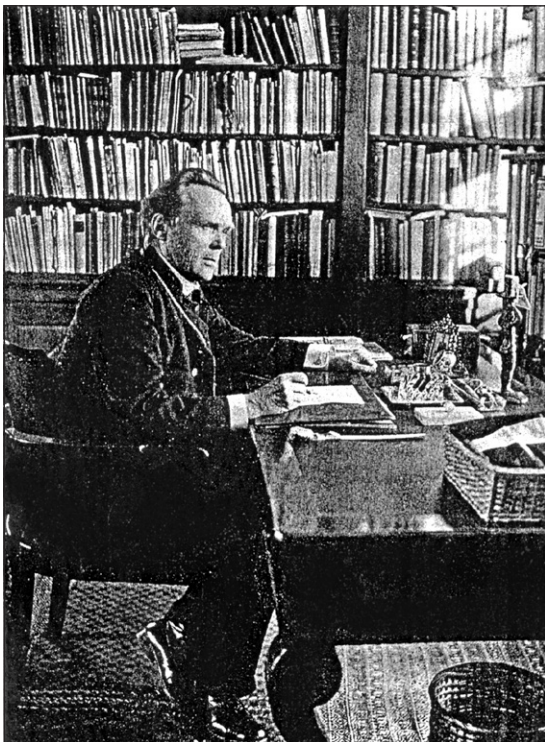
Усатривая главное условие христианского единения в истинно христианской жизни, Глубоковский призывал к подвигу «собственно жизненно-христианского творчества», который неизмеримо труднее самых блестящих полемических турниров и напоминал, что на пути христианского усовершенствования требуется сообразоваться с драгоценными мыслями св. Иоанна Златоуста:

*«Возлюбим друг друга
и единомыслием исповеямы
Отца и Сына и Святого Духа, –
Троицу Единосушную и Нераздельную»⁹².*

Нам известны тексты свыше 20 выступлений и статей Глубоковского по вопросам межцерковного христианского единения. Они печатались на английском, немецком, французском, сербском, болгарском, румынском, греческом, шведском и русском языках и разбросаны по изданиям, ставшим к настоящему времени изрядной библиографической редкостью.

Николай Никанорович Глубоковский был деятельным участником двух ветвей межхристианского движения: «Faith and Order» («Вера и церковное устройство») и «Life and Work» («Жизнь и деятельность»). Цели второй – «способствовать взаимопомощи людей, осуществлять совместный отклик всех христиан на нужды войны, нищеты, угнетения» – были особенно близки Глубоковскому, полагавшему, что отсутствие христианской солидарности усугубляет мировую катастрофу (войну и социалистический погром в России).

Единственный из русских профессоров, Николай Никанорович Глубоковский был приглашен Англиканским Синодом во главе с архиепископом Кентерберийским Рандаллом Давидсоном на празднование 1600-летия Первого Вселенского (Никейского) Собора, которое состоялось в Лондоне при участии представителей Восточно-Православных Церквей. Николай Никанорович находился в Англии с 26(13) июня по 21(8) июля 1925 г. За это время он выступал в различных аудиториях, включая Оксфордский университет и Палату лордов, где в

*Натан Сэдерблом, архиепископ Уппсальский, проканцлер университета. (1929–1931 гг.)
В своем кабинете, архиепископский дом, Уппсала.
Фото 1920 – 1930-х гг.*

специальном заседании английской ассоциации по делам Восточных Церквей под председательством епископа Гора и в присутствии архиепископа Кентерберийского при обсуждении вопроса о желательности и возможности воссоединения Англиканства и Православия произнес речь, подчеркнув невозможность «никакой унии и ни с кем без догматического объединения, которое должно для единства людей дать незыблемый фундамент в единстве веры»⁹³.

Но главная речь — «Христианское единение и богословское просвещение в православной перспективе»⁹⁴ — была произнесена им 8 июля (25 июня) в большом зале Королевского Колледжа (King's College) на специальном митинге под председательством епископа Бирмингемского Н. Russel'a, где от имени Русской Церкви выступали митрополит Евлогий (Георгиевский) и епископ Вениамин (Федченков). Вторую часть доклада Глубоковский посвятил исключительной роли «церковно-духовной культуры» в создании русской цивилизации и уничтоженным большевиками Духовным академиям как средоточиям этой культуры «для всей России и во всех направлениях»⁹⁵. Последние в качестве научно-педагогических центров выполняли важную просветительскую миссию, культивируя не только богословские, но и светские дисциплины. Отличительной особенностью русского богословия Глубоковский считал отсутствие обособленности школ, расходящихся на Западе до «исключительности и враждебности»⁹⁶.

Тем же летом Николай Никанорович по приглашению архиепископа Натана Сёдерблома участвовал во Всемирной христианской конференции «Жизнь и деятельность», собравшей в Стокгольме с 19(6) по 30(17) августа 610 делегатов из 37 стран. В постановлении Исполнительного комитета по созыву конференции отмечалось, что профессор Глубоковский «своей исключительной авторитетностью первоклассного ученого, как по истории Божественного откровения и Церкви, так и по вопросам христианского учения и церковной организации и своими личными качествами, бесспорно внесет духовную пользу и влияние на конференцию»⁹⁷. Зачинатель и лидер движения «Жизнь и деятельность» Натан Сёдерблом, свидетельствовал, что длительные беседы с Глубоковским еще осенью 1918 г. в Уппсале сыграли «очень значительную роль в стремлении к объединению», поскольку «разъяснили и отклонили иллюзорные или дерзкие домогательства и выяснили истинный характер этой общности христианских исповеданий в жизни и работе»⁹⁸. Со своей стороны Глубоковский причислял Натана Сёдерблома к самым значительным христианским деятелям XX столетия. Сотрудничество этих замечательных людей, принадлежавших к различным христианским исповеданиям, один из которых был представителем церковной власти, а другой светилем церковной науки, заложило идейные основания для Стокгольмской конференции 1925 г. На ней был принят лозунг, предложенный Глубоковским еще в Уппсале — «всем в своих исповеданиях нужно жить лишь

Святейший Патриарх Сербский Варнава и проф. Н.Н. Глубоковский. Сремские Карловцы. Середина 1930-х годов

по-христиански, дабы потом жизненно объединиться в общем христианстве»⁹⁹. Почвою для создания такого единства Николай Никанорович считал «древнехристианские вселенские стихии».

28(15) августа в зале Музея Музыкальной академии на вечернем заседании Глубоковский сделал доклад «О христианском единении в жизни и труде» под девизом: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы»¹⁰⁰. Христианское общение в жизни и труде Николай Никанорович считал признаком современного движения, направленного на духовное возрождение расслабленного и раздробленного человечества. Стокгольмскую конференцию он называл самым знаменательным явлением XX века, замечая: «Это и призыв, и путь для обьюродившегося мира, который найдет там необходимую для него энергию возрождения к нормальной жизни в праве и истине. Если же этого не последует, то жалкая его участь неизбежна, ибо не может и не должно существовать такое бытие, которое не оправдывает себя воплощением и насаждением божественных благ в человечестве: — тогда оно гибельно и обязательно погибнет»¹⁰¹.

За время летней поездки 1925 г., продолжавшейся более трех месяцев, Глубоковский побывал почти во всех европейских странах, за исключением Италии, посещение которой русскими эмигрантами с момента прихода к власти правительства Бенито Муссолини было до крайности затруднено... Тогда же он прочитал сокращенный курс из десяти лекций по Новому Завету на русской студенческой конференции в Аржероне во Франции, на которой обсуждался вопрос об организации Духовной академии в Париже — т.е. будущего Свято-Сергиевского Православного Богословского института. Николай Никанорович также присутствовал на общестуденческой русской конференции в Хопове (Сербия) при женской обители, населенной к этому времени сестрами православного Свято-Богородицкого Леснинского монастыря¹⁰².

Впечатления и наблюдения об этом путешествии

изложены так ярко и живо, с таким легким чувством несколько озорного юмора, что трудно узнать в их авторе человека, еще недавно мечтавшего о смерти как единственном спасении от безысходности, холода и голода: «Не имея прочного продолжительного пристанища, постоянно находясь на какой-то народной выставке с немалой ответственностью за свою роль, я был в непрерывном круговороте и доселе не найду своей утомленной головы на прежнем обычном месте... В порыве декадентской восторженности, культивируемой на наших студенческих конференциях, один молодой оратор сказал в Хопове, что он унесет с собою целый чемодан разных переживаний. Придерживаясь этого экстравагантного языка, я должен констатировать, что всяких впечатлений, наблюдений, воспоминаний я привез целый поезд, да еще товарный, куда чужие люди сваливали все без взаимного согласования и без спроса хозяина...»¹⁰³.

В августе 1927 г. в качестве главного референта от Православной Церкви Глубоковский выступил на Лозаннской конференции «Вера и церковное устройство». В этом собрании Русская Церковь не была представлена официально, но в составе делегаций от других Поместных Церквей были шестеро русских, включая самого Николая Никаноровича, который официально входил в Болгарскую делегацию. «Среди православных внушал невольное уважение своею мудростью, христианской терпимостью и религиозной глубиной, соединенной с огромной ученостью (но эта ученость почти не чувствовалась – так она была органична, так она сливалась с глубоким благочестием сердца) – проф. Глубоковский»,¹⁰⁴ – вспоминал Н.С. Арсеньев.

Доклад Глубоковского «Евангелие, церковь и таинство» опубликован на английском, немецком, сербском и французском языках¹⁰⁵. Упомянув о Ламбетской конференции 1920 г., предложившей основным базисом церковного единения Св. Писание, Николай Никанорович указывал, что сношения англикан с неконформистами на

этих условиях дали отрицательный результат, поскольку «у всех их является необеспеченным независимо абсолютный авторитет Писания, – такой, который вызывает безусловное повиновение, а без него Писание оказывается в зависимости от человеческого свободного разумения, крайне многообразного и спорного»¹⁰⁶. Он напоминал, что «Евангелие есть не теория, не учение, не проповедь, а спасительный факт величайшей радости для всего человечества в освобождении его от греха, проклятия и смерти [...] Поэтому Евангелие является всецелым и всесовершенным таинством (Ефес. VI, 19), и служение Иисусу Христу должно быть не простым проповедничеством, а “священнодействием благовествования Божия” (Рим. XV, 16). В таком случае благовествование и усвоение его должно совершаться материалистическим путем чрез всегдашнее и полное приобщение к “тайне Христовой” (Ефес. III. 4. IV, 3) в Церквях через таинство, дабы, объединенные жизненно в Искупителе, верующие (Ефес. IV, 15) “истинною любовью все возвращали в Того, Кто есть глава – Христос!”»¹⁰⁷.

В 1928 г. Глубоковский вновь посетил Уппсальский университет, где выступил с докладом «Св. Апостол Павел и павлинизм Антиохийской школы»¹⁰⁸. В 1929 г. принял участие в первой конференции восточных и западных богословов в городе Нови Сад (Сербия). Его доклад «Христово уничижение и наше спасение» опубликован во 2-м выпуске издававшегося Свято-Сергиевским Православным Богословским институтом журнала «Православная мысль». Весь том журнала посвящался Н.Н. Глубоковскому в связи с 40-летием его научной деятельности.

Николай Никанорович был приглашен и на вторую встречу восточных и западных богословов, проходившую в Берне в сентябре 1930 г. Однако болезнь помешала личному его присутствию на конференции. Его реферат «Христос и Церковь»¹⁰⁹ зачитал декан Богословского факультета Софийского университета профессор протопрезвитер Стефан Цанков.

По свидетельству митрополита Софийского Стефана (Георгиева), на одной из таких конференций на вопрос, кто может быть назван сегодня «“как наибольший знаток и авторитет в области библейской науки”», – двух мнений не было: “это – профессор Глубоковский”»¹¹⁰. При этом знаменитый профессор Адольф Дейсман, труд которого «Современное состояние и дальнейшие задачи изучения греческой Библии в филологическом отношении» Глубоковский еще в России в 1898 году издал со своим предисловием и примечаниями¹¹¹, почтительно склонился перед Глубоковским со словами: «Вы предо мной, я Вас считаю в некоторых отношениях моим учителем»¹¹².

Констатируя искренний и глубокий религиозный интерес некаатолического Запада к Православию, потребность в познании его и сближении с ним¹¹³, Глубоковский считал, что по Божией милости несчастное русское рассеяние исполняет «свою провиденциальную миссию подобно рассеянию Израиля»¹¹⁴.

Протопр. Г.И. Шавельский, акад. Злотарский, проф. Попруженко, проф. Н.Н. Глубоковский, прот. М. Кальнёв у входа в здание Французского института в Софии, где проходило юбилейное чествование Н.Н. Глубоковского. Фото 1925 года

Помимо выступлений на конференциях профессор Н.Н. Глубоковским опубликовано свыше десятка статей по вопросам межцерковного единения, специально посвященных взаимоотношениям православных с Римско-Католической и Англиканской Церквями. Он считал, что вопрос о христианском междуцерковном единении принадлежит к самой сущности Православия, в котором сохраняемая истина «тождественна с божественным Христовым Евангелием и как таковая есть, безусловно, полная и всеобъемлющая для всех христианских общин в целом мире»¹¹⁵. Поэтому в Православии «эссенциально» присутствует потребность к стремлению действительно объединить в себе и через себя всяческие христианские разделения и вероисповедные отражения. Еще в очерке «Православие по его существу» Николай Никанорович утверждал: «[...] по своему внутреннему упованию Православие мыслит себя христианством в его изначальной полноте и неповрежденной целостности. Оно принципиально разграничивается от других христианских исповеданий не как истина от заблуждений, а собственно в качестве целого по сравнению с частями [...] По прямой апостольской преемственности оно представляется традиционно-воспринятым и неповрежденно-хранимым христианством в его изначальной жизненной целостности. Конфессиональные группы выделяют в ней частные стороны и развивают систематически, но почерпают свою силу именно в производящем целом и взаимно сближаются между собою чрез него. [...] По таким своим качествам православие не вытесняет другие исповедания, захватывая у них принадлежащие места, но лишь срастворяет их в себе постольку, поскольку наравне с ними само поглощается в божественном океане возрождающей, спасающей и животворящей благодати Христовой»¹¹⁶. Глубоковский утверждал также, что «православие есть благодатно-христианская жизнь», а к «жизни нельзя реально примкнуть теоретическим зачислением чрез простое рациональное ее признание. Обязательно присоединиться фактическим погружением в нее, как общение отделившегося ручейка восстанавливается лишь слиянием с центральным потоком»¹¹⁷. Православие и есть этот центральный поток «в историческом течение христианства по вселенной [...] Здесь корень и объяснение всех других принципиальных свойств Православия»¹¹⁸.

Н.Н. Глубоковский был принципиальным сторонником единения христианских церквей и остался таковым до конца жизни. Но опыт непосредственных наблюдений и общения на Западе наложил на это представление о желаемом единстве печать устойчивого скептицизма, в котором порою сквозила безнадежность, относящаяся к оценке человеческой составляющей этого процесса.

Говоря об отношении Глубоковского к столь пагубному церковному расколу в русской эмиграции, отметим, что он сам не относил себя ни к «карловчанам», ни «евлогианам», ни «сергианам». Выступая как официальный представитель Болгарской Православной Церкви на всех международных христианских собраниях Николай

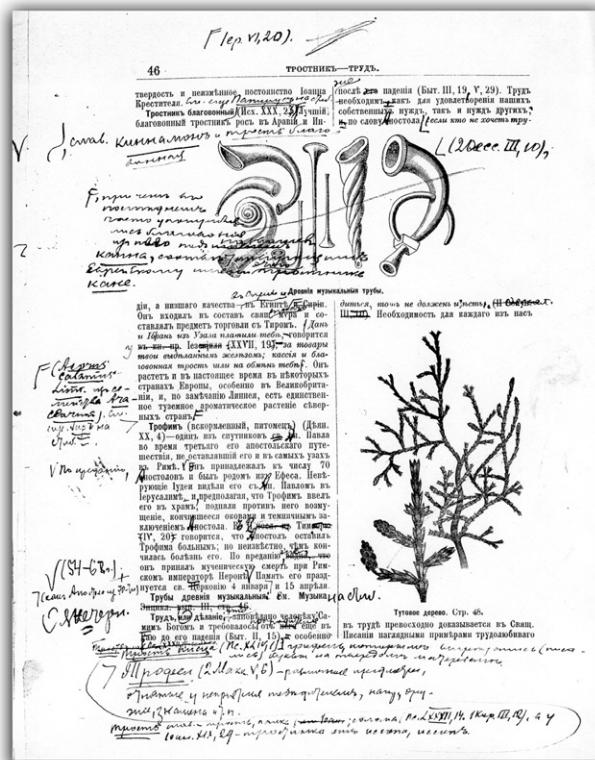

*Профессор Н.Н. Глубоковский.
Снимок сделан 14 (27) июня 1925 г.,
в день юбилейного чествования*

Никанорович, тем не менее, деятельно участвовал в работе церковно-педагогических и научных учреждений, создаваемых как Архиерейским Синодом в Сремских Карловцах, так и отложившимися от него духовенством и мирянами, группировавшимся вокруг митрополита Евлогия в Париже. По собственному признанию, он принимал «довольное близкое участие» в деятельности Православного Богословского института в Париже¹¹⁹. Н.Н. Глубоковский неоднократно читал здесь лекции: десять лекций в июле-августе 1925 г. и «два эпизодических курса» по Св. Писанию Нового Завета в осеннем семестре 1928 – 1929 года¹²⁰. Он был почетным членом Богословского института, среди преподавателей которого, причем разных поколений, были его ученики по Петербургской Духовной академии и по Богословскому факультету Белградского университета (в 1922 – 1923 гг.): Антон Владимирович Карташев и первый инспектор епископ Вениамин (Федченков), архим. Киприан (Керн) и прот. Николай Николаевич Афанасьев. С прот. С.Н. Булгаковым, архим. Киприаном (Керном) и С.С. Безобразовым (впоследствии епископом Кассианом) Глубоковский состоял в переписке. Во время своих путешествий по Европе он останавливался на Сергиевом подворье и принимал участие в обсуждении различных вопросов, касавшихся как жизни института, так и общерусской церковной ситуации.

Вместе с тем Глубоковский в течение многих лет регулярно посещал и Сремские Карловцы, где пребывал Архиерейский Синод РПЗЦ, поддерживал он и личную переписку с митрополитом Антонием (Храповицким).

С 1930 г. Сербскую Церковь возглавил ученик Глубоковского по Санкт-Петербургской Духовной академии митрополит Варнава (Росич), который по воспоминаниям митрополита Серафима (Лукиянова), «очень часто» при-

Образец правки Н.Н. Глубоковским текста «Полной библейской энциклопедии» архим. Никифора (Бажанова)

глашал Глубоковского к себе и «беседовал с ним наедине о нашем печальном церковном расколе»¹²¹. Напомним, что именно по инициативе Патриарха Варнавы осенью 1935 г. состоялось специальное Совецание по вопросу об установлении мира и единства в Русской Православной Церкви Заграницей.

В 1934 г. Николай Никанорович вошел в состав Ученого Комитета, учрежденного при Архиерейском Синоде. Комитет возглавил митрополит Антоний (Храповицкий), в состав Комитета вошли архиепископ Берлинский Тихон (Лященко), бывший учеником Глубоковского еще по Воронежской Духовной семинарии, а также профессора А.П. Доброклонский, С.В. Троицкий, Н.С. Арсеньев и М.В. Зызыкин¹²².

Глубоковскому удалось вывезти за границу часть своих бумаг: библиографические записи, материалы по истории своей семьи¹²³. Среди них была и рукопись «Объяснительного библейского словаря», над составлением которого он трудился по заданию Училищного совета с июня 1905 г. В основу своего «Словаря» Глубоковский положил труд архимандрита Никифора (Бажанова) «Иллюстрированная популярная полная библейская энциклопедия» (Вып. 1-4. М., 1891–1892), который значительно переработал и дополнил. Не желая издавать «Словарь» по новой «варварской» орфографии Глубоковский вывез рукопись за границу и неоднократно возвращался к ее пересмотру. В 1932–1933 гг. он собственноручно переписал составленный им фактически заново «Словарь» с учетом всех своих исправлений и дополнений, что в рукописном виде насчитывает свыше 2500 страниц¹²⁴.

Скончался Николай Никанорович Глубоковский в Софии 18 марта 1937 г. после непродолжительной болезни. Похороны его состоялись в день Торжества Православия, 21 марта, «при исключительной торжественной обстановке»: отпевание совершал митрополит Софийский Стефан (Георгиев) в сослужении 5 епископов, 2 архимандритов и 40 священников¹²⁵. Софийский кафедральный собор был полон, так как кроме представителей русской общины, присутствовала вся болгарская профессура и представители церковных кругов. Студенты несли его гроб и пели. В надгробном слове митрополит Софийский Стефан отметил, что Глубоковскому нет замены, он был опытным и всесторонне образованным руководителем «всех богословов и христианских ученых», став «мерилом того мистического и научного проникновения, которое может сказать: ты богослов или профан»¹²⁶. Некрологи Н.Н. Глубоковского поместили многие периодические издания русской эмиграции.

Христианин и ученый были неразрывно соединены в Глубоковском. «[...] все в мире христоцентрично»¹²⁷, — утверждал он, исповедуя в качестве основного методологического принципа неразрывность веры и знания: «1) верую 2) понимаем»¹²⁸.

Будучи православным ученым, он свидетельствовал, что христианство невозможно познать извне: это не доктрина, не эзотерическое учение, но «универсально-спасительная сила», которая «постигается духовным общением с ним»¹²⁹. «Для него в особенности незыблемо, что “духовный духовно востязуется” (1 Кор. II, 14) в таинственно-жизненном единении, когда приобретает совершенное уразумение предмета и для собственного познания и для разъяснения его другим»¹³⁰. Глубоковский доказывал не только «равноправность» христианской науки, когда вся ученая работа «в целом и принципиальном [...] проникнута христианскою религиозностью» и является «христиански-православною по своему смыслу направлению и применению»¹³¹. Он утверждал «ее единственность, как обязательную для всех в достоинстве чистого, идеального ведения» и признавал ее «в качестве необходимой, жизненной стихии всякой учености, чего бы она фактически не касалась»¹³². Исповедуя, что «христианство есть жизнь, а не простая доктрина, и, следовательно, всякие теоретические учения бывают в нем лишь вторичными, отражая и рационализируя реальные жизненные явления», Глубоковский отсюда выводил одну из главнейших особенностей русского богословия: «русское богословие никогда не ограничивается констатированием и обобщением, а всюду старается проникнуть внутрь предметов и обнаружить их идейную основу», совершая «великую культурно-историческую миссию призывного и бодрого предвещения о Божественном и вечном, наиважнейшем для всякого существа в мире от начала и до конца времен...»¹³³.

Завершением богословских трудов Николая Никаноровича стали лекции, посвященные разбору Апокалипсиса св. Иоанна Богослова, окончательно просмотренные

и законченные 2 января 1936 г. (20 декабря 1935 г.) и изданные спустя тридцать лет с предисловием ученика Николая Никаноровича по Богословскому факультету Софийского университета архиепископа Аверкия (Таушева)¹³⁴. Они отразили раздумья и переживания, вызванные происшедшими в России и в мире событиями. Глубоковский признал смуты и катастрофы, при которых «вполне неизбежно взаимное истребление людей всякими губительными способами», необходимым «жертвенным процессом» мировой истории, ход которой е определяет «существующее соотношение взаимно противоположных сил» — христианства и антихристианства¹³⁵. Главным выразителем последнего является «неверующее и воинствующее иудейство. Оно непрерывно подкапывает и взрывает всю мировую историю»¹³⁶. В мировом историческом процессе Николай Никанорович просматривал «взаимное переплетение» двух планов: «вверху непрерывное и жестокое столкновение основоположительных факторов мироздания и миробытия; внизу — соучастие или отражение среди людей», причем «без второй первая могла бы окончиться во мгновение, а без первой вторая сразу была бы безнадежна»¹³⁷. «[...] задачей мирового развития могло быть только полное возобладание благодатно-спасительного добра, — замечал Николай Никанорович, — но в нашем мире, среди ограниченных существ, все это совершается с медленной и колеблющеюся постепенностью и достигается лишь преодолением и устранением зла в постоянной всесторонней борьбе с ним во всех областях и на всех жизненных путях. Принципиальное должно стать индивидуальным во всех личностях и через них сделаться универсальным во всем нашем космосе, который ради сего подлежит всецелому перерождению во всем своем составе»¹³⁸. Мировую историю Николай Никанорович воспринимал как некое тренирование «для получения небесного гражданства», как «фактическое подготовление, медленное и непроразуемое, и потому неведомое раньше реализации», в результате чего люди должны «сами воспитываться тщательно для сознательного и убежденного усвоения всего содержания тайны Божией в ее постепенном развитии, вплоть до последнего совершенства», — как «колебательно-хронологическое течение мира», совершающееся во времени «чрез повторные и даже многократные напоминания и видения по требованиям божественно-спасительной педагогики»¹³⁹.

По убеждению Глубоковского, конечная *цель* исторического труда — «быть учительным вместе с великой учительницей историей»¹⁴⁰. Для него было также незыблимо и то, что «Наука без благочестия приносит зло»¹⁴¹. «Важно и знаменательно единственно то, — замечал он, — чем движутся, проникаются и озаряются эти человеческие знания, к чему они сводятся в конечном своем применении»¹⁴².

Рубеж XIX — XX веков рассек жизнь Николая Никаноровича Глубоковского на две равные половины. Он родился за 37 лет до наступления XX-го столетия, и окончил дни свои в 1937 г. в беженстве, став участником

важнейших церковных событий на родине и в эмиграции. Жизнь его пришлось на перелом русской истории, когда страна, где Православие было господствующим исповеданием, которого придерживалось почти 100 миллионов человек, скрылась, подобно Атлантиде, под волнами «катастрофически-антихристианского», по словам самого Глубоковского, времени, а люди были «совершенно расплющены в бесформенную массу, лишенную не только образа и подобия Божия, но и простой человеческой индивидуальности», будучи объявлены «безличными и бесполоыми, штампованными товарищами»¹⁴³. Констатируя эмпирические факты применительно к «христианскому положению» и памятуя завет Спасителя: «царство мое несть от мира сего», Глубоковский дал *богословский* анализ причин наступившей «значительной духовно-христианской прострации»¹⁴⁴. И многочисленные высказывания его об этом не менее важны и ценны, чем его исследования по экзегетике и библиистике.

Воцерковление, изменяя перспективу жизни, связано с *иным* отношением ко времени и миру. Люди, подобные Глубоковскому, не пытались изменить внешние условия, которые заданы не ими и не ими могут быть изменены, ибо отвести время в другое русло не в силах человеческих. Но претерпевая («не применяйтесь к веку сему, не сообразуйтесь с веком сим». Рим. 12, 2), они побеждали

Могила заслуженного профессора
доктора Н.Н. Глубоковского,
(6.12.1883–18.03.1937),
в Софии, на городском кладбище.
Снимок сделан 18.03.2007

время, «живя в вечность», в отличие от «пленников времени», живущих по «стихиям мира» и ходящих «по кругу политики». Глубоковский утверждал, что история держится «средним человеком», а не «героическими личностями», и что «творит и делает историю не грешная политика, а святая религия»¹⁴⁵.

Важность и историческое значение личности Н.Н. Глубоковского заключается не только в том, *что писал* и *как думал* профессор Глубоковский, но и в том, *как он жил*, являя собою образец всецелого и подлинного служения академическим идеалам, вне которых, как признавал сам, «его жизни никогда и не было»¹⁴⁶.

«Наши мысли и чувства не исчезают бесследно, – замечал другой русский богослов профессор Московской Духовной академии С.С. Глаголев, – мы мыслим и чувствуем совместно друг с другом, мы поддерживаем друг друга и препятствуем друг другу, мы можем будущим исправлять прошедшее»¹⁴⁷.

Среди скепсиса и отчаяния, подлогов и обманов «дикого» и «богомерзкого лихолетия» Николай Никано-

рович Глубоковский продолжал твердо и непреклонно исповедовать существование небесных реалий христианства, признавая религиозный фактор «не отвлеченным принципом теоретического миропонимания, а творчески сознательною стихиею, которая захватывает человека сполна [...]», самым деликатным и таинственным двигателем исторического развития¹⁴⁸, веруя, что спасение может быть только духовное. «Без светлых перспектив в будущем наше настоящее проваливается в адскую бездну и нас тащит в преисподнюю пучину. Надо хоть мерцающую точку в отдалении, чтобы пережить с разумным мужеством и страданием совершить спасение – не свое только, но и всеобщее. А это спасение может быть только духовное. Мы достаточно потратили всяких материальных ресурсов, чтобы видеть всю пагубность “материалистических” расчетов. Надо водиться всецело единым духом и каждому в своей сфере поддерживать его горение. Для духовно-академических деятелей это – наши великие и светлые академические идеалы»¹⁴⁹, – таков завет великого христианского ученого и церковного труженика XX века.

Примечания

¹ Биографию Н.Н. Глубоковского см.: *Игнатъев А.* Памяти Н.Н. Глубоковского // «Журнал Московской Патриархии». 1966. № 8. С. 57-77; *Богданова Т.А.* Н.Н. Глубоковский: судьба церковного ученого (по архивным материалам) // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. Под ред. чл.-корр. Академии наук И.П. Медведева. СПб., 2004. С. 119-171.

К 140-летию со дня рождения Глубоковского в декабре 2003 - январе 2004 гг. было организовано несколько выставок, см.: *Клементьев А.К.* Юбилейные торжества в Санкт-Петербурге: Судьба и служение Николая Никаноровича Глубоковского // «Новый журнал» (Нью-Йорк). 2005. № 238. С. 287-292.

² *Глубоковский Н.* Академик профессор Борис Александрович Тураев, как христианский учитель и ученый // Воскресное чтение. 1929. № 11. С. 169-173, № 11 а. С. 185-187, № 13. С. 198-205.

³ *Глубоковский Н.Н.* Академик профессор Борис Александрович Тураев ... С. 198. Курсив наш – Т. Б.

⁴ *Ломоносов А.* О письмах ближних и дальних // Роман-газета XXI век. 1999. № 6. С. 83. *Богданова Т.А.* Новые материалы к биографии В. В. Розанова (из переписки В.В. Розанова и Н.Н. Глубоковского) // Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы. Сборник научных трудов. Л., 1989. С. 48.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 2162. № 10. Л. 3. Письмо В. В. Розанова Н.Н. Глубоковскому.

⁶ О семье Глубоковского, его детстве и учебе, см.: *Богданова Т. А., Клементьев А.К.* Уроженец Северной Фиваиды (140 лет со дня рождения Н.Н. Глубоковского) // «Православный Путь». Церковно-богословско-философский ежегодник. Приложение к журналу «Православная Русь» за 2003 г. Джорданвилль. 2003. С. 150-204. *Они же.* Из семьи Глубоковских // Глагол времени. Исследования и материалы. Статьи и сообщения научной коонференции «Прокопьевские чтения». Вологда, 2005. С. 417-437.

⁷ *Глубоковский Н.Н.* Памяти покойного профессора Алексея Петровича Лебедева (Под первым впечатлением тяжелой утраты). СПб., 1908. С. 30.

⁸ *Писарев Л.* Об академическом образовании // «Церковно-общественная жизнь». 1906. № 3, 7 января. Ст. 87-89.

⁹ *Глубоковский Н.Н.* Христианское единение и богословское просвещение в православной перспективе // «Путь» (Париж). 1926. № 4. Июнь-июль. С. 143.

¹⁰ *Глубоковский Н.Н.* Из ненапечатанного архива: автобиографические воспоминания // «Церковь и время». 2003. № 2(23). С. 170.

¹¹ Глубоковский имел ордена св. Анны 3-й и 2-й степени, св. Станислава 2-й и 1-й степени, св. Владимира 4-й и 3-й степени (пожалование последним сопричисляло его потомственному дворянскому достоинству). В феврале 1913 г. награжден светло-бронзовой медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых и удостоивался неоднократно Высочайшей благодарности за поднесенные свои труды.

¹² *Глубоковский Н.Н.* Из ненапечатанного архива... С. 170-172.

¹³ См.: *Юревич, Д.* Профессор Николай Никанорович Глубоковский: библист, опередивший время (к 140-летию со дня рождения) // «Церковный вестник» (СПб). 2003. № 12. С. 29-33; 2004. № 1-2. С. 43-48;

¹⁴ *Глубоковский Н.Н.* Благовестие св. Апостола Павла по его происхождению и существу. СПб. 1905. Т. 1. С. XXVIII, XXXI.

¹⁵ РНБ. Ф. 194. Оп. 1. № 699. Л. 22 об. Письмо А. И. Покровского.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2162. № 12. Л. 94-94 об. Письмо от 24 июня 1914 г.

¹⁷ Рукопись Н. Н. Глубоковского. Копия. Частное собрание.

¹⁸ *Глубоковский Н.Н.* Некролог профессора прот. В. Г. Рождественского. Рукопись. – ПФА РАН. Разряд II. Оп. 1. № 10. Л. 6, 12.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2162. № 14. Л. 86 об.

²⁰ ГА РФ. Ф. 5881. Оп.1. № 276. Л. 2.

²¹ О происхождении «ученого монашества» см.: *Смолич И. К.* Русское монашество. 988–1917. М., 1999.

²² *Шемелин Н.* В стенах и за стенами церкви. Об ученом монашестве // «Русская мысль». 1917. № 5-6. С. 33-52; *Болховецкий Н.* «Ученое монашество» и наша духовная школа // «Миссионерское обозрение». 1907. № 5. С. 808-816; *С. О.* Монашество и духовная школа // «Церковь и общество». 1916. № 4, 13 февраля.

²³ ОР РНБ. Ф. 194. Оп.1. № 279. *Глубоковский Н. Н.* По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об Учебном Комитете при Святейшем Синоде. СПб. 1907. С. 103.

²⁴ *Глубоковский Н.Н.* За тридцать лет (1884–1914 гг.) // У Троицы в Академии. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 216.

²⁵ Профессор доктор Н. Н. Глубоковский. Надгробное слово, сказанное Митрополитом Софийским Стефаном, при отпевании профессора Н. Н. Глубоковского в Софийском Кафедр[альном] Соборе 21 марта 1937 года // «Церковный вестник западно-европейской епархии» (Париж). 1937. № 6-7. С. 15.

²⁶ Следует отметить, что к деятельности «Союза русского народа»

Н. Н. Глубоковский относился более чем критически, о чем свидетельствуют письма к нему архиепископа Димитрия (Ковальницкого) (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Ед. хр. 438).

²⁷ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. № 1067. Л. 63.

²⁸ Там же. Л. 74, 75 об.

²⁹ См.: *Богданова Т.А.* Новые материалы к биографии В.В. Розанова (из переписки В.В. Розанова и Н.Н. Глубоковского) // Предисловие, подготовка текстов, примечания // Проблемы источниковедческого изучения русской и советской литературы. Сборник научных трудов. Л., 1989. С. 25-53; *Кипарисов А. [Клементьев А.К.]* Два письма о. Павла Флоренского Н.Н. Глубоковскому // Вестник Русского Христианского Движения. 1990. № 159. С. 174-189; *Богданова Т.А.* Письма иерархов в архиве Н.Н. Глубоковского // Рукописные собрания церковного происхождения в библиотеках и музеях России. Сборник докладов конференции 17-21 ноября 1998 года. Москва. М., 1999. С. 72-87; *Богданова Т.А., Клементьев А.К.* Письма свят. Ионы Ханькоуского, профессору С.-Петербургской Духовной Академии Н.Н. Глубоковскому // «Православный Путь». Церковно-богословско-философский ежегодник. Приложение к журналу «Православная Русь» за 2004 г. Джорданвилль. 2004. С. 20-46.

³⁰ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. № 896. Л. 21.

³¹ *Богданова Т.А.* Духовно-академическая корпорация и подготовка церковной реформы в 1905-1906 гг. // Из истории русской интеллигенции. Сборник материалов и статей к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской. СПб., 2003. С. 322-339.

³² Письмо Н.Н. Глубоковского. Копия. Частное собрание.

³³ *Глубоковский Н.Н.* С.-Петербургская Духовная Академия во времена студенчества там Патриарха Варнавы // Русское Зарубежье Святейшему Патриарху Варнаве по случаю 25-летия епископского служения. Новый Сад, 1936. С. 92.

³⁴ *Глубоковский Н.Н.* По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об Учебном Комитете при Святейшем Синоде. СПб., 1907. С. 10.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 12.

³⁷ Там же. С. 2.

³⁸ Там же. С. 3.

³⁹ Там же. С. 5. *Курсив наш – Т. Б.*

⁴⁰ *Глубоковский Н.Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава, 1928, С. 35-36.

⁴¹ Письмо Н.Н. Глубоковского. Копия. Частное собрание.

⁴² Там же.

⁴³ Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. Т. II. СПб., 1907. С. 474. *Курсив наш – Т.Б.*

⁴⁴ ОР РГБ Ф. 249. М. 4198. № 7. Письмо от 8-9 декабря 1910 г. Удивительно, что пишет ему в ответ Розанов: «Благодарю Вас за вечно милую память, в которой сказывается “простая православная душа”, под экстра-ученостью. И слава Богу: без учености еще обойтись можно, обходилась “тоlikое пространство лет” Русь: а без “прост[ой] прав[ославной] души” просто замерзли бы, да и с ума бы сошли. Как подумаешь об этом – “со всем помирисься”, – о всем скажешь: “что делать?”» (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. № 757. Л. 39-39 об. Дата получения письма 30 декабря 1910 г.).

⁴⁵ ОР РГБ. Ф. 249. М. 4198. № 8. Письмо от 1 сентября 1911 г.

⁴⁶ Известия и заметки. Раскол и секты // «Странник». 1896. Май. С. 434, 435.

⁴⁷ [*Глубоковский Н.Н.*] Комфортабельная мораль (Мысли по поводу статьи графа Л.Н. Толстого «Первая ступень») // «Церковный вестник». 1892. № 25. С. 385, 387. *Курсив наш – Т. Б.*

⁴⁸ Там же. С. 387.

⁴⁹ *Глубоковский Н.* Академик профессор Борис Александрович Тураев... С. 173

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 449. № 129. Л. 111. Письмо Глубоковского А. И. Соболевскому от марта 1917 г.

⁵¹ Там же. Л. 17. Письмо Глубоковского А.И. Соболевскому от 21 марта 1917 г.

⁵² Письмо Н.Н. Глубоковского. Копия. Частное собрание

⁵³ ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. № 96. Л. 23-23 об.

⁵⁴ *Богданова Т.А., Клементьев А.К.* Н.Н. Глубоковский и неудавшаяся попытка объединения в 1918 году Петроградской Духовной академии и Петроградского университета // Санкт-Петербургский университет. 2004. № 7 (3663), март 19. С. 42-45.

⁵⁵ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 2. № 25. Л. 7 об.

⁵⁶ Глубоковский находился в Швеции в сентябре-декабре 1918 г. по приглашению архиепископа Натана Сёдерблума.

⁵⁷ *Богданова Т.А.* История архива С.-Петербургской духовной академии в фондах Российской национальной библиотеки // К 75-летию Дома Плеханова. Сборник статей и публикаций материалов конференции. СПб., 2003. С. 150-155.

⁵⁸ См.: *Сорокин Вл., прот.* Исповедник. Церковно-просветительная деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб., 2005 (именной указатель).

⁵⁹ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. № 587. Л. 4 об. Письмо от 24 июля (6 августа) 1920 г.

⁶⁰ *Богданова Т.А.* Н. Н. Глубоковский: исход из «Петроградского Египта» // Зарубежная Россия. 1917-1939. Кн. 2. СПб., 2003. С. 153-159.

⁶¹ ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 3. № 250. Л. 13. Письмо от 12(25) декабря 1918 г.

⁶² Профессор доктор Н. Н. Глубоковский. Надгробное слово, сказанное Митрополитом Софийским Стефаном... С. 16.

⁶⁴ «Новое время» (Белград). 1922. № 477, 25 ноября. С. 4

⁶⁵ 35-летие Ученой деятельности профессора Николая Никаноровича Глубоковского. София, 1925. С. 44.

⁶⁶ Профессор доктор Н. Н. Глубоковский. Надгробное слово, сказанное Митрополитом Софийским Стефаном... С. 17.

⁶⁷ В марте 1922 – декабре 1924 гг. Глубоковский печатает целый ряд статей в английских журналах: «The Christian East», «The Theologie», «The Church Quarterly Review», «The British Weekly», «The Church Times». Статьи Глубоковского появляются также в харбинском «Русском голосе», в белградском «Новом времени» М. А. Суворина, в «Церковных ведомостях», официальном печатном органе Архиерейского Синода за границей, в журналах «Русская мысль» (Прага) и «Путь» (Париж), в варшавском православном еженедельнике «Воскресное чтение» и многих других. См. библиографию (неполную) за этот период: *Игнатъев А.* Памяти Н. Н. Глубоковского // «Журнал Московской патриархии». 1966. № 8. С. 76-77; 35-летие Ученой деятельности... С. 68-70.

⁶⁸ *Глубоковский Н.Н.* Православная църква и християнското междущърковно единение // Годишник на Софийския университет. Богословски факултет. Год. I. (1923-24). София, 1925. С. 165-166.

⁶⁹ *Николай Проворов [Глубоковский Н.Н.]*. Кому живется весело, счастливо на Руси? // «Двуглавый орел» (Берлин). 1921. № 21, 1(14) декабря. С. 48.

⁷⁰ *Глубоковский Н.Н.* На Никейских торжествах в Англии и на Всемирной Христианской конференции в Стокгольме летом 1925 г. Впечатления и наблюдения участника (как члена делегата их обоих) // «Воскресное чтение» (Варшава-Прага). 1926. № 37, 12 сентября. С. 582.

⁷¹ Письмо Глубоковского. 1930 г. // *Феодосий (Алмазов), архимандрит.* Мои воспоминания (Записки соловецкого узника). М., 1997. С. 29.

⁷² 35-летие Ученой деятельности профессора Николая Никаноровича Глубоковского. София. 1925.

⁷³ «35-летний юбилей учено-литературной деятельности профессора Н.Н. Глубоковского» // «Церковные ведомости». 1925. № 13-14. С. 9. (подпись: «Участник»).

⁷⁴ 35-летие Ученой деятельности... С. 29-50.

⁷⁵ Там же. С. 39.

⁷⁶ Там же. С. 17-18. *Курсив наш – Т. Б.*

⁷⁷ Там же. С. 31.

⁷⁸ Там же. С. 31.

⁷⁹ 1890. № 20, 4 October. S. 500-504.

⁸⁰ *Sundkler Bengt.* Nathan Soderblom. His Life and Work. S. 213-216.

- ⁸¹ Глубоковский Н. Академик профессор Борис Александрович Тураев, как христианский учитель и ученый // «Воскресное чтение» (Варшава). 1929. № 13, 31 марта. С. 202. Глубоковский вспоминал о вечерних чтениях отрывков Нового Завета (обычно Апокалипсиса) «по стиху всеми членами – друг за другом – от мала до велика на разных языках, причем я читал по-славянски и по-русски по своему неразлучному экземпляру, полученному еще в Вологодской духовной семинарии и был несказанно восхищен этим единством нашей общей веры Христовой при разности ее внешних словесных выражений [...] Было необыкновенно трогательно и умирительно...» (Там же).
- Глубоковский оставил воспоминания о Натане Сёдерблуме: «Archeviseul Nathan Soederblom sa activist crestin si ecumenic» // «Misionarul». 1933. Июль-август. С. 387-406 и в сборнике: Hagkomster och livsintryck. Til minnet av Nathan Soderblom под ред. на Sven Thulin, Upsala, 1933. С. 165-183.
- ⁸² ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. № 26.
- ⁸³ Такое название было указано в объявлении об этих лекциях. Изданы они были под заглавием: Den Ortodoxa Kyrkan och tragan om sammad lutning mellan de Kristna Kyrkorna в сборнике: Den ortodoxa kristeheten och kyrkans enhet. Stockholm – Uppsala, 1921.
- ⁸⁴ Глубоковский Н.Н. Православная церковь и христианского междоцерковно единение // Годишник на Софийския университет. Богословски факултет. Год. I. 1923-1924. София, 1925. и отд. отт.
- ⁸⁵ Там же С. 233-234.
- ⁸⁶ Там же. С. 254
- ⁸⁷ Там же. С. 254.
- ⁸⁸ Там же. С. 168.
- ⁸⁹ Там же. С. 255.
- ⁹⁰ Там же. С. 258.
- ⁹¹ Там же. С. 259.
- ⁹² Там же. С. 259.
- ⁹³ Глубоковский Н.Н. На Никейских торжествах в Англии... // «Воскресное чтение» (Варшава-Прага). 1926. № 35, 29 августа. С. 546.
- ⁹⁴ Глубоковский Н. Христианское единение и богословское просвещение в православной перспективе // «Путь». 1926. № 4 (июнь-июль). С. 139-144.
- ⁹⁵ Там же. С. 143.
- ⁹⁶ Там же. С. 144.
- ⁹⁷ Иванов А. [Чекан А.] Проф. Н.Н. Глубоковский (По случаю 35-летия ученой и церковно-общественной деятельности) // «Вечернее время» (Париж). 1925. № 304, 24 апр.
- ⁹⁸ 35-летие Ученой деятельности... С. 30.
- ⁹⁹ Глубоковский Н.Н. На Никейских торжествах в Англии... // «Воскресное чтение» (Варшава). 1926. № 37, 12 сентября. С. 582.
- ¹⁰⁰ Впервые был опубликован по-сербски: Хришћанско општење у животу и делу // «Хришћански Живот». 1925. № 11. Ноябрь. С. 482-493, затем по-английски в сборнике «The Stockholm Conference». London. 1926. S. 645-661 и профессором А. Дейсманом в немецком сборнике «Die Stockholm Weltkonferenz». Berlin. 1926. P. 626-637.
- ¹⁰¹ Глубоковский Н.Н. На Никейских торжествах в Англии... // «Воскресное чтение». 1926. № 38, 19 сентября. С. 596.
- ¹⁰² 120-летие Леснинского монастыря отмечалось в первых числах октября 2005 года. В настоящее время монастырь располагается около деревни Провемон (Provemont) на севере Франции. См. новую книгу под редакцией монахини Евфросинии (Молчановой): Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. М., 2005.
- ¹⁰³ Глубоковский Н.Н. На Никейских торжествах в Англии... // «Воскресное чтение». 1926. №35, 29 августа. С. 547.
- ¹⁰⁴ Арсеньев Н. Лозанская конференция // «Путь» (Париж). 1928. № 10.
- ¹⁰⁵ Das Evangelium, die Kirche und die Sakramente // «Christentum und Wissenschaft». 1927. № 10. S. 447-455. Доклад также опубликован по-английски в сборнике: Faith and Order. Proceedings of the World Conference. Lausanne. 1927. S. 67-78; по-немецки: Herman Sasse. Die Weltkonferenz für Glauben und Kirchenverfassung. Berlin. 1929. S. 148-157 и в сборнике: Christentum und Wissenschaft». 1927. № 10. S. 447-455; по-сербски в журнале «Гласник» (1929, 1/14 мая-1/14 июня. С. 140-141, 149-150, 169).
- ¹⁰⁶ Цитируется по автографу на русском языке, хранящемуся в Бахметьевском архиве в Нью-Йорке.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ В 1932 г. Глубоковский вместе с протопресвитером о. Г. Шавельским принимал участие в V конгрессе русских заграничных академических организаций, где выступил с тем же докладом, он опубликован в книге: «Труды V-го Съезда Русских Академических организаций за границей». Ч. I. София. 1932. С. 99-132.
- ¹⁰⁹ Christ und Kirche // «Theologische Blätter». 1930. Декабрь. С. 327-329.
- ¹¹⁰ Профессор доктор Н. Н. Глубоковский. Надгробное слово, сказанное Митрополитом Софийским Стефаном... С. 15.
- ¹¹¹ «Христианское Чтение». 1898. № 9. С. 365-400.
- ¹¹² Профессор доктор Н.Н. Глубоковский. Надгробное слово, сказанное Митрополитом Софийским Стефаном... С. 15.
- ¹¹³ «Лондонская Никея обнаружила это, а Стокгольм санкционировал и обеспечил фактическое осуществление подобных стремлений, как для всех насущных и желательных» (Глубоковский Н.Н. На Никейских торжествах в Англии... // «Воскресное чтение» (Варшава). 1926. № 38, 19 сентября. С. 596.
- ¹¹⁴ Глубоковский Н.Н. Православный Изтокъ и христианияскитъ Западъ и възможното участие на студентовото въ тяхното взаимодействие // Зов. Кн. 1 и 2. София. 1926-1927. С. 31.
- ¹¹⁵ Глубоковский Н.Н. Православная церковь и христианского междоцерковно единение... С. 163, 164.
- ¹¹⁶ Глубоковский Н. Н. Православие по его существу Спб., 1914. С. 14, 22, 23.
- ¹¹⁷ Там же. С. 22, 20-21.
- ¹¹⁸ Там же. С. 16-17.
- ¹¹⁹ Глубоковский Н. Православный Богословский Институт в Париже и его международное значение // «Церковный вестник западно-европейской епархии» (Париж). 1929. № 2. С. 21. Статья была напечатана также в английском журнале «The Christian East» (1929. № 1. С. 39-42), для которого первоначально и предназначалась.
- ¹²⁰ Глубоковский Н. Православный Богословский Институт ... С. 21; Отчет о деятельности православного Богословского Института за 1928-29 акад. год // «Церковный вестник западно-европейской епархии» (Париж). 1929. № 11, ноябрь. С. 10.
- ¹²¹ Серафим (Лукиянов), митрополит. Воспоминания. Ч. I. С. 289. – Бахметьевский архив.
- ¹²² Ученый Комитет при Архиерейском Синоде. Объяснительная Записка // «Церковная жизнь». 1939. № 1-2. С. 12. Здесь же (С. 13-15) опубликовано «Положение об Ученом Комитете при Архиерейском Синоде, утвержденное Синодальным определением от 16/29 сентября 1938 г.».
- ¹²³ См.: Петр (Еремеев), иеромонах. Софийский архив Н.Н. Глубоковского // «Церковь и время». 2003. № 2 (23). С. 140-156.
- ¹²⁴ Рукопись «Объяснительного библейского словаря» хранилась в архиве Свято-Троицкой Духовной Семинарии в Джорданвилле, куда была передана на хранение дочерью профессора М.Э. Поснова И. М. Посновой вместе с машинописным вариантом текста, подготовленного ею к изданию. Ныне он издан под заглавием «Библейский словарь». Сергиев Посад; Джорданвилль, 2007.
- ¹²⁵ В.К. Памяти профессора Н. Н. Глубоковского // «Голос Литовской Православной Епархии». 1937. № 7-8 (89). С. 74.
- ¹²⁶ Профессор доктор Н.Н. Глубоковский. Надгробное слово, сказанное Митрополитом Софийским Стефаном... С. 15.
- ¹²⁷ Глубоковский Н.Н. Благовестие Апостола Павла по его происхождению и содержанию». Экзегетико-догматические очерки. София. 1934. С. 2.
- ¹²⁸ Чекан, свящ. А. Профессор Н. Н. Глубоковский // «Церковный вестник западно-европейской епархии» (Париж). 1937. № 3-4. С. 14.
- ¹²⁹ Глубоковский Н.Н. Прот. В. Г. Рождественский (рукопись). – ПФА РАН. Разр. II. Оп. 1. № 310. Л. 13.
- ¹³⁰ Там же. I Кор. 2;13-14: «Что и возвещаем не от человеческой

мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого, соображая духовное с духовным». «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуместь, потому что о сем надобно судить духовно».

¹³¹ Глубоковский Н.Н. Академик профессор Борис Александрович Тураев ... С. 201.

¹³² Там же.

¹³³ Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава, 1928. С. 70. Переиздано: М., 1983, 2002.

¹³⁴ Глубоковский Н.Н. Благовестие Христианской Славы в Апокалипсисе Св. Апостола Иоанна Богослова. Сжатый обзор. Посмертное издание. Jordanville. N. Y. 1966, переиздано: СПб, 2002.

¹³⁵ Глубоковский Н.Н. Благовестие Христианской Славы ... Jordanville. N. Y. 1966. С. 43, 44.

¹³⁶ Там же. С. 48.

¹³⁷ Там же. С. 113

¹³⁸ Там же. С. 43.

¹³⁹ Там же. С. 56, 55, 113-114.

¹⁴⁰ Глубоковский Н.Н. Блаженный Августин в изображении русского светского историка. О книге проф. Вл. И. Герье. Блаженный Авгу-

стин. Зодчие и подвижники «Божьего царства». Часть I. М., 1910. С. 37. «И всегда история, рисуя в научном освещении минувшую жизнь, в то же время направляет к лучшему жизненному деланию, служит для него надежною пропедевтикой и объективно учителем, засвидетельствованном в горниле исторически неложного и фактически проверенного опыта» (Глубоковский Н.Н. По вопросам духовной школы... С. 33).

¹⁴¹ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. № 1067. Л. 63. Семинарское сочинение Н. Н. Глубоковского.

¹⁴² Глубоковский Н.Н. Академик профессор Борис Александрович Тураев... С. 198.

¹⁴³ Там же, С. 170.

¹⁴⁴ Там же. С. 169.

¹⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 416. Л. 9. Письмо В. В. Розанову от 12 августа 1916 г.

¹⁴⁶ Письмо Н.Н. Глубоковского. Копия. Частное собрание.

¹⁴⁷ Там же. С. 224.

¹⁴⁸ Глубоковский Н.Н. Памяти покойного профессора Алексея Петровича Лебедева. (Под первым впечатлением тяжелой утраты). СПб., 1908. С. 3.

¹⁴⁹ Письмо Н.Н. Глубоковского. Копия. Частное собрание.

Несколько мыслей кончающего курс Семинарии о задачах пастырского служения и об успешном выполнении их в виду запросов и потребностей настоящего времени, — благопожелания остающимся в заведении для продолжения своего образования и благодарность наставникам и начальникам*.

Товарищи!

Остается еще несколько минут, когда мы находимся в стенах нашей Семинарии, как ученики и, пожалуй, хозяева, но скоро... очень скоро будем входить сюда уже как гости... Хотелось бы сказать вам теперь несколько простых и прочувствованных слов, поделиться теми мыслями, какие возбуждаются в нас после шестилетнего пребывания в здешнем заведении. Бог знает, придется ли встретиться с вами когда-нибудь и по-прежнему, по-товарищески, пожать ваши руки, а если и придется, то во всяком случае, при новых условиях и при совершенно другой обстановке. Великая и торжественная минута для Семинарии, несмотря на то, что это обычное явление в нашем кругу... Она выпускает из своих стен новые и свежие силы, которые отправляются на дело свое, на служение Церкви и отечеству. Что же несут эти люди? Какие идеалы и какие задачи они поставляют себе? А они несут с собою священную преданность православной вере и государству, горячую любовь к своему Русскому народу. Их задача - поднять темные массы на высоту своего христианского призвания, просветить их светом Евангельского учения и подготовить к сознательному и разумному, выполнению своего назначения. Мы верим и знаем, что в этих массах заключается великая мощь, которая распространяет вверх свои здоровые соки и служит главною основой могущества нашего славного отечества. Но эта мощь есть пока сила потенциальная, хотя и разумная, — сила скрытая, хотя и великая. Она выражается обыкновенно только в виде устойчивости народа против различных вредных веяний, идущих отвне, а проявляется во всем своем блеске и величии лишь в особенных случаях, в особенно знаменательные эпохи для России, когда поднимаются все, как один человек.

Уже давно раздается могучий клич нашего великого писателя: «проснися дремучий Восток!» — и этот клич и по сие время

Здание Вологодской Духовной семинарии Фото нач.ХХ века

остается во всей своей силе и звучит, — по крайней мере, должен звучать в груди каждого, искренне желающего принести пользу своему народу. И вот теперь новые деятели идут сюда, — просвещать эту народную массу Словом Божиим, которое, правда, не владеет и не ищет внешней поддержки, но зато могуче своею внутреннею, божественною действенностью. Трудна их задача и не видно, скоро ли последует ее полное осуществление в настоящей жизни, но это — задача каждого истинного последователя Христова, а тем более — пастырей Церкви, которые обязаны стремиться к тому, чтобы все пришли в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова. (Еф.4, 13). Нельзя не содрогнуться в виду всей великой важности и трудности этой миссии, но дадим себе

* Писано на память в форме "дружеской" речи. — прим. Н. Н. Глубоковского.

Преподаватели Вологодской Духовной семинарии: В.С. Карпов, прот. Я.Т. Кузнецов, В.И. Рейпольский. 1884 год

честное слово – быть право правящим слово Божественной истины, не пощадим своих сил и вспомним поэта:

*Куда как упорен в труде человек!
Чего он не сможет...Лишь было б терпенье
Да разум, да воля, да Божье хотенье!*
(И.С. Аксаков)

Мы уже прошли период школьного воспитания, достаточно развили себя и потому можем быть – в большей или меньшей степени – уверены, что имеем «разум». Кроме того, предстоит еще полная возможность дополнить свое образование, закрепить приобретенные здесь знания и таким образом достигать желаемого и нужного совершенства в умственном отношении. Несомненно, у каждого из нас есть привычка к интеллектуальному труду, умение взяться за дело, а потому и на новом месте не будем забывать науки, помня пословицу: «жизнь прожить – не поле перейти»...

Не станем сомневаться и в Божием хотении: наше дело есть дело Божие, а потому и благоволение Вышнего всюду будет с нами и над нами. Остается запастись тою настойчивостью, которая не боится житейских бурь, смело идет вперед и не уступает ни одного шага без боя, а все это легко встретится каждому на вашем жизненном пути. Конечно, вы – товарищи, уже давно обдумали, к чему вы готовитесь, измерили свои силы и теперь ясно определили свою задачу – предусмотрели все светлые и темные стороны в предстоящем вам служении. Можно ли, поэтому предаваться каким-ниб<удь> мрачным мыслям касательно успеха вашего дела и сомневаться в нем? Положим и говорят, что молодость полна заманчивых надежд, верит только себе, но ведь она может быть и горячо преданною Богу, смиренною пред неведомыми судьбами Его промысла и покорна Его святой воле. А не есть ли это самые высокие и благородные чувствования, ручающиеся за ваше будущее. Ибо

*Не терпит Бог, людской гордыни,
Не с теми Он, кто говорит:
«Мы – соль земли, мы – столб святыни,
Мы – Божий меч, мы – Божий щит!»
Но с теми Бог, в ком Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всех изгибах бытия.
Он с тем, кто духа и свободы,*

*Ему возносит фимиам,
Он с тем, кто все зовет народы
В духовный мир, в Господен Храм*
(А.С.Хомяков)

Итак, надеясь на себя и Божью помощь, мы, – по крайней мере, многие из нас вступают в самостоятельную жизнь. Не мало роится планов, много надежд и желаний... Не будем терять и подавлять в себе этот здоровый жар, эту священную ревность; напротив – постараемся сохранить в себе такую внутреннюю светлость, которая будет и согревать вас при разных невзгодах и побуждать вас к дальнейшей и дальнейшей деятельности. Тот не жив и не живет полною жизнью, кто не имел этих надежд, кто ни разу не испытал восторга пред желанием – осуществить свои взгляды и убеждения. Легко предположить (как и говорят после «старые» люди), что все это несбыточные утопии, бред неопытных юношей, но они заключают в себе какую-то неизъяснимую силу, вносят бодрость и свежесть везде, куда бы ни попали подобные личности. При них пробуждаются спящие, ободряются слабые и разочаровавшиеся – и все чувствуют внутреннюю потребность делать что-н<ибудь> и исполнять Божие дело. Они как бы освежают жизнь, застывшую в известных установившихся формах, сменяют старых деятелей и таким образом дают толчок к дальнейшему и дальнейшему преуспеванию. Будет время, и мы станем стариками; может быть, тогда совершенно изменятся взгляды, выработается иной строй мыслей, но тогда же и кончится и наша миссия: тогда настанет пора сходить с жизненной сцены и отдать свое место другим личностям с таким же избытком сил, бодростию духа и уверенностью в себе. Тот не принадлежит к новым людям, кто уже отсюда выходит с мрачным взглядом на жизнь и народ и, пожалуй, с одними меркантильными и постыдными расчетами на будущее благоденствие. Он лишь увеличит собою контингент деятелей, отживших век и не могущих преодолеть свой возраст, будет постоянно кружиться на одном месте и смотреть не вперед, а назад. Новые времена требуют и новых [деятелей – зачеркнуто Н. Н. Г.] личностей, умеющих понять дух эпохи и разумно, по мере возможности, удовлетворить насущным потребностям. А теперь несомненно, нужны люди смелые и энергичные, с сердечностию юности смотрящие на свое будущее и твердо верящие в величие и спасительность своего призвания. Исторический опыт уже достаточно русских

в неразумности прежнего отчуждения от народа*, ибо здесь главная основа силы и могущества нашего государства, – в той темной массе, которая носит столько скрытой, непроявленной жизни. Это и есть именно тот ключ, о котором говорится:

*В твоей груди, моя Россия,
Есть также тихий, светлый ключ!
Он также воды льет живые,
Скрыт, безвестен, но могуч.
Не возмутят людские страсти
Его кристальной глубины,
Как прежде холод чуждой власти
Не заковал его волны.
И он течет – неиссякаем,
Как тайна жизни, невидим,
И чист, и миру чужд, и знаем
Лишь Богу да Его святым.*

(А.С.Хомяков)

И если мы постараемся открыть этот родник, тогда, наверно вступил отсюда не как чужие к чужим, а как братья к братьям, и сделаемся истинными пастырями, понимающими друг друга. Тогда наше слово не будет раздаваться в пустоте и пропадать без пользы; его с искренним вниманием послушают вверенные вам, потому что увидят в нем проявление любви. Народ – это не какая-нибудь косная и неподвижная масса; его не переделаешь по-своему и только сам измучишься и других измучишь, не присматриваясь и не прислушиваясь к нему. Имеющие очи, чтобы видеть, могли убедиться на опытах настоящего, как и почему разумные и неразумные деятели на попрание народного воспитания потерпели решительное фиаско. Их не приняли здесь, потому что они пришли с чуждыми народу взглядами, видели в нем только материал для приложения и экспериментальной проверки различных теорий. В виду таких уроков времени постараемся смотреть глазами русского человека на русский народ; иначе мы ничего не найдем здесь, кроме мрака и невежества непросвещенной толпы, ничему не научимся и потому сами ничему не научим...

*Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В нагоде твоей смиренной,*

говорит поэт Ф.Тютчев.

Само собою понятно отсюда, как необходимо нам избегать этих крайностей, этого недостойного сомнения, которое внушает человеку мысль, что только то и хорошо, что приобретено им из книг. Будем проще и сердечнее относиться к своей пастве, постараемся полюбить ее всею душой, видя во всех подчиненных своих братьев и равных во Христе. А тогда мы найдем и встретим везде добрый привет, если не сначала, то после, когда достаточно выяснится искренность наших желаний и стремлений.

Впрочем, это вовсе не значит унижаться пред людьми, принаравливаясь ко всем их темным требованиям и потворствовать грубым страстям и невежеству. Неразумно и нечестно менять истину на ложь и из учителя становиться рабом своих подчиненных. Может быть, такой образ действий и дает некоторым хорошее обеспечение, но он положительно лишает их свободы: им бросают хорошие подачки, но несомненно презирают в душе и оскорбляют на каждом шагу. Нужно убедиться

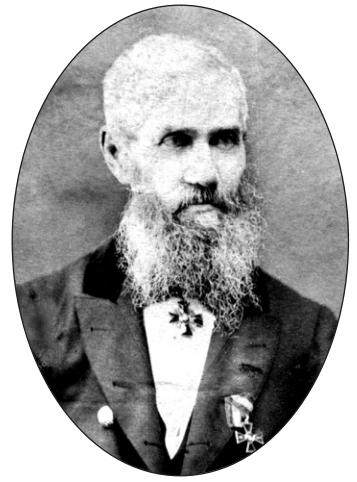
и поверить, что большая часть пороков нашего народа не есть природное и коренное его свойство. Поэтому, нам кажется, что и ваша задача не предполагает необходимо постоянной вражды и сурового обличения. Раскрывая и развивая добрые стороны народного духа, вы уже тем самым станете уничтожать все эти темные пятна, все многочисленные недостатки, которые закрывают для многих народное добро и считаются даже второю природой русского человека. Уместно и обличение вовремя и строгость при случае, но они теперь не будут являться холодными и безотрадными, мертвящею силой, которая не видит ничего хорошего впереди, не хочет узнать тех путей, какими можно вывести народную массу на широкую дорогу. Ваше слово будет словом живым, растворенным любовью, а потому и действенным, словом со властью. Это тем более вероятно, что христианство – или точнее – православие сделалось существенною стихией народной жизни и неотъемлемым свойством Русского человека; без этого немислим наш народ и он никогда не был таков со времен вступления на историческую сцену. Недаром же

*Удрученный ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил благославляя.*

(Ф.Тютчев)

История свидетельствует, что православия не могли здесь подавить никакие влияния, никакие трудные и тягостные эпохи для России. Господствовало когда-то Монгольское иго, но оно тяготило над нашей землей лишь своею материальной силой – и сами наши поработители нередко поддавались нравственному влиянию своих подчиненных. Скажем даже больше. Русского человека, Русский народ не мог запутать в свои сети и сам коварный Рим. Несмотря на то, что еще со времен Владимира Святого он простирал свои когти, – и доселе попытки его остаются безуспешными. Правда, ему отдалось несколько личностей, но они не были по душе Русскими, по крайней мере, не знали и не понимали своего народа, а потому и не могли жить здесь. Правда, была мрачная эпоха унии, когда, по-видимому, почти половина Руси подчинилась Римскому престолу, но это представляло собой только тень покорности и подчинения. Русский народ не сделался католическим, не хотел быть таким; а потому мало-помалу, несмотря на самые неблагоприятные условия, давно уже начал и теперь еще продолжает свертывать это непривычное для него ярмо. А кто становится католиком, тот отрекается и от своего происхождения и от своей национальности, – не хотел даже называться русским и всех своих соплеменников клеймит позорными именами. Не стала Русь иною и после долговременного и постыдного подражания Западу. Оно только доказало нам, как вредно подобное «самоотрицание» во всех сферах жизни и знания. Русский же народ всегда оставался в стороне от этих несчастных увлечений и неизменно хранил свою верность Святой Церкви и преданность Монарху-Царю. Вам не придется поэтому начинать все сначала и готовить даже самую почву для сеяния Слова Божия: она давно готова и ждет честных делателей. Только (еще раз повторяем это) постарайтесь ближе узнать народ, полюбить его, вдохнуть в себя его дух, чтобы хорошо выполнить свое высокое назначение. Религиозное образование и развитие, – это насущная и, так сказать, естественная потребность русского человека, а умение, настойчивость и любовь могут победить и преодолеть все препятствия. Не нужно забывать, что это корень и основа

* Вероятно, в тексте пропущено слово – Т. Б.

Преподаватели Вологодской Духовной семинарии: Я.И. Левитский, А.Н. Хергозерский, Н.И. Суворов. 1884 год

всякого образования и истинного прогресса. Но если основание прочно, то и все здание крепко. Поэтому развивая и возвышая народ в религиозно-нравственном отношении вы тем самым будете готовить свою паству и вообще к более свободному развитию здесь просвещения. В союзе с верою и оно крепко привьется к нашему народу, станет разливать свой свет и нести с собою те блага, которые необходимо из него вытекают или за ним следуют. Сделается тогда русский человек действительно человеком, христианином, верным и честным слугою отечества. Везде будет больше света веры и света науки, а где свет, там нет и не может быть темноты и разных черных пороков. Скорее настанет время, когда заживет Русь сознательною и разумною жизнью и сделается подлинно Русью святою и православною, Русью могущею и славною. Вам нечего страшиться и за свое благосостояние и материальное обеспечение: любя народ, вы и сами будете любимы им, а потому и «вся сия приложатся вам», по слову Евангелия.

Итак, товарищи, жизнь, в которую вы вступаете, и ваше призвание требует ваших сил и именно сил свежих, могущих энергичнее и сочувственнее отозваться на запросы народного духа и живее ответить на них. Вот почему так и дороги – ваши светлость взгляда, благородность стремлений и желаний. Не теряйте их, не опускайтесь в омут житейской суеты, а старайтесь быть яркими светильниками в той среде, какая будет назначена Богом. Положим, не так красна жизнь и наше положение, но... когда вас постигнут несчастья или обстоятельства сложатся очень не благоприятно, вспомните слова поэта и последуйте им:

*И ты, – когда на битву с ложью
Восстанет правда дум святых, –
Не налагай на правду Божию
Гнилую тягость лат земных
Доспех Саула – ей окова
Саулов гостен шлем;
Ее оружие – Божье слово,
А Божье слово – Божий гром!*

(А.С.Хомяков)

Прощайте, друзья!.. Прощайте, товарищи!.. Скажите себе: любим святую Церковь, любим Монарха-отца и свой Русский народ – и будущее ваше обеспечено. *Покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении бла-*

гочестие, в благочестии – братолюбие, в братолюбии любовь. Если это в вас есть и умножается, то вы не останетесь без успеха и плода. (2 Петр. I, 5-8).

Прощайте и вы, остающиеся здесь для окончания своего образования... Скоро займете вы наши места, скоро и незаметно достигнете и вожаемого предела, когда и вам придется сказать то же прости, то же спасибо, какое несем мы теперь Семинарии. Вас затем сменят следующие поколения, новые молодые силы, и так далее в бесконечность... Что же? Неужели и пойдет все это так механически регулярно, а вы будете оставаться лишь безучастными созерцателями совершающегося и спокойно ждать своей очереди? Нет, товарищи! Не того мы хотим [sic!] и просим от вас при настоящем случае. Мы просим теперь от вас сознательного и свободного отношения к себе, к своему положению, – к тому, что сделали мы, ваши предшественники, и что оставите вы следующим поколениям. Только при таком порядке вещей и возможно разумное и здоровое развитие всего учебного дела, когда мы не пассивно усваиваем себе наследие предков, а критически относимся к нему и стараемся внести свою посильную лепту для общего блага. Жизнь не создается по готовым формам, идущим откуда-либо извне; она уже имеет свои правила и свои законы. Поэтому вам и прежде всего вам необходимо избегать прежних промахов и ошибок и улучшать тот путь, по которому идем мы и по которому прошли и пройдет еще много других личностей. Вы будете смотреть на нас, повторять наши шаги, – много, может быть, найдете хорошего, а многое и отбросите, как не идущее к делу, случайное, наносное и даже вредное, – и тогда нам легче будет проститься с вами и пожать ваши руки в надежде видеть после более здоровые и спелые плоды. Смело и верно пойдете вы вперед и с отрядным чувством оставите Семинарию; ваши потомки станут продолжать ваши труды и таким образом педагогическое дело все ближе и ближе будет подвигаться к тому желаемому идеалу, который составляет теперь лишь *prim desiderium*. В прошлом, как в зеркале, вы будете созерцать себя и измерять свое совершенство. Оно спасет вас от той холодности и безучастности к своему положению, которое больше всего и вредят ему. Не будет тогда так много поступков случайных, необдуманных, за которые нам приходится раскаиваться пред собою и вами. Кроме того, пред вами откроется полная свобода, потому что увидят и узнают, что вы дорого цените и умеете пользоваться ею; будут принимать и ваши заявления, потому

что они явятся тогда не как плоды раздраженного протеста, а как необходимое требование, которое постараются удовлетворить. Не лучше ли жизнь и деятельность сознательная жизни скучной и однообразной, уложившейся в известные рамки, которых мы не хотим раздвинуть или сузить, смотря по обстоятельствам? И не лучше ли для вас самих и для всего вообще учебного дела, если вы будете принимать в этом живое участие? Не приятнее ли начинать самим свое улучшение, чем принимать от других различные меры и иногда по принуждению? Говорим: по принуждению – потому, что кто не умеет себя ограничить во время и сдерживать, тот не поймет вполне (по крайней мере, на первых порах) и того, что станут делать за него другие. Многие из вас уже на себе испытали это и потому поверят нашим словам, – поверят, что всегда так будет, пока вы не отнесетесь с должным беспристрастием к себе, не будете контролировать себя во всех отношениях. Чем меньше сознательного и беспристрастного отношения к собственной личности, чем меньше самоограничения, тем меньше для вас свободы и той бодрости, при которой не страшен никакой труд, а все идет легко и успешно. Веселее жить и работать при таком порядке, отраднее и наставникам видеть таких учеников. Вы будете понимать свое положение, – и вас будут понимать, вы будете уважать других и вас станут уважать... Итак, товарищи, мы верим, что вы продолжите наше дело с большим вниманием к себе, к прошлому и будущему и потому достигнете лучших результатов. Предлагаем это, как последний прощальный завет; только исправляйте наши недостатки «Бога для, а не кляните» (Нестор), не смейтесь над вашими предками, но учитесь от них, зная, что только таким образом и вырабатывается все лучшее в настоящей жизни и в особенности в нашем быту. Мы оставляем вам свой опыт и труд, и надеемся видеть в вас людей серьезных, идущих разумно к своей цели, а не по традиции только, не потому что так шли прежде нас и еще много ... много людей пойдет и после нас. Право, тяжело, оглядываясь назад, видеть, как много опрометчивых и дурных шагов сделано нами лишь потому, что они происходят случайно, необдуманно, без должного наблюдения над собою. Будьте же творцами закона, а не рабом его, и дополняйте свое образование самообразованием и самовоспитанием. Без них не может быть прочного знания и решительного успеха ни в чем: без них нельзя достигнуть выдержанности, стойкости в своих убеждениях. И если вы будете поступать так, тогда вам не придется испытывать той доли горечи, которая примешивается к светлым чувствам, переживаемым нами в настоящие минуты. Вы пойдете отсюда с радостным сознанием исполненного долга, с твердою верою, что ваши потомки будут благодарить и благословлять вас...

Вологда. Вид на Кирилло-Иоанно-Богословскую семинарскую церковь (снесена) и семинарию с Парадной площади. Фото 1882 года

Прощайте, наши добрые начальники и наставники! Весело и свободно было жить с Вами и отраднo вспоминать после те счастливые минуты умственного просветления, когда образовывался и складывался человек. Приятно было слушать вашу живую беседу и усваивать те богатства духа, которое вы приобрели своим трудом и опытом. Много произошло между нами во время шестилетнего пребывания здесь, много неприятностей и оскорблений мы могли нанести вам, но простите вы это великодушно и примите искренние извинения за нашу неопытность. Молодость бурна и неустойчива, не любит подчиняться правилам, потому что еще не имеет их в себе, но тем славнее и благороднее подвиг тех, которые разумно и по-человечески умели насадить добродетель на эту восприимчивую почву. Благодарность вам и вечное спасибо от всех и на все..., за ваши честные труды и заботы, за вашу доброту и внимательность к нам... Тихо и незаметно делаете вы свое святое дело, не блестяще оно по виду и не заманчиво по материальному обеспечению, но оно важно и славно по тому добру, какое приносит другим, «меньшим братьям»: оно делает нас людьми и христианами, верными слугами церкви и преданными сынами отечества. Нет выше и чище той внутренней отрады, которая дается человеку сознанием, что им выполнен, по мере сил, христианский долг любви к ближним, что сделано хорошее дело, – и нет выше той благодарности, которую мы приносим пред вами в последний раз... Долго... очень долго, до гробовой доски (– в этом убеждает опыт наших предшественников и отчасти – наш личный) будут вспоминаться эти светлые и дорогие нам люди и многие из нас вознесут горячие молитвы к Богу о вашем здравии и благоденствии, когда сделаются служителями алтаря Господня...

Еще раз прощайте, товарищи!.. Смело вступайте в жизнь, несите свои свежие силы и знания, чтобы посвятить их Церкви, Царю и народу. Не страшитесь житейских бурь и треволнений, а постарайтесь встать выше всех этих невзгод и победить их. Пришла пора оплатить тот долг, который лежит на нас

пред обществом и который мы постараемся возратить ему своими трудами и усердием к своему делу. Будем *служить друг другу тем даром, какой кто получил, как добрые строители многообразной благодати Божией. Говорит ли кто, говори как слова Божии, служит ли кто, служи по силе, которую дает Бог, дабы во всем прославлялся Бог чрез Иисуса Христа* (1 Петр, 4, 10–11). Прощайте!.. Счастливого вам путь!..

**Вологда 1884 года,
Июня 16 дня
Кончающий курс Семинарии
Николай Глубоковский
(Писано во время экзаменов между 10 и 16 числами
Июня).**

Архиепископ Натан Сэдерблом

(по личным впечатлениям, наблюдениям и воспоминаниям)*

Память праведных с похвалами
(Притч. X, 7.)

Архиепископ Натан Сэдерблом — это имя совершенно неожиданно вплелось в самое существо моей позднейшей жизни и составляет наилучшее украшение и самое отрадное утешение наиболее печального ее периода. Это верно и во многом отношении и в принципиальном смысле. Кратко расскажу то и другое по непосредственным впечатлениям и по собственным наблюдениям.

I.

В среду 6 марта (21 февраля) 1918 г. я получил в Петрограде следующую телеграмму из Уппсалы: «Fondation Olaus Petri vous invite donner conferences dans Universite septembre. Soederblom». Это была для меня совсем непонятная загадка. Внимательно следя за иностранною научно «богословскою» литературой, я не искал и не имел заграницей широких персональных связей. На Западе были у меня лишь знакомые имена, но не близкие лица, и судьбою их я интересовался только для того, чтобы отметить в своей библиографии научно-профессорское повышение или кончину известного автора. А с 1914 г., — когда стихийно разразилась военная буря, — весь Запад целиком исчез из моего взора и слуха за дымными завесами и оружейным грохотом международного безумства... Я знал «Сэдерблома» лишь по его талантливой диссертации о маздеизме (*La vie future d'après le Mazdeïsme*, Paris. 1901) и о всем прочем не ведал нисколько. А об Olaus-Petris-Stiftelsen я мог разыскать некоторые смутные данные единственно в Уппсальских чтениях проф. Ad. Deissmann'a об Апостоле Павле (Tubingen 1911).

Все это не располагало меня к утвердительному ответу, которого не вызывали прямо и дальнейшие разъяснения в письмах Архиепископа и в сообщениях Шведского посольства, служившего в Петрограде благожелательным посредником. Н. Сэдерблом слишком много предполагал, а я почти ничего не понимал. Отсюда возникали неизбежные недоразумения касательно цели моей поездки и задачи моих чтений. С другой стороны и на Западе было еще столько всякой запутанности, что было точно ни рассчи-

*Н.Н. Глубоковский и архиепископ Н. Сэдерблом.
Уппсала. 6 октября 1928 года*

тать, ни предвидеть. Планы Н. Сэреблюма, естественно, менялись, — и, не имея возможности установить их прочно, он должен был ограничиться кратким призывом: «приезжайте, — здесь устроим!». Все расходы были гарантированы.

Но для меня лично трудности были почти не преодолимы. Меня звали в качестве представителя православной России, но на это я не имел права, а патриарх Тихон мне его не давал, не будучи достаточно осведомлен о проектах Уппсалы, где задумывали какую-то междущерковную конференцию. Пришлось удовольствоваться тем, что, с его соизволения митрополит Петроградский Вениамин (Казанский, расстрелян 4 сентября-22 августа 1922 г.),

снабдил меня своею «церковною» рекомендацией. Выбор и составление лекций оказались весьма нелегкими. [стерты 3 строки]. Моя душа была «не на месте», и если я был к чему-либо способен, то лишь к жестокому обличению и решительной борьбе во имя правды и истины [стерты несколько слов]. Теперь для меня ясно, что подобные трактации просто были «неудобны», но тогда я настаивал на них, присоединив два допол[нител]ьные курса — о православной униональности и о русской богословской учености. За трудностью сношений приходилось и здесь отложить решение до прибытия в Швецию, но разве не было огромным риском ехать в неведомую Уппсалу для университетских чтений с одними эскизами и контекстами?...

[стерты несколько слов] террор и стал душить форменный голод, моя служба везде прекратилась, я не имел и не мог оставить никаких средств содержания или обеспечить хотя малейшую защиту своей жене, а она от природы была слабая и болезненная, совсем не приспособленная к житейской борьбе и совершенно беспомощная. Как было оставить ее на произвол грубых [1 слово стерто] со стороны [1 слово стерто], которые нагло кричали в лицо хрупкой женщине: «ну подохнешь, нам-то какое дело?»... Она не препятствовала мне нисколько, но у меня самого долго не находилось моральной решимости...

Наконец, и большевистские «власти» грозно смотрели на всех искателей заграничных экскурсий, профессоров же, особенно богословов, открыто ненавидели и всячески третировали, а на заграничные приглашения и удостоверения [1 слово стерто] плевали, не обращая на них ни малейшего внимания, бросая все документы в мусор. Усилия Шведской миссии, дававшей необходимые гарантии, не имели успеха, и лишь окольными путями чрез разные таинственные посредства удалось добиться дозволения на годичную командировку в Скандинавию, Англию и Европу.

Отовсюду были целые тучи препятствий и опасностей, не обещавших ничего хорошего ни мне, ни близким моим – без всякой пользы междущерковному делу, для меня тогда весьма туманному. Наоборот, грозили несомненные и жестокие беды. Посему я все время колебался и – тем не менее продолжал вести переговоры, не соглашаясь прямо, но и не отклоняя категорически, хотя у меня лично никакой охоты на поездку не было, и я – скорее – рад был бы благовидно избавиться от нее. Для меня самого было крайне удивительно подобное раздвоение, когда простой здравый смысл принудительно склонял к безусловному отказу... Я чувствовал, что «меня влечет неведомая сила», превосходящая все внешние преграды, как солнце притягивает отдаленные частицы, – и это была сила покоряющей любви, которая неотразимо и захватывающе действовал на меня во всех обращениях Архиепископа.

Я повиновался и с паспортом от 12 августа 1918 г. выехал на пароходе 3 сентября, немало помучился в пути и лишь 7 числа попал в Стокгольм, а с Н. Сэдербломом свиделся в Уппсале уже 12-го сентября. Он лично встретил меня (вместе с досточтимым проф. И.А. Лյонделем, прекрасно владеющим по-русски) на самом вокзале и сейчас же ввел в свою семью, где я сразу оказался в атмосфере трогательного внимания и сердечного сочувствия, а парадный обед, начатый молитвою и законченный совместным благодарением Богу производил впечатление первохристианской трапезы. Я отогревался от большевистского человеко-ненавистничества для братской солидарности в общечеловеческой любви. Наряду с этим обнаружилось, что обо мне предусмотрели еще и нечто лучшее. Зная, что я истощен физически и истерзан душевно, меня устроили гостем в имение Kiplingeberg (близ Уппсалы) в благородную фамилию Engeström'ов, где дочь Stanny, (ныне m-me Fort) много работавшая в австрийских лагерях русских военнопленных, хорошо говорила по-русски и усердно служила мне доброю и милою руководительницей. Так я прожил целый месяц в совершенном довольстве, душевном и телесном, вполне окреп и достаточно ориентировался во всей обстановке, пригодное из своих материалов обработал для лекций (с несколькими фразами даже по-шведски) и в свое время (30 сентября и 2, 4 октября) благополучно прочитал их.

Все время Архиепископ, как благодатный Ангел-хранитель, заботился обо мне, наставляя, направляя и предупреждая с самою ласковою внимательностью и неподражаемою приветливостью. Но неожиданно стряслась надо мною великая беда. Жена писала мне (через Шведскую миссию, или чрез остававшихся в Петрограде членов ее) о крайне

тяжелом положении, грозившем голодною смертью у себя на квартире или под арестом, – и я рвался домой при первой возможности. Той порой ввели нелепую «экономическую блокаду», не коснувшуюся большевиков и пагубную только для мирного населения, и прервали всякое сообщение с Россией. Мы с женой оказались совсем отрезанными друг от друга и лишены были возможности даже умереть вместе, чего тогда желали оба... Нельзя было проникнуть дальше Финляндии, но и оттуда не открывалось выхода хотя бы в том смысле, чтобы вызвать к себе жену из Петрограда или помочь ей материально, ибо не было у меня ни денег, ни связей. Я должен был подчиниться жестокой необходимости, связанной с мучительною агониею отчаяния... Опять благодетельный Архиепископ спас мою немощь. Он поместил меня в добрую семью и ввел в круг молодых университетских доцентов и начинающих научных работников, где я сразу приобрел и доселе имею преданных и дорогих мне друзей, среди которых я отдыхал и освежался душой, почерпал бодрость и уверенность, а для занятий и заработка Н. Сэдерблом устроил меня в милую «Caroline» для разбора и описания старославянских книг и рукописей (преимущественно из собрания И.Г. Спарвенфельда). Дом Архиепископа был всегда открытым для меня прибежищем духовного отдохновения и ободрения, а сам он – неизменным утешителем во всех скорбях и печалях. До сей минуты переживаю трепетное умиление, вспоминая, как узнав о зверском убийстве [стерты 2 слова] других, моего старшего брата Александра в гор. Уральске, Архиепископ пригласил меня и проф. Ad. Deissmann'a в собор вместе помолиться [стерто несколько слов], и там в общей молитве мы просили у Господа милости и мира для страждущих душ.

Я крайне томился, но мог жить в анестезирующем самозабвении и смутном ожидании, хотя нигде не видел спасительной точки. Однако Н. Сэдерблом продолжал всякие попытки и в конце концов откуда-то разузнал, что на специально зафрахтованном пароходе отправляется из Стокгольма в Петроград партия большевиков, и между ними я могу попасть домой безопасно. Вся сложная и тонкая операция эта осуществлена была исключительно дипломатично ловкостью Н. Сэдерблома, и – снабженный всем необходимым и некоторым запасом крон (потом украденных у меня большевистскими извергами) – 28 ноября я выехал из Стокгольма, но только 9 декабря добрался до Петрограда.

Везде сопутствовал мне благодатный гений Архиепископа, а здесь его влияние механически прерывалось. Между тем большевистская действительность была гораздо мрачнее самых мрачных предположений. Теперь не просто казнили безудержно и бросали тела на съедение в зоологическом саду: по истине свои своим. Нельзя было ни работать минимально, ни жить сносно, ни умирать спокойно. Мы находились на вулкане бешенных страстей злобы, ненависти и нетерпимости разъяренной массы. Надо было бежать. Но все усилия оказывались тщетными. Ходатайства Университета и Академии Наук о заграничной командировке оставались безответными, а других выходов не было. Мы считали себя уже брошенными и забытыми

всеми и повсюду, но Н. Сэдерблом слишком нас помнил и принимал свои меры. За отсутствием всяких сношений с Петроградом, он нашел путь туда при участии моего бывшего ученика, тогда министра иностранных дел Эстонской республики Ado Birk'a и прислал через него самые торжественные и формальные приглашения для чтения в Уппсальском университете и для разных научных занятий. Результата, по-прежнему никакого, но психологически было важно знать, что мы не заброшены окончательно и о нас стараются со всею ревностью христиански-братской любви, которая не может остаться бесплодной. Так и случилось. Дальнейшие наступления поведены были Н. Сэдербломом через Финляндию, где нашлись добрые люди со старыми связями и влияниями среди большевистских вождей. Ради нашего высокого Уппсальского патрона они употребили все свои усилия в нашу пользу, – и 29 (16) августа 1921 г. мы переселились в Финляндию, а там, – после двухнедельной карантинной изоляции получили полную свободу. Надежды воскресли, но ненадолго. Несмотря на близость от Петрограда, я совсем не бывал далее в пограничных Финляндских пунктах и не имел ни друзей, ни покровителей, а ничтожные денежные средства быстро исчезали еще в карантине. Теперь начиналась борьба за жизнь, но для этого не было ни малейшего простора в бедной разрушенной стране. Мы оказались освобожденными узниками, совершенно обессиленными и лишенными всяких способов сносного существования, после тюремной темноты ослепленными солнечным блеском... Но уже из карантина удалось снести с Уппсалой и сразу по водворении в г. Выборге мы получили оттуда солидный чек с обещанием, что впредь до устройства будем ежемесячно получать достаточную денежную субсидию, а в разных финских кругах (университетских и церковно-иерархических) нам были обеспечены благожелательные связи. Все это опять же было делом самоотверженной попечительности Н. Сэдерблома, который – помимо своего авторитетного влияния в разных странах и сферах – помогал материально и прямо и чрез моих добрых Уппсальских друзей (О. Ostern'gren, G. Thomell, A. Hj Ugola и др.), не перестававших поддерживать меня во время беженских странствований и на местах моего жительства даже до сего дне... Благодаря всему этому, я мог встать на ноги и уверенно двигаться в разных направлениях ради доступного мне педагогического служения в Праге, Белграде и Софии, работать в научно-литературной области и принимать участие в междуцерковных униональных трудах, пока хватало сил...

Для меня лично Н. Сэдерблом был благодетель и защитник, помощник и покровитель во спасение духовно и материально. Истинною отрадою моей и светлым воспоминанием доселе служит то, что я снялся вместе с ним в Уппсале у известного Finn'a в понедельник 6 октября 1928 г. Напротив, я непрестанно ношу в своем сердце величайшую скорбь с тех пор, как – чрез несколько дней после бодрого делового письма от него – меня сразила неожиданная весть о его блаженной кончине, и я почувствовал себя на старости лет осиротившим в здешнем мире после смерти молодого летами дорогого, незабвенного, друга... Вечная ему память!

II

Но во всех этих персональных отношениях, драгоценных лишь для меня, конкретно обрисовываются основные черты всей личности и характера великого Архиепископа. Когда я воскрешаю пред собою его живой образ, мне всегда вспоминаются знаменательные слова нашей церковной песни о св. Николае Чудотворце, что он «стяжал смирением высокая». Не было большей духовной величины даже далеко за пределами Швеции, чем Архиепископ Сэдерблом, и в тоже время, я не знал другого человека его положения, который во всем явлении был столько скромен и до такой степени держал себя просто. Он дружески подавал руку старшему служителю собора и собственноручно тащил на Уппсальском вокзале мой чемодан и пристраивал удобнее в купе вагона, но все это было у него вполне натурально и всеми принималось с почтительною благодарностию. Все были рады этому доброму вниманию, но никто и не помыслил бы дозволить подобную вольность со своей стороны, ибо каждый непосредственно чувствовал свое преклонение. Это было духовное величие, независимое от всяких внешних условностей и сильное лишь своею внутреннею мощию, которая сияет и в переполненном вагоне третьего класса, как он отправлялся в 1927 г. из Лозанны после конференции не имея даже места для сидения.

Но в подобных случаях индивидуальное превосходство часто подавляет других и принижает их самым своим снисхождением и покровительством. Ни тени этого рода не было у Н. Сэдерблома. Он обладал широким, острым умом, всестороннею и компетентною научною осведомленностию, практические таланты позволяли ему счастливо справляться с самыми запутанными делами и сложными отношениями, живой, благодушный, бодрый темперамент не изменял ему никогда при всяких осложнениях; но – готовый помогать всем – Архиепископ сам старался учиться у каждого и служить на общую пользу с полным забвением своих собственных интересов. Это было величие чисто апостольской любви, которая «долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. XIII, 4-7).

Такое величие неразрывно от всецелого самопожертвования, которое ярко отличало Н. Сэдерблома. Он сам работал для всех и на всех. Его труд начинался с раннего завтрака, куда он ежедневно являлся нагруженный корреспонденциями со всего мира, и прекращался совсем поздно, а поговаривали и так, что иногда Архиепископ поднимался среди ночи и диктовал своей верной сотруднице Froken Senda Rodling, которая ездила с ним по разным конференциям со своею неразлучною машинкой... Насчет его перегруженности работой и неутомимости приятели благодушно трунили, что Н. Сэдерблом одновременно слушает кого-то и говорит с другим по телефону и в то же время просматривает какую-нибудь книгу и диктует статью или письмо и т.п. Его пронизательный ум сразу схватывал сущность всякого вопроса, а благородное чуткое сердце тогда предсказывало верное решение во благо и на пользу

делу. В последнем и ради испытанных друзей у него не было мелочей. Он все помнил, везде поспевал и всюду помогал, чтобы обеспечить заслуженный и справедливый успех. Испытал я на себе его любящую многозаботливость о моих житейских удобствах и служебном спокойствии в моем трудном положении беспризорного изгнанника, не имеющего нигде легальной защиты... Напротив, сильные мира и обеспеченные средствами и рангом получали от него спокойный, но твердый отпор в своих излишних притязаниях, всегда назойливых и раздражающих. Пред ним все были равны по равенству для всех взаимной братской солидарности и в достижениях и в немощах. Это было равенство перед Богом во Христе Иисусе чрез Духа Святого.

Основа величия Н. Сэдерблома заключалась в том, что во всем он был одушевленный христианин, и все у него совершалось «по Христе». Его дом с многочисленным семейством, всегда переполненный «гостями», напоминал первохристианскую домашнюю церковь, где Архиепископ был первосвященником и вдохновителем, а кроткая «святая» архиепископша Анна служила апостольской диакониссой, и...ницей и раздаятельницей всяких благих даров. Не могу без умиления вспомнить наших общих молитвенных собраний в 1918 году по вечерам, когда все мы — свои и «гости» — из разных стран и племен — сходились вместе после ужина и под звуки органа читали — каждый на своем языке — известные части Нового Завета, начиная с Архиепископа, который говорил назидание и давал заключительное благословение. Это было нечто первохристианское из времен первой Пятидесятницы.

Таков дух, который проникал мысли и чувства, жизнь и деятельность Н. Сэдерблома. Тут было как бы отражение Христова смиренномудрия и соответственного духовного превознесения (ср. Филипп. II, 5 ст.) с теми же целями — взаимного примирения в едином Господе и Спасителе нашем. По своему христианскому настроению и пастырскому деланию Н. Сэдерблом принадлежал к тем миротворцам, которые — по обетованию Христову, — узрят Бога лицом к лицу. И на земле он был одним из самых наидостойнейших, кто увенчан (в 1930 году) Нобелевской премией мира.

III.

В широком масштабе эти особенности применялись и проявлялись и в «экуменических» подвигах приснопамятного Архиепископа. Эта сторона более известна всему миру историческому по актам и фактам. Все желающие и интересующиеся могут сами «прийти и видеть»... Ограничусь некоторыми личными наблюдениями и соображениями.

Как ученый историк религий, Н. Сэдерблом убежденно находил в них некое принципиальное единство. Тут ничуть не было у него общерелигиозного или интерконфессионального индифферентизма. Он держался святоотеческой идеи, что всем надо жертвовать ради мира в Боге, но в «вещах Божественных» нельзя поступаться и пренебрегать ничем, как имеющим и обеспечивающим божественность. Он отправлялся от бесспорного научного результата, что во всех исторических религиях есть нечто единое по существу, реальное и эссенциальное, а потому и требующее

фактического обоснования в первоначальном для всех религиозном единстве. В этом отношении Н. Сэдербломом научно исповедовал библейскую истину божественного первоткровения, утраченную по греховности человеческой, но продолжающую просвечивать и среди нашего Вавилонского разноверия. Научная совесть требовала возвращения к религиозному первоисточнику, чтобы в нем найти меру и цену для разных исторических течений ради взаимного их сближения. Разделение было онтологическою абсурдностью, а отчуждение являлось моральною ненормальностью, тем более предосудительною в христианстве. По этому убеждению Архиепископ приглашал в собор на молитву и индусов Sadhu Sundar Singh'a и Рабинандар [sic!] Тагора, и японскую принцессу, и абиссинского принца, потом пожертвовавшего туда чрезвычайно оригинальную лампаду. Особенно болезненно воспринималось Н. Сэдербломом христианские обособления, вызванные кипящим разумом с забвением созидательной любви, а страшная «великая война» христианских народов показала такое взаимное ожесточение, которое превосходит все границы человеческой злобы и постулирует к непримиримой духовной враждебности, воспитанной вековым религиозным антагонизмом.

В этом сущность современного мирового кризиса. Теперь это признают многие, но в начале все думали и говорили иное. Но Сэдерблом понял дело, как истинный гений, который видит настоящее во свете его предвещения и в предвещии должного продолжения, — живет реально и прежде, и теперь, и потом. Как Архиепископу Уппсальскому и примасу Швеции, ему открывалась и доступная возможность для практической работы, чтобы из порожденного минувшим хаоса собрать нечто целостное для благословенного будущего на почве примирения Христова. Но задача была сколько грандиозная, столько же и совсем неподготовленная. Надо было подойти к ней с историческою постепенностью. Этому и служили Уппсальские Университетские чтения на фонде имени великого Шведского реформатора. Они прежде были совсем незаметны и во всяком случае не имели особого международного содержания и значения. Н. Сэдерблом развернул их в экуменическую широту и проявил здесь феноменальную активность, заведя необходимые связи по всему миру, находя и добывая нужных людей, организуя потребную обстановку на месте, изыскивая большие материальные средства на лекторов и на издательство. Затем возникала самая возможная задача — идейно направить все чтения к общей цели и избежать новой Вавилонской разногласности, способной только усугубить смуту. К этому сводились все напряженные усилия Архиепископа, но тут не было ничего тенденциозного, искусственного и вынужденного. Намечался широкий круг идей, и в нем каждый мог выбирать отдельный предмет и излагать его научно-объективно или конфессионально-примирительно. Таким образом последовательно раскрывалось своеобразие всякой представляемой церковно-христианской организации, органичность в ее происхождении, исторической судьбе и современном богослужебно-догматическом состоянии, а равно в отношениях, взглядах и стремлениях касательно всех других.

Ника Коробовъ
Профессоръ Николай Губоковскій.
Спб. 1909, III, 1 — воскресенье.

С. П. Якубовъ
С.-Петербургъ, Морская 12.

Когда все они устами своих исповедников обрисовывались индивидуально и типически, тогда точнее определялись их истинная униональная позиция и потребности всех в данном направлении. В этом случае главная трудность была и в самой разности, поскольку она у всех и всеми постулировала к историческому единству и могла претендовать в своем фактическом сепаратизме не свыше меры своеобразного исторического выражения общей истины Христовой, по которой должны были равняться все обособления и в ней примиряться. Именно этот фундамент укреплял Архиепископ и на нем успешно производил междуцерковное созидание. Православие гораздо ближе к католичеству догматически и во многом противоположно протестантству принципиально и исторически. Тем не менее, при взаимной примирительности, сравнительно легко достигалось согласие в вере без всяких религиозных самоотречений, ибо пока требовалась лишь симфония без порабощения и поглощения. Ради сего Н. Сэдерблом всегда шел впереди первым и спешил признать всякую пригодную частную идею. Так, из моих Уппсальских чтений 1918 г. он особенно запомнил и пустил в междуцерковный оборот мысль о том, что христианство это есть как бы обширный дом со множеством комнат, где стены отделяют их, но не столько высоки, чтобы преграждать всякий доступ к Богу и объединяться в Нем. А данное мною истолкование «ортодоксии», как правого «слова», он применял к церковному пению и ко введению его в богослужебный строй (ср. «Svenska Dagbladet» за 10 мая 1927 г., № 125), патронируя и развивая таковое особенно в величественном Уппсальском соборе, куда для специальных религиозных концертов приглашались известные на Западе хоры (напр., при мне в 1918 году Берлинская капелла).

Не ограничиваясь лекционными заявлениями, Архиепископ старался получить нечто по связи с ними или сверх их. Во второй раз я держал свой курс в Уппсале в 1928 г. исключительно по настоянию Н. Сэдерблома и лишь ради него поехал туда в сильном болезненном состоянии после тяжелого недуга. Протестантство началось догматически под прикрытием себя апостольским авторитетом св. Павла, и потому было весьма существенно раскрыть православный взгляд на этого «столпа Церкви» и его доктринальное исповедание. В этих интересах и были скомбинированы мною очерки о природе павлинизма, его этике и христологии. Последний пункт привлек живое внимание Архиепископа по его сакраментальному освещению в послании к Евреям, как несомненно павлинистическом памятнике. Тут же на лекции (5 октября 1928 г.) Н. Сэдерблом вступил со мною в горячий colloquium о самом этом новозаветном документе и его доктрине первосвященнического служения Христова на земле и на небе. По началу наши точки зрения как будто расходились совершенно, но после взаимного обмена мнений и суждений Архиепископ открыто заявил, что в православном понимании есть своя основательность и он охотно признает соприсущую ей правду, показывая в себе ее служителя и зодчего последней.

Но в связи с идеею Голгофской жертвы находится вопрос об Евхаристии и других таинствах и о значении их в жизнедеятельности Церкви. Принципиально форму-

лировалась разность касательно всецелого верховенства здесь «служения слова», или христианской учительности, и соподчиненной роли церковного тайносовершительства, ниспадавшего до степени простой утилитарности, почему Евхаристия совершалась в Уппсале только в известные «редкие дни и лишь для нужд причастников. В этом пункте у нас было серьезное расхождение, и осенью 1918 г. мы предпринимали длинные хождения до Gamla Uppsala и, как Эммаусские путники, дружески обсуждали все стороны этого жизненного предмета. Архиепископа пугал ритуализм механического соцердоцализма и он боялся пожертвовать ему свободой вдохновенного назидания по вере. Однако и в этой области Н. Сэдерблом, глубоко мистический в своей религиозности христианин, принимал сакраментальную стихию и ее важность простирали до того, что и на Конференциях и в писаниях своих всегда напоминал и выдвигал мое убеждение, что взаимообщение в таинствах должно быть не началом, а концом междуцерковной взаимности, которая должна увенчиваться единением в «трапезе Господней».

Наряду с этим, конкретно знакомясь с другими исповеданиями чрез их носителей и толкователей, Архиепископ старался ввести в дух и быт своей, Шведской церковности. Для сего утилизировались не парадность и торжественность, а повседневный церковный порядок. Мы ходили по старинным церквям (Напр. Trefaltighets kyrkan, в Gamla Uppsala), посещали скромные служения по утрам и вечерам, присутствовали при важнейших церковных актах. Я видел тут не доктринальную символику, а жизненное христианское восприятие и личным присутствием и непосредственным чувством удостоверился, что в Шведской церкви – приобщение (с исповедью) имеет характер таинственности и епископское поставление (в 1928 г. Уппсальского профессора Edgar Reuterskiöld'a на кафедру в Växjö) есть действительно хиротония апостольских приемников в служении Христовом. Всеми указанными способами Архиепископ, хотя и не без большого труда, достигал сглаживания фактических конфессиональных различий и взаимного сближения. В этом отношении его успех был и несомненный и благословенный. Гораздо страшнее был конфессиональный индифферентизм, переходивший в квиетизм спячки, требовавшей громов для пробуждения. Тут сам Архиепископ был неумолчно зывающим Предтечей, непосредственно являясь со своими пламенными обращениями в разных центрах Европы, Англии и Америки, действуя своими связями, ведя бесконечную корреспонденцию на всех языках, которыми он владел широко и свободно. А затем все участники Уппсальских чтений становились его апостолами в своих кругах и создавали по разным странам расположенные организации и настроения. Люди начинали если не сочувствовать, то интересоваться; остальное довершали эмиссары Н. Сэдерблома и сам он своими связями и влияниями, пробуждая спящих, оживляя дремлющих, ободряя робких, воспламеняя смелых.

Но дальше преграждал дорогу фанатизм упорства, предубеждения и ожесточения. В восточных церквях это было отголоском старых канонически-бытовых норм, вос-

прещавших религиозное общение с еретиками и раскольниками и требовавших уклонения от всякого соприкосновения с иноверцами. Это был активный консерватизм, где приверженность к «апостольской старине» связывалась со «священной ненавистью» к богопротивным новшествам. И грустные смуты наших дней в православном мире из-за поспешных календарных реформ достаточно свидетельствуют, насколько грозным могло быть сопротивление с этой стороны. Обязанность православных вождей и представителей была считаться и справляться с подобными неблагоприятными течениями, но и Н. Сэдерблом в своих «экуменических» интересах должен был с точностью выяснить, до какой степени православие допускает привнесение чего-либо нового по сравнению с основным, традиционным-унаследованным и общепринятым церковным достоинством. Именно этими идейными мотивами объясняется дружеская настойчивость, с которой он непременно желал иметь от меня специальный трактат об Антиохийской богословской школе в моих Уппсальских чтениях 1928 года. Ему было вполне известно, что последовательные Антиохийцы дошли до крайности и в лице Нестория впали в еретичество, но он знал и о новейших экзальтированных апологетах несторианства, воспевавших его самыми православными славословиями. Это было чрезвычайно знаменательное явление, конкретно обнаруживавшее реально-историческую природу и ее принципиальную способность к «кафоличности» Христовой, или папистической. По этим побуждениям я охотно исполнил столь мудрое желание Архиепископа и с некоторою искусственностью присоединил к своим лекциям соответствующий очерк, намеренно обосновав его почти на одних православных русских ученых трудах. Достиг ли я предположенной специальной цели, — не знаю, но Н. Сэдерблом придавал особую ценность этому моему этюду и нарочито выделил его в заглавии немецкого издания моих лекций, почему-то не напечатанных доселе.

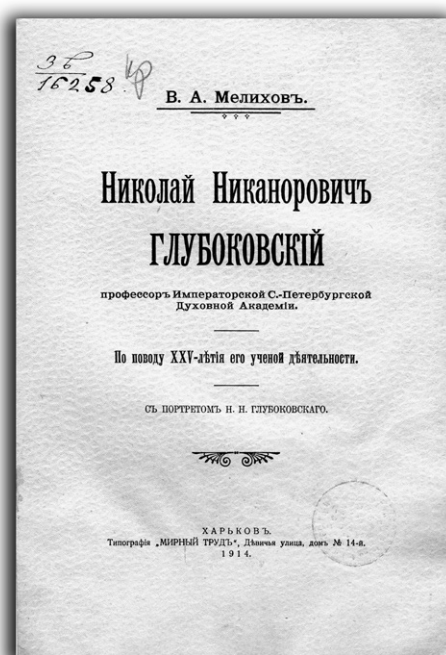
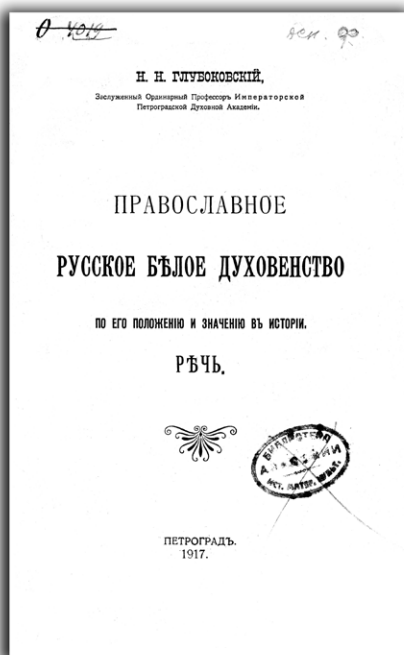
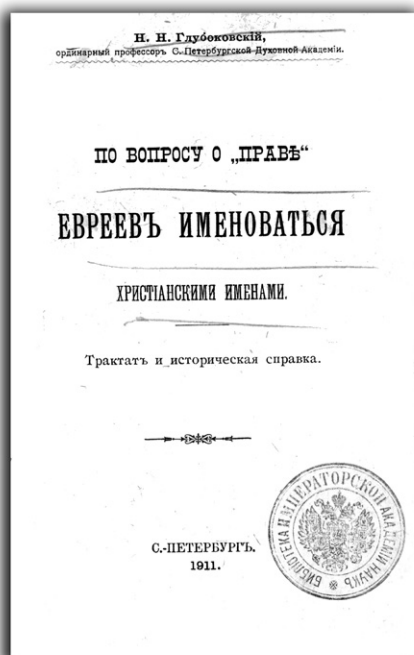
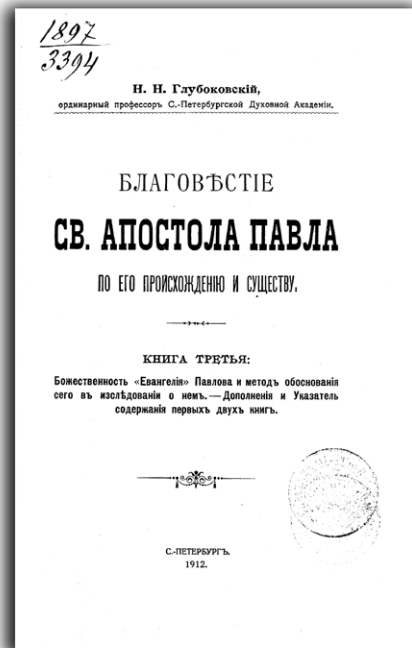
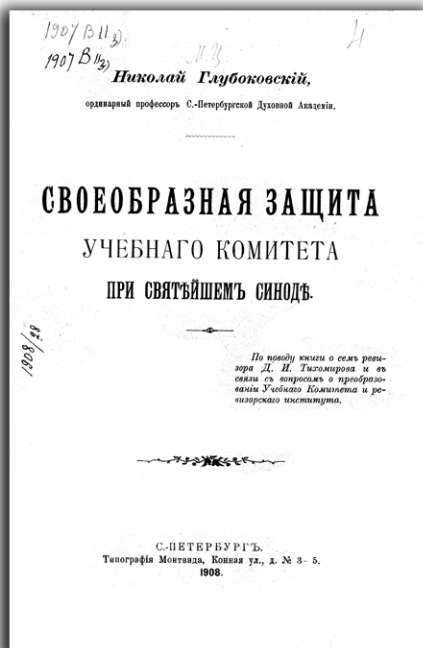
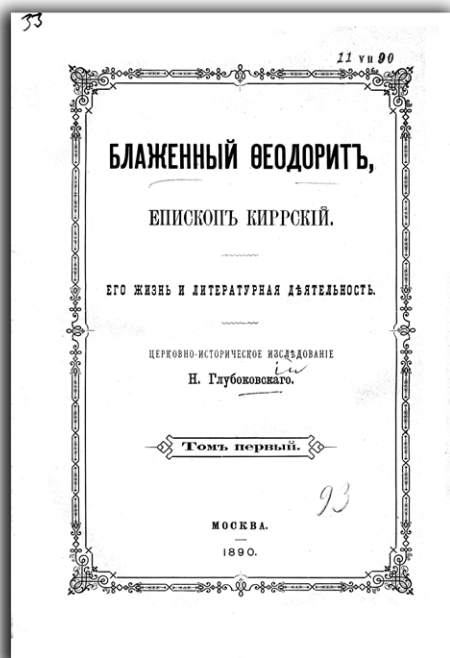
Но если бы в православных сферах Архиепископ мог действовать лишь предусмотрением и предупреждением, то в собственной области протестантства ему нужно было выступать прямо и ответственно, чтобы создать здесь «экуменическую» почву. А с этой стороны там было слишком достаточно всяческих препятствий. Помимо религиозно-рационалистических и субъективно-мистических стихий, одинаково чуждых догматической кафоличности, — в самой протестантской ортодоксии находится немало влиятельных «пруссских медведей», которые не допускают ничего, кроме рабского исповедания первоначальных, исторически условных лютеранских формул. Они стремятся только воевать и желают лишь побеждать, но всего менее склонны сближаться и уступать, как это весьма тревожно сказывалось на Лозанской конференции 1927 года. Тут Н. Сэдерблomu приходилось не столько вразумлять и убеждать, сколько раскрывать крайнюю относительность таких непримиримых окаменелостей и фактически низводить до заслуженного уровня «археологического правоверия».

Это достигалось в более широкой плоскости общепротестантского объединения. Пред нами раскрывается обширное море с запутанными течениями, с капризными

приливами и неожиданными отливами, с мелями и пучинами, с снежными буранами и подводными рифами. Чрезвычайное разнообразие и неограниченный и индивидуализм: — в такой пестрой среде не было необходимой опоры для соглашения с неуловимым целым или, по крайней мере, с доминирующим. Надо было последнее сформулировать и выдвинуть в качестве общепротестантского представительства. В этом направлении Н. Сэдерблом поработал много и плодотворно. Верный лютеранин с исконною для Шведской церкви католическою наследственностью, которою переполнен Уппсальский собор (в старинных гробницах, дорогих облачениях, резных средневековых иконостасах, настенных изображениях, хоровом пении и даже чтимых мощах) с глубокою христианскою мистичностью и «экуменическою» широтой, — он мог свободно подняться над протестантским разноцветным калейдоскопом и обнять его своею превыспренностью, где все различия находили свое фактическое место, историческую цену и догматическую значимость. Открывается более устойчивый центр для всех периферий и получалась возможность не затрудняться последними, имея первый. В междущерковных разговорах протестантство оказывалось с индивидуальным и типическим голосом, а другие участники нашли ответственного собеседника. Это — великая заслуга Н. Сэдерблома. Для подготовки всецерковного объединения необходимы групповые церковные сближения, чтобы не теряться среди крайней пестроты и не запутываться в бесчисленных мелочах. Чем меньше партий, тем удобнее взаимные объяснения и тем легче примиряющее соглашение, чтобы через него дойти до единства Христова. Я вполне разделял эту идею, которую доселе считаю вполне правильною, а для Н. Сэдерблома общепротестантский союз был лишь средством для целей высшего церковного объединения, но ничуть не последнюю перегородкой, где можно было изолироваться для самозащиты и для нападений на всех «внешних». Римско-католики видели только второе и с некоторым раздражением называли Н. Сэдерблома «протестантским папой», который с их точки зрения являлся чем-то, в роде «антихриста» из серии тех, какие рисовались в прошлом католическою экзегетикой данного предмета (во 2 Фессал. II, 3 ст.)... Сам Н. Сэдерблом добродушно принимал это в апостольском духе (Филипп. I, 18) и спокойно продолжал свою миссию, твердо исповедуя, что нельзя объединяться с другими, не будучи объединенным в себе самом.

IV.

Таковы были идейные и фактические предварения Стокгольмской конференции 1925 г. со стороны Н. Сэдерблома. Раньше ее открытия я встретился с ним в Лондоне на Никейских торжествах и не скрыл моих опасений относительно достойной осуществимости его великого плана. Но он был глубоко убежден в торжестве своих усилий, молитвенно уповая, что и в столь святом деле сила Божия совершится в немощи человеческой (2 Кор. XII, 9). Однако последняя должна стремиться и стараться наблюдать и соображать «знамения времен». Первого было слишком достаточно в подготовительном периоде и еще больше

Обложки первых изданий сочинений проф. Н. Н. Глубоковского, изданных в России в 1890-1917. И первая брошюра, посвященная его жизни и научному творчеству

при самом исполнении. Конференция была грандиозным явлением и по внешнему устройству и по внутреннему содержанию. Как был достигнут этот поразительный эффект необыкновенной стройности во всех действиях, — это тайна исключительно организаторского таланта Н. Седерблома и его всесторонней прозорливости, умения быстро схватить всякое положение и мирно ликвидировать всякую коллизию. Он предусматривал у всякого и малое и важное и все сводил к общей гармонии, устранял все конфликты, создававшиеся недоразумениями предубеждения и честолюбия, национальной вражды и конфессионального отчуждения, заставляя всех открывать начисто ту душу, которая «по природе христианка» и не может не быть христиански согласною у всех членов. Архиепископ создал благоприятную атмосферу для униональной работы, в которой сказались сочувственно заинтересованными все слои и круги Стокгольма, от мудрого короля до простого обывателя, от иностранного посла до газетного корреспондента. Уже это одно свидетельствовало о величии Конференции, где наряду со всеми участвовали своими интересными рефератами и сам Кронпринц и Принц Карл. Все это обязано неусыпному гению Н. Седерблома, но за то он сам за все это некроткое время едва ли имел хоть по одному спокойному часу в день для отдыха, а писал и подписывал даже на ходу бесконечное число раз ежедневно...

Внешняя солидарность и обеспечивала и выражала внутреннюю солидарность, без которой скоро рассыпалась бы вдребезги. Здоровое тело предполагало здравую душу. Тогда впервые сошлись иноверцы со всех концов мира, взаимно и даже конфессионально не всегда известные друг другу (при новых «церковных» образованиях, вроде «Чешкословацкой церкви» во главе с «патриархом» Карелем Фарским) историческим прошлым и современным (военным) религиозным озлоблением, где каждая сторона прикрывалась «именем Христовым», приученные к подозрению, недоверию и только к нападению или самообороне: ничего третьего! Тут нужно было счастливо избрать самую точку отправления, чтобы иметь хоть *bonum minimum*, не говоря уже о *facti dimidium**. Н. Седерблом не разделял взгляда проф. Ад. Гарнака, что догмат служит прямым выражением и неперменным стимулом церковного разделения, ибо производит лишь распределение и отбор, создает церковно-доктринальную классификацию. Однако верно и то, что группируя по известным доктринальным рубрикам, догмат связывает свободу всех этих организаций и каждого члена, не позволяет принимать наряду с исповедываемым нечто заповедное... Только авторитет апостольского предания, преемственно сохраняемого, и самая жизнь христианская могли сблизить и забетонированные течения и стабилизированные мнения. Но *traditio apostolica* сама подлежала догматическому спору, а потому необходимо было обратиться ко второму примирительно. Ничуть не отрицая обязательности и важности насущных и, конечно, не многочисленных догматов, Н. Седерблом должен был сосредоточиться на жизненной христианской

стихии, которая, будучи истинною, непременно бывает активной и раскрывается в свойственных делах. Отсюда и знаменем Стокгольмской конференции служил девиз «Life and Work». Здесь были основа и залог ее успеха, ибо трудно было и вообразить, чтобы ныне кто-нибудь (кроме разве самозадогматизировавшегося римского католицизма) не пожелал совместно участвовать в творчестве жизни Христовой среди людей через церковные организации и в христианском делании ради царства Божия и правды его. Но, сближаясь здесь практически, все участники становились реальными общниками функционирующих там принципов истины Христовой и фактически оказывались едиными во Христе по вере, требовавшей теперь лишь согласного выражения в общем исповедании. Все построялось и протекало по благословенной норме староправославного литургийного призыва:

Ἀγαπήσωμεν ἀλλήλους, ἵνα ἐν σπουδαίᾳ οὐλογησώμεν*.

И по замыслу, и по процессу, и по результату, Стокгольмская конференция, оставляя всех в том христианском звании, в каком они призваны, единым для них упованием возводила к высшему небесному званию Божию, объемлющему всех исповедников Христовых, захватывая весь христианский мир. С этой стороны она фактически была и справедливо называется «экуменическою», или вселенски-кафолическою. А по содержанию это было жизненное междущерковное объединение, предрасполагающее к приемлемому догматическому сближению в союзе любви Христовой. При всех неизбежных колебаниях не было на Конференции существенных уклонений от этих линий, благодаря покоряющему вдохновению Н. Седерблома и созданному им общему устремлению. В этом наиглавнейшее и непреходящее значение Седербломовской конференции, которая рисуется тем ярче и притягательнее по сравнению с бесчисленными и трескучими международными собраниями, где мирные разговоры ведутся под грохот смертоубийственных орудий представляемых делегатами государств...

За последующее время я всегда привлекался к междущерковным делам и съездам, но был и работал вместе с Архиепископом только в 1927 году на Лозанской «the World Conference on Faith and Order», куда мог попасть именно через него... Эта конференция была задумана много раньше и имела ревностных поборников, радетелей и деятелей (особенно в лице ее секретаря, приснопамятного Роберта Гардинера (Robert Hallowell Gardiner, † 1924, VI, 15), но она получила Лозанскую реализацию лишь на почве и в меру Стокгольмского предварения. Цели ее были «праведны, святы и благи», усилия благородны и искренни, факторы и авторы чисты и самоотверженны. Молитвенно чту память ее председателя епископа Брента (Charles Henry Brent, † 1929, III, 27), искреннего, благоговейного и любвеобильного, всегда готового быть всем вся... Уважаю и его энергического помощника, с капитанскою строгостью державшего руль правления. Именно он и был типическим выразителем всей Лозанской конференции. Ему она обязана

* Чтобы иметь хоть *доброе начало*, не говоря уже о *половине сделанного*.

* «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы...»

своею регулярностью и законченностью, но исключительно потому что крепко сдерживалась в предначертанных рамках с решительным возбранением малейших уклонений и на десно и на лево. Всякие попытки в этом смысле пресекались немедленно и строго.

Это было аккуратное и послушное исполнение теоретической программы без всякого творческого вдохновения и даже с изъятием его. Естественно, что не могло быть полного успеха там, где – по существу дела – надо создавать «вся нова»... Как будто преобладал дух догматической непримиренности, при которой нельзя было ожидать и получить всеми желанного мира..., а обратное было и натурально и реально... Вся Конференция в конце своем чуть не была сведена к совершенному нулю, и иногда напряжение было столь острым, что американские корреспонденты спешили телеграфировать о готовящемся взрыве... Только благодать Брента и мужество видных участников спасли ее от полного краха, и она не осталась совсем бесплодною. Формально же междуцерковное догматическое сближение ограничилось лишь соглашением касательно исповедания Евангелия, да и то не без большого напряжения, а главнейший результат был более отрицательно-поучительный, что нельзя объединиться в словах, когда они не обеспечены и не вызываются делами. Но пока для всей суммы догматических разногласий и доктринальных недоразумений этой предпосылки совсем не было, – и потому они представляли мертвое непроходимое средостение. Надо было выделить некоторое существенное и подготавливать практически в обособленных конфессионально-групповых соглашениях не выдвигать сразу целые тучи отравляющих догматических газов среди смутной и бурной атмосферы... И поскольку Лозанская конференция могла находить такой базис, – она имела некоторую жизненность, но это были принципы, труды и плоды Н. Сэдерблома. Он не играл в Лозанне первенствующей роли и не мог спасти положения, однако, вовсе не считал себя «экуменически» истощенным и замыслил новые

планы для жизненного развития междуцерковного объединения, а пока был свидетелем и залогом истинного его направления, готовым служить и жертвовать собою даже там, где для него была *modum Landanda voluntas bona*...

Таков он был во всю свою апостольскую жизнь, и таким сияет ныне пред моим духовным взором великий экуменический архиепископ Уппсальский, всегда старавшийся οὐτό αἰώνι αἰὼν αἰώνι δούρευεῖν*. Я могу созерцать его непрестанно и говорить о нем непрерывно. Но, надо остановиться и кончать.

Натан Сэдерблом неизменно боролся за правду и строил мир, но это была правда Христова и мир Божий. Здесь он был христианским Мелхиседеком, и дело его святой жизни мессиански обещает благословенное междуцерковное увенчание. Посему в третий раз на своем веку воспоминаю в отношении дорогих мне (прежде блаж. Феодорита епископ Кирский и мой учитель проф. Алексей П. Лебедев, сейчас архиепископ Н. Сэдерблом) знаменательные исторические слова (императора Маркиана о Флавиане Константинопольском у Mansi VII, 497): «Никогда слава славных не уничтожается со смертию, добродетели не оканчиваются вместе с умершими, а еще больше увеличивается доброе мнение о добродетельных с их кончиною, потому что всякая зависть к умершим исчезает»...

Αἰώνια αὐτῷ ἡ μνήμη!**.

**Заслуженный профессор
Николай Глубоковский.**

Г. София (Болгария).

1932, III, 23 (10) – среда.

Ровно в 8 часов вечера.

*Переписано 1932, IV, 9 (III, 27) –
суббота – ровно в 7 ч. вечера.*

* «Служить не веку, но вечному».

** Вечная ему память!

Опубликовано по-румынски и по-шведски: Arcehiepiscopul Nathan Soederblom ca activist crestin si «ecumenic» (Dupa impresii personale, observatiuni si amintiri) // «Misionarul». 1932. № 7-8. Июль-август. С. 387-406; Hagkomster och livsintryck. Til minnet av Nathan Soderblom. Under red. Av. Sven Thulin. Upsala, 1932. С. 165-183. На русском языке публикуется впервые по автографу Н.Н. Глубоковского: ЦДА (София). Ф. 1442к. Ед. хр. 33. Подготовка текста и публикация: Т.А. Богдановой и А.К. Клементьева

Биографическое

Родовая фамилия наша была *«Проворов»* (от слова «проворный»), а *«Глубоковскими»* (по селу Глубокому) были записаны при поступлении в дух. училище отец Никанор и его брат Павел. Родился я в селе Кичменгский городок, Никольского у., Вологодской губ., утром, в пятницу, 6 дек. 1863 г., в семье местного свящ. Никанора Петровича Глубоковского и его жены Платониды Матвеевны, урожд. Ивановской (+14 авг. 1884 г.). Отец скончался внезапно 23 февраля 1866 года. Мне было всего 2 г. и 2 м. Сиротами остались еще: две незамужние сестры, Анна и Мария, и четыре брата: Петр, Василий, Матвей и Александр, из коих старший был только в пятом Кл. Вологодской Дух. Семинарии; ни гроша денег, а мать беспомощная и безграмотная; экстренно была выдана замуж старшая сестра за семинариста Вас. Мих. Попова, который поступил священником на бедный приход... К ним мы и сели на шею всею своей нищетой... Обычный мой костюм - грубая рубаха (лет до 8 даже без штанов) с веревочкой, халат, в роде длинного подрясника, из «крашенины», грубого холста, окрашенного домашним способом какой-то синькой, с кушаком, шапка, шитая сестрой из «белолепика», из шкуры кота, с этим названием, валенные сапоги, «катаники», а летом – даже в Духовном училище – босиком, редко – берестовые лапти. Домой из училища, около 90 верст, всегда ходил пешком, а при отправлении туда получали от зятя 5-15 коп. «на брата», что было для нас капиталом... Впервые завел сапоги по окончании училища в июле 1878 г., т. е. 14 лет, причем «для форсу» велел вывернуть черную кожу, чтобы можно было чистить ваксой, но поверхность оказалась лохматой, зато «по усердию» блестящей. Чаю в училище почти никогда не употребляли, ибо на все содержание (квартира, пища, баня, стирка...) отпускалось 40 руб. в год.

В Семинарии стало «роскошнее» по бурсацкому положению, но... впервые я сел в поезд только в июле 1884 г., когда поехал в Академию, где впервые узнал и вкус колбасы, которой ранее ни разу не пришлось употреблять... В Училище помышлял «славлением» по праздникам, получая по 1-3 коп., а в Семинарии – участием в хоре (бас), зарабатывавшем особенно на похоронах и свадьбах и концертами у состоятельных граждан в праздники; с 1883 г. – литературным трудом (преимущественно в «Московск. Ведомостях»), поддерживавшим меня и в Академии.

Ретроспективно и для постороннего все минувшее представляется как будто слишком тяжелым и мрачным, но тогда были у меня и свои радости, а теперь я тем сильнее чувствую, что жизнь сожиздется и устроится только милостию Божией, при которой всегда светло и отрадно! Это укрепляет меня и в беженстве, которое – на старости лет – гораздо тягостнее моего бедного, но милого детства и отрочества...

Слава Богу за все!

Н.Г.
София 1925, II, 22.
(III, 7) – суббота
1-й недели Вел. Поста.

Общий вид
Спасо-Преображенского
Глубоковского погоста
села Глубокое Вельского уезда
Архангельской губернии
(ныне – Вологодская обл.,
Коношский район.
Село не существует)
Справа – на месте зарослей
стояли два храма,
слева – сохранились
остатки кладбища

НА РОДИНЕ НИКОЛАЯ НИКАНОРОВИЧА ГЛУБОКОВСКОГО

Общий вид озера Глубокое. Справа – место, где находилась Глубоковская Спасо-Преображенская церковь; вид со стороны Спасо-Преображенского Глубоковского погоста на озеро Глубокое

Центральная часть села Кичменгский городок, в котором родился Н.Н. Глубоковский. Справа - остатки земляных укреплений времен царя Иоанна Грозного, слева - Спасо-Преображенский собор (без куполов), в котором был крещен Н.Н. Глубоковский, и где был настоятелем его отец. Июль 2003 г.; Здание Духовного училища в городе Никольске Вологодский губернии, в котором обучался Н.Н. Глубоковский

Дом о. В.М. Попова, сиротский приют, храм и церковно-приходская школа в селе Кобыльск, на берегу реки Юг. 1910 и июль 2003 г

Возлюбим друга друга!

Эти святые слова должны служить основанием и руководством новой православно-пастырской миссии повсюду и, конечно, в пределах Болгарии. Этим я совсем не хочу сказать, что прежняя наша пастырская миссия была чужда этих заветов или даже отрицала их. Например, и для меня несомненно, что она вдохновлялась любовью к истине и заботилась о спасении других через нее, но есть большая разница в разумении и применении этого общеправославного принципа. Когда участвуют две стороны, то здесь всегда важно правильное распределение взаимодействующей силы. И вот спрашивается: было ли это равномерным или больше усвоилось лишь одной стороне, как преимущественной обладательнице? Мне кажется, вернее было скорее второе. Мы любим истину, но исключительно в себе самих, часто не замечая ее сияний и отражений у других. Мы любим истину в себе и потому стараемся привлекать к ней для себя. Эта узость понимания сообщала нашим усилиям характер частных интересов и, делая нас как бы ослепленными своею правдой, неблагоприятно сказывалась на пастырско-миссионерских методах. Обращаемые и привлекаемые приучались видеть в нас не учителей [?] истины, как неограниченной, а лишь партизанов ее, мы же отвечали соответственно и привыкали влиять принудительно.

И таким образом получалось, что обе стороны, одинаково пламеня любовью к истине, сразу оказывались неприязненными и закрывали все пути к доброму примирению. Потеряна была самая возможность животворной пастырско-миссионерской целительности. Для нее обязательно требуется войти в психологию обращаемого, сочувственно воспринять искренность его религиозных влечений и на почве этих добрых стихий найти животворную опору для взаимного понимания и благословенного соглашения.

Истина, разумеется, одна, но пути к ней могут быть разные, сходящиеся в общем божественном центре. И св. Кирилл Иерусалимский говорит (Катихизические поучения XVIII, 31): «Человеколюбец Господь не одну и не две только, но много отверз нам дверей для вшествия в жизнь вечную, чтобы – насколько это зависит от Него – всем невозбранно можно было насладиться ею». В виду сего и исправлять нужно приспособительно к положению и настроению других, памятуя указание Оригена (О началах II, 9: 7), что «благодатию своего милосердия Бог о всех промышляет и всех убеждает врачеваться теми средствами, какими они могут и призывают к спасению». А результат тут таков. «Много у Бога обителей или одна? – спрашивает св. Григорий Богослов (Слово 27 – против Евлогиан, § 8). Без сомнения, согласишься, что много, а не одна. Все ли они должны наполниться? или одни наполняются, а другие нет, но останутся пустыми, и (эти вторые) приготовлены напрасно? Конечно, все: потому что у Бога ничего не бывает напрасно. Но можем ли сказать, что разумеет под таковою обителью: тамошнее ли упокоение и славу, уготованную блаженным, или что-нибудь другое? Не другое что, а именно это. Но, согласившись в сем, рассмотрим еще следующее. Есть ли что-нибудь такое (как я полагаю), что доставляло бы нам сии

обители, или нет ничего такого? Непременно есть нечто. *Что* же такое? есть разные ради жизни и избрания и ведут они к той или другой обители по мере веры, почему и называются у нас путями. Итак, всеми ли путями, или некоторыми из них должно идти? Если возможно, пусть один идет всеми. А если нет, то, сколько может большим числом путей. Если же и того нельзя, то некоторыми. Но если и сие невозможно, то примется в уважение (как мне, по крайней мере, кажется), когда кто-нибудь и одним пойдет преимущественно.

Отсюда имеем, что не все пути одинаково кратки и не все равно надежны, но они могут привести к общей небесной цели при чистоте и горячности веры. При таких условиях вопрос взаимоотношений будет больше касаться удобства и безопасности нашего жизненного странствования, а по этому предмету не столь трудно сговориться, ибо кто же предпочтет худшее и отвергнет лучшее?

Надо только, чтобы он этому поверил во имя своих влечений и по влиянию их принял от другого не чужое, а именно свое, потому что оно необходимо по его собственным запросам. Он должен увидеть в нашей истине свою, а мы обязаны подвигаться для истины не нашей только, а для общей, потому что она – Христова. Значит ее мы должны любить и в себе и в других, чтобы слиться в истине божественной, всех обнимающей и для всех животворной.

После жестоких бурь и тягчайших потрясений мы очищаемся от исторических наслоений и от национально-политических порабощений. Атмосфера разряжается и горизонт становится яснее, так что люди могут легче дышать и лучше равно греть друг друга. Небольшие темные тучки на церковном небосклоне не изменяют господствующего положения и преобладающего настроения. Знаю целые православные образования, где усиленно насаждается церковный шовинизм эгоистического самомнения и внешней нетерпимости. Но это лишь нездоровая аномалия вроде того облачка, о котором св. Афанасий говорил, что оно пройдет. Во всяком случае эта болезненная мегаломания может привести лишь к полной изоляции и подорвать все основы жизненного развития, потому что самое существо «кафоличности», удостоверяющей внутреннюю целостность и абсолютность православия, требует, чтобы оно было повсюдным по солидарности с другими. Теперь после огненных испытаний и катастрофических крушений мы «многими скорбями» приходим к радости взаимообщения и для животворно-миссионерского объединения начинаем привлекать энергию примиряющей любви. В этом отрадном направлении сделаны уже для православного миссионерства важные и знаменательные шаги.

Первым из них я считаю «Деяния архипастырей православной святой Церкви, возглавляемых Московской патриархией», по вопросу о снятии клятв Собора 1666–1667 г, наложенных тогда на приверженцев старых обрядов, или так называемых «старообрядцев» (см. «Церковный Вестник Западно-европей-

ской епархии», издаваемый в Париже, № 6 за июнь 1929 г.) По тщательном рассмотрении этого предмета участвующие иерархи в апреле 1929 г. постановили: «клятвенные запреты, изреченные Антиохийским Патриархом Макарием и вслед за ним... подтвержденные... патриархом Российской Церкви на Соборе 23 апреля 1656 г., а равно и клятвенные определения Собора 1666–67 г.г., как послужившие камнем преткновения для многих в нашей Св. Церкви, – мы..., по данной нам от Всевышнего и Животворящего духа власти вязать и решать, разрушаем и уничтожаем и яко не бывшие вменяем». Это величайший миссионерско-религиозный акт свидетельствующий о неисчерпаемой благодатной силе русской православной Церкви, которая среди апокалиптических мучений от атеистических разбойников нашла у себя героическое мужество отказаться от вековых «церковных соблазнов» и с искренним самопожертвованием обеспечить реальную возможность для взаимных радостных объятий среди «мира во братии» о Христе Иисусе.

И это действие рассчитанное на всеправославный авторитет, тем внушительнее, что совершено выдающимися представителями прежней православно-пастырской миссии. Митрополит Сергей (Страгородский), глава патриаршей Русской Церкви, по долголетнему участию в Святейшем Синоде был активно близок к миссионерской работе во многом и направлял ее, а в качестве архиепископа Финляндского непосредственно вел миссионерское дело – особенно в Карелии. Митрополит Саратовский Серафим, редактировавший вышеупомянутые «Деяния», прежде протоиерей о. Д. Я. Александров), был энергичным миссионером в Самаре и ревностным поборником «обращения» старообрядцев. И вот оба эти церковные вождя прежней православной миссии дают ей новый поворот и тем всех верующих приглашают к христианскому единению на почве скорбящей и всепрощающей любви. Неужели это не знаменательно и не будет услышано повсюду? Разве мы потеряли веру в благодатную силу той любви Христовой, которая спасла грешный мир и возродила падшее человечество? Но в таком случае было бы бесполезно и праздно говорить о миссии вообще...

Вторым радостным явлением для миссионерского будущего я признаю междуцерковные униональные конференции универсального характера. Подготавливались они давно и функционируют в многообразных разветвлениях, но формально и торжественно действовали в Стокгольме (в 1925 г.) и в Лозанне (1927 г.). Насчет их существуют немало недоразумения по непониманию или извращению преследуемых ими целей. Вольно или невольно инспирируют, яко бы эти конференции устроят «соединение церквей» – православной с протестантскими – и на основании достигнутых здесь успехов разглашают хулу о некоторой измене православных делегатов. Как один из последних, решительно удостоверяю, что все эти подозрения совершенно ошибочны или злонамеренны. Без единства веры не может быть междуцерковного единения. Это верно знают и открыто исповедуют все названные конференции. Посему они не берутся за конец, не обеспечив заранее самого начала. Их задача – взаимное непосредственное ознакомление и свойственное ему сближение. И на этом проповедническом пути уже имеется немало отрадного и многообещающего. Устранились

существенные недоразумения, преобладающие относительно православия на Западе. И они были столь сильны и глубоки, что даже ученый Адольф Гарнак, в молодости наблюдавший жизнь православной Церкви непосредственно, как уроженец русской Прибалтики и воспитанник Дерптского Университета, позволил себе напечатать, будто все православное богослужение есть лишь невразумительное бормотание (Murmeln). Теперь ничто подобное немислимо и недопустимо. Западные всегда внимательны к нашей вере и церковному культу, благоговейно присутствуют за нашими богослужениями и трогательно манифестируют свое религиозное почтение к нашим святителям, напр., при величественной панихиде в огромной Стокгольмской церкви Густава Вазы по патриархе Всероссийском Тихоне. А на специальных научных совещаниях западные [нрзб] всегда стремятся усвоить и понять восточно-православные концепции, как было на конференции восточных и западных богословов 1929 года в Новом Саду (Сербия) под председательством тамошнего епископа Ириния (Чирича). С другой стороны, и православные увидели многое западное в новом свете и научились ценить действительное добро. Если пришлось разочароваться в соблазнительной фикции протестантской свободы, которая иногда граничит с конфессиональным террором, то всем приятно было убедиться, что таким же фантомом является и протестантский рационализм, ибо вместо него мы видели и ощущали благоговейный мистицизм и плодотворную христианскую активность. Даже наиболее последовательные кальвинисты оказываются лично совсем иными людьми по сравнению со своими символиками и собственными сочинениями. В последних они остаются [?] рабами своих доктринальных принципов и во имя их резко отвергают все другие исповедания, доходя до решительной непримиримости. Но всем членам междуцерковных всемирных конференций хорошо известна скромная фигура французского кальвиниста-профессора (Wilfredo Monod), который пользуется общими симпатиями, потому что сам он полон искренних симпатий ко всем. В этой взаимной любви Христовой тонут и забы-

Здание богословского факультета Софийского университета, где проживал проф. Н.Н. Глубоковский. Фото 1930-х годов

ваются все теоретические разногласия и торжествует живая вера внутреннего притяжения, когда чужое становится своим и всеми ощущается, как таковое. Понятно, что последнее не кажется тогда странным и неприемлемым, а – напротив – встречает сочувствие и оправдание в готовой [?] религиозности. Отсюда вышло, что западные перестают смотреть на православное иконопочитание с враждебностью, как на суеверное идолопоклонство, практически считают его воспитательно полезным и назидательным, и теоретически находят у себя благоприятную аналогию в совершаемом кальвинистами преклонении в кирхах пред раскрытою Библией, которую многие и лобызают.

Таким образом непосредственное познание в духе любви естественно ведет к взаимному сближению на почве веры, где все бывают и чувствуют себя благодатными чадами единого Небесного Отца чрез Христа Иисуса во Святом Духе. И этот результат тем ценнее и жизненнее, что Конференции не скрывают и не затушевывают конфессиональных разногласий, а стараются определить таковые с подлинною отчетливостию и затем понять

их относительность по масштабу всеобъемлющей любви Христовой, которая долготерпит, милосердствует, не превозносится, сорадуется истине во всех, всему верит, всего надеется и «николи же отпадает» (1 Кор. XIII, 4 сл.). Ею обязывается самая возможность прекращения взаимной враждебности, ею совершается практическое религиозное сближение, ею же – даст Бог! – увенчается и междущерковное единение. В ней источник спасительной миссии и она является славою единой вселенской церкви.

Посему возлюбим друг друга... не словом ни же языком, но делом и истиною (1 Иоан. III, 18). Ее ныне время благоприятно, се ныне день спасения (2 Кор. VI, 2) да будет в православной пастырской миссии Христовой!

Профессор Николай Н. Глубоковский

София (Болгария),
1930, I, 5 (18) – суббота.
4-5 (17-18) – пятница–суббота.

Опубликована: «Православный пастырь» (София). 1930. Апрель. С. 321-326; «Misionarul» (Кишинев). 1930. Январь. С. 7-14. На русском языке публикуется впервые по автографу Н. Н. Глубоковского на русском языке. ЦДА (София). Ф. 1442к. Ед. хр. 27.

Подготовка текста и публикация: Т.А. Богдановой и А.К. Клементьева

«ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦЕМЕРИЯ»

(К 70-летию со дня кончины проф. Н.Н.Глубоковского)

Знакомство автора этой статьи с директором Библиотеки Болгарской Академии наук в ноябре 2006 года получило весьма обнадеживающее продолжение... Профессор Динчо Кръстев, математик из Софии, в прошлом выпускник Московского государственного университета, проявил завидную настойчивость и в короткий срок смог привлечь к участию в разработанном нами русско-болгарском проекте памяти профессора Н.Н. Глубоковского Св. Синод Болгарской Православной Церкви, Богословский факультет Софийского университета, Главное управление архивов при Совете Министров Болгарии, Союз ученых Болгарии, Русский академический союз в Болгарии... Заслуженный ординарный профессор Петроградской Духовной академии и профессор Петроградского университета Николай Никанорович Глубоковский был по признанию современников наиболее выдающимся богословом XX столетия. Даже после 1917 года его творческая судьба сложилась на ред-

кость счастливо.

Н.Н. Глубоковский окончательно решил уехать из советской России после получения известия о расстреле своего старшего брата, выпускника Московской Духовной академии, действительного статского советника Александра Никаноровича Глубоковского, взятого большевиками в заложники в г. Уральске. Николай Никанорович полагал, что в результате октябрьского переворота 1917 года в России сложилась новая, невиданная доселе общественно-политическая формация, которую проф. Глубоковский определял как «уголовное государство»: «весь большевистский государственный символ – целиком преступно уголовный, как выражающий уголовное поправление провозглашаемых норм. А такое положение, что уголовно нарушаются собственные государственные догмы возможно только в уголовном государстве, каким и является большевистская „Совдепия“ по происхождению и функционированию»*.

Уже 23 августа (5 сентября) 1921 года, едва успев выбраться из Петрограда в Финляндию, Николай Никанорович выступил с предупреждением, что «всякая помощь в борьбе с голодом теперешнего правительства будет служить к спасению этих гибнущих злодеев, которые, передохнув и зализав свои смердящие раны, еще с большим бешенством бросятся на просвещенный мир и свою гибель – голода, разрушения, бесчестности – постараются разнести по всем краям света... [...] Все народы будут обречены на черпание воды решетом только для того, чтобы бесплодно тушить коммунистические пожары и все-таки оставлять власть в руках этих изуверных палачей!.. Разумно ли это и согласно ли с самыми скромными требованиями нравственности? А раз так, то и решение может быть только одно: большевикам, как правящей власти — ничего, никогда и ни в каком виде! Кругом будет смерть, но она неотразимо засвидетельствует, что нечистая сила дохнет в своей собственной гнили. Пусть она справляется при помощи „соединенных пролетариев всех стран“, к которым так уверенно взывает, хотя сама для обмана мира может лишь печатать поддельные кредитки, не окупающие расходов даже на свое производство...

Скажут нам: вы сами проповедуете зверство, предлагая не помогать голодающим. Но вот этого я не думаю и не советую. Когда протягивает руку нуждающийся и просит нищий, мы должны удовлетворять их посылу „не зирая на лица“ так, чтобы правая рука не знала, что делает левая... В этом отношении пример подал Московский Патриарх Тихон, единственное лицо, которое может теперь законно, достойно и праведно представлять истинную Русь и выражать ее настроения и стремления. Он разослал особое послание, которое читается по всем русским православным церквям... Говорят у него, по поручению антихриста Ленина, был сам его идолопоклонник Максим Горький и почтительно просил о содействии. При крупнице истины тут много легендарного, но бесспорно, что далеко не все в России одобряют этот шаг Патриарха, полагая, что он не должен был возвышать свой голос от имени и в пользу теперешней Совдепии, а обязан был звать только в качестве главы Православной церкви, которая уже от себя и под своим руководством будет помогать всем страждущим и обремененным, как Отец Небесный солнцем Своим сияет на злых и на чистых, дождит на праведных и неправедных. Русские надеются, что на западе в этом смысле поймут и примут воззвание Патриарха и станут посылать всякие пособия исключительно последнему для употребления их через церковные учреждения. В таком направлении работают все церковные комитеты и другие сообщества этого рода.[...] Иначе, если это требование не уважат, церковь православная будет помогать голодающим – по приходам, в порядке частного почина, т. е. помимо большевиков и даже вопреки им. Это единственный путь, с которым примирятся и разум и совесть здорового русского человека. Всякие иные способы встретят от

20 марта 2007 года епископ Знепольский Иоанн совершил в столичном храме Св. Софии Премудрости Божией панихиду по Н.Н. Глубоковскому

них несомненное чувство недоверия, хотя бы ограждены были самыми тщательными проверками и наблюдением. Последние, конечно, обнаруживают прямое недоверие к большевистской порядочности, но это – сторона отвлеченная и отдаленная, а на самом деле они способствуют правильному распределению поступающих с Запада продовольственных запасов и тем помогают борьбе с голодом именно теперешней пакостной власти, делая ее в глазах народа справедливой и точной раздаятельницей чужих благ, которые ей доставляются буржуазным миром потому что последний признает, уважает или по крайней мере боится всемогущих большевиков. Так эти изуверы и от своей беды избавляются и упрочивают свою дальнейшую жестокую власть.

Понятно, что этого не должно быть и помощь голодающим русским нужно вести вопреки большевикам, а борьбу с голодом в России надо направлять к ниспровержению коммунистического и всякого иного социалистического варварства. Довольно злодейских опытов. Слепые дикари никогда ничего не увидят, а зрячие мудрецы обязаны только не мешать, чтобы исчадия ада провалились в преисподнюю... Да будет так!»*. Он придерживался мнения, что эта система государственного устройства не способна к какому-либо перерождению и подлежит обязательному уничтожению извне, к каковому до конца своих дней без устали призывал все мировое сообщество.

18 марта 2007 года, в семидесятую годовщину кончины Николая Никаноровича автор этих строк и Т. А. Богданова (написавшая огромный и подробнейший очерк научной биографии Глубоковского) отправились на Центральное кладбище Софии, на одном из русских участков которого (участок № 94) похоронены Н.Н. Глубоковский и его супруга Анастасия Васильевна (19.

* Николай Проворов [Глубоковский Н.Н.]. Советская власть и голод в России. [Терноки. Карантин. 5 сент. (VIII, 23) 1921] // Двуглавый орел. Берлин, 1922.

** Рядом с Н. Н. и А. В. Глубоковскими похоронены известный сотрудник архиеп. Серафима (Соболева) прот. князь Андрей Ливен (отец знаменитой игумении Покровского монастыря в Княжево Серафимы) и протопресвитер Г. И. Шавельский.

* Н. Проворов [Н.Н. Глубоковский]. Уголовное государство // Двуглавый орел. Берлин. 1922.

*Патриарх Болгарский
Максим*

XI.1859 – 15.II.1945)**, дочь известного проповедника епископа Виссариона (Нечаева). Здесь мы были приятно удивлены, встретив занятых благоустройством могилы троих ассистентов Богословского факультета – П. Павлова, И. Найденова и И. Шалафова. Совместными усилиями приведя в относительный порядок обе могилы и, сфотографировавшись на память, в несколько минут возвратились мы в центр города на роскошном «Volvo» молодых болгарских богословов...

Самый день открытия юбилейных торжеств, 20 марта, начался панихидой, совершенной в старейшем храме Болгарской столицы – Соборе св. Софии Премудрости Божией – викарием Патриарха епископом Знепольским Иоанном в сослужении восьми болгарских священников. Стройно пел небольшой хор, составившийся из студентов Духовных школ и министра исповеданий Ивана Димитрова Желева. По окончании панихиды еп. Иоанн зачитал «Надгробное слово, сказанное Митрополитом Софийским Стефаном, при отпевании профессора Н.Н. Глубоковского в Софийском кафедральном соборе 21 марта 1937 г.**», после чего согласно местной традиции в храме состоялась поминальная трапеза, весьма изысканная и устроенная силами студентов богословов...

Вслед за тем собравшиеся перешли в здание Библиотеки Академии наук, в выставочных помещениях которого была открыта экспозиция, посвященная Н.Н. Глубоковскому – члену-корреспонденту Императорской Российской и Болгарской Академий наук. Материалы, доставленные нами из Петербурга, составили изобразительный ряд, посвященный родным местам профессора – городам Никольску и Вологде, где он окончил Духовное училище и семинарию, Сергиеву Посаду, где учился в Духовной академии, Воронежу, где начинал свою работу преподавателя

** Надгробное слово, сказанное Митрополитом Софийским Стефаном, при отпевании профессора Н.Н. Глубоковского в Софийском кафедральном соборе 21 марта 1937 года // Церковный вестник Западно-европейской епархии. Париж. 1937. № 6-7. С. 14-16.

и Петербургу, где пришла к молодому ученому мировая известность... Часть документов повествовали об отъезде из советской России и годах «беженства». Представлены были фотографические портреты его родных и наставников, коллег и друзей. Болгарские участники выставки представили немало книг, изданных Глубоковским на собственные средства в Софии и его публикации в болгарской научной периодике. Экспонировались несколько рукописей ученого, рецензии на его труды, грамота члена-корреспондента Болгарской Академии наук...*

Как отметил проф. Д. Кръстев, устрояемая выставка – первое в Болгарии официальное воспоминание о Н.Н. Глубоковском за семь десятилетий, минувших со дня его кончины, а международная научная конференция, последовавшая за открытием выставки, – вообще, первое научное собрание, посвященное специально памяти великого ученого. Действительно, до сих пор ни в России, ни за ее пределами не проводилось подобных конференций...

После осмотра экспозиции приглашенные, числом до двухсот человек, заполнили большой актов зал Академии наук. Научную сессию, приуроченную к 70-летию кончины Н.Н. Глубоковского, открыл и вел заместитель декана Богословского факультета Дилиан Николчев.

Митрополит Силистрийский Иларион передал участникам конференции благословение Болгарского Патриарха Максима. Эти два старейших иерарха Болгарской православной церкви (митрополиту Илариону 91 год, он на год моложе патриарха Максима) – в прошлом ученики Глубоковского по Богословскому факультету. Поэт и талантливый оратор, митрополит Иларион поделился с собравшимися своими воспоминаниями о Н.Н. Глубоковском – удивительно скромном, добром и внимательном наставнике, благодетеле и заступнике студентов, о его лекциях и семинарах. Прозвучали приветствия от имени Союза ученых Болгарии и Богословского факультета. Прочитано было пять докладов.

Министр исповеданий проф. Богословского университета Иван Желев рассказал о значении Глубоковского для отечественной богословской науки, а декан Богословского факультета Емил Трайчев в докладе «Проф. Н.Н. Глубоковский – основоположник новозаветной экзегетики в Болгарии» говорил об определяющей роли русского просветителя в становлении Богословского факультета и болгарской богословской науки.

Профессор Богословского факультета прот. Николай Шеваров, многие годы служивший ректором Софийской Духовной академии (как назывался Богословский факультет в 1951–1991 гг.) сделал обширный доклад «Живая тра-

* Выставка продлилась до 1 апреля и привлекла немало посетителей, а судьбе Н.Н. Глубоковского и научной конференции его памяти были посвящены специальные программы национального телевидения и радиовещания. 22 апреля в Библиотеке Российской Академии наук в Петербурге открылась подготовленная Т.А. Богдановой, А.К. Клементьевым и сотрудниками библиотеки юбилейная выставка «Н.Н. Глубоковский и судьба русской богословской науки в 1870–1950 гг.», работа которой продлилась до середины мая 2007 года.

диция в творчестве Н.Н. Глубоковского», остановившись на вкладе Глубоковского в библеистику.

Два доклада сделали гости из Петербурга. Доктор церковной истории Татьяна Богданова рассказала о неизвестных страницах жизни и научного служения Николая Никаноровича в 1921–1937 гг., о его разносторонних связях с богословами Западной и Восточной Европы, а также о хранящихся в архиве Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле и систематизированных ею подготовительных материалах Н.Н. Глубоковского для «Объяснительного библейского словаря», над составлением которого он работал более 25 лет.

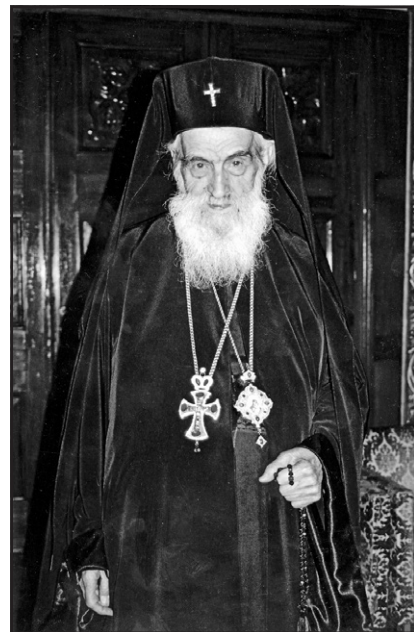
А.К. Клементьев, автор этих строк, в докладе «Валаамское календарное противостояние в трудах церковного историка из Софии (Н.Н. Глубоковский в 1921–1935 годах)» осветил историю участия Н.Н. Глубоковского в разрешении спора, возникшего между Церковным управлением провозгласившей автокефалию Финляндской православной епархии и насельниками четырех финляндских монастырей – Спасо-Преображенского (на о. Валаам), преп. Арсения (на о. Коневец), Трифоно-Печенгского и Линтульского – по вопросу о введении нового (Григорианского) календарного стиля. Известно, что Н.Н. Глубоковский, всячески приветствовавший образование самостоятельных церквей на территориях, отделившихся от Российской Империи, считал введение нового календарного стиля хотя и допустимым принципиально, но практически излишним, нарушающим сложившуюся традицию и уже в силу этого нежелательным...

После докладов в помещениях Академии Наук был устроен торжественный прием...

Квартира Н.Н. Глубоковского в здании Богословского факультета на красивой площади «Св. Неделя», дом №19, сохраняется по сей день. Сейчас это аудитория № 11 – огромное помещение с шестью окнами, часть которых выходит на величественный собор «Св. Неделя» (взорванный коммунистами в 1925 году при попытке покушения на жизнь болгарского Царя Бориса III (†1943) и перестроенный после в византийском стиле), а часть – на здание Софийской митрополии (резиденцию Патриарха) и древний храм св. Николая Мирликийского. Здесь Николай Никанорович работал и принимал студентов, «для которых, – вспоминал князь Александр Ратиев, – у него в коридоре стоит большой накрытый стол с едой, всегда готовый для каждого, кто нуждается в пище»*.

Профессор Глубоковский согласился приехать в Софию из Белграда в 1923 году на совершенно исключительных условиях... В Болгарии, где жизнь русских беженцев была исключительно скудна, Николай Никанорович получал несравнимо большее содержание, нежели любой из его болгарских коллег, он жил настолько обеспеченно, что мог издавать свои книги на собственный счет и, как вспоминают знавшие его, систематически помогал деньгами

*Митрополит
Силистрийский
Иларион*

малоимущим студентам, обожавшим своего наставника, которого они именовали дедушкой. Он старался защищать интересы и русских студентов – в Югославии, Болгарии, Франции и других государствах, принявших русских беженцев, – что особенно отмечал близко знавший его в Софии парижский протопресвитер, а тогда – студент, о. Александр Чекан...

Профессор пользовался почти невероятным авторитетом в христианском мире. Наиболее известные иерархи Болгарской, Сербской и некоторых других поместных церквей были его учениками. Он в значительной мере определял церковную политику Болгарии – как внутреннюю, так и международную, выступая официальным представителем не признанной еще самостоятельной Болгарской Церкви и ходатаем за Болгарскую державу перед многими давно знакомыми ему политическими деятелями и организациями Швеции, Великобритании, Югославии, Швейцарии и других государств. Его значение в деле международного признания послевоенной Болгарии еще предстоит оценить...

Н.Н. Глубоковский стал основателем и главным покровителем национальной богословской школы Болгарии, служение которой явилось продолжением его трудов в Санкт-Петербургской Духовной академии. Еще в России проф. Глубоковский в качестве эксперта принимал активнейшее участие в деятельности различных синодальных комиссий, включая важнейший церковный «форум» начала XX века – Предсоборное Присутствие и был сторонником радикальной реформы духовного образования, выступал за отделение пастырской школы от общеобразовательной (духовной гимназии) и выступал за создание параллельно Духовным академиям богословских факультетов при университетах. Николаю Никаноровичу не удалось добиться сохранения Академии Петроградской (закрытой большевиками зимою 1918/1919 года несмотря на попытки Глубоковского и Правления Академии преобразовать ее в Богословский факультет Петроградского

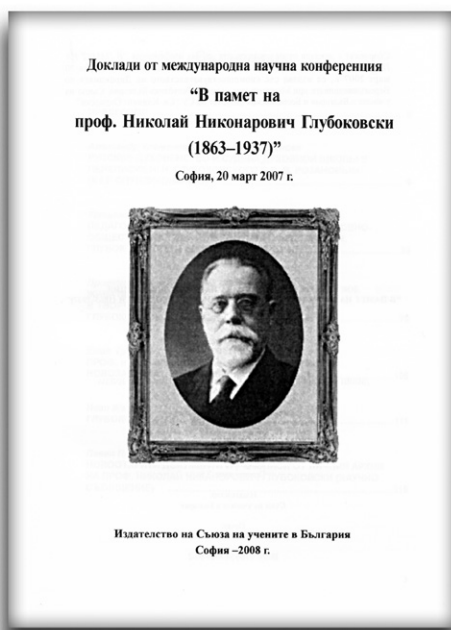
*Ратиев, кн. А. То, что сохранила мне память. Мемуары. София, 1999. С. 531.

университета), однако во многом благодаря именно его усилиям, удалось уберечь от закрытия Богословский факультет университета Софийского при сокращении государственных ассигнований на образование в первой половине 1930-х годов.

Во всех международных собраниях профессор выступал как представитель Болгарской Церкви и в церковно-общественной жизни русского рассеяния занимал совершенно особое положение, являлся фигурой надкорпоративной, не будучи сторонником ни одной из русских церковных групп, укреплению связей между которыми и Церковью в России он старался содействовать. Не являясь сторонником церковной политики митрополитов Антония, Евлогия, Сергия или Платона Николай Никанорович принимал участие в тех их начинаниях, которые могли, по его мнению, способствовать укреплению Русской Церкви. Особенное внимание он уделял подготовке нового поколения русских священнослужителей и сотрудничал как со Свято-Сергиевским Православным Богословским институтом в Париже, так и с Ученым Комитетом, учрежденным в Сремских Карловцах при Архиерейском Синоде Зарубежной Церкви (Н.Н. Глубоковский стал членом Комитета в 1934 г.). Комитет возглавил митрополит Антоний (Храповицкий), в состав Комитета вошли архиепископ Берлинский Тихон (Лященко), бывший учеником Глубоковского еще по Воронежской Духовной семинарии, а также профессора А.П. Доброклонский, С.В. Троицкий, Н.С. Арсеньев и М.В. Зызыкин.

София. Богословский факультет университета, в здании которого помещалась квартира Н.Н. Глубоковского – два первых окна слева в последнем, четвертом этаже

Титульный лист сборника трудов научной конференции памяти Н.Н. Глубоковского в Софии

В надгробном слове Софийского митрополита Стефана мы и сегодня находим наиболее емкую характеристику этого великого человека: «Николай Никанорович не имел себе равного в сфере всесторонней и разнообразной культуры, которой он достиг усердным трудом и систематическим совершенствованием богатых своих дарований. Одним из немногих он достиг самой большой высоты, чтобы быть признанным и православными, и католиками, и протестантами первой учено-богословской величиной, вызывающей у всех серьезных богословских, философских и социальных мыслителей искреннее почтение и уважение.

Профессор доктор Н.Н. Глубоковский поистине был феноменом. Он имел классическое духовное равновесие, законченный характер, гениальный ум с гениальным сердцем и памятью. Он был всегда и

всюду человек без лицемерия. С чистотой, горячностью, искренностью, сердечностью, простотой и смирением – был человек в настоящем смысле слова. [...]

Он был мерилom того мистического и научного проникновения, которое может сказать: ты богослов или профан. [...] Воистину, профессор Глубоковский проник в самые глубины христианства, которое в совершенстве познавалось в логической и исторической связи с комплексом всех других наук с такою ясностью, полнотой и глубиной, на какие редко кто способен, чтобы быть одновременно человеком точной науки и горячей веры. [...]

Чтобы понять широту и глубину этого великого человека, который одновременно был аристократом и крестьянином, профессором и другом, ученым и простым, богатым и бедным, необходимо учесть самое сокровенное достояние его души и сердца: любовь и преданность святой Православной Церкви, великой своей многострадальной родине и внимание к нравственной немощи страдающего человека... [...]

Мы уверены, что когда многострадальная родина знаменитого усопшего озарится духом свободы, правды, мира и любви, духом, витающим над ее достойными сынами и благословляющим русскую землю к благоденствию, подъему и мощи, Николай Никанорович Глубоковский войдет в пантеон гениев великой русской души, в первых рядах которого находятся носители и служители православного сознания, начертанного на скрижалях их ученой богословской мысли»*.

А.К. Клементьев

* Надгробное слово, сказанное Митрополитом Софийским Стефаном, при отпевании профессора Н.Н. Глубоковского... С. 14-16.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

В.Н. Лялин

НАЧАЛО ПРЕМУДРОСТИ — СТРАХ БОЖИЙ

Что же такое страх? Можно не сомневаться, что он известен всем. Страхом пронизана всякая жизнь на земле. Страх является охранителем жизни от самых высших до низших ее проявлений. В духовно-нравственной жизни страх издревле был одним из побуждений, заставляющих человека искать Бога. Библейский патриарх Авраам не любовью нашел Бога, а побуждаемый страхом, который обратил его к мудрости, и мудрость привела Авраама к Богу. Не через любовь он первоначально пришел к Богу, потому что невозможно любить того, кого не знаешь, но пришел он через страх Божий, который по мере узнавания Бога перерос у него в сыновнюю любовь к своему небесному Творцу и Создателю всего сущего.

В руках Бога страх был своеобразным мерилom верности, эталоном преданности и неотступничества. До сих пор потрясает своим трагизмом и величием бесподобное испытание, когда Авраам положил на жертвенник, Бога ради, своего сына Исаака, показав свою беззаветную веру, но был остановлен Ангелом, и услышал такие слова Божии: «Ибо теперь я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего единственного для Меня» (Быт. 22, 12).

В нашем жестоком XX веке в мутном быстро текущем потоке жизни как-то поблекло, стусебалось истинное понятие христианской религии, ее простое понятие о Троичном Боге. И особенно, второй ипостаси Св. Троицы — Иисуса Христа, взиравшего с куполов Византийских храмов строгим Пантокра-

*Спас Вседержитель.
Роспись одного из малых куполов
собора Св. Софии в Киеве*

тором, Христом Вседержителем, или, как Он звался в Киевской Руси, — «Спас — Яркое Око».

Но вот мы видим, как на протяжении веков, и, особенно, в протестантизме, который способствовал образованию современного рыночного Запада, протестантскими проповедниками традиционное каноническое представление о Боге постепенно вытравлялось из сознания людей, но усиленно культивировались и выставлялись на передний план другие качества Бога, например: любовь, любовь и более ничего. Такое однозначное определение Творца в традициях протестантизма. И

чем более преступными, и чем более жестокими были времена, тем сильнее пастыри кричали о Божией любви, вытравляя из сознания людей понятие о страхе Божием. Постепенно пронырливые пастыри формировали в сознании людей образ другого, протестантского бога, бога с усеченными свойствами, бога, возлюбившего шустрых бизнесменов и проливающего благодать на всех преуспевающих дельцов, (потому как у них такое понятие: если ты беден, если не преуспеваешь в бизнесе, то бог тебя не любит), бога небоскребов, бога громадных стадионов, бога колоссальных, из стекла и бетона, церквей, бога, скачущего по эстраде с микрофоном Билла Догерти, бога с тысячедолларовой улыбкой.

Понятие о Боге, которое Он открыл нам в Библии не однозначное, а многогранное, величественное и бесконечное, как космос, в сознании современного обезбоженного человечества, сузилось, спрессовалось до однозначного слова — любовь.

Любовь, любовь и еще раз любовь, повторяемое бесчисленное множество раз теми, кто по кабинетной сути своей далек от Бога, которые засушили, затаскали это слово, пока оно не потеряло всякий смысл. Сладкой патокой оно разлилось и заполнило собой всю область религиозного сознания наших современников и тем оттеснило оттуда все содержание религии.

Все дело в том, чтобы подняться на сияющую белоснежную горную вершину, надо сначала пройти по лесам, по болотам, по страшным отвесным скалам, минуя пропасти и ледниковые трещины, много претерпеть, крепко напугаться в опасном пути, чтобы впоследствии испытать несказанную радость от пребывания на горной вершине.

Так и путь к Богу очень и очень не прост и многоступенчат, и любовь лишь венчает прошедшего этот путь. Любовь неоднозначна, она бывает разной. К сожалению, наш русский язык располагает лишь одним словом, обозначающим это далеко неоднозначное состояние человека, в отличие, например, от греческого языка, в котором есть разные обозначения любви: к женщине, к Родине, к Богу.

Но в данном случае мы имеем в виду христианскую любовь. Она и называется христианской, потому что снизошла на человечество вместе со Христом.

В ветхозаветное время отношения человека с Богом происходили на основании исполнения закона. Все мы были под законом. Надо было не нарушать много различных запретов, установленных Богом и умноженных книжниками и раввинами до числа 613. Считалось, что

если не переступить эти 613 запретов, то ты будешь хорош и праведен перед Богом. Но кто из людей мог понести и исполнить это?!

Христос принес на землю другие отношения человека с Богом и человека с человеком, зиждущиеся на основании любви: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга: как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин. 13, 34).

Человек, не смотря на свою падшую порочную сущность, может исполнить эту Христову заповедь, но не сразу, не вдруг, а постепенно подходя к познанию Бога: вначале через страх Божий, а впоследствии и через христианскую любовь к Богу и своим ближним.

Властью, насилием и угрозами ко многому можно принудить человека. Единственное, что нельзя заставить человека насильно – это полюбить. Любовь, это божественное тайнодействие нашей души, тихим веянием входит в нас, но моментально может исчезнуть от всякого грубого прикосновения. Ксендзы и пасторы с церковных кафедр не устают повторять, что Бог есть любовь. И создается впечатление, как будто с неба сплошным потоком на нас изливается только благодать, и мы все счастливы, устроены, радостны и здоровы.

Но так ли это на самом деле?!

А ведь, в действительности, весь мир лежит во зле, это сказал еще апостол и евангелист Иоанн (1 Ин. 5, 19).

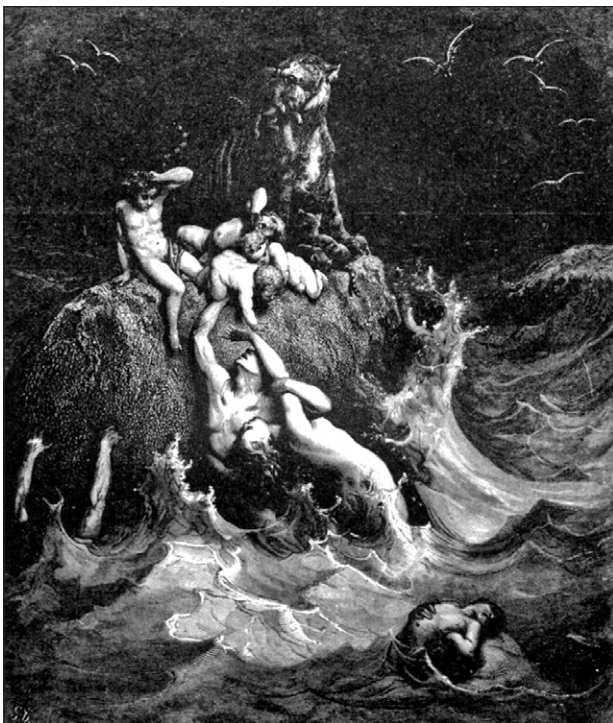
Надо трезво и реально взглянуть на наш современный и заблудший мир, где очень часто любовь подменяется слащавой сентиментальностью, возвращенной за последние десятилетия в богатых, благополучных странах.

Нельзя односторонне трактовать свойства Бога. Даже само солнце Господь не устроил изливающим на нас одно животворное тепло. Да, оно может обогреть, может взрастить наши посевы, но может и все иссушить, выжечь, умертвить.

На Западе стало бытовать какое-то карамельное представление о Боге: ну, вроде такого добренького Санта-Клауса, отягощенного мешком с подарками. Да и у нас на Руси тоже возникло такое понятие: своего русского пазушного Бога. Мы ему свечку, а Он нам Божию благодать. Все это очень мило, но Кто же тогда устроил всемирный потоп?! Кто сжег Содом и Гоморру?! Кто утопил в Красном море целую армию вместе с египетским фараоном?! Кто умертвил всех первенцев в Египте?! Кто погубил в еврейском стане Корея, Дафана и Авирона, а вместе с ними 14 тысяч человек?!

Ну, а войны, эпидемии, ураганы, землетрясения, пожары, наводнения, катастрофы вроде Чернобыля, наконец, просто болезни, смерть близких. Что же, все само по себе?

Нет! Это происходит не стихийно, не само по себе, это не игра слепых сил природы, ибо в Священном Писании совершенно ясно сказано: «Не две ли малые

*Всемирный Потоп.
С гравюры Густава Доре. 1860-е годы*

птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего». (Мф. 10, 29).

Все совершается по воле Божией. «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. 1, 3).

Но все же, почему «Бог – есть Любовь» (1 Ин. 4, 8)?

Потому что по благодати своей Бог создал мир со всей его красотой и населил его всякой тварью, и сотворил человека; из любви к нам в мир послал Сына Своего Единородного, показав этим, что Он есть Любовь. И особенно величие этой любви видно из того, что она была дарована грешным людям без всякой с их стороны заслуги, напротив, при наличии тяжелой и многообразной виновности их перед Богом.

Таким образом, источник любви заключается не в человеке, а в Боге. (Рим. 5, 8 и 8, 32).

Действительно, по любви Божией благодать, как солнечные лучи, нисходит на нас, но в большинстве случаев мы не можем ее ни почувствовать, ни воспринять, потому что, как одеждой, с головы до ног покрыты грехами. Бог есть источник любви, и кто из людей по чистоте души ближе к Богу, кто безгрешнее, тот больше воспринимает Божией любви. Как луна отражает свет от солнца, так и мы отражаем любовь Божию на своих ближних.

Чем больше мы можем воспринять любви Божией, тем больше мы можем отдать ее другим. На опыте истории избранного Богом еврейского народа мы видим, как за беззаконие и Богоотступничество гневом Божиим был жестоко наказан этот народ, забывший о страхе Божиим. Бог отступился от этого народа. Народ потерял свою родину, был продан в рабство и рассеян по лицу земли. И хотя этот народ был наказан Богом, но Бог сохранил его по своей великой любви и милосердию. И не только сохранил, но по обещанию, данному через пророков, возвратил Еврейский народ на свою историческую родину.

Все беды, несчастья и гибель людей происходят, потому что за тяжкие грехи и беззакония Бог оставляет народ свой. Народ лишается защиты и покровительства Божия. Вот тогда приходит сатана – враг и человекоубийца.

Он может причинить людям бедствия и безвременную смерть только тогда, когда Бог оставляет народ свой, потому что народ забыл и вовсе отрекся от Бога и предался гнусностям и преступлениям. Наказание постигает людей еще здесь, на земле. Вот что об этом пишет апостол Павел в послании к Римлянам: «Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою» (Рим. 1, 18).

Вот эта оставленность Богом народа своего – праведный гнев Божий. Народ, оставленный за преступления свои, становится беззащитным.

Известно, когда отступают охраняющие город, тогда туда сразу врываются мародеры и бандиты, и горе жителям города того.

*Ноев ковчег. Прекращение потопа.
С гравюры Густава Доре. 1860-е годы*

О гневе Божиим мы не должны забывать и всегда помнить о нем, имея страх Божий.

Люди с односторонним представлением о христианской религии не хотят принимать ее во всей ее глубине и многогранности и обычно отвергают одно из побуждений к вере – страх Божий, говоря: «И бесы веруют и трепещут» (Иак. 2,19), что страхом они не хотят уподобляться бесам.

Но, во первых, страх бесовский совсем не то понятие, каким является для человека страх Божий. Бесы трепещут от страха перед Богом подобно ворам и взломщикам, застигнутым на месте преступления.

Они знают, что Бог их в любом случае не помилует, потому что они настолько закоренели в своих злодеяниях, что добрых дел и покаяния от них ожидать уже не следует, и единственное для них место – это геенна огненная.

Ну, а для человека страх Божий совсем другое дело: он приводит к вере, он ограничивает человека от злых дел, и, со временем, переходит в любовь к Богу через покаяние и очищение.

О любви говорено и написано много, пришло время говорить и о страхе Божиим, который также как и любовь занимает свое место в христианской религии. Страх Божий – это реальность, от которой никуда не денешься и которую нельзя замалчивать, игнорировать, запихивать в дальний угол.

О страхе Божиим сейчас говорить не модно, особенно после 70-летней атеистической пропаганды, которая все эти годы неустанно твердила о том, что попы запугивают народ. Но о страхе Божиим приходится говорить, потому что он есть, был и будет. От него никуда не уйдешь.

Истинная христианская религия не терпит приторной патоки словоблудия и розовой глазурной фальши. Страхом Божиим пронизан весь Ветхий Завет, страх Божий присутствует и в Новом Завете. Христос не упразднил страх Божий ни на словах, ни на деле. Архиепископ Болгарский Блаженный Феофилакт, живший в XI веке, пишет в своем «Благовестнике»: «Бог и любовь есть».

Обратите внимание: «и любовь есть»! То есть, что Бог не только любовь есть, но и праведный и справедливый Судья, Который не только милует, но и наказывает.

Апостол Петр пишет: «Если вы называете Отцом Того, который нелицеприятно судит каждого по делам, то со страхом проводите время странствования вашего» (I Петр. 1, 17).

Христос в Евангелии от Луки говорит: «Не бойтесь убивающих тело и потому не могущих ничего более, но скажу вам, кого бояться: бойтесь Того, кто, по убиении, может ввергнуть в геенну: ей, говорю вам, Того бойтесь» (Лк. 12, 4-5).

Кроме слов в Писании, что: «Бог есть Любовь» еще и сказано: «Бог наш есть огонь пожигающий. Поэтому служить Богу надо с благоговением и страхом». (Евр. 12, 29).

Об этом совершенно забыли во многих христианских протестантских деноминациях, которые вырабатывали свой фамильярный стиль общения с Богом. Например: «Иисус, я дарю Тебе свой блюз!»

И на это хамское дарение Христос как бы отвечает: «Я очень рад, что ты даришь Мне свой блюз!»

Или вот стиль протестантских харизматических проповедников: «И сказал мне Дух Святой: «Эндрю, пойди к ним и обличи их в том, что в седьмой день Господень они не приходят на молитвенное собрание, а сидят у телевизора!»

Наш современник, православный митрополит Сурожский Антоний в одной из своих проповедей сказал: «Войти к Богу все равно, что войти в клетку с тигром».

Это потрясающее, совершенно справедливое сравнение и особенно полезное для тех, кто привык к святине и перешел на панибратское отношение с Богом.

Бог – это неподобная мощная Сила, держащая всю Вселенную, и человек перед ним – малая песчинка, которая может и должна осознавать все величие Божие.

*О, Ты, пространством безконечный,
Живый в движенье вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц в трех лицах Божества!
Дух всюду суций и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем Бог!*

Г.Р. Державин «Бог»

Надо полагать, что истинно верующие и осознавшие, кто есть Бог, и что такое перед ним человек, никогда не позволят себе по отношению к Богу ни пренебрежения, ни глупой простоватой фамильярности, ни тем более глумления. А тех, кто в бесстыдстве своим, дерзнул надругаться над святыней, Бог наказывает очень тяжело и не только временными муками на этом свете, но и в будущей жизни, ибо сказано в Новом Завете: «Бог поругаем не бывает» (Гал. 6, 7).

Всегда надо помнить, что и в царстве любви есть карающий меч для тех, кто пришел на пир не в брачной одежде (Мф. 22, 12-13).

Апостол любви, который больше всех говорил и писал о любви во Христе, Иоанн Богослов, тем не менее назывался Христом еще и Воанергес – сын Грозов. В этом грозном имени нам слышатся громовые раскаты предсказанного Армагеддона, когда нечестивые земные правители соберутся на битву против Царства Божия, и видится в пламени гибнущий мир поднебесный.

Мы знаем, что Бог вездесущ, что Он пребывает везде: и на земле, и в небе, и на дне морском. От Его всевидящего ока никуда не может скрыться человек, поэтому ты, прежде чем решаться на злое дело, знай и помни слова апостола Павла: «Страшно впасть в руки Бога живого» (Евр. 10, 31).

Страх Божий и совесть человека служат своеобразным тормозом, препятствием на пути совершения греха, особенно, если человек просвещен Евангельским учением. И Бог не оставляет милостью тех, кто имеет страх Божий.

В Деяниях Апостолов так написано об этом: «Во всяком народе боящийся Бога и поступающий по правде приятен Ему» (Деян. 10, 35).

Преподобный пустынный, живший в VII веке по Р. Х., Авва Дорофей говорит, что в начале при общении с Богом возникает рабский страх, страх боязни мук и наказания или страх наемника, который ожидает от Бога награды. Со временем, когда человек вкусит сладость пребывания с Богом, его первоначальный рабский страх переходит в совершенный страх, то есть, когда любовь к Богу изгоняет из сердца рабский страх, и человек, переполненный любовью к Богу, уже страшится не мук и Божией кары, а боится лишиться милостей Божиих. Про это соапостол Иоанн говорит (I Иоан. 4, 18): «Совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение».

И апостол Павел в Послании к Римлянам пишет: «Страх Божий верующих не есть страх рабский, который изгнан любовью» (Рим. 8, 5).

«И такой человек уже не раб, – продолжает апостол Павел, – но сын и наследник Божий через Иисуса Христа» (Гал. 4, 7).

Богословами и учителями церкви страх Божий причислен к величайшим добродетелям и обязанностям

человека. По словам Св. Василия Великого, все проходят через эту низшую ступень рабского страха (*Творения свт. Василия Великого. Т.5. С.91-92*), потом постепенно, с Божией помощью, освобождаясь от него, такой человек уже не боится Бога тем первоначальным страхом, но любит Его, как и Св. Антоний Великий, который сказал: «Я уже не боюсь Бога, но люблю Его» (*Достопамятные сказания о подвижничестве Св. отцев, Москва 1845 г. С.11*).

Первоначально страх Божий есть первая ступень к Богу. Он, также как совесть, присущ нашей душе. Он охраняет душу от всякого зла. В Притчах Соломоновых сказано: «Страхом Господним уклоняется всяк от зла» (Притч. 15, 27).

И только безумец отвергает страх Божий, потому что отвергает Самого Бога. «Сказал безумец в сердце своем: нет Бога» (Пс. 13, 1).

Федор Михайлович Достоевский писал: «Если нет Бога, тогда все позволено». И человек, не имеющий в сердце Бога, отвергнувший страх Божий, сам становится демоном преступности, насилия и убийства, если в душе у него не осталось даже и совести.

В нашей суматошной, безумной действительности, где все на продажу, к сожалению, за последние десятилетия Христа сделали модой: о нем ставятся рок-мюзиклы, рок-бардами слагаются шлягеры, сопровождающиеся бесовской музыкой. Наркоманы, бандиты, проститутки, гомосексуалисты, эстрадные шансонье на шеях стали носить большие «архиерейские» кресты. Экстрасенсы, колдуны и астрологи, обвесившись иконами, именем Христовым зазывают к себе одураченную публику. На эстрадах перед многотысячной легковерной толпой беснуются «целители» именем Христа, берущиеся исцелять все болезни рода человеческого. Как грибы, возникает множество ложнохристианских общин, зачастую с темной духовностью.

В мире происходит всеобщая христианизация без Христа. Вместо подлинных ценностей высоконравственных Христовых истин, бесподобного религиозного учения, миру предлагаются дешевые цветные стекляшки – духовная бижутерия, подделки под Христа. Вместо подлинного предлагается суррогат. Вместо одного –

*Воскресение Христово.
Икона конца XIX – начала XX века*

другое. Прошу обратить внимание на слово – вместо.

«Вместо» по-гречески – «анти». Это означает, что вместо Христа на мир надвигается некто – анти. Вместо Христа приближается Антихристос или Антихрист.

Дух антихриста давно уже действует через тайну беззакония (2 Фес. 2, 7), все усиливаясь в наши нерадостные дни. Постепенно и целеустремленно готовится почва для принятия будущего, так называемого, «благодетеля» человечества.

Дело безбожия и беззакония уже подготавливается втайне, но не может перейти в открытую войну против Бога, пока не взята из мира сила, *удерживающая* мятеж зла. Об этом пишет апостол Павел во Втором послании к Фессалоникийцам 6,7. В греческом Новом Завете «то катехон» – переводится, как: *удерживающая* сила. Апостол Павел не поясняет, что или кто подразумевается под *удерживающей* силой, не дающей воцариться антихристу, пока не будет она взята от нашей среды.

Надо полагать, что этой силой является Церковь Христова,

то есть христиане, ее составляющие. И пока у народа будет непоколебима вера в Божие могущество и Божие милосердие, до тех пор антихрист не может появиться властелином мира.

Ну, а как известно, вера поддерживается и укрепляется, кроме любви, страхом Божиим. Поэтому, пока сохранится страх Божий, сохранится и вера. Становится ясно, что и Страх Божий является частью той *удерживающей* силы, которая не допускает прихода в мир антихриста.

И вот, почти уже две тысячи лет христианских православных храмах, когда выносятся для причащения людей чаша со Святыми Дарами, диакон громогласно возглашает: «Со страхом Божиим и верою приступите!»

Напоследок, всем читающим сейчас это слово, я хочу сказать устами пророка царя Давида, обращающегося к нам из глубины веков: «Придите, чада, послушайте меня, страху Господню научу вас» (Пс. 33, 12).

ХРОНИКА МОНАСТЫРСКОЙ ЖИЗНИ

(Рассказ в письмах)

*Псково-Печерский мужской монастырь.
Площадь у Святого колодца. Современный вид*

15 марта 1945 года.

Дорогой Кузьма Иванович, привет из Ленинграда!
Пишет вас племянник Василий, Я все по-прежнему в этом несчастном многострадальном городе, так из него никуда и не выезжал, «жизнь здесь понемногу налаживается: отменили затемнение, еще с лета 1942 года ходят трамваи, но следы войны и блокады видны повсюду. Народа на улицах еще мало. Много разрушенных и сгоревших домов, а оставшиеся дома какие-то серые, с грязными подтеками на стенах. На перекрестках улиц угловые окна домов заложены кирпичами и оставлены только узкие амбразуры для пулеметного обстрела. На стенах домов надписи: «Бомбоубежище», «Эта сторона улицы наиболее опасна при артобстреле», «Враг не пройдет!», «Место складирования трупов».

Снабжение неплохое, но все по карточкам. Есть и коммерческие магазины где продукты можно купить без карточек, но все очень дорого. Еще я прошу вашего благословения, чтобы определиться мне в Псково-Печерский монастырь. За войну и особенно за блокаду я натерпелся и нагледелся такого, что нет уже у меня сил жить в миру. Вы у меня единственный родственник, и хотя вы сейчас не у дел, но все же на вас сан и благословение священника для меня многое значит. С нетерпением жду вашего письма, Василий.

20-го июня 1945 года

Дорогой Кузьма Иванович!

Ну, вот, наконец-то кончилась война. Девятого мая на Дворцовой площади было большое гуляние. Люди радовались, обнимались, все были такие счастливые, что даже передать невозможно. Был салют из пушек,

фейерверком все небо украсилось, как в сказке. Не дай Бог больше пережить такого, что мы пережили в Ленинграде за эту войну. Из монастыря мне пришел ответ: что пока принять не могут, но просили предварительно приехать к ним с документами для знакомства и переговоров. Наверное, желающих-то много, а монастырь-то всего один.

Сегодня приехали из эвакуации соседи Ларионовы, которые живут над нами на третьем этаже. Открыли квартиру и – о, ужас! Блокадная находка. На кухне на полу лежит почерневший разложившийся труп их домработницы Паши, которую они оставили сторожить квартиру. Я помню эту девушку еще с довоенных времен, приехавшую из Псковской области. Она всегда у нас под окнами выгуливала хозяйскую собачку. Помню, что как псковитянка она вместо «ч» выговаривала букву «ц». «Собацка», – говорила она. Война разразилась внезапно и хозяева, прослушав сводки от Советского информбюро о том, что немцы быстрым ходом приближаются к Ленинграду, сразу наладились уезжать. Были они люди зажиточные, ученые – семейная пара и мальчик небольшой с ними. Паша – их прислуга, просила взять и ее, но они отказались и велели стеречь добро и квартиру. Добра у них было много и все старинное, дорогое, красивое. Было у них и столовое серебро, и мебель из барских особняков, и дорогие картины русских художников. Наследственное все это было, или натащено во время революции – не знаю, но все это было велено Паше стеречь и блюсти, и никого в квартиру не пускать.

Сегодня, когда я услышал на лестнице беготню и какой-то переполох, то поднялся на третий этаж посмотреть, что там происходит. Двери квартиры были настежь раскрыты, хозяева на площадке сидели на чемоданах и зажимали нос платками. Я вошел и увидел черные покрытые блокадной копотью стены и потолок, копоть гирляндами свисала с люстры и картин. В кухне дворники, зажимая носы, скребли лопатами, сгребая по частям труп Паши. В комнате, где она зимовала, я увидел типичный блокадный быт. Посередине из мебели, ковров и одеял был сооружен шатер с логовом внутри, рядом стояло ведро с засохшими экскрементами, выбитые взрывной волной оконные стекла закрыты фанерой, картинами и картоном. В комнате царил мрак от несусветной копоти, видно постоянно дымила железная печка-буржуйка, стоящая у двери. Жестяная труба тянулась через всю комнату в окно. Около печки валялся ржавый топор и разломанное кресло. На столе была коптилка с коротеньким фитильком, кухонный нож и грязная пухлая тетрадка, куда Паша вписывала некоторые эпизоды своей горемычной блокадной жизни.

Я унес с собой эту тетрадку, и кое-что приведу вам, Кузьма Иванович, в этом письме, чтобы вы имели представление, как мы здесь боролись за свою жизнь, жили, страдали и умирали. Вот что писала Паша:

10 октября 1943 года.

Сегодня бегала кругом и все искала нашу собачку, кликала ее, спрашивала соседей и прохожих. И мне сказали: «не ищи ее, девушка. Разве ты не знаешь, что уже начали убивать и есть собак и кошек?» Жалко собачку-то, добрая была и как-то с ней легче было, и не так страшно при бомбежках.

12 ноября 1941 года.

Сегодня наш дом дрожал и качался во время немецкой бомбежки. Вылетели все стекла. Говорят, что бомбы кидают большие, по пол тонны и даже по тонне. Я уже не пряталась в убежище. Сiju в квартире. Просто не было сил бегать туда-сюда по лестнице. Я занималась тем, что сдирала обои со стен и скребла их ножом. Ведь их когда-то клеили заварной ржаной мукой. Из того что наскребла, я варила болтушку и пила ее, хотя на зубах скрипела и драла горло известка.

1 декабря 1941 года.

Случайно в жестяной банке нашла корицу и еще какие-то пряности и съела их вместе с засохшими цветами, что стояли на полу у окна. Сегодня около булочной поменяла свои золотые сережки на плитку столярного клея, варила его и ела понемножку.

15 января 1942 года.

Лицо опухло, глаза как щелочки. Начался понос. Ходила в поликлинику – дали каких-то таблеток. Когда шла назад по Малой Зелениной, вспомнила что за высоким забором был дровяной склад. Хотела украсть пару полешек, открыла калитку, а там штабелями лежат мороженные покойники. Я не испугалась, их и на улицах много лежит.

10 февраля 1942 года.

Понос перешел в кровавый. Просила соседку позвать из поликлиники врача. Она ходила, но там отказали. Сказали, что к неработающим не ходим.

Теряю последние силы. Вся опухла. Нечего есть и нечем согреться.

На этом, дорогой Кузьма Иванович, записи обрываются. Останки Паши уже унесли, но на деревянном полу остался след ее тела с раскинутыми руками

1 марта 1947 года.

Дорогой Крестный,

я уже хожу в трудниках монастырских и приставлен к старцу Пафнутию, Старец строгий – если чего не по

нем, то учит меня посохом. Настоятель архимандрит Нектарий принял меня хорошо, договорился с властями о местной прописке. С этим здесь сложно. Настоятель еще крепкий старик с большой черной бородой и очень хороший проповедник. Когда он говорит, так заслушаешься, обо всем забывая. Сегодня благословили меня белить деревья на «Кровавой дорожке», на братской трапезе читал жития. Конечно, вначале мне было здесь тяжело. Все испытывает мое смирение. Раз велели наполнить пожарную бочку, а ведро дали худое. Я целый день носил воду и никак не мог ее наполнить. Монахи думали, что я буду возмущаться и брошу дело, но я как заводной ходил и ходил. Тогда они смиростивились и дали хорошее ведро. А старец мой похвалил меня за терпение, незлобие и смирение. Звонарь отец Иегудиил учил меня звонарному делу. Дело это непростое. Одной ногой надо качать педаль каната большого колокола, а обеими руками дергать веревки малых колоколов. Не получалось. Я даже чуть не заплакал. Долго молился у чудотворной иконы «Успения», все просил вразумить меня. И потом получилось и все пошло, как по маслу. В Никольском храме поставил свечу на канун и просил отслужить панихиду по многострадальной Паше. Просил и своего старца молиться за упокой ее души. Дворники закопали ее останки подальше от дома, на Взморье, это у нас такое большое пустынное место. Хозяева им заплатили, они и закопали без хлопот. В то время это было просто. Старец расспрашивал о Паше и я ему рассказал о ее гибели и записях в тетрадке. Старец спросил:

– А покрасили ли на полу след тела Паши?

Я сказал, что не покрасили, и топчутся бесчувственно по этой тени.

Отец Пафнутий горестно покачал головой, переkreстился и сказал:

– Не избежать им Божия наказания. Не избежать до четвертого колена. Большо-ое покаяние им надо сотворить, чтобы спастись и грех тяжкий искупить. Ведь они к этой девушке отнеслись как к собаке. Как собаку

Горожане ликвидируют последствия бомбардировки. 1941-1942 годы

оставили стеречь хозяйское добро. И закопали, как собаку на пустыре. А ведь Паша была – храм Божий, а они разорили его. Вот за свой неискупленный грех и сами все повалятся. Не надо забывать, что Бог есть не только любовь, но и огонь поядующий. А верущая ли эта семья? По их делам-то не похоже.

– Нет, отче Пафнутие, не верущие.

– Тем хуже для них. Были бы были верущие, то гнев Господень можно было замолить, искупить. Заказать за Пашу в церкви сорокоуст, перенести прах на православное кладбище, конечно с отпеванием, крест на могилке поставить. Всегда молиться за упокой ее души и нищим подавать на помин. А без покаяния, боюсь, что умертвие найдет на них, и все они чредою сойдут в могилу. Помирать все будут скорописной смертью.

Прошу ваших святых молитв!

Ваш племянник Василий.

Дорогой Крестный, Кузьма Иванович,

простите меня грешного, что долго не писал вам. Все лень, да недосуг. Сегодня у меня великий день. Сегодня отец настоятель совершил мой постриг в иноческий чин в рясофор. Облекли меня в рясу, дали в руки крест, четки и нарекли Игнатием в честь св. Игнатия Богоносца. Меня навестила мать. Плакала и горевала, что я принял иночество, и посему она никогда не увидит своих внуков. Я ее утешал: «Не плачь, мамушка, что мне присвоили ангельский чин. Бог даст и со временем у меня будет много духовных детей, а у тебя десятки внуков. Мать мне сообщила, что у соседей Ларионовых уже началось умертвие, и из дома сразу вынесли два гроба. Безвременно в одночасье скончались оба супруга. Хозяин на плите забыл чайник, а он кипел и залил огонь. Газ пошел по всей квартире, и они отравились. Синие были, как удушенники. Гробы везли на заковрованной машине. За гробами шли музыканты и на трубах играли то похоронный марш, то интернационал, потому как оба были партийцы. В крематории нанятый оратор сказал такую чувствительную речь, что все плакали, когда гробы опускались в преисподнюю, в пещь огненную. Когда мать вышла во двор, из квадратной трубы крематория валил черный жирный дым. А какой-то пьяненький бомж кричал, что он видит как над трубой выются демоны и громадными ноздрями сладострастно нюхают этот черный смрадный дым.

Дорогой Крестный,

как ни трудно, но я со смирением несу послушание, которое возлагает на меня отец эконо. Вначале я день за днем для поварни колот дрова. Парень я крепкий и поленья под моим колуном разлетались как орешки. Кухня всегда была обеспечена дровами и отец кашевар даже похвалил меня за усердие перед экономом и отцом благочинным. Одно только было тяжело, по молодости все время хотелось спать, а старец Пафнутий по ночам,

на первом куроглашении, будил и поднимал читать «Полунощницу». Первое время я прямо стоя засыпал и падал у аналая, но старец выливал мне на голову ковш холодной воды и кричал:

– Се, Жених грядет в полунощи! – и я продолжал чтение. Не знаю, когда спит сам отец Пафнутий, какой-то он неусыпаемый. Всегда стоит на молитве с четками в руке перед образами, и борода его так и ходит от того, что молитва у него – самодвижная. Старец меня учил, что молитва у новоначальных бывает сперва – читальная по молитвослову. Молитвы эти составлены святыми подвижниками и очень питательны для незрелого ума и неискушенной души. Читаешь утренние и вечерние молитвы, и ум катится как по рельсам, а душа умиротворяется и стремится соединиться с Богом. А когда же человек начинает духовно созревать, у него пробивается вперед собственная молитва, идущая к Богу от сердца. Уж тут раб Божий расстилается душой перед Богом, и наградой ему бывает мирность душевная и незлобие. А следующая ступенька духовного восхождения бывает благодатная Иисусова молитва, которая вначале не сходит с языка и постоянно вращается в устах. Поэтому и называется она – устная. Молитвенник так привыкает, так сродняется с устной молитвой, что постепенно она все больше и больше переходит с языка в ум и начинает вращаться в уме и потому ее уже называют умной молитвой. И если неотступно заниматься умной молитвой, то она переходит в грудную полость и входит в сердце, и вместе с ударами оно начинает творить Иисусову молитву, которая уже будет называться сердечной молитвой.

Как устная молитва, так и умная, и сердечная могут входить в плоть и кровь человека и так срастаются с ними, что делаются самодвижной молитвой, то есть уже не зависящей от сознания и постоянно движимой Духом Святым.

Вот так старец Пафнутий толковал мне об Иисусовой молитве: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Дорогой Крестный,

я, слава Богу, жив, здоров, чего и вам желаю. Отец эконо назначил мне новое послушание и приставил меня в просфорне. Послушание это одно из ответственных и тяжелых. Начальствует здесь, в просфорне, отец Псой. Конечно, в начале у меня ничего не получалось, но по молитвам моего старца, отца Пафнутия, дело пошло на лад. Я оказался ловким в просфорном деле, и отец Псой похвалил меня и спек мне вкусную булочку с изюмом. Пришло письмо от матери. Пишет, что больна, боится умереть и просит приехать навестить. Отец Наместник по этому случаю благословил меня съездить в Ленинград. Ехать надо было, хоть и не хотелось покидать монастырь. За монастырскими стенами было так хорошо, так уютно, а главное – надежно. В храмах служба идет круглосуточно: утренняя, вечерняя, обедня, а ночью

читается негасимая Псалтирь. А уж звоном колокольным все вызвонят, выметут всю нечисть за монастырские стены. Поэтому здесь так легко дышится и постоянная мирность душевная. Не то в миру, где кругом искушения, где и невидимый враг-диавол аки лев бродит в поисках кого бы поглотить. Мать моему приезду была рада, и к счастью, болезнь ее была не к смерти, и доктора обещали скорую поправку. Спать в эту ночь я не мог, потому что у Ларионовых над нами играли свадьбу. Женился уже взрослый сын, который учился на инженера. Всю ночь кричали: «Горько!» Бегали топали, плясали. Пьяные гости выходили курить и блевать на лестницу, орали, пели, тискали девок, хорошо еще драки не было. Все это после монастыря было мне дико и противно.

Дорогой Крестный,

простите что долго не писал, много забот, послушание и молитвенное делание занимает все время. Сегодня меня постригали в мантию – сиречь в малую схиму. Все, уже возврата в мир нет. Да и не нужен мне этот мир греховный и прелюбодейный. Мать писала, что в семье Ларионовых родился сын. А мне дали новое послушание – помогать отцу Адриану при изгнании демонов из бесноватых. Вчера старец Пафнутий началил меня посохом за нерадивость в ночных молениях. Ветхий старец, а дерется больно. Он бьет меня посохом, а я только кричу: «Прости, отче! Прости, отче!» Новое послушание тоже не сахар. Лучше бы мне колоть дрова, или круглые сутки печь просфоры, нежели возиться с бесноватыми. Моя обязанность – соблюдать порядок среди них, когда их приводят на отчитку в храм. Ужасно свирепые эти бесноватые. Пока я нахожусь среди них, они стараются покрепче ущипнуть меня, лягнуть каблуком, наступить на ногу, дернуть за волосы. Все время хожу в синяках и молюсь «Господи! прости им, ибо не ведают, что творят!».

Дорогой Крестный,

благодарю вас за письмо, за духовное увещевание и поддержку. Я очень рад, что вы вновь получили приход и назначены настоятелем, слава Богу, что хрущевские гонения на Церковь закончились, и закрытые храмы понемногу вновь открываются. Старец Пафнутий говорит, что даже государство можно разрушить, но Церковь – никогда». Получил письмо от матери. Пишет, что жива-здорова, а вот верхний сосед, инженер Ларионов по дороге на работу скончался скорописной смертью. Ему не было и сорока лет. Старец сказал: «Остра у Христа шелепуга-то». На моих глазах исполняется проклятие рода за нераскаянный грех. Страшно, ох, как страшно, но не все это сознают и ссылаются на судьбу, или случайность. Только вера и знание Священного Писания открывают истинный смысл происходящего.

Правящий Архирей рукоположил меня в иеромонахи и мне дали послушание в алтаре. Последнее время очень ослабел мой духовник старец Пафнутий. Сказал мне, что

пришло время расставаться с земной жизнью, и напоследок он просил меня исполнить послушание, съездить в Ленинград и открыть все молодой вдове Ларионовой, что умертвие и дальше может продолжаться, убедить, усовестить ее, чтобы отмолила своего сына от гнева Господня. Но, к сожалению, они были люди неверующие и могли меня отругать и поднять на смех. Старец Пафнутий исповедался, причастился и вскоре умер. Хоронили его соборно, всем монастырем, как и положено хоронить всеми чтимого старца и Архимандрита. После отпевания, обнесли гроб вокруг собора с пением ирмоса: «Помощник и покровитель бысть мне во спасение. Погребение старца состоялось в Богозданных пещерах на вечное упокоение до второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа. Через несколько лет, исполняя послушание, я поехал в Ленинград. Когда я приехал, у Ларионовых был какой то семейный праздник. На богатых машинах наехало много гостей. Погода стояла жаркая, июльская, и гости вышли во двор, и вдова вместе с ними. Все они бурно веселились с бутылками в руках и отплясывали во всю ивановскую. С ними, кокетливо изгибаясь, и играя перстами поднятых рук, танцевала и вдова. Когда они дурили, я подошел с разговором к вдове, но она посмотрев на меня, сморщилась и сказала: «Что ты лезешь, не видишь у меня гости». И мне пришлось уехать назад, поскольку я был отпущен на короткое время...

Дорогой Крестный, Кузьма Иванович,

благословили нас с православной делегацией совершить паломничество на Афон и Святую Землю. Плыли на пароходе из Одессы. Паломников набралось много. С нашей делегацией плыл и Архиепископ грузинской Патриархии Афанасий. Когда стали подплывать к Афону, один паломник из Сибири, бородатый мужик, подбежал к борту и, показав рукой в сторону Афона, закричал: «Вот, где адаманты Православия сокрываются! Дай Бог и нам от их благодати малую толику». Когда сошли на берег, грузинский Архиепископ Афанасий как был в рясе с

Объявления об обмене вещей на продукты в блокадном городе. Февраль 1942 года

Панагией, так и пал на колени и пополз, так, не вставая, все и полз до места. Смотреть на него сбежались греческие монахи, щелкали языками и говорили, что такого благочестия они еще не видели.

Весь Афон густо заселен монахами-отшельниками и разными приезжими молитвенниками. Чувствуется, что благодати здесь море разлитое. Все придерживаются святоотеческой старины. Всенощное бдение у них продолжается по 14 часов. В греческих монастырях монахи во время службы держатся особыми подпорками, а без них такой службы не выдержать. Пища у них скудная: кальмары, бобы, оливки, чеснок и растительное масло. Женщин и всякую тварь женского рода на остров не пускают. Кладбища здесь временные. Полежал три года и довольно. Вырывают из земли, кости перебивают водой с вином и складывают в особое помещение – костницу. Там у них за много веков – штабеля этих костей, а черепа на полку. На лбу надписи: кто есть кто. А перед входом в костницу над дверями надпись: «Мы были такими как вы, вы будете такие как мы».

В Афанасьевском монастыре прикладывались ко главе Василия Великого, а в Пантелеимоновском ко главе святого Великомученика Пантелеимона. На Афоне мне старец-отшельник говорил, что человеки в электронике, генетике,

эмбриологии, космонавтике и атомном деле достигли таких высот, что пора бы и остановиться и своим дерзновением не искушать Бога, и Его долготерпение не бесконечно, и все это может кончиться вселенской катастрофой, и бесславной гибелью всего населения Земного шара.

Потом мы поплыли на Святую Землю. Там меня поразила такая масса евреев, какую я отродясь не видел. У меня создалось впечатление, что для них это – не Святая земля, а просто территория обитания. Все они в порыве какой-то бешеной деятельности и непрерывной суеты. И еще какая-то деланная беспричинная веселость и развязанность. Все бегом было: осмотрели мы все достопримечательности, выкупались во святой реке Иордан, пили вино в Кане Галилейской, ели жареную рыбу из Генисаретского озера. Были на богослужении в храме Гроба Господня и благополучно вернулись на самолете в Россию. Когда приехал в монастырь, отец келарь подал мне письмо от матери. Мать пишет, что жива здорова, вот у соседей Ларионовых опять горе. Скоропостижно скончался последний из этой семьи тридцатилетний аспирант. Скончался среди полного здоровья без видимых причин. Все его жалели, на похороны пришло много народа, и как могли утешали мать, и никто не мог объяснить эту загадочную смерть.

ХРИСТОВА НЕВЕСТА

- Матренушка, принеси ведро воды.
- Ой, маменька, не могу, спинка болит.
- Ну, дай я посмотрю, где у тебя болит.
- Ничего не видно, вроде бы чисто,
- Ты смотри посереде лопаток.
- Да, вроде бы бугорок малый есть.
- Вот, давя, больно?
- Немного больно, а как ведро нес, так очень больно.

Матрена Федоровна Филиппова родилась в конце девятнадцатого века в Ярославской губернии, Углического уезда в деревне Криушино. Семья была достаточная, большая. Четыре поколения жили под одной крышей в просторной избе-пятистенке. Прадедушка – древний ветхий старичок, уже давно лежал на печи, слезая только по нужде, да покушать что, когда позовет невестка. Большак, его сын, – бородатый и лохматый как леший, вместе со старухой- большухой были еще в силе и командовали всеми молодыми. Работы по крестьянству всегда было невпроворот, и никто хлеб даром не ел. И потому большак был огорчен и озадачен, когда невестка ему сказала про болезнь внучки Матренушки – девочки разумной и шустрой. Большак почесал в бороде и сказал, чтобы Матренку не трогали, гусей пасти не посылали – воду носить не заставляли, а пускай в избе сидит, за маленьким Санькой в люльке присматривает, да послать за баушкой Палагой – костоправкой, искусной в заговорах, чтобы девчонку полечила.

*Матрёнушка – Матрена Федоровна Филиппова.
Фото конца 1930-х годов*

На завтра, опираясь на клюку, в больших лаптях и корзинкой с корешками и травами притащилась старая Палага. Она долго крестилась, молилась и клала поклоны перед святыми образами, стоящими в деревянной со стеклами, засиженными мухами, божнице. После поклоном отдала честь и хозяевам. Матренку повели в протопленную баню, чтобы распарить косточки, а старухе предложили чаю. Старуха жадно пила китайскую травку, рассказывая о чудесах при мощах преподобного Серафима, перебегая мышиными глазками с одного

слушателя на другого. Выпив несколько чашек дорогого заморского зелья, она перевернула чашку и положила на доньшко замусоленный огрызок сахара в знак того, что уже напилась как следует, и осталась довольна. Придя в баню, Палага разложила Матренку на лавке спиной вверх, достала из корзинки бутылку со святой водой, набрала в рот воды и начала прыскать через уголек на спину девочке. Между прысканьем читала заговор от болезни нараспев с небольшим приплясом: «Господи Боже, благослови! Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Как Господь Бог небо и землю, и воду, и звезды, и сыро-матерней земли твердо утвердил и крепко укрепил и как на той сыроматерной земле нет ни которой болезни, ни кровные раны, ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, так же сотворил Господь меня рабу Божию Матрену, как сотворил Господь, твердо утвердил и крепко укрепил жилы мои, и кости мои, и белое тело мое, также у меня рабы Божией Матрены, не было бы на белом теле, на ретивом сердце, ни на костях моих, ни которой болезни, ни крови, и ни раны, и щипоты, ни ломоты, ни опухоли. Един Архангельский ключ: во веки веков. Аминь».

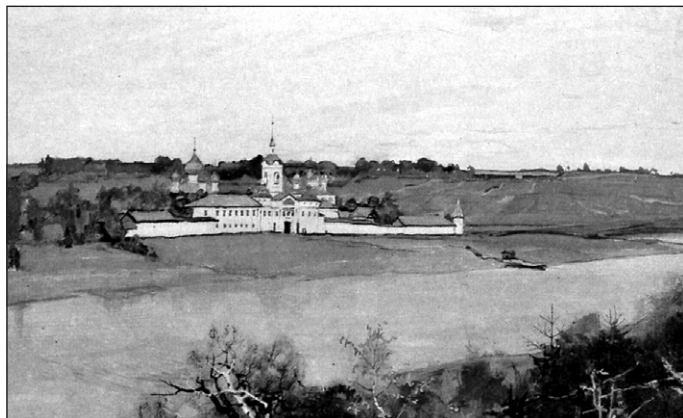
После этого действия, Палага оставила корешки и травы и наказала как их настаивать и пить. И, получив мзду от большака, поплелась восвояси домой. К осени горбик у Матренки увеличился и по вечерам бывала легкая лихорадка. По снежному первопутку большак решил везти внучку к ученому доктору в Углич. Наклали в сани побольше сена, привязали в задку саней большого жирного борова и достав из-за божницы четвертную, крепко закутанные, двинулись в путь. Большак около себя в сено положил Тулку на случай волков. На крыльцо вышла большуха и с поклоном сказала большаку:

– Читай, Кондратушка, молитву на путь шествующим.

Кондратушка снял треух, перекрестился широким крестным знаменем и прочитал – «Отче Наш».

Кнут заходил по Савраске, и сани со стонущим боровом, Матренкой и большаком, скрипя полозьями по снегу, тронулись в путь. Путь был не близкий, ехали лесной дорогой. Лес спал, заваленный снегами, и громадными шапками громоздясь на ветвях темнозеленых елей. На полянах останавливались дать отдыха лошадке и дед вешал ей на морду торбу с овсом и накрывал потную спину попоной. Под рогожами стонал и хрюкал связанный боров. Иногда слышался голодный волчий вой. Савраска вздрагивала и настораживала уши, а дед с озабоченным видом доставал Тулку и гулко для острстки палил в небо. Когда приехали в Углич, навстречу им попался сам доктор, тучный господин с маленькой бородкой, в каракулевой, пирожком шапке и в лисьей шубе, ехавший в собственном экипаже. Дед соскочил с саней, подбежал к экипажу и, сняв треух с плешивой головы, начал что-то говорить доктору, показывая на закутанную Матренку. Доктор снял пенсне с багрового толстого носа, протер его платком и указал деду куда ехать к нему на прием.

Дворник в широком тулупе колоколом открыл деду ворота, и тот въехал во двор докторского дома и поставил

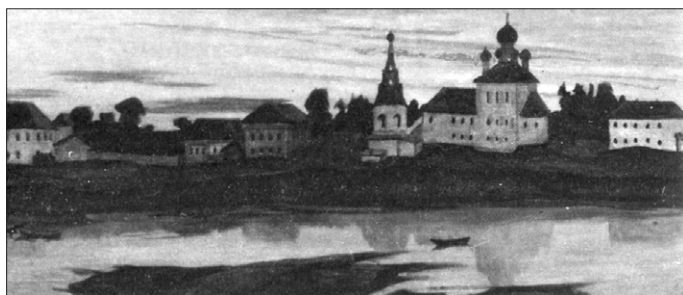
Углич. Покровский монастырь на берегу Волги. Разрушен в конце 1930-х годов и затоплен водами Угличского водохранилища. С картины П.Д. Бучкина. 1930 год

лошадь под навес, накрыв попоной. Дворник и дюжий работник на рогоже повезли по утоптанному снегу визжащего борова в сарай. В это время во двор въехал сам доктор и одобрительно взглянув на влекомого борова, вошел в дом. Горничная раздела Матренку и на кухне дала ей с дедом чаю с белым ситником.

В кабинете доктор внимательно осмотрел обнаженную Матренку. Постучал согнутым пальцем по горбик у и сказал деду:

– Дело плохо. У девочки бугорчатка позвоночника. Лечение может длиться годами. Конечно, хорошо бы ее устроить в костно-туберкулезный санаторий в Давос, или Каир, в крайнем случае, в Ялту. Но принимая во внимание их имущественное положение, сказал, что считает это невозможным. В таком случае, сказал доктор, он сделает Матренке гипсовую кровать по форме ее спины вроде такого корытца и девочка должна в ней лежать плашмя постоянно года три, но по мере роста, кровать каждый год надо будет менять. Короче говоря, девчонка не помрет, но может остаться горбатой. Дед в голос заплакал, ударил шапкой об пол и достав из-за пазухи четвертную, отдал ее доктору. Доктор снял мерку с Матренкиной спины и отправил их на постоялый двор, пока сохнет гипсовая кровать.

На постоялом дворе дед покормил Матренку мясными

Углич. Церковь свт. Леонтия Ростовского на левом берегу Волги. Разрушена в конце 1930-х годов в связи со строительством Угличского гидроузла, кирпич церкви был использован на бут гидросооружений и дамбы Угличской ГЭС. С картины П.Д. Бучкина. 1930-е годы

*Дети возле фонтана «Уточки».
Петергоф. Фото 1930-х годов*

щами. Себе же, кроме щей, взял косушку водки и чайник крепкого чая. Упревший от щей, чая и косушки дед уложил Матренку спать, а сам, вытирая глаза красным кумачевым платком, рассказывал кабацкому сидельцу о своей беде.

Через день гипсовая кровать была готова. Матренка легла в нее. Нигде не давило и для горбика была сделана выемка. Когда вернулись назад в Криушино, вся деревня сбежалась смотреть на гипсовую Матренкину кровать. Щупали и шелкали языками, жалели Матренку, ей поставили лежанку у окна, положили на нее гипсовую кровать и на год уложили в нее разнесчастную девчонку. Вставать можно было только по нужде, да если покушать что. Все обитатели избы уходили на разные работы и в избе оставались двое недвижимых, да маленький Санька. Старому дедушке на печи поручено было караулить, чтобы Матренка, лежащая плашмя, не вставала. Но дедушка больше все спал, и когда не было поднадзорного глаза, Матренка вставала, бегала по избе, играла с маленьким Санькой, с кошкой, укачивала тряпичную куклу и строила из щепочек дом. Ветхий старичок на печке, проснувшись кричал на нее фальцетом:

– Опять ты, негодница, встала! Вот, погоди, уж я скажу большаку про твои проказы.

– Дедушка, миленький, не говори, а то меня будут бранить, а мне и так тошно лежать плашмя, как покойнице на погосте.

– Ну уж, ладно, озорница, не скажу, не скажу.

Родственники примечали как у Матренки росли руки, ноги, голова, а тулово было какое-то бочковатое, да исправно рос горб. Пролежав без толку год, Матренка взмолилась к большаку, что больше нет мочи ей терпеть это мучение. И большак, видя что толку от этого не выходит, отнес гипс на чердак избы, а Матренка на тонких высохших ножках стала выходить во двор. Деревенская молодежь уже ходила на посиделки и женихалась, а Матренка не ходила никуда и старый дедушка, глядя на нее, вздыхал и жалел ее, говоря:

– Эх, Матренушка, Матренушка... Молодость то у всех одна, а красота разная. Не печалься, родная, зато ты

Христова Невеста.

Шли годы, старый печной жилец – дедушка приказал долго жить. Умерла и большуха, после того, как продотряд коммунистов выгреб из сусеков и увез все до последнего зернышка. Деревня голодала. Хлеб пекли из лебеды, мякины и молотой коры. Многих тогда снесли на погост, и изба опустела, но Матренка выжила. Отец ее погиб в Галиции еще в Германскую войну. Большака посчитали кулаком и угнали в Сибирь. Малыши вымерли от голода и болезней. У Матренушки была одна отрада – это церковь, где она пела в хоре на клиросе. Отец Иоанн благоволил к ней, учил ее Закону Божьему, грамоте, немножко подкармливал и называл Христовой Невестой, и это ее утешало.

Но вот однажды приехали из Углича на машине в черных кожаных куртках с револьверами на поясе какие-то очень недобрые люди. Церковь опустошили. Иконы и церковные книги сложили в кучу и сожгли, а отца Иоанна увезли с собой. После этого и матушка куда-то исчезла. Веселые деревенские комсомольцы подрывались под фундамент колокольни, зацепили ее тросом к трактору и с великим грохотом повалили, а в церкви устроили советский клуб. Тогда Матренка сказала матери:

– Собери мне чемодан, я поеду в Питер и пойду там в люди.

В сельсовете Матренку задерживать не стали и как негодной к работе в колхозе инвалидке выдали паспорт. В Питер она приехала в черном плюшевом жакете и с зеленым, деревянным, деревенской работы, чемоданом с большим висячим замком. Вначале подалась в Павловск к дальним сродникам из Криушина, а те посоветовали ей идти на Сытный рынок, что на Петроградской Стороне, где у забора негласная биржа домработниц. Когда она со своим чемоданом притащилась на Сытный рынок, то действительно, в дальнем углу у забора на таких же зеленых чемоданах сидели молодые деревенские девки из Псковской и Новгородской областей и даже из Белоруссии. Матренка поставила свой чемодан и тоже уселась на него. Мимо проходили и осматривали их хорошо одетые, видимо состоятельные и хорошо устроенные на советской и партийной работе люди, которым за недостатком времени была необходима домашняя прислуга. Требовали показать паспорт и уводили с собой девушек. Матренка сидела часа три и пока никому не приглянулась. Но вот, наконец, к ней подошла и уставилась на нее молодая интеллигентная женщина. Она была еврейкой и работала докторшей в поликлинике, целыми днями бегая по квартирным вызовам. Жила она с мужем инженером и дочерью Муськой. Поскольку докторша была ревнива и дальновидна, поэтому ей и приглянулась горбушка Мотя, чтобы не искушать мужа молодыми румяными девками. Они быстро порядились, и Мотя, подхватив свой чемодан, поехала на трамвае с Рахилью Абрамовной на Крестовский остров.

Жизнь в еврейской семье для Моти вначале представ-

ляла большие трудности. На кухне, где обитала Мотя, царили свои строгие кошерные законы. Было устроено много полок, на которых стояла тьма разной посуды, имеющей свое предназначение. Одна полка была для субботней кошерной посуды, другая для мясной посуды, третья для рыбной, четвертая для молочной, и совсем на отшибе полка для трефной посуды, которая подавалась гостям-гоям, т.е. не евреям. И не дай Бог Моте что-нибудь перепутать. Громы и молнии тогда были на ее голову. К субботе начинали готовиться с четверга и все в такой нервной спешке с визгливыми криками на высоких тонах. Мотю гоняли на базар и по магазинам. Живую курицу на рынок ехала покупать сама Рахиль Абрамовна, а также покупала она свежую щуку. Утром в пятницу приходил старый бородатый дедушка – отец мужа. Он молитвенно, по-еврейски что-то выпевая, ритуально резал курицу, ощипывал ее и вымачивал в соленой воде. Целый день в пятницу шло приготовление субботнего стола. Традиционно пекли халу, фаршировали щуку и курицу, накрывали стол белоснежной скатертью, ставили бутылку виноградного вина и бокал. К вечеру дедушка зажигал менору – семисвечник, садился на корточки и накрывался полосатым талесом, навязывал на руки ремни, а на лоб коробочку со святыми письменами. Молился он бурно, с плачем и воплями, раскачиваясь и воздевая руки. Мотя пугалась этих воплей и думала, что наверно Бог обязательно должен услышать такие крики и плач. Гостей-евреев всегда было много. Они садились за стол в шапках, шляпах и фуражках. За столом много ели, веселились и много смеялись. А когда кончалась суббота, все бросались к своим пальто, доставали из карманов пачки папирос и жадно закуривали, что-то крича и галдя, и вся квартира заполнялась клубами табачного дыма, и маленькая Муська кашляла и ругалась. Мотя, будучи православной христианкой не осуждала их, думая – такая уж у них вера, но когда перед еврейской пасхой в квартире поднялась страшная суeta, и каждый уголок, и каждая вещь подвергались скрупулезному обыску, она переменяла свое мнение. Искали какой-то хомец. Испуганная Мотя клялась и божилась, что она не брала этого хомца и даже открыла свой зеленый чемодан. Они же смеясь, объяснили ей, что перед пасхой ищут и выбрасывают из квартиры все, что связано с дрожжами.

После этого Мотря решила, что они все же с придурью.

В воскресенье ее отпускали, и она, почище одевшись, через парк шла в церковь Серафима Саровского, что на Серафимовском кладбище. На исповеди она спросила у батюшки: не грех ли, что она живет и работает у евреев?

– А не обижают они тебя?

– Нет, не обижают.

– Ну что ж, живи себе и работай. Евреи народ Божий, избранный. От их племени Божия Мать, от Которой воплотился Христос. Но перед Богом и Сыном Божиим они страшно согрешили, за что Бог их рассеял по разным странам. Вот и живут они в изгнании на чужбине, всеми

гонимые и презираемые. Их надо жалеть и молиться за их покаяние и обращение. И Мотя, успокоенная, шла домой.

Старый дедушка-еврей радовался счастью своего сына и благодарил Бога, что все так благополучно устроилось. Но не долго пришлось ему радоваться. Однажды под утро, я был разбужен топотом ног по лестнице, шумом и криком. Мы жили на одной площадке подъезда. Я немного приоткрыл дверь и увидел, как люди в военной форме НКВД за руки тащат вниз полуодетого инженера, а в дверях кричит и плачет докторша и ее дочь Муська. К утру двери их квартиры были опечатаны красной сургучной печатью, и вся семья куда-то исчезла. Моя мать рано утром отправляясь на работу, увидела на лестничной площадке сидящую на зеленом чемодане Мотю и, узнав в чем дело, пригласила ее к нам. Так и стала она жить у нас.

По поводу этой еврейской семьи управдом сказал, что инженер – шпион, враг народа, и его, наверное, расстреляют, а жена и дочка тоже помогали ему в шпионском деле. Их сошлют в Сибирь. И я никак не мог поверить, что веселая Муська, которая давала мне прокатиться на своем велосипеде – шпионка. Старый дедушка несколько раз приходил к опустевшей квартире и, упершись головой в запечатанную дверь, плакал, и у меня сжималось

фото Константина Смилга

Петроградская Сторона.

сердце, когда я видел как дрожали его плечи и содрогалась сутулая старческая спина. Мотя приглашала его к нам что-нибудь покушать, но он не пошел, а взял только немного хлеба. Я иногда видел его на улице, где он торговал на углу самодельными свистульками и трещотками, а потом и он сгинул неизвестно куда.

Шел злобный 1937 год.

С утра до вечера мы, дети, оставались с Мотей наедине. Она готовила обед на керосинке, убирала квартиру, стирала, гладила и всегда была веселая и большая шутница. Ее рассказам о деревенской жизни не было конца.

И через эту Мотю Христос посеял семена веры в моем детском сердце. Мы с ней жили в одной комнате. Она спала на большом скрипучем сундуке. И я утром и вечером слышал, как она молилась, разговаривая с Богородицей, преподобным Серафимом Саровским, Святителем Николой. Ее молитвы: Царю Небесный, Отче наш, Богородице Дево, радуйся, Верую – запомнились мне на всю жизнь. Запомнилась и молитва после еды: «Благодарим тя, Христе Боже наш, яко насытил еси земных Твоих благ, не лиши нас и Небесного Твоего Царствия».

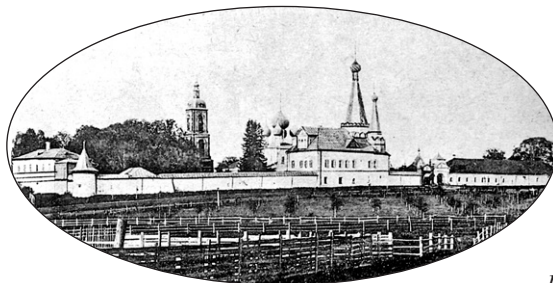
Она принесла в наш дом то большое, значительное и таинственное, чего мы были совершенно лишены окружающей советской действительностью. Кроме пионерских песен, я не знал других. А Мотя часто пела протяжные жалобные и веселые деревенские песни.

Как-то от Моти я услышал удивительную песню, пришедшую из другого, незнакомого мне мира. Мотя была маленького роста, и, стоя у стола на низенькой скамейке для ног гладила белье тяжелым угольным утюгом и пела тонким жалобным голосом:

*«В Воскресенье мать-старушка,
К воротам тюрьмы пришла,
Своему родному сыну
Передачу принесла.
Передайте передачу, а то люди говорят,
Что в тюрьме всех заключенных
Сильно голодом морят.
Надзиратель усмехнулся:
Ваш сынок приговорен,
И сегодня темной ночью на покой отправлен он».*

В конце песни она роняла слезы на стол, и я плакал вместе с нею.

Так она у нас жила до самой войны 1941 года. И в начале июня уехала погостить в свое родное Криушино к брату. В страшные годы войны и блокады я вспоминал ее рассказы о деревне, ее молитвы и песни, что-то из житий святых, и это помогало выжить и не погибнуть в этом урагане человеческих бедствий. Матрена Федоровна скончалась у себя в деревне Криушино в 1954 году. В память о ней я и написал этот рассказ. Царствие ей Небесное и вечный покой. Аминь.

Углич.
Алексеевский монастырь,
неподалеку от которого
располагается дер. Криушино

Редакция благодарит за помощь при работе над этим выпуском журнала, а также за предоставленные материалы и фотографии: игумена Варфоломея (Чупова), настоятеля Никольского Староладожского мужского монастыря, монахиню Ангелину (Васильеву) – настоятельницу Старо-Ладожского Свято-Успенского женского монастыря, протоиерея Адриана Должикова, профессора А.Н. Кирпичникова, Т.А. Богданову, А.К. Клементьева, А.К. Галкина, А.А. Бовкало, В.С. Будрина, послушника Романа Левишина, Т.И. Орнатскую, О.И. Ходаковскую, Т.И. Ганф, А.В.Ефимова, В.Д. Капиноса, А.Д. Лукашова, Н.Н. Наумову, В.И.Будько (Москва; Сланцы), И.А. Сергееву, И.А. Агапова, О.Ю. Куликова, Н.Ф.Шверикаса Центральный Государственный архив кинофотофонодокументов (С.-Петербург), Российский Государственный Исторический архив (С.-Петербург), Архив Института истории материальной культуры РАН (С.-Петербург), Архив Санкт-Петербургской епархии, Староладожский музей-заповедник, Музей Национальной истории замок Фредериксборг (Дания)

На 2 стороне обложки: прот. Алексей Колоколов;

На 3-4 сторонах обложки: монастыри Старой Ладogi, собор св. Георгия Победоносца в Староладожской крепости

Издание Санкт-Петербургской митрополии

Ответственный секретарь Издательского отдела И.Н. Судоса

Председатель Издательского отдела протоиерей Александр Сорокин

Технический редактор: И.А. Шумакова. Корректор Т.В. Иванова. Компьютерный набор и верстка А.С. Бучас, О.Ю. Куликов

Фото Ю.П. Костыгова, И.В. Попова, А.К. Галкина, И.А. Агапова, К. Смилга, Т.Ю.Хмельник, П.О.Мирошниченко, А.А. Перепелицына, Н.Н. Воробьева

Адрес редакции: 193167, С.-Петербург, наб. реки Монастырки, д.1; тел./факс. (812)-274-04-54; e-mail: vedy@sp.ru

<http://www.mitropolia-spb.ru/vedomosty>

Подписано в печать 25.06.2008. Формат 60х90^{1/8}. Печ. л. 25. Тираж 998. Заказ Отпечатано в типографии «Береста»

*Старая Ладога. Свято-Успенский женский монастырь.
Вид с правого берега Волхова. Фото начала XX века*

*Старая Ладога. Свято-Никольский мужской монастырь.
Вид с северной стороны вдоль Волхова. Фото начала XX века*

